

Альманах

Крылья

17

*И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.*

Анна Ахматова

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах семнадцатый

Луганск
Пресс-экспресс
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
К 85

Крылья: Взмах семнадцатый. Литературно-художественный альманах. – Луганск.: Пресс-экспресс, 2023. – 392 с.

Издаётся с сентября 2006 года
Издание Союза писателей
Луганской Народной Республики

Главный редактор – Андрей Чернов

Редколлегия:
Валерий Богословский, Татьяна Дьякова, Ирина Зайцева,
Сергей Прасолов, Наталья Романова, Светлана Сеничкина.

Эл. почта редакции:
krylya_almanah@mail.ru

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением
авторов отдельных материалов.

За достоверность предоставленной информации
несут ответственность авторы публикаций.

+16

В 17-м номере альманаха «Крылья» представлены поэзия, проза, публицистика, литературная критика современных авторов из ЛНР, России, Черногории, Молдовы, Швейцарии, США. Альманах адресован широкому кругу читателей.

Без малого долгих десять лет шла война в Донбассе за право народа называться русским. За выбор и волю народа Донбасса жить в едином языковом, культурном и цивилизационном пространстве. Стреляет не только артиллерия, но и слово. За эти годы открылся глубокий, подлинно народный слой литературы со всего пространства Русского Мира, объединенный Донбассом и одной судьбой. Эта литература вела за собой, давала силы и надежду. После 24 февраля 2022 года наступила отчетливая ясность — «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Донбасс порожняк не гонит. *За Донбасс!*

Артём Шейнин,
российский журналист, писатель,
редактор телевизионных программ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Перед вами очередной, семнадцатый взмах «Крыльев» – свидетельство непрекращающейся творческой работы писателей разных поколений и регионов. Наши «Крылья» продолжают издаваться в Луганске, охваченном войной уже десятый год. А ведь война – это не только обстрелы и нависший меч гибели, но и неустроенность того уклада жизни, который мы привыкли называть «мирным». И вопреки всему этому и писатели, и члены редколлегии продолжают свою работу.

Работа эта – не в набившем оскомину «самовыражении», под которой приверженцы псевдолиберальной идеологии понимают исключительно вычурную и экзальтированную «оригинальность» художника знает лишь пределы своего «Я», видит и ценит лишь «себя любимого», пренебрегает человеком ближним, уводит в пустыню индивидуализма. Всё это – путь к отчуждению от человека, путь духовной глухоты. Это – путь войны, о которой теперь писатели Донбасса знают так много.

Мы же выбираем иной путь, путь мысли. Человек – прежде всего существо мыслящее. И это ко многому обязывает, прежде всего – видеть и понимать не только себя, не замыкаться на своём эго, а думать об окружающих. Это путь к единству.

Многие справедливо заметят: а как же наши чувства? Душа? Всё верно. «Зорко лишь сердце» – мудро заметил Экзюпери. Наш великий русский мудрец Григорий Сковорода также писал о глубинной «философии сердца». Лишь единство ума и сердца делают человека не чёрствым эгоистом, а понимающим истину мира существом.

Нам кажется, что авторы «Крыльев» в своих стихах, повестях и рассказах, очерках и статьях пишут как раз об этом – о чувствах и мыслях людей, о боли и радости, о счастье и горестях, об обретениях и утратах, переживаемых человеком. Переживаемые моменты бытия – точки средоточия «сейчас» и «всегда», то, что даёт нам возможность сквозь века чувствовать единство с мыслями и чувствами героев Гомера, Шекспира, Пушкина, Шолохова.

В этом году коллектив редколлегии «Крыльев» понёс невосполнимую утрату – ушла из жизни главный редактор «Крыльев» Лариса Владимировна Черниенко. Для нас она была не просто ру-

ководителем редколлегии, не только наставником. Без неё мы осиротели.

Раздел «Память» в этом номере целиком посвящен Ларисе Владимировне Черниенко. Отзывов на смерть Ларисы Владимировны пришло так много, что все в одном номере опубликовать мы не в силах. Поэтому часть очерков, посвященных её памяти, мы опубликуем в следующем взмахе. В этом же номере собраны те, которые прежде всего показывают Ларису Черниенко как ученого и преподавателя вуза.

Издание этого номера «Крыльев» было бы невозможно без финансовой помощи известного российского журналиста, большого патриота и друга Донбасса Артёма Шейнина. Редколлегия выражает Артёму Григорьевичу глубокую признательность и благодарит за помощь в издании 17-го Взмаха «Крыльев».

Редколлегия

ПОЭЗИЯ

Елена Заславская

Поэт, детский писатель. Автор одиннадцати поэтических сборников, поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз» и многих книг для детей. Публиковалась в журналах «Москва», «Берега», «Александръ», «День и Ночь», «Подъём», «Сура», «Парус», «СМОГ», «День литературы» и др., а также в различных антологиях, посвященных войне в Донбассе. Состоит в Союзе писателей России и Союзе писателей ЛНР. Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Живёт и работает в Луганске.

ДОНБАССКАЯ ПАСХА

А по посёлку Фрунзе лупят грады.
С донбасских сакур облетает цвет.
И баба Ната у разбитой хаты
Глядит на свет.
А лепестки, как ангельские перья,
Летят и кружатся под вражеским огнём
И дед Иван из своего бессмертья
Её прикрыл невидимым щитом.
А Благовест звучит сквозь канонаду
Христос воскрес... посреди войны...
Спасите, русские солдаты, бабу Нату!
Донбасской Пасхи
Верные сыны.

2022

ЯБЛОКИ

Между Марьинкой и Угледаром
шли бои,
пролетали грады-ураганы
всё сметая на своём пути,
плыл кровавый август
по Донбассу,
и горели тучные хлеба...
Баба Ваньке
яблок спелых красных
насыпала из ведра
с запасом
и медку свежайшего дала.
Он принёс в отряд
их прямо в каске,
и макали их в цветочный мёд,
а потом опять по трассе
шли вперёд.
Незамеченный никем, незримый,
вёл Господь свой маленький отряд.
Еще долго сладкий привкус мира
Оставался на губах солдат.

2022

ПОСЛЕ БОЯ

А перед боем, перед боем,
Здесь было поле золотое,
Теперь здесь чёрная земля.
И не понять мне, что такое:
Она черна, черна от горя
Иль от огня?

Над чёрным полем чёрный ворон,
Не разбирает враг ли ворог.
Идёт война.
Я в эту землю вписан кровью.
На русском вписан и на мове,
Строка красна!

Но колоколенка глаголет,
Далёким звоном, нежным звоном
Средь бела дня.
И боль уходит, страх уходит.
Она на гризну ли на подвиг
Зовёт меня?

2022

ПОМНИМ

Гроб поставили под клёнами.
Тихо батюшка отпел.
«Помним. Помним. Помним война.» –
Чей-то голос долетел.
Мать его была в беспамятстве.
В забытии была жена.
Кто-то прошептал: «Мы справимся.
Что поделаешь, война!»

2022

ГАРДЕМАРИНЫ

Нине и Сане

Ну, кто бы мог подумать, Саша,
Что ты гардемарин!
В степи цветущей под Камышевахой
Плывёт в небесный Иерусалим
Твой БТР, а ты стоишь на вахте...

И друг Алёшка, пусть не Корсак, а Грицких,
Погиб чуть позже этим летом...
Мальчишки наши. Сколько вас таких,
Отплавших в море Света?!

Когда в глазах темнеет из-за слёз,
Когда нет сил вперёд идти по жизни,
Я говорю: не вешать нос! Моя душа, не вешать нос!
Мы тоже ведь с тобой гардемарины, Нина.

2022

ПИЧУЖКА

Бывает так на сердце тяжело,
Что думаешь, что лучше бы оно
Совсем, совсем, совсем окаменело,
И никогда бы больше не болело.
И не пичужку я б несла в груди,
А ледяной, холодный, мёртвый мрамор.
Но в нём живом — все живы, погляди!
Док и Санёк, и Ивашов, и Карбань.
А кто ещё? И Пушкин, и Бодлер,
И Маяковский, тоже, тоже, тоже!
Так пой, пичужка, пой, не каменей!
Пока летать и петь ты ещё можешь!

2022

СТЕПНАЯ ПТИЦА

Мне снятся сны. В них тоже нет покоя.
Врут, будто сон есть маленькая смерть!
Мне снится поле. Это поле боя.
И снится степь.

Мне снятся лица тех, кто с нею слился.
Горел! Пылаал. И в миг один остыл.
Душа моя проносится как птица
Над разнотравьем полевых могил.

Порою безымянные герои,
Иваны, Сашки, Мишки, имярек
Одной судьбою и одной землёю
Уж связаны навек.

А я? А как же я? Скажите?
Мне остаётся груз моей вины
И память, как небесный Вседержитель,
И эти сны.

2022

Александр Ильин

Поэт. Родился в 2002 году. Студент Института филологии и социальных коммуникаций ЛГПУ. Публиковался в периодике Луганска. В 2017 году в региональном юношеском литературном конкурсе «Проба пера» в рамках проекта «Ахматовские чтения» награждён «Гран-при». Награждён дипломом первой степени в номинации «Живое слово мудрости духовной» православного патриотического фестиваля «Свет души моей». Живёт в Луганске.

* * *

Гуляй, корабль, ветры, войте!
Надуйте свистом паруса,
Лицо мне волнами омойте.
Сирен прекрасных голоса
Зовут в бездонную пучину,
Влекут в невиданную даль.
Не страшно повстречать кончину,
Коль сердце чисто, как хрусталь.

ОСЕНЬ

Полюбились осенние грозы
И холодное небо, дожди,
Но увяли озябшие розы.
Лето, милое, стой, подожди!

Разгулялась весёлая осень,
Золотая княгиня ветров,
Не затронувши ёлок и сосен,
Разошлась в буйном треске костров,

Обняла и укутала в холод,
Он мне нынче теплее огня.
И хотя беззащитно я молод,
Осень в сердце теперь у меня.

СОН

Улыбка, тихий звон латунный,
Надменный колокол часов —
Настенный страж, мой сон уютный
Прервав, развеял дух лесов:

Касанье ветра, шелест листьев,
Далёкий шёпот ручейка,
И бор сосновый древний, мгlistый,
Чья юность канула в века,

Игла росы, что, ледяная,
Кусала хладом докрасна...
Но где-то рядом, озорная,
Звенела юная весна.

АПЛОДИСМЕНТЫ

На бис! Аплодисменты.
Со сцены сходит чтец.
Воркуют комплименты,
И рядом трётся льстец.

А там, в гудящем зале,
Среди других сидит
С лицом бледнее стали
Чуть дышащий пиит.

Все говорят, смеются,
Антракт и толкотня.
Сквозь маску слёзы льются —
Тот стих писал не я.

А я писал о ночи
И о ветрах степных,
О том, что нету мочи
Искать дорог иных.

Нина Жильцова

Поэт. Родилась в 1968 г. Член РСП. Автор книги стихов «Сохраняя тепло» (2021). Живёт в Санкт-Петербурге.

БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Остаться без крыльев,
плести в оправдание что-то.
Сменить свои драные джинсы
на строгий костюм или фрак.
Остаться без крыльев,
ходить к девяти на работу,
и думать мучительно,
что же с тобою не так.
В себе задавить
необъятное чувство полёта:
мечту ампутирует разом
реальности взмах.
Погрязнуть в делах, сплетнях,
пиве вдвоём по субботам.
Листая лениво какой-нибудь
желтый журнал.
Остаться без крыльев.
Считая дорожные мили,
забыть навсегда про полёты,
доверившись целям благим.
И жить усмирённым,
навек побеждённым бессильем,
С глухою тоской
по отвергнутым крыльям своим.

СРЕТЕНИЕ

По ступеням выщербленным храма
луч скользнул из отворенной двери.
И стояли Симеон и Анна,
друг от друга пряча нетерпение.
Двое, что навстречу поднимались
к ним, как будто даже не спешили –
сединою убеленный старец
и с ребенком юная Мария.
Поднялись. В ладони Симеона,
темные, как под ногами плиты,
с нежных рук Марии, невесомый,
золотым младенец лег затылком.
Симеон, боясь вдохнуть поглубже,
прошептал, призвав Господне Имя:
«Отпускаеши мою Ты ныне душу,
чудо недостойному явив мне!»
И шагнул по-стариковски прямо
к смерти, что ждала его за дверью,
за спиною оставляя в храме
вечный миру свет и в нем спасенье.

СО ВЗДОХОМ О РУССКОЙ КЛАССИКЕ

Тем на две жизни, наверное, хватит –
можно любую в роман.
Рвётся душа и рука – написать бы,
только подводит талант.
Кажется, вот – наконец вдохновенье
хлынуло ливнем с небес,
но спустя час понимаешь – Тургенев
как-то в тебе не воскрес.
Сколько коллизий, трагедий житейских
часа лишь ждут своего –
если бы жил до сих пор Достоевский –
вот развернулся бы кто.

Сколько сюжетов впустую пропало,
мимо прошло сколько драм,
сколько упущено гонораров —
жаль ты не Бунин Иван.
Пьеры живут и Наташи Ростовы
в доме за каждой стеной,
дело в одном пустяке лишь всего-то —
в том, что не Лев ты Толстой.
Хочешь засмейся, а хочешь — заплачь ты,
выбор, увы, невелик...
Дамы по Ялте гуляют с собачками —
Чехова нету на них.

Елена Кашкарова

Поэт. Родилась в 1974 года в городе Барыш Ульяновской области. Окончила Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н.Ульянова. Живёт в Ульяновске.

ДНЕВНИК ЛЕНИНГРАДЦА

Дневник ленинградца. Мальчишки.
Год сорок третий, февраль.
Забьты поникшие книжки,
Доеден последний сухарь.
Не стало вчера дяди Жоры,
И мама совсем плоха...
Завешены наглухо шторы,
А завтра, а завтра – весна...
Я вспоминаю, как кошка,
В марте котят принесла...
Как тихо барахтались крошки,
Им кошка мышь принесла...
А кошек не стало... Их съели...
Иначе бы мы не спаслись,
Дворы совсем опустели...
Сидят все теперь запершись...
Я помню, как в день воскресный,
Мы ели воздушный пирог,
Какой же он был чудесный...
Не то, что скудный паёк...
Как хочется есть, я шатаюсь,
И ноги совсем не мои...
А маме я улыбаюсь...
Ты только, родная, живи...
О мамочка, мама, родная,
Когда же закончится ад?..
О завтрашнем хлебе мечтаю,
А хлеб – это жизнь... Это клад.
Спасёмся с тобою, родная,
Нельзя нам с тобой умирать....

Застыла, сидишь, не мигая...
Как страшно тебя терять...
Страшнее, чем голод, бомбёжки,
Узнать, что тебя рядом нет...
Остались листочки-серёжки
Да купленный папой браслет...
Останусь в живых, я же сильный,
Я выживу, всем расскажу,
Как ел меня голод могильный...
Я Маму войне не прощу!

Любовь Бондаренко

Поэт, прозаик. Родилась на Кубани. Член СП АНР, член ИСП. Широко публиковалась в периодике России и АНР. Автор 6 книг для взрослых и 10 для детей. Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2018). Награждена медалью Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2018, Москва). Награждена юбилейной медалью Интернационального Союза Писателей к 65-летию организации (2019, Москва).

Дипломант и финалист Международного литературного конкурса им. М. Ю. Лермонтова (2019, Москва). Награждена ювелирным памятным знаком Союза писателей АНР «За вклад в русскую литературу Донбасса и служение обществу» (2020). Руководит литобъединением «Забой» им. А. Лебединского. Живёт в Свердловске.

ПОЛНОЛУНИЕ

Серебрится таинственный свет,
Полнолуние, шелест листвы,
Пряный запах травы-муравы
И не скоро наступит рассвет.

Ивы-скромницы спят у реки,
В лодке ветер-шалун прикорнул,
С неба звездочку в речку он сдул,
Та сияет всему вопреки...

Клен целуется с нежной луной,
Не до сна ему, он же влюблен!
Красотою луны изумлён
И ночной тишиной восхищен.

* * *

Души метание приемлю,
Взлетая к облакам бессилья,
Иду по краешку сомненья
И понимаю – не всесильна!

Мне не унять порывы ветра,
Сломать рукой стереотипы,
Что наша жизнь – она двухцветна,
Но есть и красочные клипы.

Души уставшей рвутся струны,
И задыхаюсь я от фальши!
Уньинье, ложь не приживутся,
Живу, иду все дальше, дальше...

А ВРЕМЯ СЕРЕБРИТ ВИСКИ

Метель в саду вишневая моем
Нас осыпает снова лепестками,
А мы с тобой вдвоем, опять вдвоем
И сад любимый снова вместе с нами.

Цветами сад с тобой околдовал,
Заворожил он нас своим цветеньем,
И красотой сразил вдруг наповал,
И подарил опять мне вдохновенье!

Нас кружит в вальсе майский ветерок
И сыплет лепестки на наши плечи
Цветов прелестных, хрупких недотрог,
И рады мы с тобою этой встрече!

Как бабочки, кружатся лепестки,
Земля усыпана, как будто снегом,
А время нам уж серебрит виски,
Но мы любимся весны разбегом!

Дмитрий Бобылев

Поэт, прозаик. Родился в 1987 году в г. Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. С 2014 года живет в Санкт-Петербурге. Член Санкт-Петербургского союза литераторов, член ЛитО авторов Донбасса «Стражи весны». Выступал со стихами в Совете Федерации, на «Радио России», публиковался в журналах «Знамя», «Нева», «Аврора», «День и ночь» и др. Редактор и иллюстратор книг, лауреат литературной премии имени Олега Герасимова (ДНР). Автор книги стихов «Флажки на карте» (2017).

ДОМ У ХРАМА

Жить возле храма, дружок,
Это не возле вокзала.
Вижу цветочный горшок,
Ласковый свет вполнакала.

Слышу: торопится мышь,
Листья сухие тревожа.
Многого – не разглядишь,
Поздний озябший прохожий.

Как тут разводят огонь –
Суетно или с молитвой?
Что опускают в ладонь,
Жесткую в будничных битвах?

С кем преломляют еду,
Под вопрошающим взором?
Вон я, в тени у забора,
Господи, мимо иду...

ГОРЛОВКА

В моем дворе златокудрый шкет
Царапал стеной лопух,
И звезды стучали по башке –
Летел тополиный пух.

Акаций ветки легки, тонки
Валились мешком на дно,
А там мужчина брел без руки,
Парили птенцы без нот.

И дед, вздыхая и матерясь,
Ходил по двору с ведром,
Ночной шрапнели стальную грязь
Клал в цинковое нутро.

Сказал, упрячу за террикон,
Чтоб не мешали спать,
И черный гравий, как молоко,
Закапал с его лопат.

И мой зеленый и дымный край
Свернулся ночным цветком –
На карте мира горит дыра,
На кислом сукне прокол.

Солдаты скачут вокруг нее,
Не могут найти войну.
А мой цветок сам в себе живет,
И горы растут вовнутрь.

* * *

Вот человек, оставленный в веках,
Глядит из кухни в мутное оконце.
Сбивает с сигареты теплый прах,
А в остальном – почти не шевельнется.

Вот я напротив этого сажу
И слов не знаю, и путей не видно.
На кухню сигареты приношу
И булочки то с маком, то с повидлом.

Он говорит, что я хороший друг –
И я его почти уж понимаю.
Зову его по имени, киваю:
Когда-нибудь я тоже не умру.

ПРОЗА

Глеб Бобров

Прозаик, драматург. Родился в 1964 г. в Красном Луче. Автор нескольких сборников очерков и рассказов, романа «Эпоха мертворождённых». Председатель Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

ГРУППА ВЕКслЕРА

Киноповесть

Основанная на реальных событиях история о группе ворошиловградских оперов УГРО, противостоявших в 1946 году банде душегубов в Каменном Броде.

*Оперсоставу УГРО посвящается
Отдельная благодарность ветера-
ну УГРО, участнику боевых дей-
ствий в Афганистане и на Северном
Кавказе подполковнику милиции
в отставке Анатолию Яковлевичу
Воронину*

Глава 1. В областной «резалке»

Майский утренний холодок бодрил не по-весеннему, при этом бригада работяг, корчевавших неохватный пенёк под самой стеной приземистого одноэтажного барака, обливалась потом. Большинство корячились с кирками и лопатами, обкапывая в недоброй луганской степи толстенные корни. Двое рубили со своих сторон два несущих корневища, некогда державшие ствол опрокинутого неподалеку замшелого тополя. Рядом ждал своего часа старенький колесный трактор со свернутой на подвесе удавкой троса. Бригада трудилась сосредоточенно, молча и зло — лишь сталь топоров смачно всаживалась в древесину, жестоко клацали кирки да шуршали летящие в стороны щепы и комья грунта.

* * *

На стоянке между больничными корпусами остановилась машина, откуда вылез сухопарый подтянутый мужчина лет сорока пяти. Его коротко стриженные светлые волосы были наполовину седые. Элегантная, по меркам первого послевоенного года, цвета ореха тройка сидела на жилистой, не очень высокой фигуре как влитая, а небольшая коричневая шляпа хорошо сочеталась с крепкой бамбуковой тростью и добротными кожаными башмаками. Далеко не новые, но ухоженные вещи смотрелись на нем безупречно. С левой стороны груди, чуть выше кармашка, крепились орденские планки — четыре ленточки сверху и две снизу. Вузовский значок сиротски синел справа.

Он осмотрелся, закинув трость на левую руку, открыл крышку бутылки, сделал несколько глотков и мотнул головой водителю, мол, двигай за мной.

Прошел мимо пыхтевших неподалеку работяг и, чуть прихрамывая, направился по асфальтовой дорожке ко входу.

Там, в двадцати шагах от дверей, чего-то ждал высокий мосластый милиционер с крупной рыже-черной немецкой овчаркой, неподвижно восседавшей у его правой ноги.

— Собака пить хочет, старшина, — обратился к нему мужчина, заметивший, как она несколько раз нервно облизнулась.

— Проходим, товарищ... — безучастно ответил кинолог.

— Товарищ майор, — остановившись, поправил мужчину.

Взгляд старшины скользнул по его фигуре и вдруг уперся в чуть выпиравший под правой полой пиджака контур пи-стоletной кобуры.

— Виноват, товарищ майор, — вытянувшись в струнку, ответил он.

Офицер, чуть приподняв бутылку, посмотрел на собаку и вопросительно — на старшину.

Милиционер лишь молча кивнул в ответ.

Мужчина, присев на корточки, показал овчарке раскрытую ладонь левой руки и бутылку с водой. Собака, до этого внимательно наблюдавшая за происходящим, чуть потянула носом воздух и подняла глаза на хозяина. Кинолог неуловимо качнул головой. Собака потянулась к руке, и майор сразу начал лить воду в ладошку.

Похожий на здоровенный ломоть чайной колбасы язык жадно заработал, разбрасывая в стороны бисеринки воды.

Офицер двинулся к дверям, аккуратно поставив возле урны у входа пустую бутылку. Его уже догонял розовощекий сержант в синей форме.

* * *

На столе прозекторской лежало на спине обнаженное тело. Справа оно покрылось бурными струпами. С двух сторон от трупа негромко переговаривались майор милиции в форме и мужчина в штатском. Двое в белых халатах, а также молодая женщина с фотоаппаратом в кителе лейтенанта и капитан молча слушали старших.

Дверь в зал морга областной больницы открылась.

— Товарищи офицеры!

— О, Векслер! — приветствовал вошедшего стоявший ближе всех ко входу мужчина в штатском.

— Здравствуйте, Петр Петрович, — пожал тот ему руку в ответ.

— Спасибо, что быстро приехал, — сказал майор в форме. — Итак, коллеги! — встав перед столом, начал он. — Приказом по областному УВД сформирована оперативная группа УГРО. Ей поручено дело о пропавших девочках. Общее руководство возлагается на начальника Ворошиловградского ГОВД. — Он на мгновение замолк, а Петр Петрович утвердительно кивнул головой. — Группой руководит майор областного отдела УГРО Векслер. Также от областного управления придан майор Сретенский — я координирую взаимодействие вашей группы с оперативниками и службами других отделов внутренних дел области, города и районов. Вопросы?

Все молча ждали дальнейших указаний.

— Честь имею, — кивнул Сретенский. — Товарищ подполковник, я уехал? — обратился он к Петру Петровичу.

— Да, спасибо, майор, — попросился с ним начальник городского ОВД и, дождавшись, когда тот выйдет, чуть ослабил строгий галстук, после чего спросил у Векслера: — Ну, что скажешь, Жень Палыч?

Заметно опираясь левой рукой на палочку, Векслер подошел к телу и внимательным, буквально считавающим взглядом прошелся по трупу с головы до ступней.

— Классика...

Все переглянулись.

— Поясни.

Векслер чуть приподнял правую ладонь и повернул голову к судмедэкспертам.

— Эдик, ранение ануса?

Полноватый мужчина удивленно поднял бровь.

— Да, дядь Жень... Колото-резаная рана с рассечением сфинктера, прямой кишки и, вероятно, предста...

Векслер поднятой ладонью с растопыренными пальцами остановил поток подробностей.

— А ссадина или синяк в подколенной области правой ноги?

Замерев на долю секунды, судмедэксперт подошел к трупу, поднял правую ногу тела и заглянул под коленку.

— Кровоподтек на икроножной мышце...

— Классика, — повторил майор, неопределенно поведя рукой.

Петр Петрович зыркнул исподлобья.

— Ну, не тяни резину, Женя!

— Армейский прием, неуставной способ снятия часового. Захват рта и носа с синхронным ударом ножа в анус, подбивом правой ноги в подколенный сустав с посадкой на колено и ударом ножа в правое подреберье. Потом два-три добивающих удара в соединение шеи и плеча с поражением сонной и подключичной артерий, а также яремной вены, — закончил майор.

— Прошу прощения за глупый вопрос, но в жопу-то за чем? — вдруг спросил капитан, стоявший рядом с начальником ГОВД.

Векслер вопросительно посмотрел на подполковника.

— На улице вас познакомлю, это твой зам по группе, — ответил тот.

— Удар ножом в богатую нервными окончаниями область дает эффект шока. В народе говорят: задохнулся от боли.

— Послушай, не слишком ли это все сложно? — перебил подполковник. — Ножом туда, ножом сюда, рукой рот закрой, ногами педали жми... У меня в отряде был разведчик,

так тот полицаев и дойчей одним ударом валил, как раз куда ты показал, в шею, што свиней колол, — даже не хрюкали, — улыбнулся он.

— Так ваш разведчик, поди, лось под два метра и работал чем-то с маузеровский тесак размером?!

— Ага, — криво улыбнулся начальник ОВД. — Лось... И да, кстати, манлихером валил, — закончил он.

— Приём быстрый, на самом деле, — ответил майор и, обернувшись, позвал прилипшего к дверному косяку водителя: — Влад!

Тот улыбнулся и, делано втянув голову в плечи, подбежал к Векслеру.

— Эдик! — майор указал рукой на кюретку в лотке с инструментами прозектора и, дождавшись, когда криминалист подаст стальную ложечку с ручкой, встал напротив сержанта и продолжил: — Сзади, кстати, заходить вовсе не обязательно. Здравия желаю, товарищ полковник! — вдруг сказал он, вытянувшись во фрунт.

Водитель лишь успел повернуть голову к пустому дверному проему, как Векслер буквально вырос у него за спиной и, положив руку на плечо, сказал: «Замри!»

— Они могли мирно разговаривать, но потом подозреваемый воспользовался моментом и атаковал.

Майор уверенным движением перехватил лицо сержанта ладонью левой, одновременно ударив того справа кюреткой в зад, и тут же, наступив краем каблука на икру под коленом, стремительно имитировал атаку в подреберье и два удара в шею. На все про все ушло не более секунды.

— Полегче, дядя Женья! — морщась, потер ногу сержант.

— Владлен, собирай народ на улице, инструктировать буду, — отдал распоряжение водителю подполковник. — Женья, я понимаю, что пропавшие девочки и... — он поднял лежащее на столике дело, — убийство гражданина... Трофимова, замначальника Ворошиловградского ж.-д. вокзала по АХЧ... административно-хозяйственной части! — подчеркнул он поднятым указательным пальцем, — 62 лет, ранее не судимого, не привлекавшегося и прочая, на первый взгляд, как бы не особо сочетаются. Но ты поверь старому оперу, какая-то связь тут обязательно присутствует. Вот какая — вопрос. Для чего, собственно, тебя, Векслер, к нам и прислали на усиление. Усиливай, старик!

* * *

Петр Петрович, пропустив вперед криминалистов, закурил с Векслером и указал на капитана.

— Знакомьтесь! Туманов, Никита Степанович. В органах — почти как у тебя выслуга, правда, без фронта. У нас по ротации, прибыл с Волги...

— Волга большая, — чуть прищурился Евгений Павлович.

— От родных Чебоксар до самой Астрахани, — ответил капитан.

— Мужик толковый, головастый, правда, предпочитает... кабинетный стиль работы, — плотоядно улыбнувшись, продолжил начальник ГОВД. — Надеюсь, сработаетесь.

— У меня вопрос к товарищ-майору, пока мы не начали, разрешите, Петр Петрович?

— Валяй...

— Вы примерно представляете оружие, которым был убит Трофимов?

— Почему примерно? — ответил вопросом на вопрос Векслер. — Нож разведчика или подобная по размерам финка.

— Как вы это определили без заключения судмедэксперта?

— По соответствию внешнего вида ран и использованного способа перевода гражданина из статуса «потерпевший» в статус «тело гражданина».

— Ты не ерничай, Женя! Нормально объясни человеку, правильно же спрашивает, — вмешался подполковник.

Векслер затаился и прицельно отправил окурочек в стоящую в паре шагов урну.

— Первое. Чем учился, с тем и пригодился. Обучали его на нож разведчика. Он не новичок, это не первая его жертва. Значит, будет работать, чем обучен. Второе. Колото-резаная рана в подреберье идет с потягом на себя, значит, держал нож правильно, лезвием вверх. Нож разведчика так и сделан. Третье. Чуйка...

— Теперь понятно. Спасибо, товарищ майор!

— Так! У меня тоже вопрос! — вмешался начальник ГОВД. — Векслер, что ты делал вчера между полночью и часом ночи?!

— Офицеры улыбнулись. — Согласен, кстати, очень похоже, — подытожил он, — идемте, с остальными познакомлю...

Милиционеры расступились перед руководством.

— Все посмотрели на гвардии старшину Узлова и его замечательную собаку Фриду, — представил начальник ГОВД кинолога группе. — Старшина — один из самых опытных специалистов, присланный нам на усиление из Красного Луча. Спасибо Сретенскому! Фрида — единственная в своем роде, такого верхнего чутья нет ни у одной служебной собаки на всю Ворошиловградскую область.

Старшина неуверенно кашлянул.

— Что, Николай?

— На весь Союз таких два-три пса, — ответил он.

— Вот, запоминай остальных. Плакида, — подполковник кивнул в сторону невысокого, но крепко сбитого старлея в форме, в фуражке на гладко выбритой голове, — официально в группу не включен, но будет помогать вам в случае подключения оперов городского ОВД. А вот начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД капитан Дробот как раз-то включен, несмотря на все свои художества... Да, Валек?! — начальник полоснул взглядом по сразу напрягшемуся капитану.

— Так точно, товарищ подполковник...

Петр Петрович повернул голову к Векслеру.

— Приятель твой никак не угомонится, — он еще раз выразительно зыркнул на участкового. — Приглядывай за ним, пожалуйста, за него теперь — с тебя спрос.

Вихрастый капитан, поправляя форму и ремень с наганом, чуть заметно подмигнул Векслеру. Майор в ответ едва потеплел уголками глаз.

— С криминалистами все и так знакомы, а я уехал в управление. Жду группу ровно в одиннадцать ноль-ноль на первый разбор полетов... с докладами! Будет больно, но вы со временем привыкнете, а кому-то даже понравится...

Он еще раз зло глянул на Дробота и кивнул майору:

— Командуй, Женя!

* * *

— Чего это он опять?

— Да никак мне не простит, что я того урку с Гартманской приморил до прибытия Плакиды, — улыбнулся Валек.

— Я понял... Сломать обе челюсти... Это — пять с плюсом, что тебе еще сказать...

— Да мне все уже рассказали, и даже с картинками, как в детском садике!

— В форме, на службе... Чего плачешь?!

— Да я так... В жилетку тебе пожалиться, дядь Жень, — откровенно заржал капитан.

Майор внимательно посмотрел на собаку. Рослая и крупная в груди, с мощным лбом и широкими лапами овчарка все это время неподвижно сидела чуть поодаль с диском смотанного в круг брезентового повода у ног. На шее красовался кожаный ошейник с толстыми стальными квадратами, словно черепица, прилепанными на него внахлест по кругу.

— Похоже, Фрида не только «в верхнее чутье» умеет? — отметил вслух Векслер.

— Фрося все работает, товарищ майор, — буркнул в ответ старшина.

— Фрося?

— То не я ее называл...

— Понятно, — Векслер дружески хлопнул его по плечу, — я тоже немецкое... не очень.

Он повернул голову к Дроботу:

— Бери Николая и собачку, дуй к себе, и чтобы они оба были устроены до начала совещания. Одна нога там, одна — здесь.

— Все будет путем, командир! Устроим в люксе шик-модерн, — засмеялся капитан, заводя свой мотоцикл.

Узлов неуловимым движением отдал какую-то команду. Собака, подхватив пастью поводок, аккуратно запрыгнула в коляску, а старшина, кинув туда еще и свой вещмешок, уселся на заднее сиденье.

* * *

— Давай знакомиться, капитан. Время есть. — Векслер, щелкнув кнопкой, протянул раскрытый портсигар Туманову.

Мельхиоровая коробочка с выдавленным на крышке боющимся с тигром витязем, судя по проступившей по всем углам желтизне, прошла бок о бок с владельцем немалый срок.

— Спасибо, не курю, — капитан, особо не прячась, рассматривал нового напарника. — Кстати, мы на «ты» или на «вы»?

— На «ты», конечно, что за вопрос, опер? — закуривая, улыбнулся майор.

Никита присмотрелся к наградным планкам.

— Что за медали после ЗБЗ*?

— Будапешт, Вена, Прага...

— А последняя внизу?

— «За победу над Японией».

— Да, точно! Ты был в Японии?

— В Маньчжурии...

— Круто. И в ногу там же?

Векслер, не сводивший до этого внимательных глаз с собеседника, затянулся и после краткой паузы ответил:

— Два осколка в Венгрии. Но то такое... Потом — пуля. Там же. Полтора сантиметра кости — в труху, ногу, как рождественскую утку, раскрыло. — Он помолчал. — Во дворце Хорти в госпитале лежал. Мраморные ванны. Красота... Но ты мне лучше скажи, чего Пэ-Пэ тебя макнул вместо «здрасьте»?

Капитан широко улыбнулся:

— Да то мы с ним разговор долгий поимели по поводу стиля работы. Он у вас предпочитает поле и ноги, а я считаю, что опер УГРО должен в первую очередь работать с делом, с вещдоками, вникать в малейшие детали и нюансы.

— Я понял. Ты у нас кабинетный ученый?

— Ну, где-то, может, и так, только если не утрировать, — примирительно улыбнулся Никита.

— В преф умеешь?

— Да нет, не очень, — удивился Туманов. — Семья, все такое... Жена, две девочки-погодки, свой бабский батальон.

— Семья — это хорошо. Правила-то хоть знаешь? Понимаешь, где игра втемную, а где карты на стол?

— Конечно!

— Тогда вскрываемся! — вдруг с нажимом отсек Векслер. — Пропали две девки молодые. Чую, что с концами. Убит замнач вокзала. И четко шлепнули, профи работал. Ты с Пэ-Пэ поговорил, но, видимо, не понял. Завтра с нас начнут снимать стружку, — он сделал глядящий по воздуху жест, — причем без наркоза, и подполкан вовсе не шутит про «больно». С него с первого спросят. Тогда уж не поздоровится всем — ты просто мало его знаешь и ведешься на эту ровную вежливость. Мне в группе астрономы не нужны. Или мы пашем и рвем садюгу, либо я тебя тупо снимаю с расследования. Таков весь сказ до копейки. Твой ход, капитан!

— Пашем и рвем, — спокойно глядя в глаза майору, ответил Туманов.

* * *

Когда сзади послышался шум автомобильного мотора, тяжело шедшая по проселку женщина остановилась, поставила корзину, опустила стоймя завернутые в простыню лопату и тяпку и, выставив козырьком ладошку, посмотрела на приближающуюся полуторку. Потом взяла свои вещи и сошла на обочину.

Машина сбавила ход и остановилась рядом. Совершенно седой старик, сидевший возле шофера, поздоровался. Она ответила, с интересом разглядывая двух мужчин.

Старик раскрыл карту и что-то спросил. Женщина улыбнулась, отирая пот со лба, а потом подошла к двери машины и заглянула в открытое окно. Седой ткнул пальцем в карту. Тетка махнула рукой по курсу, а потом, ласково тронув старика за плечо, о чем-то попросила. Он окинул ее взглядом и прикрикнул на водителя.

Шофер вылез, неторопливо потянулся, открыл задний борт и тоже внимательно посмотрел на женщину. После чего, ловко запрыгнув в кузов, протянул руку. Она подала ему тяпки, кошелку и, встав на стальную петлю, протянула руки. С усилием втянув женщину в кузов, он осмотрелся, потом дважды завернул сложенный на полу кузова брезентовый тент, помог ей сесть спиной к левому борту и показал рукой на угол кабины. Кивнув, она улыбнулась.

Водитель еще раз подоткнул под нее брезент и показал пальцем на край кузова перед кабиной. Женщина повернула голову. В это время шофер выдернул правой рукой из-под брезента плоскую киянку и наотмашь ударил ее в затылок. Тетка, охнув, стала сползать вниз. Он нагнулся и второй раз огрел ее по темечку. Тело, конвульсивно задрожав, тут же обмякло.

Шофер сложил рядом с женщиной вещи, накрыл все брезентом и, осматриваясь, встал в полный рост. Постоял, глядя по сторонам, потом закрыл кузов и забрался в кабину. Старик еще какое-то время осматривался в лобовое стекло, окна и зеркала заднего вида, после чего утвердительно кивнул. Машина поехала, оставив на месте стоянки едва заметную растянутую лужицу.

Глава 2. Железнодорожный вокзал

— Сейчас будут новости, — негромко сказал Векслер, так, чтобы его услышал только капитан.

От здания городского управления им навстречу быстро шагал Петр Петрович, по привычке придерживая левой рукой отсутствующую на боку шашку.

— Еще одна пропажа, встречаемся позже, — сообщил офицерам подполковник.

— Девушка?

— Нет, женщина. Пятьдесят восемь.

— Ух ты...

— Вот и я о том же... — Он махнул рукой старлею: — Садись в машину, Плакида, сейчас едем! — И, вновь повернувшись к операм, продолжил: — Сейчас солдатики прочесывают посадку между городом и Металлистом. Ушла на огороды и не вернулась.

— Затопчут...

— Давай ты это прокурору расскажешь, хорошо?! Меня есть кому... — он выразительно замолчал. — Ладно, перекурим. Ты со мной?

— Нет, Петр Петрович. Заберу своих, и поедем потрошить вокзал.

— Вот за что я тебя люблю, Женя, так это за умение слышать. Наизнанку и не стесняясь, вцепись в дело, как ты умеешь, — всей пастью.

Майор внимательно посмотрел на Туманова.

— Если вы не против, Петр Петрович, капитан от вашего имени даст команду собрать все дела о пропажах людей, начиная с момента освобождения города, и заодно попросит Сретенского, чтобы подобные дела свезли сюда со всех пяти городских районов, а также из Александровского и Славяно-сербского РОВД.

— Не против... — подполковник поднял лицо вверх, выпустив в небо столб дыма.

— На пару с Эдиком сравнишь, включая сегодняшнюю ориентировку по пропавшей. Работа для мыслителей. Накопайте хоть какую-то взаимосвязь, кроме Камброда. Как ты там говорил — нюансы и детали? Ну вот, как раз, — обратился майор к напарнику.

— Есть, — спокойно ответил Туманов. — Разрешите идти?

— Давай, капитан. Очень на тебя надеюсь, — ответил начальник ГОВД и, повернувшись к Векслеру, хлопнул того по предплечью. — Как вернешься, сразу ко мне. Удачи!

* * *

На платформу Ворошиловградского железнодорожного вокзала можно было попасть с двух сторон: между пустырем и брусчаткой подъезда, где, собственно, и было обнаружено тело Трофимова, или со стороны основной дороги с упирившимся в саму платформу поворотом тупика.

Пока Векслер разглядывал разношерстную группу нищих, стоявших аккуратно между подъездом и самым началом платформы, Дробот зацепился с торговками, оккупировавшими дальний выход на остановку.

— Сколько раз говорить: со своими оклунками на платформу не вылазить?! Схватили рухлядь и сдрыснули на фиг, как мухи с собачьей какашки!

Он развернулся к старшему сержанту с красной повязкой на рукаве:

— Тебе, сержант, сколько напоминать?! Они у тебя скоро самогоном в разлив торговать начнут.

— От домахався. Шоб у нього в горли пирья поросло, — негромко сказала своей товарке молодая, немного потасканная торговка.

— Что ты там сипишь, пердявочка?! — развернулся к ней капитан. — Уля! Язык не с того места выдернула? Да, глистоноша?! Сейчас заведу такую умную в дежурку, задеру твое жизнерадостное платье венерической расцветки и отхожу ремнем — до кровавых волдырей на плоской жопе! Поговори мне еще тут, овца базарная...

Он повернулся к сержанту:

— Всех за территорию вокзала. Быстро!

— Капитан, — окликнул его Векслер, в упор рассматривая нищих, — всех знаешь?

— А как же...

Немногочисленная группа вокзальных попрошаек выглядела достаточно живописно. Двое калек-ветеранов. Один, опираясь на костыль, стоял на ступе деревянного протеза согнутой в коленном суставе левой ногой. Короткая культя поверх поношенного галифе была затянута носком. На груди тихо позвякивали две медали — «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». У второго не хватало кисти правой руки, а красное, как вареный рак, предплечье, словно клешня, от запястья почти до самого локтя было разделено хирургом на два длинных пальца лучевой и локтевой костей, которыми он нервно тер теперь штанину никогда не глаженных брюк. На его рубахе вразнобой висели четыре наградные планки: две в сцепке и еще две порознь. Рядом топтались три испытые тетки, та, что помладше, — с синдромом Дауна, и несколько алкоголиков разной степени опущенности.

— Как жизнь, босота?!

— Сидим, пердим — небо коптим, начальник, — лениво ответил за всех инвалид с клешней и протяжно зевнул.

— Он ряженный, — вдруг сказал майор, не сводящий сверлящего взгляда с калеки.

— Конечно, дядь Жень! — заржал участковый. — Старый знакомый, в смысле состариться можно, его хождения пересказывая.

— А чего старый-то? Чего?! — взъерепенился вдруг мужик. — Я у тя шо-то крад?! Шо ты с меня жизнь цедишь? — заорал он благим матом на весь вокзал.

Дробот чуть набылчился, опустил голову и сделал ровно один шаг.

— Ша приморю, пададь... Захлопни поддувало!

Мужик тут же заткнулся и, как-то разом выдохнув и сгорбившись, полез в нагрудный карман рубахи за папиросами.

— Старшина! — повернув голову, позвал Векслер. И когда тот подошел, скомандовал: — Этого — в дежурку!

* * *

В полуподвальном помещении дежурной части линейного отдела железнодорожной милиции, ютившейся с противоположного от платформы глухого торца вокзала, осталось пятеро: два офицера, кинолог с собакой и истеричный инвалид.

— Ну, колись: из-за чего в этот раз кальсоны в жопу забилась, а? Чё пасть разнуздал при людях? Просохнуть не успел или на кочергу сел, синяя рожка? — терзал капитан заметно трясущегося мужика.

— Валентиныч! Хлебом клянусь! Штырит меня... Траванулся вчера чемером*, паскудно мне... Прости, родной, бес попутал!

— Мне такую родню, как ты...

— Валек... — перебил его вдруг Векслер. — Тут спиртное продают где-нибудь?

Участковый удивленно посмотрел на майора.

— Конечно, дядь Жень, в буфете за кассами...

— Узлов, не в службу, а в дружбу... — отсчитывая деньги, обратился оперативник к старшине. — Метнись, пожалуйста, с Фросей на вокзал и купи один мерзавчик водочки. Прямо сейчас! — Векслер отдал ему деньги и добавил вслед уходящему кинологу: — И пирожок какой у бабок. Сейчас мы тебя полечим, — обратился майор к мужику.

Буквально через пару минут перед попрошайкой появилась стограммовый пузырек и пирожок с капустой.

Отказавшись от стакана, тот буквально высосал водку из горлышка и лишь понюхал разломанный пополам пирожок.

— Харчами брезгуешь? — недовольно пробурчал Дробот.

— Закусь градус убивает, — пояснил нищий.

— Отпустило? — участливо поинтересовался Векслер.

— Ну, не так, шоб сразу, но дыхание в нашем организме теперь присутствует, — ощерился гнилым ртом собеседник.

Сидящий на кромке стола майор накренился к самому его лицу.

— Рассказывай. Почему ты так испугался, когда нас увидел?

Нищий заерзал на кресле.

— Твой испуг как-то связан с убийством замначальника вокзала?

Тот замер.

— Да я тут ваще не при делах, начальник! — чуть согнувшись, просипел он.

— Чего шепотом, кого боишься? — поднял брови Векслер.

— Не томи, гунявый! — вмешался участковый. — Ты не партизан в гестапо. С твоей-то красной рожой и глазами срующего лесника выглядишь совсем жидко. Будешь косить на вольтанутого — закрою в пердильник, посмотрим, сколько ты протянешь без своего стенолаза, — кивнул он на пузырек.

Мужика заметно трясло.

— Еще соточку? — участливо спросил майор.

Тот, икнув, лихорадочно качнул головой.

— Командир, расслабься, — остановил полезшего вновь в карман майора Дробот.

Офицер вышел на перрон и буквально через минуту вернулся с дежурным старшиной. Тот, густо покраснев, полез рукой за настенную панель и выволок оттуда запечатанную сургучом чекушку.

— Соточка сейчас, остаток с собой, премия... Но ты нам рассказываешь все и не пытаешься соврать. Договорились? — приготовился налить в чистый стакан Векслер. — Или, клянусь, мы тебе жизнь капитально испортим.

Мужик опять судорожно кивнул и впился глазами в пузырик.

* * *

Опергруппа, уместившись в легковушке областного отдела УГРО, легко катила по весеннему Ворошиловграду.

— Шила?

— Ага, Юрок Шилин, босяк с Горской. Все никак не закрою утырка. — Дробот недобро улыбнулся. — Чую ж ведь, крутится мелкий выпердыш в какой-то гнилой теме, а прихватить повода не было. Да... И за вокзал я не подумал, а его оттуда каачом не выманишь. Ну, теперь не спрыгнет. Душу с этого сучонка я сегодня-таки выну... И пусть молится, чтоб взад поставил, — заржал участковый.

— Валек!.. — начал было Векслер.

— Да помню я, помню, командир!

— Смотри мне... — Оперативник вдруг повернул голову к Узлову: — Старшина, почему у тебя собака все время с правой стороны?

— Левша я, товарищ майор.

— Это я заметил. Как же ты наган выгаскиваешь?

— Да вот мой наган, — кивнул он на Фросю. — Сорок два патрона в обойме.

Собака, понимая, что речь о ней, чуть наклонила голову и впиалась в хозяина преданным взглядом.

— Лады, уверен, что найдешь?

— Да что его искать-то? — хмыкнул капитан. — Раз не на вокзале, значит, или в Горького, либо у стадиона пиво дует. Ты не волнуйся, все сделаем, дядь Жень.

Высадив Векслера у Каменнобродского РОВД, участковый не вытерпел и высунулся в окно.

— Пальгч! А как ты понял, что Клешня — ряженный?

— У него одновременно за Берлин и Прагу, — бросил на ходу майор.

— Вот же ж, — засмеялся капитан, и группа укатила в сторону городского парка.

* * *

Скромно приютившаяся с угла стоянки парка имени Максима Горького, прямо напротив декоративной колоннады, машина оперативников не была видна целиком со стороны немногочисленных гуляющих, зато вход и центральная аллея парка из автомобильных окон просматривались милиционерами просто насквозь.

— Вон он, наш герой, — участковый кивнул головой на шумную группу молодежи возле пивной палатки. — Восемь,

девять, десять... Нет, этот не с ними... Девять... Девять рыл, — подытожил он.

— Не похожи на уголовников, — подумал вслух Узлов.

— Та то мы, дружбанчик, прямо сейчас выясним. Ты со стволом, Владушка?

— Да, товарищ капитан... У вас за сидушкой.

Участковый перегнулся через заднее сиденье, выволок ППШ и, отдав его сержанту, напомнил:

— Еще раз, бойцы! Владлен кладет толпу харей вниз, если кто возбухнет — очередь над головой и команда «лежать-бояться». Я нежно беру Шилу за жопу. Он в сером пиджачке и картузике — всем видно? Да, да — вот это жидкое, кручено-верченое, чернявое. Если пойдем в нештатную, то Фрося работает только по подозреваемому.

Капитан осмотрел группу:

— Да, надо было нам в цивильном выходить... Ну да ладно, пошли...

Выйдя из машины и неспешно переговариваясь, они двинулись по центральной аллее.

Дробот занял позицию слева — со стороны группы с Шилой. Влад чуть приотстал справа, чтобы раньше времени не светить автомат, висевший на правом плече по-охотничьи, стволом вниз. В центре возвышался Узлов с собакой.

Метров за пятьдесят до пивной их заметили, компания притихла, а шагов за двадцать Фрося вдруг выступила чуть вперед и, подняв нос, шумно потянула воздух. И тут у Шили не выдержали нервы.

— Шухер! — взвизгнул он и рванул наискось по парку.

— Стоять! — дико заорал капитан и кинулся за ним, придерживая на ходу фуражку и вырывая из кобуры наган.

В ту же секунду, стелясь около его ног, мелькнула черно-бурая тень Фроси.

За спиной участкового остались крики милиционеров и лязг передернутого затвора ППШ.

Овчарка и правда умела многое. На невероятном, пружинистом галопе быстро догнав мчавшегося сломя голову парня, она без единого звука, буквально выстрелив, пролетела пару метров и, словно городошной битой, снесла его с ног, успев на лету основательно вцепиться в ляжку — взяла всей пастью чуть выше колена.

Парень истошно взвыл, но, не растерявшись, тут же попытался со всего замаха засадить ей меж лопаток выдернутую из-за пазухи заточку. Фрося все видела. В неумовимое мгновение она отпрянула чуть назад и в сторону и тут же с хрустом ухватила парня за вооруженную руку. И рванула на себя с такой звериной мощью, что тот вначале захлебнулся собственным криком, а потом, словно борец на ковре, начал, вереща, плашмя молотить левой ладошкой по траве.

Дробот и старшина подлетели практически одновременно.

— Сторожи его, пока я со шпаной разберусь, — на ходу убирая револьвер, скомандовал участковый Узлову, бравшему на привязь собаку.

Шила, скрутившись калачиком, тихо поскуливал на травке.

Восемь парней с руками на затылках молча лежали в кружок на залитом пивом асфальте под прицелом Владлена, и ни о каком неповиновении или попытках разбежаться речи больше не шло.

* * *

Перевязанный бинтами Шилин со спущенными штанами и окровавленной, скомканной рубашкой совершенно не походил на преступника. Двадцатилетний худощавый, среднего роста мальчишка производил впечатление типичного обитателя послевоенного Камброта — такой себе молодой рабботяга паровозостроительного или патронного завода.

Войдя в коридор камер предварительного заключения, майор остановился, разглядывая задержанного. Тот, ссутулившись, сидел боком на табурете, баюкая порванную руку.

— Нарядно! — оценил старший группы внешний вид парня и его багрово-лиловую половину лица с отекившим до узкой щелочки правым глазом. — Валек, мы ж договорились вроде...

— Кхм... Дядь Жень, вооруженное сопротивление, попытка к бегству, покушение на убийство... — неуверенно начал участковый.

Тут кашлянул вытянувшийся по стойке «смирно» кинолог.

— Виноват, товарищ майор. Моя вина. Осерчал, — пробубнил Узлов.

Векслер вопросительно повернул голову к Дроботу.

— Да эта шелупонь чуть Фросю не пришила, ну, наш старшина ему свет и потушил... — И, повернувшись к кинологу, участковый взвился с пол-оборота: — Колян, ты лопатой в следующий раз по роже лупи, а не своей грабаркой, хорошо?! Со всех меньше спроса будет!

— Тихо, — негромко остановил их оперативник и, подойдя к столу, поднял за острие и торец рукоятки заточку.

— Видал, с какими свиноколами шпана ныне ходит? — повернулся он к участковому.

В руках опасно темнел штык от трехлинейки, переделанный в подобие стилета. Роль рукояти выполнял пропитанный мебельным лаком шнур, намотанный сразу за спиленным креплением, а вместо гарды была насаженная по горячему шайба с загнутыми к лезвию боковыми дужками. Вторая сплюснутая шайба выполняла роль импровизированного наворачивания.

— Практически мизерикордия, или как оно там, в ляд, называется, — оценил поделку капитан.

— Угу... Вызови сюда Эдуарда Константиновича, — кинул старший группы дежурному и подошел к заметно сжавшемуся Шилину.

— У тебя ровно пять минут, чтобы подумать, а потом быстро ответить на несколько моих вопросов. Или продолжить знакомство с нашей собачкой и ее хозяином. Понял меня?

Задержанный затравленно смотрел на оперативника.

— Эдик на выезде, что нужно сделать? — раздался сзади женский голос.

— Возьми заточку на столе и пиджак. За пазухой, под левым рукавом, по шву вшиты брезентовые ножны. Сними с клинка пальчики и исследуй брезент на предмет следов крови. Только все это надо сделать очень быстро, — кинула Векслер вошедшей Зое.

— Все прям сейчас отработаю, Евгений Павлович.

Подождав, пока она выйдет, майор повернулся к дежурному:

— Перекур пять минут, сержант.

Взяв второй табурет, сел напротив Шилы. Опершись обеими руками на тросточку и немного наклонившись вперед, спросил:

— Почему ты зарезал Трофимова?

Шилин диковато оглядел офицеров, комнату, кинолога с собакой и с широко раскрытыми глазами прошептал:

— Я его не резал...

— Хорошо подумал?

— Клянусь мамой, не я. Мы с ним собачились пару раз, но это не мой грех. Не я его колол.

— Так кто? Скажи.

Парень вдруг сжался и опустил глаза.

— Я понял, — вставая, отрезал опер. И, повернувшись к участковому, отрывисто бросил: — Не бить. В рапорте укажите три атакующие конечности.

Он мотнул головой Дроботу: мол, идём.

Перед самой дверью их остановил истошный вой. Шила, корчась от боли, на коленях полз к ним и, мешая сопли с юшкой, голосил:

— Всё, всё расскажу, начальник, всё!!!

Фрося, подобравшись, замерла в своем углу, вопросительно пожирая глазами Узлова.

* * *

Отдышавшись и выпив подряд три стакана сырой воды, Шилин с ходу заявил:

— Убил не я, кто — не знаю... Но это Криндычихина работа, больше некому.

Векслер посмотрел на участкового.

— Криндычева, тварина жирная. Самогонная герцогиня Камброда. Все уворачивалась, теперь не отпетляет...

— Я ее знаю?

— Может, и знаешь, — неопределенно пожал плечами Дробот, — такая гренадер-баба типа «ходячий сортир». Старая лярва...

— Дальше?! — повернулся майор к задержанному.

— Он, как пришел на вокзал, сразу стал порядки наводить, ну и нам всю работу ломать...

— Какую работу, Шила?!

— Ну, торговлю... Самогон, снесь всякую, нэп наш ломать...

— Ух ты, нэпманы! Слышал, Валек? Твою ж дивизию...

Сколько самогона вы продавали за сутки?

Парень затравленно посмотрел на опера и замолчал. Затянувшуюся паузу прервала знатная затрепанина, чуть не швырнувшая Шилина на пол.

— Задрал цедить по чайной ложке! Отвечай по-хорошему, или я тебя вначале сам измордую, недоносок, а потом в СИЗО посажу к пиковым. Даже если ты оттуда выйдешь, то ходить будешь ссутулившись и застенчиво потупив зенки. Говори, пададь!

— Да шо я?! Я там ваще никто, только присматривал за копеечку... И тётки лупили иногда, — захныкал уголовник.

— Ещё раз: сколько самогона проходит в сутки? — вернул разговор в нужное русло Векслер.

— Два-три ящика, может, больше, да я не знаю точно!

— Каких тёток ты там избивал?

— Пришлых, что торговать пытались мимо смотрящих.

— Кто смотрящие?

— Нюрка главная.

Майор поднял глаза на капитана.

— Дочка Криндычихина, — ответил участковый. — Ты гляди, в люди выбилась. А я думал, эта шлендра только мохнаткой своей барьжить умеет...

Старший группы встал, подошел к столу дежурного и поднял трубу.

— Дежурного по ЛОВД, — бросил он диспетчеру. — Старшина, ты?! Отлично! Слушай сюда. Дуй на перрон, удержишь Нюрку Криндычеву — и к себе её, мы сейчас приедем. Только так — без шуму! Мол, погугарить надо, подруга. Дескать, по делу. Деловой вопрос, все такое... Не вспугни товарок! Ага, вот-вот, молодец!

Положив трубку, он повернулся к задержанному:

— Ты там кто?

— Так, охраняю чуток, ну или там погонять кого надо, побазарить, тёрки там потерять...

Раздался телефонный звонок. Векслер вновь встал и подошел к аппарату.

— А когда будет? М-м-м... Ладно, старшина, не отходи от телефона.

Майор обернулся к Шиле:

— Чего не сказал, что её днём не бывает?

— Ну так это... Вы не спросили...

Оперативник жестом остановил шагнувшего было вперёд участкового.

— Кто рулит эпом в отсутствие Нюрки?

— Лысая, — презрительно скривился парень, придерживая израненную руку.

Старший вновь встал и пошел к телефону.

— Ульяна Лыско... Мелкая шмакодявка, что пасть свою сегодня открыла. Такая же шмара, как и Нюрка, только без жопы, — прокомментировал капитан.

— Старшина, Лыско тогда бери. Тоже по схеме Нюрки. Вежливо, но настойчиво веди поговорить. И не отпускай, пока мы не приедем!

— Где Нюрка живет?! — развернувшись, бросил он Шиле.

— Не знаю, я у неё не ночевал...

— Та кто ж тебе даст, задрот?! Говори точнее! — встряхнул его за ворот Дробот.

— Где-то на МЮДа... — заскулил Шила.

— Жень Пальгч! Где живёт Криндычиха — знаю, а та сучка либо у неё обретается, либо где-то рядом, они там все кучкуются, всей своей самогонной слободой.

Уже на выходе Векслер спросил:

— А где остальные?

— Так мы, кроме крысёныша, никого не брали, — ответил участковый.

— Почему?

— Та то ж центряковские пацаны! Он их благовал в какой-то мутный движняк вписаться, а те — просто пацанва, не при делах...

— В камеру! Никого к нему не подсаживать. И врачей не звать... Мы еще не закончили, — кинул майор напоследок дежурному.

* * *

— Ещё стучим? — спросил участковый, прислушиваясь у высоких ворот усадьбы.

— Входим, — скомандовал Векслер и расстегнул кобуру.

Участковый осмотрел ворота и, не найдя тайной щеколды, пошел вдоль забора. Выбрав место, он с разбега взлетел на самый верх и, оглядевши двор, спрыгнул вниз.

Старший группы удивленно посмотрел на бесцеремонно отодвинувшего его в сторону Узлова, зашедшего в открытые ворота первым. Собака на мгновение потянула носом и уверенно увлекла кинолога во двор усадьбы.

— Держишь улицу и ворота, — отдал на ходу приказ Владлену майор, и, вытащив оружие, офицеры двинулись к дому.

— Хм, двор без собаки, а будка на двух... — Оперативник огляделся и кивнул капитану.

Милиционеры по очереди скользнули в оказавшиеся незапертыми двери большого дома. Пройдя веранду, вошли в центральную прихожую, куда со всех сторон смотрели дверные проемы из кухни и комнат.

Первым привлек внимание слоноподобный шкаф, занимавший весь правый угол. Векслер показал глазами: «Давай» — и участковый аккуратно приоткрыл створку. Весь шкаф — от пола до антресолей — был забит рядами поллитровок с сургучными головками. Офицеры переглянулись. Во дворе мощно рывкнула Фрося.

— Вот веришь, чуял! — зло сплюнул старший группы и, раздраженно сунув свой трофейный «штайер» в кобуру, развернулся на выход.

Грузное тело Криндычихи лежало у дальнего дровяного сарая, откуда, несмотря на легкий ветерок, отчетливо тянуло брагой. Под ней натекала лужа почерневшей крови, неестественно выгнутая в суставе нога указывала куда-то вправо.

— Ищите Нюрку, — кинул майор Узлову и повернулся к капитану. — Не отпетяла твоя хабалка. — Оглядевшись по сторонам, он указал подбородком на тело: — Узнаешь почерк?

Участковый лишь кивнул в ответ.

— Валек, ты Плакиде давал адрес?

— Да.

— Когда собирался выезжать?

— Та следом...

— Нюрка где-то здесь. Найдете, оформите, а я погнал на жэдэ.

— Сам?!

— С Вадиком и ППШ...

Из дома гулко гавкнула Фрося.

— Вот и Нюра. Еще одно легкоранимое сердце...

Узлов стоял над люком закрытого погребца и осматривал розетку с подвешенным рядом на гвоздь витием двух проводов со штепселем на конце. Векслер кивнул и, включив свет, милиционеры подняли ляду погребца.

В самом низу лестницы головой вниз, скособочившись, лежало переломленное тело дочери Криндычихи. Задравшийся халат оголил толстые ляжки и испачканные в предсмертной агонии трусы. Под головой убитой образовалась целая лужа крови.

— Найдешь ее сожителя с детьми и родней. Всех под охраной — в управу, — кинул на ходу майор.

* * *

Уже смеркалось, когда к торцу вокзала подъехал мотоцикл с коляской. Нищих не было, лишь с десятков торговков, гомоня, ждали московского поезда.

Один из приехавших, тридцатилетний парень в армейской гимнастерке, вышел на платформу и о чем-то переговорил с торговками. Те сразу стали расходиться. После молодой человек вернулся к товарищу.

Перекурив и взглянув на часы, мужчина в пиджаке и расшитой рубахе навывпуск подхватил из коляски корзину. Пара двинулась в дежурное отделение.

— Вы к кому, товарищи?! — попытался остановить их на входе сержант, но парень в гимнастерке молча ткнул ему армейским «вальтером» в подбородок и, ухватив свободной рукой за ворот, спиной вперед втокнул в кабинет.

Старшина, увидев гостей, успел вскочить, но, упершись взглядом в направленный на него ствол в перфорированном кожухе, лишь молча поднял руки.

Ульяна, сидевшая на стуле напротив старшины, мраморно побелела и, откинувшись на спинку, вцепилась посиневшими костяшками в юбку на бедрах.

Подталанчивая пистолетом, сержанта поставили под стеночку в угол рядом со старшиной. Засунув «вальтер» за поясицу, парень поднял корзину, в которой его товарищ пронес автомат. И пока тот держал милиционеров под прицелом, показал Лыско глазами: мол, доставай.

Загипнотизированная Ульяна, словно сомнамбула, двумя руками медленно выгащала и по очереди поставила на стол три поллитровые бутылки самогона.

Отставив принесенную корзину, парень подошел к дальнему столику и забрал оттуда объемную кошелку женщины.

Вновь выгащив пистолет, он посмотрел на часы. Раздались звуки подходящего состава. Оба бандита бесцветными, прозрачными глазами равнодушно, но уверенно смотрели на милиционеров.

Паровоз выполз на платформу и, закутавшись в облако пара, дал гудок. Первая же пистолетная пуля на выходе вынесла женщине затылок, а жирная очередь буквально перерубила по груди обоих милиционеров.

Глава 3. Острая Могила

Векслер не успел. Когда он примчался на вокзал, в дежурной уже работали криминалисты, а оперы Плакиды пытали персонал и потенциальных свидетелей.

— Петрович в бешенстве... — успел шепнуть старлей на входе.

— Насколько я понимаю, все свидетели зачищены под Котовского? — спросил начальник городского ОВД. — У нас с тобой начинаются веселые деньки, Женя... Мало никому не покажется. Порадуешь чем-нибудь? — добавил он.

— Думаю, к ночи соберу все до кучи, и что-то проявится, — ответил майор, осматривая комнату.

— Постарайся, пожалуйста... К тому времени, как нас с тобой начнут свежевать, хорошо бы иметь хоть какую-то версию, — подполковник безрадостно посмотрел на тела.

Два убитых милиционера лежали в углу, навалившись друг на друга. Мелкая Лыско так и застыла сидя, запрокинув простреленную голову за спинку стула.

Эдик кивнул Зое и обратился к офицерам:

— У меня что-то непонятное...

Все повернулись. Аккуратно взяв обработанную алюминиевой пудрой бутылку со стола, криминалист поднял ее вверх, к свисавшей с потолка лампочке.

— Посмотрите. Мы видим отпечатки пальцев и ладоней двух рук — и больше ничего. словно эту бутылку принесли по воздуху и впервые вручили в руки.

— Понятно, что подстава! — ответил подполковник. — Дактилоскопируй бутылки в корзине, небось, стерильные, — мотнул он головой.

Блеснула вспышка фотоаппарата Зои.

— Что по баллистике?

— Да как-то пока еще не разобрались, надо гильзы и пули смотреть, но то — не раньше утра, — ответил Эдуард Константинович. — С пистолетом понятно: выброс гильзы соответствует немецким образцам армейского оружия. С пистолет-пулеметом есть вопросы. Все гильзы — там. — Он указал влево.

— «Бергман»...

Офицеры повернулись к Векслеру.

— Пистолет-пулемет Бергмана. Стоял на вооружении полиции, гестапо, вспомогательных отрядов, — пояснил майор.

— Думаешь, надо МГБ подключать?

Старший опергруппы неопределенно пожал плечами.

— Ну так сам ведь говоришь: тема полицаев нарисовалась?

— Не знаю пока, Петр Петрович, слишком много фактажа и смертей сразу. Надо собрать мозги и материалы до кучи...

— Собирай. Там твой Туманов, похоже, даже отлить не выходя. Ройте. Как будете готовы — жду опергруппу на процедуры. Ночевать сегодня на стульях будем.

* * *

— Надеюсь, ты в курсе наших дел, — зайдя в кабинет оперсостава городского ОВД, рухнул на стул Векслер. — Сам-то нарыл хоть что-то?

— Да, я знаю общую канву. По подвижкам тоже есть что доложить, товарищ майор, — встал ему навстречу офицер. — Кажется, мы установили мотивацию...

— Предельно внимательно слушаю... — Он повернул голову к входящему в комнату участковому: — Валек! Организуй, будь ласка, чай или хотя бы кипяток с сахаринном — маковой крошки в рот за день не упало...

Как только участковый исчез за дверью, Туманов стал зачитывать свою сводку.

— Последняя пропавшая женщина — 58 лет, расчетный вес около ста килограммов. Девушки в розыске — 70 и 75 килограммов соответственно. Ушедший из дома и не вернувшийся два месяца назад подросток с кожзавода — 81 килограмм... Мальчик борьбой занимался, вес известен с точностью, — добавил он.

Векслер поднял ладонь с растопыренными пальцами, и Туманов замолчал, ожидая реакции руководителя.

— Сколько всего пропавших ты скомпоновал по новой вводной?

— Восемь.

— Все корпулентные?

— Меньше семидесяти нет ни у кого...

— Период?

— С середины февраля 1946-го.

— Твою ж дивизию! — выпрямился Векслер на стуле.

Повисла тишина. Майор закурил.

— Дай посмотреть... — Майор взял из рук напарника исписанный фиолетовыми чернилами лист и вчитался в таблицу. — Докладывал Пэ-Пэ?

— Нет.

— Почему?

— Тебя ждал.

— Зачем?

— Ну, ты же старший группы.

— Степаньч, ты обиделся?!

— Да нет, Жень Пальгч, субординацию блюду.

— Субординацию... — Он потянулся и взял трубку зазвонившего телефона. — Да, мы готовы!

* * *

Опергруппа в полном составе расположилась за т-образным столом начальника городского ОВД. Отсутствовала только Фрося, но и то Петр Петрович, то ли всерьез, то ли пытаясь разрядить обстановку перед началом совещания, спросил, куда дели собаку.

Со стены за спиной руководителя на милиционеров спокойно и доброжелательно, чуть прищурившись, взирал министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов. Сергея Никифоровича качественно выписали маслом на классическом бордово-фиолетовом фоне. Строгая рама также соответствовала обстановке и вкупе с тяжелой, основательной мебелью, высокими окнами за зелеными портьерами и повисшей в кабинете звенящей тишиной создавала атмосферу фундаментальности и готовности к буре.

— И как, ухайдокались? Или еще повоюем? — спросил начальник, кладя на стол прочитанный рапорт Векслера.

Оперативники неопределенно шевельнулись на своих местах.

Петр Петрович, закурив, выпустил в потолок густой папиросный дым. Остальные молчали.

— Версия рабочая, даже не буду спорить. Шилина приняла красиво и заслуженно, тоже не в претензии. Однако проблема в том, вот это вот все — лишь «взагали по загалям» для нашего руководства... Чернила на бумаге. Наши великие — полковник, прокурор, партийное руководство, в конце концов, они же зададут простой и понятный вопрос: где убийцы — на воле, в морге или в каталажке? Вот и все. Что мы им ответим? Наш умница Эдуард Константинович выйдет перед строем и блеснет своим невероятным образованием — греков древних им цитировать начнет?

Подполковник театрально простер левую руку и хорошо поставленным голосом вдруг изрек:

— О боги, вы, вззираючи с Олимпу! Носитель горестных вестей, упавши ниц, взывает к снисхождению!

Остальные молча потупились.

— Не смешно, правда? Вот и мне тоже не весело, потому что наш добрый отец-полковник возьмет нас всей гурьбою за ушко и ласково прошепчет каждому персонально: «Друг мой ситный, ты не понимаешь, что происходит? Я тебе сейчас расскажу...» Убиты милиционеры. Два милиционера... — Голос подполковника вдруг окреп, налился чугуном и зазвенел, рикошетируя от потолка и оконных стекол. — Убиты при исполнении, на боевом посту. Оба! Расстреляны в упор, как собаки! В городе орудует вооруженная автоматическим оружием банда душегубов, — он с грохотом треснул ладонью по столу, — режущая людей направо и налево, словно

свиной на скотобойне. Более того, судя по почерку, разыскиваемые не просто бандиты, а гитлеровские недобитки и полицаи. Уже сегодня по городу ползут слухи, а мы тем временем строим рабочие версии. — Начальник ОВД чуть выдохнул и снизил голос: — Не подкрепленные ничем — ни единым высранным чебуреком. Кого это впечатлит? Как это повлияет на оргвыводы? Ответ вы знаете...

Он поднял крышку пачки «Казбека», раскурил еще одну папиросу и вновь выпустил дым в потолок.

— Векслер, помнишь, мы в «резалке» за лося говорили, мол партизана-разведчика?

— Да, Петр Петрович...

— Знаешь, у него примечательная судьба вышла. Он как-то зимой сорок третьего вышел с группой. Притопали в деревеньку, засели в хате прикормленного старосты и чуток загуляли — первачок, сальцо, картошечка. Согревшись, старший группы ушел к одной крале и там кувыркался с ней до утра. А на рассвете в село пожаловали немцы и взяли разведчиков пьяненькими. Всех, кроме него, — ушел наш матерый. Поскольку у каждого человека по десять пальцев на руках, то с помощью нехитрой приспособы — кирпичика и молотка — у них узнали все, что те помнили, и даже чуточку больше. И быстренько потом всех троих укокошили, похвалив старосту и его посыльного за расторопность. Отряду пришлось менять стоянку, терять людей, запасы, уходить в морозную глухомань, отбиваясь от висевших на хвосте карателей. Лось вместе со всеми сражался как герой, потом каялся, стоял на коленях перед отрядом. Вот. А командир издал по нему приказ. И я, как его заместитель, этот приказ тоже подписал. И ничего. Не снится мне этот нами торжественно расстрелянный, и даже имени его не помню. Лось, говоришь? Ну, пусть будет так...

Он помолчал полминуты, смял в широкой хрустальной пепельнице докуренную папиросу и, обращаясь к майору, спросил:

— Женя, ты когда-нибудь работал по людоедам?

— Сам нет, но старые опера рассказывали о таких случаях в тридцатые на севере области.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Говори, капитан...

Опергруппа повернула головы к Туманову.

* * *

— Колбаса в голодающем Поволжье — это интересно... — задумчиво произнес подполковник, окидывая взглядом милиционеров. — Людоедство как основа нэпа. Интересная теория. — Он выразительно помолчал. — Во всяком случае, здесь понятен алгоритм поиска и подключения к розыску участковых и оперов РОВД. Рынки, кооперативные магазины, столовые...

Он перевел взгляд на Векслера:

— Ты чего напрягся, Женья?

— Выпил — закуси! — ответил майор.

— В смысле?! — не понял руководитель.

— Что мы будем искать? — Векслер прямо посмотрел в глаза начальнику. — Петр Петрович, я настаиваю, чтобы опергруппа продолжила активный розыск, направленный на нейтрализацию банды, а сбором образцов сырья и пищевой продукции на рынках, в магазинах и столовых, прочими научными изысканиями... — он тяжело посмотрел на Туманова, — пусть займутся участковые и сотрудники РОВД.

— Обоснуй! — Подполковник быстро глянул на капитана и вновь перевел взгляд на Векслера.

— Согласно показаниям Шилина, реализаторы сбывали от 20 до 30 декалитров самогона в сутки. При этом на перроне с утра и до ночи работали до шести-семи торговков с беляшами, чебуреками, пирожками и бог весть чем еще. Также со слов работников вокзала мы знаем, что им подносили корзины по мере сбыта продукции.

— Да верно все, майор, только мы до сих пор не видели и не разговорили ни одну из торговков! — вмешался начальник ОВД.

— Разрешите закончить, товарищ подполковник?

— Давай, конечно... Извини, что сбил с прицела, — язвительно хмыкнул собеседник.

— Шесть-семь человек с ротацией продавцов и продуктов непрерывно обслуживают порядка пятидесяти формируемых и проходящих составов. Делим и получаем по две-три бутылки на каждый состав. Условных же беляшей уходит в разы больше. Сколько может стоить пол-литра самогонки из-под полы? Сотка. Сколько стоит свинина на рынке? 300 рублей за килограмм. В беляш, чебурек идет 50 грамм мяса

и столько же теста. Тесто опускаем. Себестоимость фарша в продукте составит от силы 12—13 рублей, продают беляш за четвертную. Значит, одна бутылка стоит четыре беляша, а продают их под тысячу.

— Допустим, согласен... Вывод какой, Женя?

— Первое. Самогон — для отвода глаз, весь упор на мясе. Второе. Для такого производства нужен цех или специализированное домохозяйство. Третье. Тысяча условных беляшей — это пятьдесят килограмм мяса в сутки. Значит, не человеческой единой — надо искать свиноферму.

— Дельно... Думаю, Сретенский организует личный состав на закупку и анализы... Подключим все лаборатории, включая СЭС. Участковые, — он глянул на Дробота, — и наш оперсостав, — перевел взгляд на Плакиду, — пойдут по подворьям... Ты-то что планируешь?

— Перетрусим всех нищих, алкашню, еще раз допрошу сожителя Анны Криндычевой — я не верю, что он ничего не знает, хоть и живет с ее детьми отдельно. И надеюсь найти торговков... Не с Марса же они свалились?!

— Да... Нам станет понятен процент соотношения пирожков с говном и чебуреков с человеческой. Чем это поможет ликвидации банды? — Подполковник помолчал. — Мы просто улучшим свою версию, мою шкуру же тем временем натянут на... — Он поднял голову и внимательно посмотрел в нарисованные глаза министра. — Багетную раму зеркала центрального хода... Ладно. Вариантов пока тоже не вижу. Но вот если мы и сейчас найдем только трупы, то быть беде. Долго я в одиночку не удержусь — все пойдем под монастырь.

* * *

— Да Фира Иосифовна, я тебе говорю, Валька! Ну шо я — дура совсем, в самом-то деле?

Женщина подняла метлу и раздраженно стукнула держакom о брусчатку, насаживая голик.

Три офицера стояли в квартале от вокзала и смотрели на пустую подъездную дорогу, огибавшую по круту привокзальный жилой сектор.

— Где она живет, знаешь? — допытывался у дворничихи Дробот.

— Так в школе же, в твоей. Как вернулась с эвакуации, так назад и пошла работать — куда ж ей еще, горемыке?!

Участковый пожал плечами и посмотрел на старшего.

— Поехали, — скомандовал Векслер.

Уборщицу и ее каморку нашли сразу.

— Как вы тут живете? — огляделся майор.

— Да как все, — отвечала, сидя на застеленном старой шинелью топчане, еще не старая женщина с тяжелым лицом.

Комната представляла собой подлестничную клетушку, огороженную фанерной стенкой с завешенным брезентом дверным проемом. Из мебели, помимо лежака, тут помещался небольшой столик, табурет и комод, служивший, видимо, подставкой для всякой рухляди. Свободного пространства, кроме крохотного пятка перед ногами сидевшего на табурете майора, здесь больше не было.

— Так вы же учитель? — от двери спросил Туманов.

— Техничке хотя бы угол положен. Что я сниму на учительскую зарплату? — она горестно вздохнула. — От дома только куча мергеля осталась. Родни никого, последний прибыток — и тот вы забрали, — закончила она, прямо посмотрев на капитана.

— Скажите спасибо, что мы вас нашли раньше, чем ваши бывшие коллеги, — с нажимом сказал Векслер.

Она закручинилась.

— Да кому я нужна, ничего же не знаю. Эх... Дурные девки... В какую халепу влезли и всех за собой потянули за мизерный гешефт...

— Расскажите, как работала ваша смена? — заметив утвердительный жест старшего, спросил капитан.

Она неопределенно пожалала плечами.

— Приходила к шести вечера. Торговали до начала первого. Позже нет смысла, пассажиры спят. Беляши и чебуреки только у нас с Ганей. Ганя продавала самогон. Остальные стояли с пирожками, но то они сами готовили и нам были для блезиру. Если два поезда сразу — то она отдавала дежурную корзину под отчет кому-то.

— Фамилия? — уточнил он.

— Чья?

— Ганина!

— Так Криндычева! — удивилась собеседница.

— Я понял.

— Вы вроде говорили, что Юрий Шилин тоже работал с вами? — спросил стоящий рядом с капитаном Дробот.

— Шоб я еще сказала, так то, где вы читали... Я просто вслух подумала! — оскорбилась она. — Работал! Гаденьш шестерил у Гани с Улькой. Когда-никогда той шлепер махорку, папиросы приносил краденые, чтоб мы продали. Работничек хренов.

— Кто доставлял беляши и чебуреки?

— Братики...

Милиционеры переглянулись.

— Какие еще братики? — спросил участковый.

— А я знаю?! Два брата. Один постарше — лет тридцать или больше, раз в темноте его чуть рассмотрела. Второй — около того, раза три всего видела и тоже только вечером... — Она помолчала и добавила: — И тем вечером тоже.

— Как они выглядели, на чем привозили продукты, откуда везли и сколько?

— Да обычно выглядели... Парни как парни. Откуда везли, не знаю. Только девки ходили за корзинами за вокзал куда-то. Обе их боялись до мокрого исподнего.

— Шила братиков знает? — уточнил Туманов.

В ответ она только презрительно скривилась.

— Что сказал младший в тот вечер? — вернулся к основной теме Векслер.

— Да что сказал... Брысь, говорит, отсюда. Чтоб хавалки закрыли на замок, а то всех вырежем, включая детей и комнатных собачек.

— Ну хоть что-то приметное в нем было? Не может же он везде серым быть?! — спросил он.

— Выделялся... — призадумалась Фира. Потом подняла просветлевшие глаза и сказала: — Так не местный он!

— Как понимать?

— Ну, так гутарит-то не по-здешнему.

— А как?

— Ну не знаю, быстро-быстро как-то и высоким таким голосом тараторит. Подошел и сразу какое-то смешное слово сказал вместо «здрасьте»...

— Что за слово, конкретно? — напрягся майор.

— «Тавой» или «таей», что-то такое.

Векслер замер, на неуловимое мгновение погрузившись вглубь себя.

— Может быть, он сказал: «Та йой»?!

— Да, точно, так и сказал, — удивленно ответила женщина и недоумевающе посмотрела на офицеров.

— Никита Степанович, сколько там до большой порки? — спросил вдруг Векслер.

— Два часа тридцать пять минут...

— Валек, Фиру Иосифовну — в мою машину и в управу, а мы с Тумановым пока на твоём мотоцикле покатаемся.

Когда в машину усаживали слабо протестовавшую женщину, офицеры шли к мотоциклу.

— Что значит это слово? И куда едем, майор?

— На Острую, — ответил он, резко дав ногой на педаль кикстартера, — а слово означает, что ребята к нам издалека пожаловали.

Векслер завел мотоцикл и, наклонившись, громко сказал:

— Километров с лишком за тысячу отсюда... На запад.

* * *

С холма открывался бесконечный вид на раскинувшуюся до самого горизонта луганскую степь. Слева возвышался недавно восстановленный мемориал, но Векслер обогнул его, не останавливаясь, и по зелёной травке докатил до начала спуска с холма. Впереди и вправо до самой балки тянулись остатки инженерных сооружений.

Офицеры спешили, майор молча закурил.

Туманов с интересом оглядывался по сторонам. Он явно попал сюда впервые.

— Что это за место, Жень?

Тот, помолчав, ответил:

— Острая Могила... Место, где я набираюсь боли. Это помогает мне потом быть безжалостным.

— А поче... — начал было капитан, но напарник взял его левой за пуговицу кителя на груди и указал рукой с папирсом на окопы.

— Смотри сюда. Видишь вытянутые впадины там, за траншеями?

— Да...

— Это засыпанные противотанковые рвы, что мы копали в сорок первом, — боялись охвата Ворошиловграда с востока.

— Понятно...

— Весь город копал, и даже мы, менты. Вот тот, второй, копал и я, лично. И следующий тоже. Упорно, до кровавых мозолей рыли...

Он замолчал, два раза затянулся.

— Вот этими руками, — майор поднес ладони к самому лицу собеседника, — я вырыл могилу для собственной семьи. Получается, так...

Туманов положил руку на плечо майора.

— Я знаю, Евгений Павлович... Просто не думал, что здесь, в степи. Мои соболезнования...

— Софийка. Наши Риточка и Борюсик, долгожданный. Ее мама Сусанна Моисеевна...

Он бросил окурочек под ноги. Достал портсигар, потом вытаскивал немецкую зажигалку, свинтил крышку, подкурил и, вновь закрутив, убрал в жилетный кармашек.

— Почему не эвакуировались?

— Потому что меня отправили на фронт, а у бабушки Сусанны всегда было свое мнение, непоколебимая уверенность в брехливости советской пропаганды и светлая вера в культурную миссию немецкого народа.

— Понял, прости...

— Ближе к концу октября людям объявили, что идет организованная отправка в Палестину. Велели взять ценные вещи и провизию на три дня. Утром первого ноября всех собрали на стадионе и начали грузить в машины. Везли сюда, по два грузовика в каждой партии. Смотри, вот рвы. Где сейчас заваленные дзоты, там выставляли пару «машиненгеров» на станках. Останавливались вот здесь, — он указал рукой точку. — Вылезать никто не хотел. Тогда они запустили в кузов овчарок. — Милиционер внимательно посмотрел в лицо собеседнику. — Ты же понимаешь, что могут сделать две Фриды в грузовике с женщинами и детьми?

Выдохнул и продолжил:

— Потом все ценности складывали на расстеленный брезент, всех раздевали догола, строили и строем валили в ров длинными очередями в упор. Кто бежал — добывали из кара-

бинов поштучно. Отработав две машины, встречали следующие — точно как наши мясники на перроне. Почерк!

Помолчав, Векслер взял капитана за предплечье и не спеша повел его к мотоциклу.

— Ты думаешь, зачем я тебя привез сюда? Для чего эти еврейские стенания? — Он остановился. — И тогда, и сегодня против нас — нелюди. Запомни, Туманов. Мы их найдем, по-любому. Как Фрида, я их верхним чутьем возьму — я ведь тоже немецкая овчарка по кличке Векслер. И когда мы их найдем, живым никого не выпустим. Никого — запомни. Как это животное сказало в тот вечер на вокзале: «Вплоть до комнатных собачек»? Вот так мы и сделаем. И ты со своим ТТ будешь прикрывать мою спину. И не дай бог тебе дать слабину...

Он оценивающе посмотрел в лицо капитану.

— Поехали домой. Вытерпим все молча и продолжим, — подытожил майор.

Глава 4. Белая будка

Дореволюционный особняк Васнёва нависал над брусчаткой перед местной Красной площадью всеми своими, как тогда говорили, архитектурными излишествами: балкончиками, массивной колоннадой и балюстрадой открытой террасы третьего этажа. Возле машины Векслера стояли трое — сам старший группы, его напарник и майор Сретенский, сменивший китель на больничный халат.

— Списывать меня, мужики, пора — третий криз за весну... — жаловался он.

— Ты держись, майор, нам без тебя совсем грустно станет, — приободрил его Евгений Павлович.

— Ладно, что у вас?

— Пэ-Пэ взял все на себя и пошел с полковником к первому секретарю. Мы по-прежнему ловим оборванные концы цепочек, но пока везде голяк. Похоже, бандиты тупо вырезали всех, кто что-либо знал, — развел руками Векслер. — О, Дробот! — указал он глазами на подъезжающий мотоцикл.

Участковый легко выскочил из седла и поздоровался с офицерами. Следом вытянулся во фронт старшина. Фрося,

издали обнюхав всех, вдруг шагнула к Векслеру и дружески слегка боднула его в бедро. Тот потрепал собаку за ухо и обратился к прибывшим.

— Что, Валек?

— Пропал Клешня. С момента разговора в дежурке как сквозь землю провалился... Як пороблэно! — раздраженно треснул он себя по ляжкам.

— Не надо было отпускать! Всех в околоток, никаких доверительных бесед больше. Для их же безопасности, — жестко резюмировал старший.

— Жень Палыч, а кто вообще из привокзальной шелупони остался неохваченным? — поинтересовался Сретенский.

Векслер вопросительно посмотрел на Дробота.

— Да вроде все. А не, Культя остался, но тот... — Он безнадежно махнул рукой. — Что с бухарика взять?!

— Кто это?

— Безногий попрошайка на костылях, — ответил старшему участковый.

— Да, я помню, с медалями.

— Ага, ветеран всамделишный, кстати. Мы его пробивали. И документы настоящие, и ногу на фронте потерял, и медали его. Гарик... как его... Попытченко! — вспомнил капитан.

— Стоп, Валек! Еще раз: попрошайка без ноги, на костылях, с двумя медалями. Установленный ранее инвалид и ветеран войны Гарик, то есть Игорь, Попытченко. Так?

— Да, Жень.

— И он алкаш?

— Ну да. Стоит до обеда или пока насобирает. Берет четверть литра и уходит, счастливый, восвосяи.

— Валек, я его видел и помню. И он не пьет.

— Слушай, Жень, ну ты-то откуда знаешь — раз посмотрел и определил по памяти?

— Рыбак рыбака... — задумался майор. — Так, надо с ним срочно познакомиться, пока и его под землю не укатали...

— Правильно говорит Евгений Павлович! — вступил в разговор Сретенский. — Надо поднять всех твоих участковых и выяснить, где он живет.

— Да я знаю где! Точнее, адреса как такового нет, живут за белой будочкой... — вмешался капитан.

Милиционеры, переглянувшись, улыбнулись.

— Да не в том смысле! — начал заводиться Дробот. — Конкретно за будкой жэдэ переезда, в самострое близ гравийки, между Камбродом и Большой Вергункой.

— Дорога туда идет из Камброда или из Вергунки? — поинтересовался майор.

— И так и так можно добираться, а если пешком, тогда вообще с любой стороны — через посадку или пустырями.

— Ух ты! Однозначно надо познакомиться поближе, — констатировал старший опергруппы.

* * *

Практически за окраинами Каменного Брода тоже жили люди. И до войны, и после здесь строились и селились целыми семьями. Как раз один из таких проулков раскинулся перед глазами оперативников метрах в семистах от грязно-белой будки путевого обходчика на железнодорожном переезде у гравийной трассы, связывавшей два городских поселка.

Мотоцикл и машина остановились чуть выше, а сами милиционеры разговаривали с хозяйкой дома, стоявшего у края улочки, отсыпанной буро-красно-фиолетовым печным штыблом, традиционно именуемым в Донбассе жужалкой.

— Ни с кем они не общаются, живут бирюками, сколько их тут помним, — рассказывала хозяйка. — Старший Попытченко с немцами сотрудничал, а они его казнили...

— Не кажи, чего не знаешь, кура! — Грохнув калиткой, на улицу вышел шестидесятилетний мужик в перепачканном глиной и сажеей фартуке. — Здрасьте, товарищи! — поздоровался он с милиционерами, отирая руки от глиняных катышей и красной кирпичной пыли. — Не слушайте! Несет баба сама не знай що, — гневно глянул он на женщину.

Оперативники развернулись к мужчине.

— Старый Попытченко просто работал в депо. Немцы его спалили, а за шо — никто не знае.

— Когда это было? — уточнил майор.

— Было-было, известное дело, — вмешался Дробот. — Перед приходом наших, за неделю до штурма, фашисты, действительно, связали колючей проволокой, облили соляркой и сожгли несколько работников депо, включая Попытченко. Их всех потом похоронили в общей могиле на старом кладбище.

- Так и есть, — подтвердил мужчина.
- И кто сейчас там живет?
- Упыриха, Вадько, брат его одноногий та его сынок — внук Станиславовны, — не выдержала долгого молчания женщина.
- Упыриха? — удивился Векслер.
- Помолчи! — вновь кинул мужик жене. — Леська, жена старого Попытченки. Бабы ее ненавидят. — Он вдруг ухмыльнулся. — Мабуть, взаимно!
- Что за брат, внук?
- Вадько? Та шофер с депо. Нормальный мужик, работающий. Внучок у ФЗО учится, добрый хлопчик. А вот Игорь — такой позор — жебрак с вокзала! А ще фронтовик... — Мужчина аж сплюнул от негодования.
- Чего Станиславовну ненавидят? — поинтересовался Векслер.
- Так вона неутушная! Дед ее со службы привез. самого гарного парубка у дивчин наших увела... повия, — вдруг захохотал мужик, весело зыркнув сверху вниз на сжавшуюся от злости жену.
- Они свиней держат? — задал последний вопрос Векслер.
- Тут все трымают... — ответил тот.

* * *

Отойдя метров на пятьдесят от машины и разговорчивых соседей, Векслер начал инструктаж группы.

— Так, бойцы, собрались! Влад подкатывает и блокирует ворота — вне зависимости от того, одинарная там калитка или проезд для студебеккера. Валек бросает мотоцикл у самого края усадьбы и бежит к воротам. Если нам не открывают, первыми через забор идут Фрида с Узловым, следом — Дробот. Открываете, впускаете Туманова и действуете группой по обстоятельствам в следующем порядке. Первым за собакой идет старшина. Валек прикрывает их справа. Туманов всех троих — сзади. Влад стоит с автоматом в воротах и прикрывает всю группу, отслеживая улицу за спиной.

— А ты, дядь Жень? — удивленно спросил участковый.

— А я стою на номерах с заднего двора. Если вы их погоните, то встречу.

— Сам?!

— Ты за меня не переживай. Слушаем дальше. Второй вариант. Нам открывают, но не пускают. Тут все просто: рылом в землю и входите штурмовой группой в дом, отсюда — дальше по постройкам. Всех брать, вязать, стаскивать под ППШ к сержанту. Третий вариант: впускают и беседуют. Тогда действуете по обстановке. Любая замеченная опасность — кодовое слово: «Время!» Значит, сдаем назад. Выходим. Вызываем подмогу.

Он еще раз посмотрел в глаза своим бойцам.

— Самое главное. Ни при каком раскладе вы, во-первых, не расходитесь и, во-вторых, не выпадаете с прицела Владена... — Майор окинул группу взглядом, задержав его на мгновение на наградной планочке медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» на груди Туманова. — А чего вы все вырядились, как на парад?!

— Ну дык к полковнику с утра собирались.

— Лады, все готовы?! Тогда отлили, попрыгали, проверили оружие — и вперед!

Тут не выдержал Дробот.

— Дядь Жень, прости, но ты на самом деле считаешь, что там банда? Или Культя — один из братиков?

Векслер немного удивленно взглянул на участкового, словно тот предстал перед ним новой гранью, и повернул голову к Туманову.

— Никита Степаныч, ты у нас мастер деталей, скажи Валентину, почему ты в напряге последние полчаса.

Туманов улыбнулся, как будто его на чем-то подловили, и ответил:

— Меня смущает расстояние от вокзала до дома Попытченко.

— О! Ни секунды в твоей светлой голове не сомневался, — акцентировал майор. — Скажи, Валек, как одноногий пьянчужка два раза в день проделывает полуторачасовой путь туда и обратно? Или, может, его кто-то подвозит? Как на работу?

Он жестко закончил:

— По местам. Узлов — на переднее сиденье, Дробот — впереди нас. С богом, бойцы!

* * *

Ехали достаточно быстро, но не летели и пыли не поднимали. Оставив мотоцикл у края забора, Дробот первым оказался у дома и, пока оперативники высаживались у въездных ворот, громко постучал железной ручкой калитки. Во дворе, гремя цепью, злобным лаем заливалась собака. Фрося, внешне никак не отреагировав, лишь слегка приподняла шерсть загривка.

Массивные ворота, рассчитанные на грузовик или подводу, покоились под небольшой двускатной крышей. Вообще и ворота, и двухметровый забор, да и сам дом на высоком цоколе казались основательными и откровенно богатыми по сравнению с подавляющим большинством хибар Камброда.

— Алкаш, да?! — успел прошипеть участковому Векслер, скользнув за левый угол забора.

Во дворе послышалась возня, хлопнула дверь, раздались шаги. Потом лязгнул запор, за ним — щеколда, и в открывшейся калитке показалась невысокая полноватая бабулька лет семидесяти. Она удивленно осмотрела милиционеров и спросила:

— О! А вы до кого?!

— Здравствуй, Станиславовна! — Остановив жестом движущего было вперед старшину, Дробот поинтересовался: — Гарик дома?

— В хате он. Хворый... — недоуменно посторонилась она, пропуская милиционеров.

Первым во двор вошел старшина со своей собакой. Средних размеров кобелек, рвавший горло и встававший дыбом на цепи, вдруг упал на все четыре лапы и вместо заполошного воя перешел на озлобленный писклявый лай. Фрося, не глядя на него, совсем немного приподняла одну брылю, еле-еле оголила кончик клыка и чуть слышно заурчала. Кобель взвизгнул и, заскочив в добротную будку, отчаянно завыл.

— Та замовкны вжешь! — Старушка, перехватив клюку, мигом подлетела к будке и знатно треснула по дранке, прибитой к рубероиду крыши. — Нэ брэш!!!

Потом подняла глаза на оглядывавшую двор и дом опергруппу.

— Заходите до дому, раз пришли.

Дробот окинул взглядом огромный участок с флигелем, рядом сараев, отделявших задний двор, беседку, летнюю кухню и дворовый очаг с выварками. Затем он повернул голову к хозяйке.

— Та хворый, кажу. У лижку весь час, — ответила она на немой вопрос.

Приметив ступу деревянного протеза у стены и ряд дворовой обуви, капитан решительно двинулся вперед. Опредив его, Узлов развернулся и, первым поднявшись на невысокое крыльцо, вошел в коридор. Миновав длинную веранду, оказался в комнате и остановился за порогом. За ним проследовали Дробот, пожилая женщина и Туманов. Влад остался у ворот, цепко оглядывая двор и улицу.

Большая светлая комната с рядом окон и длинным столом в центре с дальнего торца оканчивалась двумя дверьми. Напротив милиционеров оказался письменный стол и книжный шкаф между крайним левым окном и входной дверью в углу, где теперь, контролируя пространство, остановился кинолог с собакой.

За столом перед тетрадкой с учебниками сидел подросток в белой с глубокими вырезами майке, синих трениках и парусиновых спортивных туфлях. Он, удивленно улыбаясь, с интересом рассматривал вошедших милиционеров. Хозяйка встала на середину комнаты между операми и мальчиком. Туманов остался в дверях, а участковый прошел немного дальше и замер чуть впереди и справа от старшины.

— Эй, малой, метнись резвым кабанчиком к бате, скажи, дескать, дружбаны пришли, пусть выйдет... — велел участковый и испытующе посмотрел на Лесю Станиславовну.

Мальчик встал и вопросительно поднял глаза на бабушку. Из дальнего коридора раздался стук костыля и протеза, и в открытую дверь вошел Попытченко. Он действительно был бледен, небрит, но при этом — в чистой, вышитой сине-голубым у воротника рубахе и пиджаке с двумя медалями. Новенький облегченный протез блестел светлым лаком.

— Здорово, командир, — доковылял он до середины комнаты, недобро уставившись на капитана.

— Ты чё такой сурьезный, дядька, а?! — чуть набычившись, с ходу наехал на него Дробот. — Гостям не рад?

— Болею я...

Туманов, еще раз оглядев комнату и краем уха прислушиваясь к разговору, выскользнул назад — в коридор и на веранду. Не увидев ничего примечательного, осмотрел с крыльца двор и кивнул головой сержанту: мол, как обстановка? Тот неопределенно повел плечом, не спуская глаз с улицы и пространства перед собою.

Капитан огляделся. Двор тянулся за постройки и целиком с крыльца виден не был. Показав Владу пальцами на глаза и кивнув на дверь, он неторопливо, словно прогуливаясь, вышел в центр двора и неспешным шагом двинулся вперед.

У летней кухни повел носом и присмотрелся к вываркам — они кипели, и от них шел густой бульонный пар.

Чуть дальше, между сараями и центральным флигелем, его внимание привлек аккуратный прямоугольник зеленой травы, выделявшийся на фоне укатанной автомобильными колесами земли.

Сделав еще несколько шагов, Туманов вдруг заметил заднее колесо и торец мотоциклетной коляски, стыдливо выглядывающей из приоткрытого сарая.

С противоположного угла заднего двора, откуда долетали звуки чавканья и похрюкивания, ощутимо потянуло гноем.

Оперативник, не таясь, широко потянулся. Развернувшись через правое плечо, незаметно расстегнул кобуру и с напускной беззаботностью не спеша двинулся назад.

Подойдя к крыльцу и выразительно посмотрев на Владлена, он повернул лицо ко двору и, не заходя в дом, крикнул в открытую дверь:

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время!

* * *

— Позорище просто! Ноги у него нет... Мы тебе и без ноги найдем работу, я ж тебе сколько раз говорил, — наседаю на калеку участковый.

— Какую работу, командир? Вот моя работа, отработанный я, посмотри! — Попытченко правой рукой задрал рубашку на грудь. На крепком, плоском животе внизу виднелась

глубокая воронка пулевого ранения. Еще один продольный шрам лилово отливал по всей ширине пресса.

— Ну и что? Ты один такой вернулся?! Найди бабу, завяжи с бухлом, будь человеком, в конце-то концов. Порадуй мать под старость лет!

— Бабу... — презрительно хмыкнул инвалид. — Мне при родительнице и пацане штаны снять, чтоб ты полюбовался на ту радость, что мне осталась?

— Ты пафосницу закрой, ладно? Меня жалобить не надо, — ответил милиционер.

Во дворе раздались шаги.

— Командир, говорю же, худо мне... — Повернув голову, инвалид обратился вдруг к сыну: — Дай сесть!

Мальчик подал отцу табурет и вернулся назад. Тот, тяжело опершись правой рукой, сел, вытянул протез с обрубком ноги и поставил костыль стоймя перед собой.

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время! — раздался голос Туманова с крыльца.

Дробот внимательно посмотрел на Культу, скользнул расфокусированным взглядом по длинной веренице домашней обуви под задней стеной, по обутым в сапог, тренировочные туфли и дворовые чуни членам семьи.

— Ладно, Гарик, времени нет. Но помни: бродяг и попрошаек у нас в городе не будет. Берись за ум, пока не поздно, — сказал он и, повернувшись к Узлову, добавил: — Идем, старшина, нет времени.

Кинолог успел сделать шаг вперед, когда мальчик, поймав повелительный отцовский взгляд, взял лежавшую на книжках скомканную тряпку и с криком: «Песик!» — швырнул ее в голову Фроси. Та лишь чуть отпрыгнула.

Под тряпкой лежал армейский «вальтер». Паренек мгновенно поднял пистолет, с трех шагов всадил старшине подряд две пули в центр груди и опустил ствол на присевшую собаку. Узлов, срывая горло, страшно захрипел и, отпуская ошейник, швырнул свою фуражку в лицо стрелка.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Фрося, пролетев по воздуху, ухватила всей пастью еще раз успевшую выстрелить куда-то в потолок руку и снесла пацана к стене. Там, словно заправский борец, она крутанулась волчком, с хрустом перебросив парня через спину. Тот, хряснувшись

плашмя об пол, успел лишь набрать полную грудь воздуха, а потом побелел и потерял сознание. Еще раз с треском рванув его за полуоторванную руку, овчарка окинула взглядом комнату.

После первого выстрела Дробот интуитивно присел и успел закрыться рукой. Табурет тем не менее припечатал по телу так, что он только охнул. Следом в голову прилетела подмышечная перекладина костыля, и неожиданно крепкая рука Попытченко резко рванула его за капитанский погон на себя. Первый удар финкой пришелся четко в подреберье. Участковый успел отмахнуть ребром правой в голову калекки и рвануть наган из кобуры. От второго удара ножа Валентин почти уклонился, треснув куда-то Культю рукоятью револьвера, поэтому лезвие вошло между шеей и трапециевидной мышцей, не задев горла.

Фрося, набрав с места скорость и походя сбив замахнувшуюся клюкой бабку, с разгона врезалась в Попытченко. Тот успел, присев, крутануться на месте, и овчарка взяла пастью его левое предплечье. Отдавая левую руку, бандит одновременно принял собаку на нож, разваливая ее грудину вспарывающим движением вверх. Правда, от таранного удара это его не спасло, и Культя кубарем улетел под стеночку к выставленной в ряд обуви.

Дробот оперся на косяк, зажимая рукой обильно кровоточащую рану на шее. От тела мальчика тяжело поднималась старуха. Офицер вдруг увидел, насколько отталкивающе и неприятно ее лицо с отвислыми щеками и темными кругами вокруг бесцветных водянистых глаз. В ее руке чернел здоровенный «вальтер». От стенки с Попытченко вдруг гулко грохнул ТТ. Раз, потом другой... Одна пуля прошла в дверной проем, вторая выщербила кусок щепы из дверной лутки над головой участкового. Тот два раза бахнул в ответ в сторону поднимающегося Культи, но не попал и буквально вывалился в коридор прямо в руки Туманова.

— Старая лярва! — с ненавистью прохрипел участковый и ударил из нагана в центр бабкиного корпуса. Старуха зашипела, словно из пробитого шарика стал выходить воздух, и стала грузно оседать на пол.

Фрося смогла подняться. Ее глаза уже заволакивала белесая пелена, из распоротого нутра свисало что-то сиреневое, а

вместо дыхания раздавался сиплый хрип. Она с трудом сфокусировала на Попытченко уходящий взгляд, два раза глубоко втянула в себя воздух, роняя из пасти хлопья алой пены. А потом, накатывая мощной грудной на передние лапы, разгоняясь, пошла в свою последнюю атаку.

Глава 5. Лесно подворье

Обойдя усадьбу, Векслер наконец дошел до поворота забора и за ним сразу наткнулся на въездные ворота заднего двора. Они, конечно, уступали центральным, будучи поуже и без крыши, однако так же массивно покоились на трех крепких столбах с отдельной калиткой слева.

Здесь мимо подворья шла еще одна укатанная грунтовка, параллельная гравийке у центрального входа. От нее к воротам тянулась выложенная жужалкой дорожка с отчетливо отпечатанным мотоциклетным протектором.

Осмотрев ворота, старший группы заметил высверленную коловоротом круглую дырочку чуть выше уровня глаз майора. Но, встав на цыпочки и заглянув в отверстие, он увидел лишь дерево закрывающей обзор задвижки. Постояв несколько секунд и оценив диспозицию, оперативник, стараясь не хрустеть, отошел на десять шагов и встал за одним из широченных орехов, высаженных с обеих сторон у въезда в усадьбу.

Услышав во дворе голос напарника, но даже не разобрав слов, Векслер тем не менее достал свой «штайер», а когда в доме раздались первые выстрелы — взвел курок. За все время перестрелки он несколько раз порывался кинуться вперед, но лишь протяжно выдыхал, останавливая себя.

Вдруг в какое-то мгновение майор учуял шорох и, поняв, что это задвижка, замер. Он буквально ощущал кожей, как кто-то рассматривает подходы к участку. Вскоре раздался звук хорошо смазанных петель — это открывались ворота. Пару раз закрипел штыв, и по обе стороны невидимого барьера между опером и бандитами вновь все притихло.

Вскоре милиционер узнал звук катящихся колес. Он чуть отстранился от своего ореха, и в этот момент в зону видимости выкатился мотоцикл с коляской, энергично толкаемый за руль молодым мужчиной в солдатской гимнастерке. Он

как раз заворачивал в противоположную от майора сторону, и Векслер, ни на мгновение не задумываясь, открыл огонь. Первая пуля, угодив в область лопатки, выгнула мотоциклиста дугой, а вторая разнесла всю правую часть свода черепа.

От ворот прогремел картечный дуллет. Заряд просвистел совсем рядом с майором, но несколько дробинок все же угодили ему в правую ногу. Оперативник, со свистом втянув в себя воздух, тут же выстрелил в ответ. Высокий, совершенно седой дед, успевший переломить обрез горизонталки, сложился пополам и с сильным стоном нырнул куда-то за ворота.

Векслер, словно птица с подбитым крылом, далеко отставив левую руку и глубоко припадая на вновь травмированную ногу, доковылял до ворот и осторожно заглянул во двор. Раненый старик, не выпуская обреза, уже заползал в угловой сарайчик справа. Оперативник поднял пистолет и прицельно всадил ему тяжелую «маслину» точно меж лопаток. Деда скорежило, он часто и мелко-мелко забился всем телом.

От ближайшего флигеля по воротам стегнула автоматная очередь, и Векслер, вновь задохнувшись от боли, сполз на землю за створ калитки.

* * *

Подхватив Дробота, капитан, каким-то чудом не переломав ног, стащил его с крыльца. Из дома раздался глухой рык, громкий вопль и грохот падающего тела. Следом выстрел ТГ оборвал хрип Фроси, и буквально через несколько секунд, выбив шибку веранды, пистолет Культи ударил по милиционерам. В ответ Владлен разок прошелся по окнам веранды и дал несколько коротких очередей в створ дверей над крыльцом.

Когда на заднем дворе в первый раз рывкнул «штайер» майора, Туманов уже подтаскивал слабеющего на глазах участкового к воротам. Первая автоматная очередь враз «потушила» пистолет старшего группы, следующие ударили уже по оперативникам у центрального входа.

Владлен, коротко огрызнувшись из ПППШ, нырнул за моторный отсек своей машины, а Туманов успел протащить капитана к ближайшему ореху в пяти-семи шагах правее. Уложив участкового за ствол дерева, он занялся перезарядкой нагана потерявшего сознание товарища.

Из дома донесся топот громыхающих по настилу сапог — кто-то ломился в сторону перестрелки. Оперативник понял, насколько неудобная у него позиция. Справа из-за мощного ствола он видел только уходящий в небо забор и часть крыши с чердачным окном, а слева — ворота и машину с присевшим за ней сержантом, но никак не двор и все там происходящее.

Услышав топот сапог, водитель успел лишь поднять голову, как сверху загрохотало, из открытого чердачного окна выдуло полуметровый сноп оранжевого пламени, а пулеметная очередь немецкого MG-42 буквально разорвала капот автомобиля и присевшего за ним Владлена. Вторым заходом «машиненгевер» врезал по забору и стволу ореха, но дерево не пробил и не попал по торчащим из-за него ногам Дробота.

Капитан затащил товарища под ствол и замер — на крыльце посыпался характерный стук протеза. Культя старался идти неслышно, но предательское «тук... тук... тук...» выдавало его с головой. Пулемет коротко прорычал еще раз, потом другой. С ореха летели крупные шматы древесины и щепы коры, а сам он содрогался от корней и до ветвей макушки.

Услышав глухой хруст протеза по утрамбованному гравию двора, Туманов набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Присев, он выглянул из-за ореха с правой, невидимой с чердака стороны. Скрип раздался уже у самых ворот. Капитан лег плашмя на Дробота и наклонил голову к земле. За правой стойкой ворот виднелся каблук ялового сапога Попытченко. Капитан, не вставая, прицелился и два раза выстрелил сквозь забор в предполагаемый уровень поясицы калеки. Первым упал костыль, следом осело тело. Вновь ударил пулемет, метя в правую часть ствола.

Туманов вскочил, высунул руку и три раза подряд неприцельно выстрелил из нагана в сторону чердака из-за левой стороны ореха. И тут же, сместившись и присев, два раз всадил из ТТ с правой руки, целя сквозь забор в уровень нижнего края чердачного окна. Пару раз перенесся огонь, пулемет наконец-то оборвал длинную очередь. Послышался ляг затвора. Капитан, вскочив, выронил наган и рванулся к сержанту. Проскакивая мимо ворот, он, практически не целясь, ударил из ТТ по пытающемуся подняться Попытченко. А затем, подхватив ПППШ убитого водителя, влетел в мертвую зону под домом.

* * *

Туманов крутил в руках автомат — пули пробили кожух и диск магазина. Вдруг, замерев под стеной, он с удивлением заметил колонну машин, спускающуюся к ним по улице.

Впереди шел броневедомитель, метрах в ста от него тархтели несколько мотоциклов с бойцами в синих фуражках, следом покачивала бортами армейская трехтонка с солдатами. На чердаке ожил «машиненгевер» и длинно ударил по БА-64. Броневики встали, и «дегтярев» бронебашни стал методично рвать крышу дома Попытченко. С нее кусками полетела терракотовая черепица. МГ-42 враз заткнулся и больше не подавал признаков жизни.

Солдаты спешили, а три мотоцикла под прикрытием броневики проскочили к усадьбе.

— Ты там цел, Туманов?! — закричал подбежавший к ореху побагровевший Сретенский в кители и спортивных штанах.

— В норме! Дробота выносите, пока он дуба не врезал.

— Где Векслер?

— Держит тыл усадьбы...

— Живой?!

— Не знаю!

Под стенку к Туманову подскочил армейский майор с автоматом Судаева в руках.

— Что тут у вас, опер?!

— Полицаи, похоже...

— Да?! — искренне удивился офицер. — Где еще ваши?

— Кинолог в доме. Убит вместе с собакой. Наш...

— Это я понял... — перебил его майор. — Старшина, бери отделение и вместе с капитаном заходите сзади, там еще один мент, возможно, жив, — отдал он приказание командиру отделения, занявшему позицию за подъехавшим броневедомителем.

— Старлей! — кинул майор офицеру со взводом у начала забора. — Формируй штурмовые группы — тут полицаи нас заждались...

Милиционеры Сретенского вынесли участкового и с ним на руках бегом помчали в сторону грузовика.

У поворота забора оперативник жестом остановил солдат и отрывисто крикнул:

— Векслер!

— Жду! — послышалось совсем рядом, и буквально через секунду: — Двигай!

Туманов вывалился из-за угла, за ним цепочкой проскочили армейцы. Майор, широко раскинув ноги, занимал позицию у левого столба калитки и держал под прицелом задний двор. Правую ногу выше колена стягивал брючный ремень.

— Что там, Никита, перемирие? — посмотрев на разворачивавшихся в цепь солдат, спросил он бледными губами.

— Перезаряжают...

Капитан, закинув руку Евгения Павловича себе на плечо и подхватив того левой, буквально перенес на руках свистящего от боли напарника на лавочку у палисадника метрах в двадцати левее ворот.

— Узлов, Влад, Фрося... — Туманов замолчал. — Дробот ранен, уже эвакуировали, но... Не знаю, короче...

Внимательно посмотрев на него, старший группы не спеша нажал кнопку выброса патронов, накрыв ладонью, поймал вылетевшие из «штайера» три «маслины», положил их в боковой карман пиджака и достал оттуда полную обойму. Аккуратно поставив затвор на рычаг задержки, вставил ее в пазы, догнал большим пальцем патроны во внутренний магазин и спустил затвор. Тот, лязгнув, загнал патрон в патронник, оставив курок на боевом взводе.

— Закончить надо по-любому, дружище, — помолчав, сказал Векслер.

Со двора раздался грохот рухнувших под колесами броневомобиля ворот. Следом БА-64 щедро прошелся из пулеметной башенки по чердачному срезу, окнам дома и веранды. Несколько групп пехоты рывком подлетели к высокому цоколю, и в выбитые окна полетели гранаты. Солдаты отхлынули. Дом гулко подпрыгнул и сложился крышей вовнутрь. Обвалившиеся местами беленные известью стены брызнули кусками мергеля и глины, обнажив сетку дранки крест-накрест. Буквально через минуту, взлетев, осели флигель и центральный сарай.

В палисаднике раздался треск ломаемой сирени — через кусты проридрался мужик в замызганной кровью вышитой

рубашке навывпуск. Пистолеты Векслера и Туманова в унисон «гавкнули» по три раза, автомат бандита с торчащим справа магазином полетел на улицу, а сам он со всего маха насадился грудью и подмышкой на столбы плетеного забора палисадника. Пытаясь сняться с кольев, мужчина хрипел, захлебываясь кровью, и сучил ногами, скользя рукой по ивовой изгороди.

— Отставить! — резко осадил майор двинувшегося было к раненому солдата. — Пусть так подышает... — И, проследив взгляд напарника, кивнул на автомат преступника: — Говорил же, «бергман»!

* * *

Проводив глазами машину медиков, Туманов прошел во двор.

В центре, аккуратно меж руинами дома и чуть чадящими развалинами флигеля, по всему двору разлетелись кольца и куски копченой колбасы, выброшенные взрывом из сарая.

Солдаты стаскивали в рядочек под забор убитых бандитов. Тут же на расстеленной простыне складировали их оружие.

Накрытые покрывалами тела милиционеров и собаки были видны за пределами усадьбы, на дороге, где суетились у двух мотоциклов оперативники Плакиды.

Сам старший оперуполномоченный стоял возле армейского майора в центре двора, вытирая платочком сияющую на солнце лысину, и смотрел на проходящего мимо Никиту Степановича.

— Где Сретенский? — спросил тот.

— Уехал давление мерить... — ответил старлей.

— Так как, капитан, доблестный оперсостав поделится с дружественными армейцами колбасой?! — поинтересовался военный.

— Она с человечиною, — на ходу бросил Туманов.

Тот скривил нижнюю губу.

— Так ты же говорил: полицаи.

— Цирроз гангрене не помеха...

Подойдя к шеренге вытянувшихся тел бандитов, капитан внимательно на них посмотрел. Седой дед, двое молодых мужчин, женщина лет тридцати, с ног до головы покрытая мукой, Кулья с раздавленными броневином ногами и про-

тезом, часть ноги с порыжевшей от спекшейся крови парусиновой туфлей.

— Где бабка и гаденьши? — поинтересовался он у Плакиды.

— Старуха застряла башкой вниз, — ответил за старлея военный. — Дом в подвал сложился, быстро не достанем. И она там, и мелкий... Но тот — по частям, — добавил он.

— Кто из них Вадим Попытченко? — спросил Туманов у старлея.

Тот в ответ лишь пожал плечами и кликнул одного из участковых Дробота.

— Кто из них Вадим?

Подошедший лейтенант внимательно посмотрел на убитых и ответил:

— Да нет его тут...

— Точно?! — повернулся к нему капитан.

— Да, конечно. Я Вадько лично знаю... К нему никог...

— Ещё тела есть? — перебил его Никита Степанович.

— Нет, — ответил за всех армейский офицер.

— Плакида, сколько у тебя людей и транспорта здесь?

— Да все практически, — ответил старлей. — Два мотоцикла, можем и третий завести... Дробота.

— Кто знает, где работает Вадим?!

— Так в депо... Водитель он там, — ответил каменнобродский лейтенант.

— По коням! — скомандовал Туманов и направился к ротам.

У собачьей будки он остановился. Обезумевший от страха кобелек, крупно дрожа, забился в самый дальний угол и тихонько поскуливал.

Капитан вытащил из кармана галифе «штайер» Векслера и с двух шагов, прямо сквозь доски, пристрелил его с первого раза.

— Ты что творишь?! — ошарашенно спросил проходящий мимо Плакида.

— Так надо, — ответил ему Туманов.

Милиционеры сели на два мотоцикла. Старлей на ходу забрал у одного из своих оперов ППШ с коробчатым магазином.

— Это что теперь — и свиней в расход пускать?! — глядя им вслед, удивленно спросил майор.

* * *

Два мотоцикла одновременно влетели в широкие ворота депо. Доехав до самых гаражей, они разделились: Туманов со старлеем и еще одним опером в цивильном кинулись к входу, трое других милиционеров мигом заблокировали всю шеренгу гаражных боксов.

— Попытченко?! — на бегу увлекая за собой вышедшего на встречу мастера, кинул Туманов.

Тот, рванувшись следом на ними, влетел в бокс, перешел на шаг и крикнул суетившимся под полоторкой водителям: «Вадько! Иди сюда, быстро!»

Один из шоферов вдруг пулей вылетел из гаражной ямы и, отшвырнув тряпку, стремглав кинулся к проему у противоположной стороны бокса. Оперативники ринулись за ним.

Захлопнув за собой дверь, тот задвинул засов и кинулся дальше вглубь раздевалок.

Капитан, два раза дико дернув за ручку, со второго выстрела вынес запор и первым рванулся вперед.

Влетев в раздевалку, оперативники едва успели пригнуться, когда три раза хлопнул пистолет. Пули, звонко рикошета от железных шкафчиков, прошли мимо.

Вскочив на высокий подоконник, Попытченко успел уже на полкорпуса выбраться в распахнутое окно, но отпускать его никто не собирался. Туманов прицельно всадил ему пулю в зад, а Плакида для острастки дал еще длинную очередь над головой. Бандит, истощно завыв и схватившись за ягодицу, грохнулся под шкафчики. Упав, он перевернулся на спину, сел. И, продолжая орать, швырнул «горбатый маузер» прямо под ноги капитану.

Тот на мгновение остановился и, наступив на пистолетик ногой, отправил его, словно шайбу, по кафелю назад — прямо под бок уголовника. Тот замер, даже перестал выть и уперся взглядом в Туманова. Капитан поднял «штайер». Бандит все понял, заорал и закрылся двумя вытянутыми к милиционеру руками. Тяжелая пуля, пробив обе ладони, снесла половину черепа, оставив болтаться на какой-то белесой сопле окровавленный, бесцветный глаз.

* * *

Когда милиционеры вернулись к усадьбе Попытченко, военных там уже не было. По руинам деловито перемещались эксперты-криминалисты областного управления МВД, стояли несколько представителей милицейского руководства, прокуратуры и гражданских властей.

Начальник городского ОВД и офицер в форме майора МГБ негромко переговаривались отдельно прямо перед шеренгой разложенных на земле тел. Увидев подчиненных, подполковник глянул на Туманова и перевел вопросительный взгляд на офицера напротив.

— Капитан, если подтвердится информация о расстреле сдававшегося преступника, пойдете под трибунал... — Майор пристально разглядывал капитана в упор.

— Он убит при задержании, оказал вооруженное сопротивление, — выдержав взгляд, спокойно ответил капитан.

— Та мы все стреляли, он же до последнего отбивался, — влез в разговор Плакида и, глянув на подполковника, внешне осекся.

Майор выдержал паузу, потом протянул руку руководителю:

— До свидания, Петр Петрович. На связи... — И, козырнув остальным, направился к своей машине.

— Простите, товарищ подполковник... — негромко сказал Туманов.

— Плакида, сколько вас непосредственно брали Вадима Попытченко? — спросил начальник ГОВД.

— Трое, — ответил старлей.

— Так вы как-то переговорите между собой... Предварительно, перед сочинением рапортов... Дабы разнобоя в общем хоре не случилось. Некрасиво выйдет...

Помолчав, он перевел взгляд на капитана.

— Не ссы, Туманов. Циклоп циклопу, как говорится, глаз не высосет... — И, вновь повернув голову к телам, продолжил: — Видал, сколько красавцев собралось в одном логове?

Капитан подошел поближе.

— Старый упырь откопался, выходит?

— Не-е-е... — хмыкнул Петр Петрович. — Все значительно интересней... Дед, — он указал на труп седого старика, — это Бронислав... Бронислав, — поиграл милиционер ударением в имени, — Бронислав Станиславович Фобяк — родной брат

Леси Станиславовны Попытченко. В девичестве, естественно, тоже Фобяк. Гарик и Вадим — это ее дети от брака с убитым немцами Попытченко-старшим. А вот эти двое — Лесь и Зорян Фобяки — дети Бронислава. И все трое — вахманы немецких штаблагов на территории Западной Украины.

Начальник ГОВД выразительно посмотрел на капитана.

— Это еще не все. Самое удивительное, что по документам МГБ все трое проходят как погибшие. И лишь сегодня, когда подняли биографию старухи, — офицер кивнул на Упыриху, — все встало на свои места...

Петр Петрович еще раз серьезно посмотрел на капитана.

— Вот такой зверинец вы сегодня наглухо законопатили. И знаешь почему? Потому что сильные всегда бьют хитрых.

Глава 6. Десятая линия

Строй почетного эскорта занимал место справа, сразу за большой группой милицейского начальства, военных, партийных и советских руководителей. Впереди стояли два гроба, рядом — вооруженный почетный караул и знамена.

Перед закрытым, с синей фуражкой на крышке, где находился Владлен, на груди пожилого майора с фронтовыми медалями на армейском кителе замерла небольшая женщина с короткой стрижкой. Возле открытого, с телом Узлова, во всем черном, возвышалась статная вдова с опрокинутым внутрь взглядом, с потемневшим лицом и сцепленными большими кистями рук.

Военный оркестр ждал отмашки дирижера левее. Перед ним застыл строй сотрудников кинологической службы областного управления МВД. Начальник, пожилой капитан, не таясь, вытирал слезы левой рукой. В правой, чуть позвякивая наклепанной стальной чешуей, темнел ошейник Фроси.

Строй личного состава милиции, разбившись по коробкам представителей областных, городских и районных отделов и служб, занимал весь центр площади.

Когда зазвучал гимн, Векслер, тяжело опираясь на руки Туманова и Плакиды, неловко поднялся с инвалидного кресла, отставляя вперед загипсованную выше колена ногу.

Литаврист отбил начало и конец минуты молчания, руководители сказали положенные слова, сухо рывкнул тройной залп карабинов эскорта. Оркестр исполнил траурный марш.

Собаки прядали ушами и тревожно озирались...

* * *

На перроне вокзала у поезда Ворошиловград — Москва, как всегда, бурлил людской поток. Кто-то грузил вещи, другие обнимались и в который раз диктовали поручения и наказания «на дорожку». Какой-то мужик с двумя большими белыми арбузами под мышками, переминаясь у вагона, кричал вдале: «Люся, быстрее! Опоздаем».

Два капитана — Туманов и Дробот — отошли чуть в сторону от этой толчеи.

— Ты не понимаешь, Никита... Что значит «родина»? Вперед — Москва зовет, потом в отпуск приедешь, всех вдумчиво расцелуешь по очереди. Где Чебоксары и где столица?! — горячился начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД.

Он внешне, казалось, абсолютно не изменился, однако чуть скособоченная к правому плечу голова говорила, что ничего в этой жизни просто так не проходит.

— Да всё нормально, Валек. Приеду, маму обниму, а там видно будет — Москва, Астрахань, Казань... Союз — большой!

— И шо тебе лично с этих просторов? А девкам твоим?! Вот я тебе историю расскажу... Знаешь, в городе, откуда я родом, был такой район — шахтный поселок Верочка. И жила там в тридцатых знатная красотка Раечка Клейнерман. Что это за дева была! Словами не передать... Стройная, тонкая, с точеной фигурой и правильными округлостями в нужных местах. А глазища — царица Савская от жабы слюной бы захлебнулась. По ней вздыхало полгорода, но решительно подступиться к такой мамзели не решался никто. В двадцать лет ее, в конце концов, поимел Яша Ассириец. Опылил без спросу маменькин цветочек. И даже не женился потом. Вот так! А кто там за ней вздыхал душевно — никто уже и не упомнит...

— Ты к чему это?

— Да к тому. Появилась малейшая возможность — хватай! Паюнешь на дар, судьба гянет на такое твое небрежение и обидится. Потом хоть извернись и за жопу себя кусай — все без толку будет! — Он вдруг взял капитана за предплечье. — Смотри, Пальч...

В голубовато-серой тройке и на полтона более темной шляпе Векслер выглядел, как всегда, немного франтовато, невзирая на седину, палочку и еще более заметную хромоту.

— Думал, не дождетесь, — приветствовал он коллег.

— Как же мы без тебя, дядь Жень, я бы поезд тормознул на крайний пожарный, — хохотнул Дробот.

— За тобой не заржавеет... — улыбнулся Евгений Павлович.

И, повернувшись к Туманову, спросил:

— Все-таки решил вернуться?

— Да, вначале домой, там видно будет... Ты-то сам как? Как нога?

— Да прям не знаю. Надо либо святой водой ее окропить, либо куда-то к старцам ехать на отчетку. Сколько можно-то — в одну воронку? — улыбнулся Векслер.

— Ну а делать-то что собираешься? — пытливо вглядываясь в старшего товарища, спросил Никита.

— У-у... Хороший вопрос. Годик отдохну, там видно будет. Может, приму одно из предложений, может, преподавать пойду, а то и заведу себе участок: курочки там, козочки... — И, подмигнув, добавил: — «Участок Векслера» — звучит?!

Милиционеры засмеялись.

Посадка заканчивалась.

— Ладно, Туманов. Давай прощаться. Вот это — тебе. — Он протянул капитану картонную коробку и на слабые попытки возражения достаточно жестко ответил: — Даже слушать не стану!

Из вагона спустилась привлекательная молодая женщина и, подойдя к офицерам, ласково взяла Туманова за руку. Офицеры обнялись, и Никита направился к вагону.

Женщина подошла к Векслеру, обняла его, прижав на мгновение к груди, и ласково поцеловала в щеку. Потом погладила, как бы сглаживая ладошкой невидимый поцелуй, и пошла следом за мужем к ступенькам тамбура.

Мужчины внимательно посмотрели ей вслед.

Паровоз дал последний сигнал и дернул состав. К вагону бежал опаздывающий молодой парень со свернутым пакетом из промасленной бумаги в руках.

Озорно улыбнувшись, Дробот резко развернулся и крикнул проводнице:

— С беляшами не впускать! И не спрашивать почему!

* * *

Войдя в купе и перекинувшись с женой парой фраз, Туманов аккуратно положил на столик и раскрыл коробку. Там лежала в рыжей кобуре «пушка» Векслера, две полные обоймы и картонная упаковка с надписью на этикетке «50 patronier 9x23 mm Steyr». Капитан отстегнул кнопку на полированной коже и достал массивный пистолет. Видно, что он прошел в Крым, и рым: воронение стерлось по всем выступающим деталям, а на ромбообразной насечке деревянных щечек рукоятки остались многочисленные отметины.

Дверь тамбура открылась.

— Вот и ваш сосед — думала, не успеет! — Проводница пропустила вперед старшего лейтенанта с танковыми эмблемами на погонах. На груди офицера располагалась наградная планочка, где ленточки нескольких медалей однозначно указывали на его фронтное прошлое.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — приветствовал он милиционера, с ходу поймав глазами пистолет на столе.

— Милости просим, — по-цивильному ответил ему Туманов, убирая подарок товарища.

— Хороший ствол, надежный. Правда, тяжелый, собака, и не очень удобный в перезарядке, — как бы извиняясь, проговорил старлей, забрасывая объемный брезентовый ранец под нижнюю полку.

— Ну, все... Зацепились мужики языками за оружие, — засмеялась супруга Туманова.

В дверях вновь показалась проводница.

— У вас еще один сосед будет, но тот уже в Валуйках сядет. Я вам пока чайку заварю... С лимоном! — добавила она.

— Дмитрий, — разобравшись с вещами, протянул капитану руку танкист.

Мужчины познакомились. Старлей оказался земляком, ехавшим домой после демобилизации.

— Вам хорошо, прямо до Чебоксар доедете. А мне от Канаша еще день на подводе плестись до Цивильска, если попутки не поймаю, — смеялся он.

— Чем займешься дома?

— Не думал еще, учиться надо. Что эти лейтенантские курсы, не трактористом же в совхоз...

— Так давай к нам? В УГРО... — испытующе посмотрел на собеседника капитан, еще раз пробежав глазами по наградным ленточкам.

— Да тоже думал, но не знаю пока...

— Да-да, Т-34 потянул, как направили, а тут «не знаю»?

— Так там приказали, а тут самому надо выбрать — на всю жизнь.

— Это точно, — подтвердил Туманов. — На всю жизнь, не поспоришь...

* * *

Подходя к зданию областного УВД на улице 10-я линия, Векслер обратил внимание на милиционеров в фартуках, красящих забор, который закрывал боковой проход к зданию.

Поздоровавшись с командовавшим работами Сретенским, поинтересовался:

— Где вы такую краску берете? — Он кивнул головой на глубокий, с явным фиолетовым отливом шоколадный цвет свежевыкрашенных плоскостей. — Половина Камброда с такими ставнями и палисадниками...

Областник в ответ хитро улыбнулся.

— Ты, Женя, просто человек непрактичный. Что ты будешь на гражданке делать — ума не приложу! Смотри. Берешь десятилитровое ведро сурика с паровозостроительного. Смешиваешь с литром эмали кобальта с лакокрасочного... Готовченко!

— Ну ты даешь! — хмыкнул отставник.

— Только полковнику не рассказывай, — засмеялся вслед майор.

Поднявшись на второй этаж, Евгений Павлович по привычке без стука вошел к криминалистам.

— Всем привет, астрономы!

Его радостно встретили и усадили за стол напротив Эдуарда Константиновича. От чая Векслер отказался, внимательно приглядываясь к привычной обстановке.

Эдик, по обыкновению, тут же зарылся в бумаги. Зоя сидела за микроскопом. Рядом с мученическим выражением лица страдал над учебником ее одиннадцатилетний сын Коленька. В глубине за дверью лаборатории возилась Зинка.

— Что учишь? Математику? — спросил он у мальчика.

— Если бы, — ответил тот и показал раскрытую хрестоматию. — Отсюда и досюда, — ткнул он пальцем в разворот.

— ...Под ним сидел, и кот ученый свои мне сказки говорил», — прочел милиционер. — Это очень легкие стихи. Ты умеешь что-либо более сложное?

Коленька два раза неопределенно пожал плечами и с надутыми губами продолжил попытку зубрежкой.

— Ну стрелять, например, ты умеешь?

Зоя хмыкнула, озорно глянула на майора и снова нырнула в свои окуляры. Эдик, чуть приподняв бровь, отложил раскрытое дело и потянулся за бумагами в углу стола.

Мальчик, не сводя удивленного взгляда с милиционера, отрицательно помотал головой.

— Если хочешь, могу тебя научить, — продолжил Векслер.

— Дядь Жень, ты ж пистолет должен был сдать, — хихикнула, не отрываясь от своего микроскопа, криминалист-биолог.

— Ничего страшного, в нашем тире есть из чего выбрать, или у мамы ее ТТ возьмем...

— Зоя, я к Сретенскому, буду через полчаса... — кинул на ходу начальник криминалистической службы и, подхватив папку, ловко выскользнул из кабинета.

Та кивнула и подкрутила шкалу.

— Мама не даст... Велика радость — после работы переться в тир, а потом еще эту железяку чис... — Она вдруг, замерев на неуловимое мгновение, осеклась на полуслове. Наконец оторвавшись от окуляров, женщина ошарашенно уставилась на отставника: — Дядя Женя, ты серьезно?!

— Конечно. Постреляем, потом сходим куда-нибудь поужинаем. Не всю жизнь ведь в кабинетах чахнуть. — Он подмигнул мальчику. — Пойдем, Николай. На свежем воздухе маму обождем...

Когда они вышли, Зоя неподвижно просидела почти минуту, а потом, резко вскочив, заметалась по просторному помещению. Схватив вещи, кинулась к двери, но остановилась. Вернулась, открыла сейф, достала ремень с кобурой и портупею, сунула все в сумку и, подскочив к дверям, крикнула в сторону лаборантской:

— Зина, я убежала!

— Хорошо, Зоя Михайловна!

Она еще мгновение постояла, потом, беззвучно шевеля губами, три раза подряд быстро-быстро перекрестилась на пустой угол напротив входа и выскочила за дверь...

Анна Козырева

Прозаик, журналист. Родилась в г. Краснокамске на Среднем Урале. Окончила Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Работала редактором, литературным консультантом, журналистом. Печаталась в журналах «Дружба», «Вожатый», «Молодая гвардия»; еженедельниках «Московский строитель», «Домострой», альманахе «Русское эхо». Автор книги для детей «Тайны крещения Руси» (2006), которая была отмечена Международным конкурсом детской и юношеской литературы им. Алексея Толстого и Литературной премией благоверного князя Александра Невского. Призёр Международного конкурса имени А.К. Толстого за повесть «Яблочный спас» (2009). Живёт в г. Видное Московской области.

ЖЕРТВА МАТЕРИ

*Мне бы быть звездой
Той, что над тобой,
Видеть, что ты рядом и что живой...
Молитва. Анатолий Доровских*

Утром Лешка Зырянов отбывал в армию.

Мать потерянно смотрела на сына обезумевшими, полными слёз и припухшими до красноты от бессонницы глазами, а он шептал ей:

– Мама... мамочка... Вы только не переживайте!.. Вот увидишь: всё будет хорошо! Всё будет топ-топ! Я же, мама, – мужик! защитник!

– Ой-й... сыночка... как же мне лихо!.. как лихо... И сердце болит, Лешенька... ой, как болит!... Я так боюсь, сынок... так боюсь... – Мать обреченно вскинулась покорно-отчаянными глазами на сына. Силится что-то сказать-вымолвить, а сын, стыдясь ее откровенных слёз и тяготясь её навязчивостью, рванул к ребятам, колготной кучкой топтавшимся у крыльца военкомата.

Мать умерла внезапно.

И словно надломилась сама вечность, когда он узнал об этом...

Счастливым Лешка ехал домой. Ехал из госпиталя. И хотя ранение у него было не из легких, оклемался солдат на удивление всем быстро и так же быстро пошел на поправку.

В своих письмах сын ни разу и слабым намеком не обмолвился о том, что последние полгода прослужил на Кавказе.

Он исправно, раз-два в месяц, отправлял матери письма-отчеты, в которых старательно излагал суть повседневной армейской жизни: о нарядах и успехах в боевой учебе, о том, что ему присвоили звание «ефрейтор», и о том, что зимой приходится очень уж много долбить ломом льда на дорогах... Отдельной строкой сообщал о быте и обязательно – о кормежке. Коротко – о ребятах и командирах, а мать в своих ответных письмах каждому из них, с перечислением имен, отправляла низкий свой поклон...

Зримо представляя себе, как мать всё-таки пытается уловить меж строк нечто недосказанное и нежелательное, Лешка всякий раз старался упомянуть Псковскую землю, куда первоначально и был отправлен с Курцины. Он описывал матери непривычную его глазу лесистую природу и столь же непривычно низкое плоское небо. Однажды Лешка с искренним удивлением написал о каменных валунах, выраставших, как огромные грибы-дождевики, на полях и лугах.

Он и в последнем своем письме уже из Подольского госпиталя (вновь, конспирации ради, отправленном через Псковскую часть) не преминул воспользоваться изобретенным им отвлекающим внимание маневром: по памяти описал давнее посещение в Пскове Древнего кремля...

И лишь в конце, как бы случайно, сделал приписку о возможно скором отпуске: «Жди! Наверное, приеду!..»

Маяться на августовской жаре и ждать рейсового автобуса в Фатеже солдат-отпускник не стал. Остановил частника и уже через полчаса был почти у самого дома. Вышел из машины и, небрежно поправляя голубой берет, уверенно шагнул на знакомую улицу.

– Ой, никак Лешка?! Лешки-и-инька-а... мальчик!.. – Он не сделал и пяти шагов от шляха, когда его настойчиво оклинули. Оглянулся. У придорожного магазинчика шеренгой стояло несколько местных женщин. И все они странно смотрели на него. Странно и оторопело. – Ле-ша-а!.. ты ли это?!

– А кто ж еще?! Я, конечно! Вот – собственной персоной! – Солдат широко и весело улыбнулся. Подошел к ним и радостно обнял одну из них. – Теть Оля, чё-то ты совсем маленькой стала?

Заречинская тетя Оля, старшая мамина сестра, обхватила племянника руками, уткнулась седой головой в ему в грудь и взывала с причитаниями в голос.

– Ну вот! Ты чё это, тетя Оля, выдумала? Не плачь! – И он в смущении оттолкнул её от себя. – Вы лучше приходите вечером все к нам. А я сейчас побегу – до мамы!

– Ле-ши-и-инька-а... сыночка-а... – Тетя Оля не унималась.

Нечто ужасное, пугающее своей неотвратимостью прочитывалось и в глазах всех остальных женщин, немо и потерянно стоявших около них, а Лешка вдруг отметил про себя, что на тете Оле одето старое платье из давно забытого модой кримплена с ярко-альными мелкими, букетиком, цветочками по темно-зеленому полю.

... – ты ж как раз под сорок дён и приехал...

Сизая, угрюмая туча, наползая из-за степи и подпирая синь, уже всюю пласталась на ветру обвислым краем в огрузлом, скукожившемся вдруг небе.

– Ле-еша-а... сы-ы-но-очка-а... а мы ж и табя схоронили...

Последних слов солдат не слышал. Он медленно-медленно шел по деревенской улице в сторону родного дома. Тетя Оля бросилась было за ним вслед, но кто-то из женщин предупредительно что-то прошептав, задержал ее. И она лишь крикнула ему:

– Ключи от хаты-то у Валентины!

На крыльце родного дома Лешку уже поджидала соседка.

Поднялся на крыльцо. Устало опустился на лавку.

– Ключи со мной... сейчас-сейчас вот отомкну... отомкну сейчас... – Валентина суетливо спешила открыть висячий замок на входной двери, но руки предательски дрожали, и вставить ключ в скважину ей всё не удавалось.

Лешка был совершенно безучастен к её хлопотам: он в сердцах пихнул ногой дорожную сумку, брошенную им на пол, стянул с головы ухарский берет небесного цвета, уткнулся в него лицом и – неожиданно для себя самого по-детски безутешно и открыто заплакал...

Женщина, наконец, сумела справиться с замком, распахнула шумно настежь дверь и перемахнула за порог. Слышно стало, как в темных сенцах она обо что-то запнулась, чуть не упав, ойкнула непроизвольно и скрылась в хате.

Соседка тихо-тихо, замерев нахохлившейся, вспугнутой птицей, сидела на табуретке в передней, когда Лешка, спустя время, осторожно переступил порог. Вошел, минуя переднюю и кухонку, шагнул в горницу, где от плотно зашторенных окон было тесно и сумеречно. Заметно уменьшали пространство родного жилища черные полотнища, свисавшие траурными шлейфами и скрывавшие от глаз высокое зеркало старенького трюмо, рамки с фотографиями за стеклом, висевшие в межоконных простенках, короб телевизора в углу на тумбочке.

На столе стояло увеличенное мамино фото, с которого она приветливо и прямо улыбалась сыну. С боку, прислоненной к маминому плечу, – последняя его армейская цветная фотокарточка: и он тоже всем прямо и приветливо улыбался.

Перед обоими фото стояло белое блюдечко с хрустальной рюмочкой на тоненькой ножке. В рюмочку была налита до середины водка, а поверх лежал высохший ломтик черного хлеба. Около рюмочки – тонкий огарыш желтой восковой свечи.

Упал на колени перед столом. Солдат не плакал; он просто молча и потерянно смотрел на маму, так ласково и радостно улыбающуюся ему...

Глухую обморочную тишину соседка, беззвучно прорыдавшая всё это время, рискнула нарушить осторожным предложением:

– Може, до меня пойдём... Поешь.. Голодный, поди, с дороги-то...

Лешка очнулся. Поднялся с колен. Присел на краешек дивана и, отстранено пробурчав:

– Не хочу... – уставился в пол: больше не знал, куда и зачем смотреть...

В сенцах с шумом хлопнула дальняя дверь, и следом широко распахнулась дверь в хате: на пороге появилась раскрасневшаяся с большой, груженной сумкой в руках тетя Оля. Заглянула в горницу:

– В темноте-то, чё, как филины, сидите? Хушь ба свет зажгли. – И щелкнула выключателем на кухне. По-хозяйски засутилась. – Сейчас я тебя, сыночка, покормлю...

Валентина поспешила оправдаться:

– Отказываться – предлагала... к сабе звала...

Тетя Оля не слышала или только делали вид, что не слышит: сновала по кухне, хлопотала и вскоре позвала к обильно накрытому столу:

– Идем-идем, Лешенька! Поить надоть! С дальней дороги как-никак... Маму вот спомянем, да и за твое здоровье по чуть-чуть пригубим: радость-то кака – живой! Мы ж тебя, сыночка, усем миром успели схоронить...

– Она усё жалилась, что сны плохие видит... – Помянув за столом усопшую, соседка начала издалека. – Идём с ей на ферму, бывалочка, утром ранешенько, а она усё токо сны и вспоминает. То одно чё-то увидит, то чё-то друго... Я ей говорила, чтоб значенью им не придавала. «Забудь, – говорю, – усё, чё видела! Проснулась: голову почесала, и усё забыла».

– Это уж известно: сон споминать – беду накликасть... – огласилась с ней тетя Оля.

– А тута как-то, – Валентина продолжила, – у ей сердце схватило: с лица спала, уся бледная стоит. Утрешню дойку то-нито довела. На вечер Люська-бригадирка ей замену нашла. После дойки я к ей спроведать забежала. Она как раз на диване лежала. Телевизер... будь он проклять! – бросила она в сердцах, – ...включенный говорит. Как раз стали известья показывать. А она с какого-то моменту, Лешенька, ни одних известьев, особенно каки с Чечни, старалась не пропустить. И усё сокрушалась, чё, мол, наших бедных солдатиков усё по телевизеру стыдят да охаивают. Чуяла ли, чё? – вздохнула. – И вдруг на весь экран ты, Лешенька! Лицо онемевше, как у мяртвеца, каменно... Глаза запавшие закрыты плотно... Увесь у черной щетине... И – у кровящи... Тя на носилках у машину пихают, а рука-то болтатся, как плеть... болтатся... Я на её глянула: може, думаю, не видит... може, думаю, не признала... може, думаю, это я обшиблась... А она впиалась глазами в экран: сама – плотно белое... И как закричит: «Лешенька! Сыночек мой!» С диванчика-то подхватилась... Руки к телевизеру тянет... Встала и шага, ить, сделать не успела, тут и рухнула на пол...

Я – тык-мык... ишшо и не соображу до конца, чё к чему... Тут, слава Богу, Елена Петровна бегит: тоже табя увидала... Следом Митрич приковылял... Сгрудились мы над ей... Помочь ничем не можем... А чё и сделаешь, коли сердце в миг разорвалось? Уся деревня так и решила, что видали табя убитым... – И, не сумев сдержать обильных слёз, женщина захлебнулась, умолкла.

– Токо вот отпеть табя заочно уместе с матерью батюшка отказался... – Тетя Оля вытерла и свои обильные слезы. – А я, ить, грешная ишшо так и настаивала!.. А когда твоё письмо пришло, – прочитали яво, повертели-повертели: ни даты, ни каких намеков, штемпель псковской, – так и решили, что писано давно, что гдей-то на почте застряло... Бывает, вона, и из Курску письмо-то месяцы идет...

Предошущение лихой беды надвигалось лавинообразно, и последние полгода неминуемо стало постоянным её чувством. В своей неизбежной неотвратимости беда надвигалась злой волной-цунами, грозила сплющить черной массой, подпирала безысходностью и страхом...

Раз за разом мать перечитывала письма сына, невольно сличая знакомые тексты, – и обнаруженные неожиданно их однообразие и похожесть фраз, а то и явное противоречие в повторных описаниях событий, да и замеченная путаница в именах, ещё более и более взволновали и насторожили.

Она вновь и вновь механически пересматривала те, давно вызубренные до запятой, исписанные неровным почерком листочки; и однажды всё-таки сумела высмотреть, незамеченный ею раньше, слабый отпечаток пальца на одном из последних писем. Мать напряженно, до острой рези в глазах, всматривалась в тот обнаруженный отпечаток, пытаясь в еле уловимом рисунке угадать нечто до боли знакомое – сыновье... Она, по-собачьи чутко втягивая носом воздух, обнюхала то пятнышко, и ей даже почудилось, что ясно сумела уловить горький запах гари и дыма... отличить и тревожный запах паленого... вычленить парной запах сырой крови...

Всё чаще и чаще, при первой же возможности, мать стала ездить в церковь, куда раньше и любопытства ради редко заходила. Она терпеливо и стойко выстаивала долгие

службы, мало что понимая до конца и разумея по смыслу; и только одна-единственная, свербящая и пульсирующая фраза, произносилась ею и вслух и мысленно:

– Господи! Господи! Не остави моего сыночка!.. моего Лешеньку!... Верни его домой... верни целого и невредимого...

Мать часто просыпалась среди ночи и подолгу лежала с открытыми глазами, впериваясь в чернильную темноту и вслушиваясь усиленно в запредельные звуки, но ни увидеть, ни услышать того, что могло бы хоть как-то утешить страдающее сердце и пригасить страхи-тревоги, ей не удавалось; и тогда она, не выдержав внутреннего напряжения, падала ниц перед иконами, привычно висевшими издавна в переднем углу, порывисто крестилась и, не сдерживая обильных, перехватывающих дыхание слёз, молила:

– Господи! Чует мое сердце – тучей черной висит над моим мальчиком беда!.. Господи! Господи! Отведи от него все горькие беды-напасти!.. Меня накажи... меня! А его, Господи! Спаси и помилуй! Сохрани моего сыночка... моего Лешеньку... Господи! Господи! Не отступи!..

Обессиленная и опустошенная от слез и причитаний, она падала пластом, и долго еще лежала на полу немо и отрешенно...

С каждым новым днём мать всё напряжённее и напряжённее, подавляя в себе близкий мистический страх, всматривалась в лица солдат, замелькавших внезапно во множестве на экране, да и само тревожное, забытое казалось на века слово «война» обрело вдруг свою плоть и реальность: какая война? где? почему? Многого мать не могла по простоте своей взять в толк, ничего или почти ничего не понимая из происходящего, но чуткое ее сердце разрывалось от жалости и несправедливости к растерянным и недоумевающим мальчикам.

И во всем этом явно таилась какая-то вселенская ложь, однако до разгадывания ли было политических шарад и загадок, когда с замиранием сердца смотрелись новостные программы, а однажды она точно узнала в одном из усталых, отмеченных войной лиц и до боли знакомое лицо: мелькнул стремительно ее мальчик в чередѣ чужих лиц и, словно испугавшись, что обнаружился, поспешно отвернулся. Всё в ней похолодело до озноба и, вздрогнув, напряглось... Камера вновь старательно выхватила лицо приреченного солдатика и показала крупным планом – а мать

облегченно выдохнула: обрадовалась! Но тот чужой сын с худенькой куриной шейкой запомнился и еще долго стоял перед глазами...

Тревога, столь вероломно угнездившаяся в тесной груди, не оставляла даже и тогда, когда от сына приходило очередное письмо – спокойное, ровное. Мать всё равно не обретала и временного покоя.

И всё чаще и чаще снились ей сны – тревожные, изнурительные и путаные.

А потом был тот последний сон, разметавший все прежние...

Только-только прилегла, не успела и глаз сомкнуть, обморочно провалилась, как в черный провал, и тут же увидела кровавую реку, весенним половодьем заполонившую собой всё пространство зловещего сна; и покачивалось на слабой тягучей волне черной лодочкой бездвиженное тело человека, облик которого ей еще не был явлен.

Сквозь толщу сна ясно прорывалась учащенная дробь перепуганного насмерть сердца, и она попыталась вырваться вон из тяжелых липких пут, но сделать этого ей не удавалось.

И вот новая попытка: взмах рукой... другой взмах... – и вот-вот, кажется, выберется на поверхность, скинет с себя глубокий морок, однако вязкий обморочный сон, как в черную воронку глухого омута, всё затягивал и затягивал.

Веки не открыты – придавило чугунным грузом, а в области пупка сконцентрировалась тупая пульсирующая боль, словно из неё тянули-вытягивали жилы, впрочем, обнаружилось, что жилы тянули наяву. Она отчетливо видела, как от черной лодочки, оказавшейся телом её мальчика, белым жгутом тянулась к ней пуповина – его пуповина, натянутая как тетива. Мать очень остро прочувствовала эту реальную связь между ней и сыном, и явно испытывала теперь напряжение натянутого вибрирующего шнура, а белёсая тетива вдруг не выдержала натяжения – лопнула с пронзительным, перевернувшим душу, скрежетом-свистом: тело-лодочка быстро-быстро устремилось по кровавой стремнине вниз...

И мать проснулась... проснулась в холодном поту.

Её трясло, как в ознобе, и перехватывало дыхание.

Невольно тронула мелко дрожавшей рукой живот: в области пупка горело открытой раной...

И весь долгий день острая боль не оставляла её, а к вечеру уже и весь живот казался сплошной пылающей раной; и такой же болезненно-мучительной была распиравшая грудную клетку тоскливая тревога.

И когда мать услышала, пробившийся до чуткого слуха, зовущий вскрик:

– Мама! – она моментально устремилась на тот давно ожидаемый зов.

Душе в груди, как в узкой клетке, стало невыносимо тесно и душно, и она стремительно рванулась на свободу, а отяжелевшее, оставленное тело-оболочка само по себе рухнуло на пол.

Душа легко вспорхнула белой голубицей, и, вылетев искристой молнией вон через настезь отворенное окно, навсегда покинула старое жилище...

...а он плыл в белоснежных одеждах, вольно распластавшись полечгавшим телом на воде, покачиваясь на слабой волне, и волна по тихой-тихой стремнине медленно несла его в неведомое. Он видел: над ним – синь бесконечная, беспредельная... синь и синь...

Внезапно плавное течение резко прекратилось – река бурным потоком обрушилась вниз, завертела, втягивая в спираль быстрой воронки безмятежного пловца, – и понесла-понесла, как щепу, в черную глубину, в пугающую бездну...

И самое последнее, что он успел отфиксировать, – это холодный стеклянный объектив телекамеры, змеей ввинчиваясь немигающим зеленым зрачком, тянулася к нему, всё всасывающим, равнодушным хоботком.

– Мама! – он вздрогнул от своего внезапного крика, а она, отреагировав моментально, уже отозвалась на его крепкий крутой зов:

– Лешенька!.. сынок!.. слышу-слышу!.. Я – здесь... рядом...

И мать склонилась над ним, отогнала внезапный страх, умирила подпирающую нутро боль. Она смотрела на него ласково-ласково идохнула легко и свежо, словно ополоснула живительной влагой пылающее лицо...

Открыл глаза: над ним низко склонилась голова и голосом чутким, вкрадчивым осторожно спросила:

– Леша, ты слышишь меня? Если слышишь, – моргни разок глазами.

И он выполнил, как его просили: захлопнул веки – открыл веки, – а сам очень-очень внимательно следил за белой голубкой, вспорхнувшей на спинку его кровати.

Птица сидела сторожкой, не реагируя на суетящихся над ним людей...

Назавтра были сороковины.

С утра, как распорядилась тетя Оля, они вдвоем вначале отправились в Фатеж.

– В церкву... на панихидке постоим, – объяснила крестнику.

Будними днями служб в храме практически не бывало, и Лешка издалека отметил, что на двустворчатой церковной двери, выходявшей прямо на улицу, железным калачом болтался тяжелый висячий замок. Он хотел было высказать свое недоумение вслух, но не стал – тетка вышагивала рядом споро и уверенно.

Через калитку в кирпичном заборе они вошли во двор, где, как оказалось, их ждали. И они, вчетвером: священник, дьяк, тетя Оля и Лешка, – через боковую дверь прошли в темный храм, где было пусто и глухо.

Спустя минуточку-другую следом вошла женщина. Она быстро зажгла на каноне свечи. Протянула и им по высокой тонкой свече. С зажженными фитильками в руках замерли в ожидании.

Вскоре в облачении к канону подошел священник. И если дьячка Лешка узнал сразу же – крупный, зычногласый, с постоянно всклокоченной рыжей бородой, тот, казалось, если и не являл собой саму вечность, во всяком случае, давным-давно воспринимался неотъемлемой частью местного храма, – то молодой священник ему совершенно был незнаком, лишь самым странным образом напомнил собой полкового батюшку, которого Лешка наблюдал на Кавказе среди казаков.

Священник что-то негромко спросил у тети Оли, и та, захлебнувшись внезапно обильными слезами, зачастила:

– Это он и есть – наш Лешенька-а... наш солдати-ик... это ж я яво, грешная, отпеть всё уговаривала... Увечер вот приехал...

– А сейчас-то чё плачешь? Радоваться надо, что живой вернулся, – он попытался успокоить плачущую навзрыд женщину.

– Так-то оно так... – согласилась было тетя Оля, – да шибко ж изранетый весь... Молоденько-ой... а на ём же и места живого не-ет... кровиночка жалкая... А тута ишшо и мамки не-ет... – и она вновь задохнулась слезами.

– Ну не плачь... не плачь... – Видно было, что батюшка и сам смущен, но держался и растерянности своей старался не показать. – Слава Богу, что – живой! Раз выжил, – значит, жить будет долго! – и, пристально посмотрев в упор на Зырянова, спросил у него:

– Не так ли, солдат?

И Лешка, окончательно ошалевший от происходящего, поспешил согласно кивнуть отуманенной головой.

С дымящимся кадиллом в руке подошел дьяк, и панихида началась.

Вернувшись из Фатежа, они напрямиком направились на сельское кладбище.

В недоумении и растерянности стоял Зырянов возле могилы матери с простым деревянным крестом в изножье. Он попытался вчитаться в начертанные на кресте слова и цифры дат, однако, совершенно не воспринимая смысла написанного, ясно испытывал только одно – в нем всё сопротивлялось, отказывалось принимать реальность происходящего, а свежий холмик, ощетинившийся мягким ершиком густой зелени, обнадеживающе увиделся вдруг непрополотой огородной грядкой, бесхозно заросшей сорной травой: желтую кудрявую головку вытянула сурепка... сочная осот-трава высунулась нагло из черной земли... кустиком топорщилась мелколистная жгучая крапивка... в шершавых мохнушках ширица... бледно-серая лебеда опять же...

Склонился, как в детстве, над заросшей грядкой – дернул сурепку... осот на обрыве сверкнул молочным ободком... ожгла крапивка пальцы...

– Нехай-нехай!.. оставь! – Тетя Оля одернула, вернула в действительность. – Это я по осени усё повытягиваю. Люся из Курску обещшла семен привезть... Травка така-то специальна есть. Её посеем, и будет у нас на могилочке порядок. Усё будет ровненько, как атласным покрывальцем накрытое. И цветочков посадим. Усё сделам... усё... Я сестренку без призору не оставлю... – А голос влажный, хлюпающий.

Она поменяла выгоревший веночек из бумажных воощенных цветов на новый. Воткнула свечу в землю у креста. Зажгла, и всё что-то говорила и говорила ему, а он давно не слышал её.

Точно также вне его сознания и осмысления прошел и долгий вечер, когда в доме собрались люди. Они сидели за накрытым обильно столом. И он сидел с ними. Что-то даже и отвечал, когда спрашивали. И хотя все они – знакомые и близкие – поначалу старались быть с ним осторожными и внимательными, вспоминая его мать и всё пытаюсь рассказать о ней нечто свое особенное, под конец, однако, начинали перебивать друг дружку, повторяться, спорить, шумно уточнять мелкие детали. А он слушал, ничего не слыша... Смотрел, ничего не видя...

Время ли остановило свой стремительный бег, окружающий ли его мир остекленел, он, как в кокон, замкнулся в себе, – и несколько дней кряду пролежал пластом в пустой хате.

Тихой, осторожной тенью возникала около него крестная: что-то робко пыталась сказать ему, он, однако, ни на слова, ни на слёзы не отзывался: пока однажды не спросил про сегодняшнее число, – и тетя Оля, обрадовавшись тому, что он, наконец, подал голос, назвав дату, тут же поспешила предложить:

– Може, Лешенька, чево поешь?

А он:

– Мне ж в военкомат надо! – подхватился, засобирался.

– Так сразу и поедешь ли, чё? – Тетя Оля вновь затянула просительно:

– Може, хушь поешь чуток?

– Може, поем... – согласился.

В военкомат он приехал под самое закрытие. Дежурный, приняв отпускные документы, сходу набросился:

– Ты где это до сих пор припадал?! Тебе, олух царя небесного, когда надо было явиться?!

Возможно, дежурный и ещё бы продолжал радостно распекать и шуметь, но в комнату вошел старый прапорщик. Он взял Лешкины документы, бегло просмотрел их. Вновь положил на стол. Затем очень внимательно в упор взгляделся в Зырянова и, не говоря ни слова, быстро вышел.

Через минуту на столе дежурного затрещал древний телефон. Тот схватил черную тяжелую трубку и, автоматически ответив по форме, продолжил скороговоркой:

– Есть отметить задним числом! Слушаюсь, товарищ полковник! – И, подняв на Лешку выразительные глаза, вполне миролюбиво произнес: – Иди к военкому, – и подсказал: – Вон в ту дверь.

Лешка потянул на себя обшарпанную массивную дверь. Спросил:

– Разрешите войти?

– Входи-входи, солдат! – военком стоял у открытого настежь зарешеченного окна.

Зырянов вошел и замер у порога.

Военком медленно докурив сигарету и, выстрелив окурок на улицу, вдруг спросил:

– Куда ранен-то?

– В живот... – От неожиданности вопроса Лешка ответил почти шепотом.

– Не болит?

– Да нет... – И снова осторожным шепотком: – Не болит...

– Иди... Через месяц приедешь... А там, думаю, можно будет тебя и на комиссование отправить... Поживи пока у мамки... порадууй...

У Лешки невольно дернулась щека, а прапорщик, который всё время стоял рядом, поспешил что-то прошептать военкому. Зырянов догадался что...

Военком закурил новую сигарету: пальцы его мелко дрожали. И долго-долго смотрел в окно.

– Смотри, если болеть будет, – в госпиталь отправим... Полежишь – отдохнешь... – оглянулся на Лешку, спросил в упор: – Хочешь?

– Да нет... не болит же... – ответил всё тем же шепотком.

Через затяжную паузу военком, глубоко вздохнув, продолжил расспросы:

– Из родни в деревне есть кто?

– Есть... тетка... тетя Оля...

– Жить-то пока есть на что?

– Пока есть...

– Свободен... иди... – Лешка выходил за порог, когда полковник бросил вдогон: – Можешь и попозже приехать, чем через месяц... Как оклемаешься окончательно, так приезжай...

В военкомат Зырянов приехал через три дня. Приехал рано утром.

– Ты чего? – увидев его еще во дворе, участливо спросил военком. – Случилось что?

– Да нет... ничего не случилось... Поеду я...

– Куда поедешь?

– В часть поеду...

– Туда что ли?! – И полковник многозначительным кивком головы указал в южную сторону.

– Пока в Псков... а потом, может, и туда... ребята там...

По возвращении из военкомата Лешка сразу зашел на Заречье. Его приходу тетя Оля несказанно обрадовалась, но еще большей была её радость, когда он с неподдельным аппетитом умял всё, что она подкладывала и подкладывала ему в тарелку.

От тетки Лешка пошел на кладбище. Пошел один. Без тумана в голове. Словно кто вел его за руку, – он сразу же подошел к могилке матери.

На погосте было тихо, безветренно, умиротворенно, и у него на душе то же было ровно и покойно. Присел на корточках у могилки, формой своей, гробиком, уже не напоминавшей огородной грядки. Мысленно ли о чем говорил с матерью, вслух ли что произнес невольно, он так и не отфиксировал, но ощущение того, что ясно слышал ласковый мамин голос, его не покидало и много позже.

Тогда он совершенно не испугался и долго сидел смиренно и тихо, приспособив под сиденье какой-то чурбачок, у скорбного холмика, оглаживая рукой теплую, прогретую за день солнцем поверхность.

И лишь когда потянуло вечерней осенней прохладой и стремительно густо посерело вокруг, оставил кладбище.

ПОЭЗИЯ

Наталья Джурович

Поэт, переводчик. Родилась в Москве. Закончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Автор книг «Нескончаемое лето», «Румия Крестonosная» (автор и переводчик), «Двуречие». Лауреат конкурса им. Григорьева. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостинный дворъ», «Подъём», «Волга 21 век», «Славянская лира», «Эхо Бога». Стихи переведены на сербский язык. Живёт и работает в Черногории.

ДЕД

Герой в летах, в сединах бороды,
Идёт по кромке вспененной воды,
В камнях свои прокладывая тропы.
Тут остановит берег, там – пейзаж.
У дедушки давно «пейзажный стаж»,
Да только чаще был пейзаж окопный.

Как будто в латах, в космах он седых,
И, слава Богу, ходит на своих,
И все ещё как будто на подхвате.
Проверку полигонами прошёл,
И в лёгких воля дышит – хорошо!
– Ах, что там? Пропуск? Маску? Справку?
– Натe!

За маской седины не прячет дед.
Безропотно потёртый документ
Протянет, как протянет ветку тополь.
Он отстоял когда-то Севастополь,
Да вот на пропуске о том печати нет.

Ну, нет, так нет. Потрет карман тугой.
...И камешки под дедовой ногой
Хрустят, как внуки сахарным печеньем
Хрустели, и когда-то развлеченьем
Из дедовых карманов извлеченье
Его казалось. «Деда, дорогой!..» –
Всё слышится, как камешки с откоса...
И всё ещё как будто в жизни сносно,
И нет потребности жизнь сложить другой.

* * *

Мы уходили до темна гулять,
Пока вы были, как всегда, при деле.
Теперь мы можем смело вам сказать:
Спасибо, что тогда не доглядели.

На край села – да разве это край!
За старым домом балка с ежевикой...
(Ты хоть сейчас о том не причитай,
Ты и сама ведь к странствиям привыкла).

Ведь мы же «по делам», не «от балды»,
Ведь слишком долго на селе затишье!..
Ты лучше вспомни «райские сады»,
Через плечо – ведро для дикой вишни...

Мы счастье получали не взаймы.
Весомость дней и невесомость в теле.
Варенье, осы... и летели мы –
А ведь и правда, мы тогда летели!

* * *

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится...
Обычная тамбовская земляца,
Нам было здесь написано родиться;
И вот стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов родных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет
Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.
Был за забором прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя вберёт – за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять.
Шуршат венков поблёкшие цветы,
И, как цветок, сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память!
Ты вслушаешься в эту тишину,
Прадедушке расскажешь про «войну»,
Где непременно победили «наши».
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы раскрашен
Твой самолет, и маме он не страшен –
Благодаря ему.

ЛОСКУТКИ

Печка, бабушка в платочке,
Мама, тетя, я и ты.
Мы играем в лоскуточки,
Лоскуточки, лоскуты...
«Сохранила вам Аленка,
Будьте бережней чуток...»
Загадаю, чтоб зеленый –
Мне достался лоскуток.
В комнате запахло хлебом,
Дым ерошится в трубе.
Вот тряпица — словно небо,
Синий лоскуток — тебе!..
Наши тряпочки-тряпицы,
Даже бархата чуть-чуть!
Как такой не поделиться!
Как над ней не прослезиться
Нам потом, когда-нибудь!..
Память как узор на ткани:
Мама, тетя, я и ты —
Да странички поминанья:
Лоскуточки, лоскуты...

КОЛЯ

Выжив после танкового грома,
Не сдалось больное деревцо.
Тот луганский мальчик из детдома
Станет новый Николай Рубцов.

Ветром надувается рубашка –
Сноса нет – нерасторжима связь.
Коля петь захочет о ромашках,
Над тетрадкой школьной наклонясь...

Гулкой песней кто-то снова славит
Мирного мгновения творцов.
Ветер это? Мальчик? Или память?
Или снова – Николай Рубцов?..

* * *

Сдув с ладони тёплую пыльцу,
Жмуришься от нежности неожиданной.
Мой малыш, тебе она к лицу!
Мне ж к лицу – сынок мой долгожданный.

Август как парное молоко –
Завершился, как молитва в храме.
Грустно смотрит в комнате окно,
Заключённое в поблекшей раме.

Мы читаем строчки из псалмов,
П рибautки, сказки и потешки.
Видно, ты на многое готов,
От того тревожней мне, чем прежде...

Непоколебимый Чудо-кит
В детской сказке мощен и прекрасен.
Улетает в отдалённый скит
Лето в одуванчиковой рясе.

* * *

Боже, я Рубцова старше,
А до истинных стихов
Как до совести пропащей,
Как до прежних женихов.

Боже правый, для чего же
Рубит ангел за плечом,
Стих, под грифом «се негоже!»
(Ишь, удумала о чём!).

Только что такого – ветошь,
Леность, сырость и хандра.
В «монтенегру» не поедешь,
Что ж, а Крыму-то – «Ура!».

Не поеду – это кстати,
Черно-горе, изыди!
Сын читает – листопадит –
Как лампадою кадит.

СУНДУКИ

...А были – внуки да сундуки,
их много, и каждый внук –
Из колыбели подрос и – в сундук –
Искать в нём тайну уставших рук,
Седых волос, немой тоски.

А там – добра немало,
Платков «рублёных» – навалом.
Ты их, когда не видел никто,
Возьми да открой –
достанешь, помянешь и – раздавала.

Да только не уменьшались они,
Стопки белых, синих, черных...
С каймою и без, цветастых...
Сочтенных –
За всяку подругу – платок,
Поплачешь, да сундучок – на крючок.

И пела ты: «... грядёт в полуночи...»,
Терпеть и ждать отродясь научена.
— «А что там, за крышкой дубовой?!»
— «Лучшее, Светлое, Вечное, внученьки!»

АВГУСТ

Принять эту боль,
растаять в зерне сгоревшем
Возможно ли будет
Спустя десятины вёсен?
По бывшему лесу
бредёт полоумный леший –
Он был председателем,
женщиной на сенокосе.

Он – ступок потерь, расчленение,
горечи, казней.
Дымится невидимым дымом земля,
два месяца с лишним.
И лето – не лето теперь,
И праздник – не праздник,
И женщина в поле не косит теперь, но ищет.

Границы свои расставит
измотанный август,
Простой, в виде яблок и груш,
он придёт и окажется – русским.
Взмахнув рукавом, разогнавшись,
стоит как данность
Святой Серафим, на всё-таки всплывшем «Курске».

* * *

Наготове душа – да бывает ли так?
Выбривает ноябрь всё заветное налысо.
Эта осень особенно с нами люта.
Наливаются зёрна и – падают запросто.

Запиши моё имя на этом листке,
Пусть и я оторвусь, над собою не сжалившись.
Снова влажные капли на чёрном платке
И беспомощный взгляд в спины вновь уезжающих.

Не молитва и даже не горечь внутри,
Вырастают кресты, под крестами – родимые.
Ноябри – будто сороковины – смотри,
Как корявы слова и старания мнимые.

Больше смерти с собой ничего не возмёшь.
Остывают посевы на бороздках выпретенных.
Не хочу признавать, что и ты здесь пройдёшь,
Если это так просто, то строки бессмысленны.

Чёрных сосен негласный несносен устав:
«Завершается всё, даже муки родильные».
Вырастают кресты, застывают уста,
Целованьем последним согреться бессильные.

Григорий Шувалов

Поэт, литературный критик. Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Юрия Кузнецова, после его смерти перешёл на семинар Евгения Рейна). Стихи печатались в журналах «Москва», «Дети Ра», «Наш современник», «Подъём», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД», «Бельские просторы», альманахе «Крылья» (ЛНР), в «Литературной газете», «Литературной России» и др. изданиях, переведены на английский, болгарский, вьетнамский, китайский и якутский языки. Автор книги стихотворений «Весточка» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Дождя глухие переливы,
в сознание – вспышка и обрыв.
Мне снятся атомные взрывы
и ты, похожая на взрыв.

И я от страха просыпаюсь,
и сердце ёкает в груди,
потом тебя найти пытаюсь,
но ты осталась позади.

За что мне это наважденье?
Скажи мне, Господи, ответь!
Зачем я должен жалкой тенью
на преисподнюю глядеть?

Я в темноте ищу одежду,
совсем не нужную сейчас.
Не забирай у нас надежду,
когда любовь уйдёт из нас.

* * *

С утра проснёшься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идёшь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,
сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить всё на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.

* * *

Москвы боксерскую перчатку
мне надоело отражать,
уехать, что ли, на Камчатку,
чтоб дальше некуда бежать.

Пожить в натуре на вулкане
у провидения в долгу,
купаться в Тихом океане,
палить костер на берегу.

Затихариться глупым дронтом,
ловить несбыточный момент,
и пусть шумит за горизонтом
американский континент.

ЛЕНСКИЕ СТОЛБЫ

С теплохода сбежавшая шайка
отдыхающих мчится вперёд.
– Как живешь, бурундук-попрошайка?
Я принёс для тебя бутерброд.

Под ногами раскинулась Лена
и песчаный на ней островок.
Здесь бы дёрнулся глаз у Шопена
и за ухо схватился Ван Гог.

Останавливал б Фауст мгновенье,
«Быть!» – восторженно Гамлет кричал,
обретая орлиное зренье
в окружении первоначал.

Здесь Булгаков забыл б про наркотик,
а Есенин закончил запой,
на хора´х величайшей из готик,
сотворённой природой самой.

Человеку не выдумать круче,
интересней, загадочней, злей.
«Полоса на спине бурундучьей –
это память медвежьих когтей.

Сохранилась такая легенда...», –
говорил мне якутский друган
там, где Лена, как синяя лента,
убегает в седой океан.

* * *

На дворовый любительский праздник
Дед Мороз и Снегурка пришли,
за подарком спешит первоклассник,
детвору в хоровод увлекли.

«Новогоднюю» шпарит колонка,
поднимается звук до небес.
Новый год для любого ребёнка –
ожидание разных чудес.

Потихонечку день прибывает,
обещает прогноз гололёд,
двор пустынный снежком замедает,
и семья прибавления ждёт

* * *

Что могу я сказать про Донбасс?
Ну, бывал я там пару раз.

Слышал взрывы снарядов вдали,
видел травы на теле земли.

Видел ужас на лицах людей,
окон тьму, пустоту площадей,

как в заклеенном накрест окне
польхает рябина в огне,

как в едином порыве встаёт
мой несломленный русский народ.

Ольга Борисова

Поэт, переводчик, прозаик, публицист, общественный деятель. Член Союза писателей России, организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Автор 13 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр различных международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, Украине, Литве, Израиле и России. Лауреат нескольких международных премий. За заслуги в литературе и культуре награждена медалью им. Е. Замятина и медалью «Великая Победа». Награждена Грамотой Святого Праведного Иоанна Кронштадтского «За укрепление дружбы между русским и болгарским народами», а также Грамотой Святой великомученицы великой княгине Елисаветы Федоровны за любовь к болгарскому народу и милосердие. Публиковалась в Великобритании, Канаде, Македонии, Сербии, Болгарии, Белоруссии, Украине, Чехии, Израиле, Греции, Литве и России. Член Европейского Конгресса Литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья» (Самара), член редакционного совета журнала «Белая скала», «Царицын». Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе СПР. Живёт в Самаре.

ЭЛЕКТРИЧКА

Я вошла в электричку с названием «Жизнь»,
Мне билет подарило дождливое лето.
И летим мы теперь сквозь судьбы виражи,
Через зимы и вёсны, закаты, рассветы.

Где пристанище съедем? С каким багажом
Мы сойдём на последнем глухом полустанке?
Оглянувшись, поймём, что считать миражом,
И на мир поглядим не с лица, а изнанки.

А пока ещё поезд проносит состав
По зигзагам судьбы сквозь беду и печали,
Мимо станций чужих, мимо ложных застав,
С неизвестным маршрутом в туманные дали.

ПОЛОВИЦЫ

Я ушёл, а за спиною тихо ныли половицы
В. Юрков

Тихо ныли и ворчали за спиною половицы,
Когда в путь идти далёкий вдруг пришла моя пора.
Мне казалось, обсуждали иль слагали небылицы,
Издавая звук протяжный, провожая со двора.

И, прощаясь, всё ворчали и не только половицы,
Дверь пружинилась, скрипела, громко хлопала вослед.
И парили надо мною, и кричали громко птицы,
Убережь они хотели от грядущих многих бед.

Но ступали шумно беды, по следам моим шагали,
И сломить скорей хотели, больно жалили меня.
Но крыла я распускала и парила в синей дали,
Опускаясь, путь торила, по тропинкам семени...

Отчий дом в туманной дымке, за далёким поворотом,
Как и раньше, так и ныне, смотрит окнами в рассвет.
Провожает и встречает – не меня... Живёт в нём кто-то.
И скрипят вновь половицы, и таят ушедших след.

ПОБЕДНОЕ

Меняю шубу на пальто, сама меняюсь.
Смотрю в окно и жду домой пичужек стаю.
Быть может, птицы принесут благие вести,
И будем славить мы весну с сынами вместе.

А во дворе шагает дождь по серым лужам,
Прошёлся он и по судьбе, и нашим душам.
Внезапно выветрил сквозняк быдую память,
Слизало прежнее житьё чужое пламя.

Но будет новая весна, в неё я верю!
И будет, и должна стоять за нашей дверью!
И расцветут во всю красу весной тюльпаны,
Залечит время, скроет век живые раны.

ЗА ДРУГИ

Нет любви святее и больше,
Да кто жизнь свою за други отдал.
Евангелие от Иоанна Ин. 15

Конь храпит ли в диком поле,
Птицы ль хищной слышу стон?
Иль шумят ветра на воле
И разносят неба звон?

Он гудит для всех набатом,
Снова жизни на весах...
Сердце режут мне раскаты,
Лжи кровавой словеса.

Дождь на землю льёт свинцовый,
Демон пляшет на костях.
Мы идём под марш суровый,
Поднимая выше стяг.

Как завещано – за други,
Нет любви святее той!
Пронесём отцов заслуги
По земле для нас святой.

Расшумись, бунтарский ветер,
Поднимайся божья рать!
Пусть лжецы за всё ответят,
Мы шагаем мир спасать.

Татьяна Лестева

Прозаик, поэт, публицист. Кандидат химических наук. Главный редактор журнала «На русских просторах», член редколлегии журнала «Аврора». Член Союза писателей России, Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Союза Российских писателей. Лауреат премии А. М. Жемчужникова, дипломант Международной Горьковской премии и Гоголевской премии. Широко публиковалась в литературной периодике России и Германии.

ПОДСОЛНУХИ

Подсолнухи покрыли все поля.
Они цветут, как у Ван Гога...
То Новороссии земля.
Четырнадцатый год! Тревога!

Подсолнух! Солнышко земное!
Над полем бомбы рвутся с воем.
Тот вырван с корнем, тот изранен...
Народ Украины одурманен.

Над полем взорван самолёт,
Ракеты, бомбы, миномёт...
Подсолнух... Он цветёт, как прежде,
Как символ солнца и надежды.

Он верит: солнце не погаснет
Под натиском фашистских свастик.

Лето 2014

* * *

Вечер. Чёрные будни.
Звёзд не вспыхнувший свет.
Жизнь? Уже пополудни...
Безнадёжный сонет.

Лето. Грохот орудий.
В нестерпимой жаре
Гибнут русские люди.
Град летит к детворе.

Жажда. Вспышки пожаров.
В год столетья войны –
Горе. Беженцы. Кара
За развал всей страны.

За язык, за Россию, за нас
Героический бьётся Донбасс.

2014

12 ИЮНЯ 1990 ГОДА*

Безумствует сирень, каштан зажжёт все свечи,
А в воздухе плывёт жасмина аромат...
В июньский этот день я вспоминаю встречу
С тобой на Стрелке, много лет назад.

Нева у наших ног, как бы расправив плечи,
Летела вниз, стремясь обнять Кронштадт,
И белый, как фата, тот ленинградский вечер
С тобою нас ласкал... Не знали мы утрат.

Жизнь, как Нева, стремительно бурлила.
Нас молниями опалило.
Власть охлократии, бесправие, война...
Свобода? – Нищета, бессилье, зло...
Ещё мы живы... Повезло?!
Погибла в летний день страна.

*12 июня 1990 года был принят документ,
провозгласивший государственный суверенитет РСФСР.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Анна Шульгина

Публицист, историк, краевед. Родилась в г. Свердловске Луганской области УССР в 1979 году. Автор исследований, посвященных истории города Луганска. Публиковалась в периодике Луганщины, в литературно-художественном альманахе «Крылья». Автор книг «18 очерков из жизни Луганска» и «Культура Луганска: 1961-1991» (обе – 2021). Живёт в Луганске.

СУДЬБА СЕМЬИ – СУДЬБА РОДИНЫ

Я хочу рассказать о своих предках, а через их судьбы – и о родном городе, а также о целом Советском Союзе, о том, как тогда жили люди и какими они были. «О целом мире, о цивилизации, унесенной ветром», – если перефразировать высказывание писательницы Маргарет Митчелл.

Место действия моей истории – весь Советский Союз от Кишинева до Дальнего Востока. Но в основном я пишу о городе Свердловске, расположенном в 80 км от Луганска. Время действия книги – от царя Гороха, как говорится, и до наших дней. Автор старалась быть максимально объективной. Но это в силу различных причин очень затруднительно, поэтому некоторые моменты в повествовании намеренно сглажены. Некоторые факты убраны и не упомянуты из уважения к памяти тех, кто ушел.

Многое в исследовании является семейными легендами. Но, если идти вперед, продолжать работать в этом направлении, то, думаю, легенды могут стать фактами.

Автор никогда бы не смогла написать этот очерк без помощи других людей, а именно: тех родственников, которые бережно хранили семейные альбомы, документы своих родных; а также трудились на этой ниве: сканировали фотографии, собирали и записывали воспоминания... И самое главное: делились этой информацией друг с другом.

Моя цель – вдохновить других людей сохранять архивы свои и своих семей, записывать воспоминания, и, быть может, писать о своих предках. Удалось мне это или нет на своем примере – судить читателю.

Этот своеобразный дневник создавался и писался долго. Начало запискам о моих предках было положено мною же, когда мне было всего 15 лет. Но из-за переездов и других событий они потерялись. И возобновила я их только 19 ноября 2015 года, когда решила написать о генеалогии, а точнее, записать воспоминания о своих бабушках и дедушках и об отце. И систематизировать те сведения, которые были у меня на руках (потому что я боялась, что сведения и факты, мною собранные и записанные, просто пропадут).

Итак, начнем, пожалуй.

Анна Шляхова, повар, крановщица, мама и бабушка

Моя бабушка по отцовской линии Анна Степановна родом из Курской губернии. Её девичья фамилия – Шляхова (18 августа 1927 – 11 февраля 1988). Она родилась в Курской области в пгт Шляхово (ныне относится к Белгородской области). Это населённый пункт был основан чуть ли не в 1600 году детьми боярскими (особое служилое сословие эпохи). Мать её звали Татьяной. Про её отца, Степана, я знаю лишь то, что в своём населённом пункте он исполнял обязанности церковного старосты и был человеком небедным. Видимо, он так там и умер году в 1928 или в 1929-м.

Согласно семейной легенде (а вернее, по словам моей бабушка Ани, она мне сама рассказывала эту историю не раз, но мне тогда было 6-7 лет и память может приврать, потом эту же историю рассказывал мне мой папа, но это тоже было уже так давно), в годы раскулачивания и коллективизации семья бежала на Дальний Восток. Уехали в таком составе: мать – Татьяна и её дети – Юрий, Анна, Григорий, Мария, Лёня.

Татьяна была женщиной хорошо образованной для своего времени и на Дальнем Востоке её поставили заведовать аптекой (в каком городе, я не знаю, может быть, в Находке). Это и привело в итоге к трагедии – по ложному навету Татьяна была арестована и попала в лагерь. Названия я не знаю. И в лагере она умерла, а дети, по крайней мере, двое из них тогда были несовершеннолетними, остались сиротами.

Бабушка Аня была очень трудолюбивая, всю жизнь трудилась, работала не покладая рук, она «добавила себе лет», как тогда говорили, и пошла работать поваром. Ей было едва 16. А младшего брата Лёню она воспитывала как мать. Не бросила его.

Итак, Анна начала работать поваром. Это была хорошая специальность, в то время означавшая ещё и вот что – домой тайком можно было забирать остатки еды. Так бабушка подкармливала своего младшего брата – Лёню.

Работала Аня хорошо. Её хвалили. Не обошлось без завистников. И однажды, когда пришёл проверяющий, товарка кинула в чай, что приготовила Аня, соль. Но проверяющий пошутил: сказал, что есть такая поговорка – меня барин бил за то, что я чай не посолил. А вы молодец, посолили. Тем дело и закончилось.

Со времени работы поваром Аня верила в такую примету – на столе спать нельзя, а то придёт домовая, и будет душить. Вообще моя бабушка очень верила в приметы. Ещё она любила пересказывать Гоголя, особенно «Ночь на Ивана Купала», и я воспринимала это исключительно как сказку. Потом, когда читала, узнала уже, что это повести Гоголя.

И вот там-то, на Дальнем Востоке, на танцах, она и познакомилась со своим будущим мужем, Варфоломеем. Он был на 11 лет старше и к тому времени прошёл всю войну, до Берлина. О нем есть сведения на сайте «Подвиг народа». Родился 25 августа 1921 года. В 1940 был призван на срочную службу. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Наименование воинской части: 95 ап ВВС СФ, 1Аэ 29 АСП ВВС ТОФ. Был награждён, но награды не сохранились из-за развода. Жили они тогда в городе Сучан (теперешнее название города – Партизанск), недалеко от Владивостока.

Осенью 1948 года Варфоломей уехал на Украину, в своё родное село. Но поехал не один, а уже со своей женой Анной.

Житьё-бытьё на Винничине

Здесь я приближаюсь снова к одной из деликатных и даже трагичных тем. Ибо село на Винничине в 1945-1947 годах – это... а впрочем, обо всём по порядку.

Село называлось Ровец, и, если верить современным картам и описаниям, оно находится в живописном месте, на реке Южный Буг, очень подходящем месте для туризма. Основано оно было в 1600 году. Теперешнее население всего-то 275 человек, а сколько жило людей тогда, я уж и совсем не знаю.

Тогда это было, видимо, довольно заурядное село, в котором был голод (год 1947!) И вот приехал Варфоломей с Анной к своим родителям. Его отца звали Михаилом, имени его матери я, увы, не знаю, и папа мой не знал. Не запомнил, маленький был.

По словам моего папы, которые я запомнила очень чётко, село было наполовину украинским, наполовину польским (и если посмотреть на карту, то сразу станет понятно, что эта территория всегда интересовала поляков, во все времена).

И что уж я помню совсем хорошо из рассказов бабушки Ани – свёкры с первого же дня жутко возненавидели Анну. Они упрекали сына, почему тот женился на москальке, мог бы взять местную девушку. Анна так-сяк быстро выучила украинский язык, на котором говорило всё село (по-русски там вообще не говорили).

Сколько было сестёр и братьев у Варфоломея, и где они жизнь прожили, я не знаю. Знаю только, что мне досталась их общая фамилия: Маркевич. После того, как он с женой Анной прожил с 1948 по примерно 1956 год у родителей в селе, он, тогда крепкий и сравнительно молодой мужчина, решил ехать работать в Донбасс, шахтёром.

Так делали многие и до и после него. У него получилось. Стал много зарабатывать. Но не спешил приглашать семью из села. Тогда бабушка Аня решает сама ехать в Донбасс. Берет детей и – в путь? Нет, сначала нужно было вызволить свой паспорт у председателя. Всеми правдами и неправдами ей это удаётся, и она фактически сбегает из села, чтоб уже никогда туда не вернуться.

Перед ними лежал таинственный и хлебосольный Донбасс, страна терриконов и пшеничного хлеба со сливочным маслом.

Свердловка

Свердловка – именно так по-простому называют местные жители город Свердловск, тогда Ворошиловградской области.

Первым впечатлением моего отца было: какой богатый край! белый хлеб и масло! Ему на тот момент исполнилось уже 6 лет, и он хорошо всё запомнил. Память у него была отличная.

Приехали они в город Свердловск, короче говоря, в Свердловку. Город этот был молодой (статус города получил в 1938 г.) и шахтёрский. Им, как и многим молодым семьям, выделили землю, и они начали строительство дома.

Дом и сейчас стоит, сохранился. Итак, в Свердловке старший брат моего отца, Витя, пошёл в школу. А мой папа был в тот момент дома с матерью, которая занималась хозяйством. Сначала, пока шла стройка, они снимали квартиру на той же улице, где потом и жили (названия улицы – Димитрова).

Так как я часто бывала там в детстве, то хорошо помню те места. Дом и по сей день стоит у меня перед глазами. В детстве тот пейзаж казался мне самым красивым в мире. Теперь я понимаю, что зимой он был тусклый, серый.

Недалеко от той улицы открыли кладбище. А на нём похоронены мои дед Петя и бабушка Женя (Царствие им Небесное!) странная это ирония судьбы.

Но вернёмся в год 1956. Тогда это был типичный шахтёрский посёлок, застроенный частными домами, скромными на вид, с одним маленьким магазином, который обслуживал огромное количество улиц.

Дороги, притрушенные угольной пылью, казались чёрными. Асфальта не было. При подходе к дому тянулось ж/д полотно, оно возвышалось над местностью, и чтоб увидеть дом, подходя к улице со стороны центра, надо было на это полотно взобраться.

Сам съёмный дом был большой, кирпичный и тогда отапливался печкой, которую топили, конечно же, углем. Двор был тоже очень большой, но несколько запущенный, потому что по двору всё время бегали куры или цыплята, росли помидоры, кусты смородины. А полноценного огорода не было. Сразу за огородом начиналось безмерное колхозное поле, засаженное кукурузой.

Чуть далее от входа во двор стояла землянка, которая выполняла роль летней кухни. Летом, когда в Донбассе температура поднимается выше 40 градусов, летняя кухня – дело совершенно необходимое в частных домах, где готовили на печке.

Итак, бабушка Аня и дед Филя стали строить дом. Дом вышел небольшой. Во дворе они вырыли колодец. И стали жить впятером – бабушка, Филя, их дети: Виктор, Михаил, Светлана. Бабушка со временем нашла работу. Но я не знаю, увы, сохранились ли её документы – метрика и трудовая.

Сколько я помню бабушку, она всегда была очень жизнерадостная, подвижная, хоть и полная (полная, потому что родила троих детей). И всегда работала. Не сидела без дела. Никогда не видела я, чтобы она лежала на диване или просто сидела. Она чистила кукурузу, чтоб кинуть курам. Забывала петуха, чтоб сварить на обед нам с папой суп. Или бежала в магазин за хлебом. Готовила для свиней. Хозяйство было большое. Дом тоже был большой. Прихожая, в которой хранились припасы для животных, далее жилая часть. На окнах – решётки, потому что дом несколько раз грабили.

Варфоломей (Филя) был на очень хорошем счету в шахте, хорошо работал, а еще был членом КПСС, ветераном. А еще сильно пил, а после он и вовсе ушёл к другой женщине, на соседнюю улицу. Это стало для бабушки ударом – потому что хуже разведённой женщины в то время в маленьком городке быть уже ничего не могло. Разве что только – мать-одиночка. Такие вот глупые были нравы.

В общем, помогать Филя перестал. Бабушка работала крановщицей на Свердловском машиностроительном заводе. А ещё – играла в шахматы. У нас дома хранятся её призы за выигранные в турнирах любителей, тогда принято было дарить вазы. И у нас есть синенькая, а ещё одну, прозрачную, я разбила в детстве.

Еще у бабушки была вагонетка, и она наполняла её водой, чтоб в жаркий день мы купались. Мне это очень нравилось. А однажды папа ловил рыбу и даже выпустил туда, в вагонетку, рыбу, и она там плавала. Правда, недолго. Потом мы её съели.

Анна Степановна Шляхова скончалась в г. Свердловске, Ворошиловградской области, УССР, не дожив три года до распада Союза.

Отец: Винница – Свердловка – Новочеркасск – Коми – Кишинев – и снова Донбасс

Мой отец, Михаил Варфоломеевич Маркевич, был очень талантливым человеком. Михаил родился в 1950 году на Винничине, школу окончил в г. Свердловске Ворошиловградской области. Уже во время учебы в средней школе не просто интересовался музыкой, научился играть на баяне, создал «свою»

музыкальную группу (сейчас бы это назвали, наверное, гараж-бэнд, но тогда такого понятия не существовало). И выступали они, в том числе, в ресторане «Катруся» в Свердловске.

К 1975 году успел отслужить в рядах Советской Армии, побывать студентом автодорожного техникума и даже поработать учителем пения в сельской школе. Было ясно, что для дальнейшей педагогической работы 25-летнему парню нужно солидное музыкальное образование. Выбор пал на училище в Коми.

Приехав из небольшого шахтерского городка в Сыктывкар он сразу попал в новый мир. Сказочная зима, много снега, много рыбы в рационе. Жил Михаил в общежитии училища. По натуре был общительный, добрый. И у него сразу появились друзья среди студентов училища.

Папа рассказывал, что именно в училище их научили красиво танцевать разные классические танцы. И даже будучи несколько полноватым, он до конца жизни прекрасно танцевал вальс и другие танцы.

С особенной радостью Михаил и через 30 лет вспоминал постановки студенческого театра, где ему однажды доверили сыграть роль солдата Швейка (по Гашеку).

Студенты часто ходили на лыжах. Сдавали нормативы по физкультуре.

Одним из самых ярких студенческих впечатлений и воспоминаний для Михаила стало знакомство с Валерием Леонтьевым (певец именно в 70-е годы работал в филармонии в Сыктывкаре).

Случались и разного рода жизненные казусы. Так, однажды в здании общежития прорвали трубы отопления. И в мороз студенты, сидя на кроватях в одежде, кутались в свои одеяла. Аварию быстро ликвидировали.

Михаил Маркевич к учебе относился серьезно. Один из дирижеров, увы, я не помню его фамилию, в знак особого расположения подарил ему дирижерскую палочку. Сейчас она хранится в семье как одна из реликвий.

По окончании учебы в 1977 году Михаилу была присвоена квалификация «клубный работник, руководитель самодеятельного оркестра народных инструментов».

В том же, 1977-м году, Михаил женился на моей матери – Людмиле Ененко. Свадьба была в ресторане, летом, в Кишиневе, куда распределили невесту. После окончания вузов в СССР

существовала практика распределения студентов в те города и на те предприятия, где была производственная необходимость, нужда именно в таких специалистах. Перед Людмилой стоял выбор: г. Грозный или г. Кишинев. Михаил, будущий супруг, который служил в г. Бельцы, посоветовал Молдавию с ее мягким климатом, красивой природой и винодельческой культурой.

Четверть столетия М. Маркевич работал в г. Кишиневе, столице Молдавской Советской Социалистической республики. Знания, умения, и, конечно, диплом, полученный в Коми АССР, позволили Михаилу Варфоломеевичу работать по специальности, реализовать свои творческие способности.

О том, какие должности он занимал, можно узнать из его трудовой книжки. М. Маркевич был руководителем эстрадного оркестра клуба Тракторного завода. Позже — работал руководителем вокально-инструментального ансамбля на Молдшампанкомбинате. Уже в конце 1980-х был методистом театрального отдела ДК Молдсовпрофа. Незадолго до распада Союза закончил Высшую профсоюзную школу в г. Ленинграде (у этого вуза сейчас другое название). Получил красный диплом.

После распада Советского Союза, в 90-е годы и в начале 2000-х годов, М. Маркевич все свои силы посвятил педагогической деятельности: работал учителем по классу гитары в школах искусств в молдавских селах. Его уважали дети и родители.

Скончался в 2012 г. Похоронен в Луганске.

Истории, которые раскрывают характер моего отца (подражание Шолому Алейхему)

История первая Не ностальгия, или Геологи

Помню наше житье-бытье в общаге (нет, не студенческой) в селе под Кишиневом. Мне было года 4-5. Мои родители еще не получили квартиру, и жили мы в общежитии. Это была «геологическая» общага, которую предоставили маме как инженеру-геологу, ибо папе как «свободному художнику» (вернее, музыканту и завклубом в разное время) ни квартира, ни общага не светили. Это было расчудесное время. Никаких неудобств я не помню. Все были молоды (максимум 30 лет), веселье, общи-

тельные – общага ведь геологическая (в геологи шли люди здоровые, и даже слабое зрение могло стать непреодолимой преградой при поступлении в политех), несклочные, ненудные... Профессия обязывала и время (1970-е): романтика, костры, походы на природу, песни под гитару, опасные и безопасные приключения, пещеры, скалы, горы, полезные ископаемые и полезные знакомства...

Даже если стараюсь, не могу ничего плохого вспомнить об общаге. Хотя мама вспоминает, что сырость была – полуподвал все же, и крысы водились. Разное бывало.

Наверное, друзья, обретенные в общаге, остаются на всю жизнь. Помню, что многие геологини собирались на общей кухне для совместного пения. Пели вдохновенно, но голоса и слуха у них не было. Кошек заводили. Детей, конечно, тоже. И крыс не боялись. Молодость.

Здание общаги находилось в прекрасном месте, можно сказать в селе недалеко от города. Вокруг нетронутая природа. Озеро, где можно плавать, лес, куда приятно было ходить на шашлыки, да и просто печь картошку. Идиллические картинки из прошлого. Странно представить и то, что родители мои и их друзья были тогда гораздо моложе, чем я сейчас.

Так, в качестве воспоминаний о геологической общаге ко мне из прошлого выплывают какие-то пасторальные картинки: мама, которая плетет для меня венки из одуванчиков, подружки, с которыми мы катаемся зимой на санках с опасной горки, крапива, которая хлещет по голым ногам и большие волдыри после нее... цветущие луга. Кукует кукушка. Акации. Виноград. Грязные после печеной картошки руки. Муравьи. Шиповник.

Мир вокруг был прекрасен. Не считая, конечно, детского садика, который я ненавидела.

1984-й. Мне почти 5 лет. Мы живём в коммуналке, и соседи очень хорошие. У папы отгул, я не пошла в садик. Мы стоим на общей кухне, полдвенадцатого, и папа жарит картошку – на завтрак. А ещё, чтоб меня рассмешить, говорит:

– Давай представим, что мы дельфины! – и брызгает водой.

Мне смешно. Дельфины. Я видела их на Чёрном море. Мы не похожи на дельфинов. На кухню заходит бабушка-соседка, сталинистка (это я потом узнала). И говорит моему папе:

– Ой, что ты балуешься? И ребёнка разбалуешь.

Потом смотрит на картошку и снова:

– Это детям есть вредно!
Берёт свои борщ и блины, садится у окна.
Мы с папой идём со сковородкой кушать в свою комнату. Я чувствую себя счастливой.

История вторая
ПРОВЕРЕНО! МИН НЕТ!

Просто история. Я 23 года прожила в Кишиневе. Хороший город, очень красивый. Так вот, я там и школу заканчивала. За школой очень красивый Ботанический сад, огромный, учителя водили нас туда на экскурсии на уроках биологии, да и физкультуры тоже.

Старинное здание школы. Оно видело Великую Отечественную войну. В сети есть фотография школы. Это вообще теперь здание начальной школы, где учатся дети с 1 по 4 классы. А для ребят постарше, еще в советское время, выстроили новое здание, прямо рядом, вплотную к первому, старинному.

И когда мы приходили в школу 1 сентября, нам всегда рассказывали один факт, который мне очень запомнился. Шла война. Когда Красная Армия освободила Кишинев, а это случилось 24 августа 1944 года (знаменитая Ясско-Кишиневская операция), оказалось, что многие здания были заминированы отступающими немцами.

И первое, что делали советские воины, – производили разминирование, прежде всего жилых домов и школ. Наша школа тоже была заминирована, но здание удалось спасти. Немцы не успели её подорвать, так быстро наступала Красная Армия.

Такая вроде бы короткая даже не история, а штрих. И тем не менее. Каждое утро, когда мы шли в школу, поднимались вверх по улице ***, мы видели надписи на жилых домах: «Проверено. Мин нет».

И нам с друзьями казалось тогда, а было нам тогда лет по 9-10, что война – это где-то так далеко, так далеко. Потом мы узнали, что записи краской на стенах подновляли ко Дню Победы, чтоб люди ПОМНИЛИ. Но то, что записи – это новоделы, никак не меняли самих исторических фактов. И казалось всё это нереальным. И мины, и снаряды. Как будто нам рассказывали о Куликовском сражении, например.

Прошло много лет, и вот сейчас я вспомнила и...

История третья

Из дневника. Моя первая учительница, одноклассники

У меня была очень хорошая первая учительница. Звали ее Нина Васильевна. Сейчас она живет в США.

Я помню Нину Васильевну всегда улыбающейся, доброй. Да, она была доброй, но справедливой и строгой. Мы ее немного побаивались. В общем, нам повезло.

В первом (а потом во втором и третьем) классе нашей советской школы, мы, как положено, учили гимн Советского Союза, читали стихи и рассказы о Ленине. А еще – учились играть в шахматы, устраивали с помощью родителей КВНы и ставили спектакли.

И если нас учила играть в шахматы мама Иры Клейман (они, кстати, тоже уехали в США, как и Регина Ройзман, а Миша Фридман уехал в Израиль), то «спектакли» ставил мой папа. Он как раз занимал соответствующую должность (курировал некоторые театры), одновременно учился заочно в Ленинградском университете.

Так вот мой папа, который в студенческие годы успел сыграть даже Швейку, ставил нам спектакли «Чиполино» и «Снежная королева». Мама шила костюмы и рисовала декорации. Получалось здорово. Папа сказал мне тогда: «Нехорошо, если я дам тебе главную роль, роль Герды. Скажут, что сделала так из-за того, что ты моя дочка. Будешь лучше маленькой разбойницей. Тоже хорошая роль». Я согласилась. Мы вырезали из дерева бутафорский нож, которым я должна была, согласно сценарию, щекотать северного оленя. А годом раньше мы с папой учились сценическому лаю, потому что он дал мне роль собаки в «Чиполино».

Мы учили роли наизусть. Все дети были по-настоящему талантливы и хорошо держались на сцене. Многие занимались танцами или спортом. Папа долго репетировал с нами. Из Иры Клейман получилась настоящая Герда – трогательная и нежная.

Ее лучшая подруга Аня – годом раньше – отлично сыграла роль одной из графинь Вишенок. Капризная, как и в жизни. Так тогда казалось.

После 5-го и после 7-го класса наш «коллектив» расформировали, многие навсегда уехали из страны, за окном стояли нищие 90-е... Какие уж тут герды? Все герды либо эмигриро-

вали, либо вымерли, как мамонты. Далеко-далеко мы забросили свои пионерские галстуки и значки; школьную форму сменили на свитера «бойз» и джинсы «мальвина». Было нам лет по 12-13. Год 1992-й. Так было, наверное, у всех.

История четвертая

Моей любимой книгой, когда мне было 8 лет, была сказка про Мумми-тролля и его семейку. Мы с подружкой Аней на продлёнке ходили в библиотеку, расположенную недалеко от школы. Тогда обстановка была ещё спокойная, детей с продлёнки отпускали, если на кружок например, недалеко. Потому что потом, спустя пару лет всего, уже в 1988- 89-м годах недалеко от школы стали проходить митинги националистов, где кричали: «Чемодан! Вокзал! Россия!» всякие народные фронты, как и почти везде в республиках. И в том, книжном, где мы открытки покупали, стали собираться писатели-националисты.

И мы ходили в библиотеку так часто, что нас даже сфотографировали для доски почёта как самых активных читателей.

А «Опасное лето», как сейчас помню, публиковали главками в «Мурзилке». А по дороге в библиотеку мы заходили в кафе «Лира» и покупали пирожные «Стефания»: было маленькое, оно стоило 12 коп. и большое, за 24 копейки.

Хотела добавить, что в 1986-м к Земле подлетала комета Галлея, а мне как раз уже на день рождения подарили книжку «Мумми-троль и комета», я так счастлива была, так радовалась. В библиотеку ту мы ходить почти перестали в третьем классе и наши с Аней фото сняли с доски почета.

История пятая

Одно из самых ярких и хороших воспоминаний родом из второго класса, как нас на зимних каникулах повели в планетарий.

Кишинев. 1988-й. Планетарий располагался в старинной церкви (сейчас планетария нет, в 90-е здание вернули церкви). Огромное здание с куполообразным потолком. Мы пришли. Нам провели экскурсию и показали фильм.

Сначала показали модель Земли, рассказали, как она устроена. Потом наступила «ночь» и мы услышали, как древние

греки называли созвездия, где эти созвездия располагались. Мы вышли. Недовольных не было – все дети были в восторге. Столько лет прошло, а я помню.

*История шестая, которую я вчера рассказала 1 человеку,
но он не понял ее сути*

Дело было в 1997-м году. Я уже поступила в универ, мне было 17 лет. И стояла зима, а топили в квартирах плохо-плохо, от силы было градусов 11.

В универе так же. Ну, днём ещё терпимо, а вот ночью холодно до одури. Мой папа тогда рыбу ловил. У него тогда ещё была своя машина. И вот папа поехал однажды на рыбалку на озеро недалеко от Кишинёва. И вот 23:00, пора спать, а отца нет. Но мы с мамой легли – она в своей комнате, я в своей.

Не спится на голодный желудок. Через 20 минут – звонок в дверь: приехал папа. С рыбой, с вином. Как нажарил он рыбы и стал обзванивать соседей. В гости звать, в основном тех маминых подруг, что раньше вместе с нами в общежитии жили. А на часах уже полпервого ночи. Я тоже встала. Поела и наконец-то заснула. Много с тех пор я рыбы ела, но такой вкусной больше никогда.

И вот вчера товарищ не понял дзен буддистской мудрости этой истории. А дело в том, что многие люди тоже тогда впроголодь жили. И папа знал об этом, и хотел хоть чуть-чуть поможь и настроение поднять всем.

Семья Ененко

Вот тут самое время вспомнить родственников мамы. И так, мать моя родилась в г. Свердловске Луганской области в 1954 году. Она была вторым ребёнком в семье. Училась в СШ №1. В 1976 году закончила горногеологический факультет Новочеркасского политехнического института. Отец её, Пётр Иванович, происходил родом из Ростовской области. Он родился в 1931 году. А его маму звали Александрой Илларионовной, в девичестве – Козловская. Она родилась на Дону, в пгт Черниговка в 1904 году.

Вот что вспоминает об Александре Илларионовне Ененко (Козловской) одна из ее внучек: «Замуж её взяли в сл.<ободу

– Ред.> Нижненагольную, там они и жили, пока не уехали из села. Мужа её звали Иваном Петровичем. Бабушка очень тепло отзывалась о семье мужа и своей мачехе. Во время голодовки (я так полагаю, это голод 1932-33 годов – А.Ш.) все поддерживали друг друга как могли. В семье прадедушки Ивана пели очень хорошо, были участниками церковного хора. Жили по тем временам очень дружно. Во время раскулачивания Ивана побили, он был грамотным, работал в сельском совете. Умер от побоев, и бабушка в 32 года осталась с пятью детьми на руках. Это произошло то ли в 35-м, то ли в 36-м».

После войны один из сыновей Александры Илларионовны – Иван – службу нёс на Урале и забрал свою маму и сестру Веру к себе; жили они там с 1947 по 1950 год, но бабушка затосковала по югу. В деревню свою они не вернулись, т.к. в их доме жили уже другие люди, поехали в г. Красный Сулин к Василию. Василий – один из сыновей бабы Шуры, Александры Ененко – Козловской. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Потом жил со своей семьей в Ростовской области.

В 1950-м Вера поехала жить и работать в г. Перевальск, а Александра Илларионовна переехала в Свердловск, к сыну Петру, нанять новорожденную внучку. В другой город Ворошиловградской области – Перевальск – бабушка Шура приехала жить спустя годы, в октябре 1968-го.

И снова слово внучке Александры Илларионовны: «Я очень дружна была с нею. Делилась своими девичьими проблемами. Кое-что она рассказывала о своей жизни, но эти события носили скорее общий характер в привязке к определенным событиям без дат, «взагалі по загалям»... Говорила, что жизнь очень скоротечна, что ещё вчера сидела на завалинке, песни пела с девочками, хлопцы колечки дарили, а теперь её дорога от печки до порога. Вот, пожалуй, и вся информация, что зацепилась в памяти. В церковь не ходила, говорила, что Бога нужно в сердце иметь. На лавочках со старушками не сживала, людей не судила («на то Бог есть» – говаривала). Не помню ни одного случая, чтобы с кем-то ссорилась, добрейшей души человек была, Царствие ей Небесное. Бабушка очень вкусно готовила и пекла, я многому научилась у неё (особенно хорошо получались борщ, бублики и яичница с помидорами – А.Ш.). Да, при всей доброте и желании жить в ладу со всеми, характером обладала сильным. Уже то, что сама подняла пятерых

детей в те годы, выросли при этом все порядочными людьми, о многом говорит... У бабушки были глаза разного цвета: серо-голубой и желтовато-медовый, волосы – темно-русые».

Мой дед по матери – это Пётр. Что удалось записать и узнать о нем? Пётр Иванович Ененко (30 марта 1931 года – 30 сентября 1992 года). Место рождения: Нижненагольная, Ростовская область, РСФСР. Мать – Александра Илларионовна, урожденная Козловская, отец – Иван Ененко. Рано потерял отца. В Великой Отечественной войне участия не принимал, т.к. был тогда ребенком. Окончил 6 классов в сл. Нижненагольная (аттестат не сохранился). Как и многие в то время, в совсем юном возрасте подался на шахты, в Донбасс, чтобы заработать на жизнь, обрести профессию. Участвовал в советском вводе войск в Венгрию (1956-й). Около 10 лет проработал на шахте. Затем работал водителем в училище 73. Был уважаемым человеком в городе. В 1950 году Евгения Ковалева и Петр Ененко поженились (об этом – чуть ниже). Вместе они построили свой дом в центре города. В браке родилось две дочери.

Супругу моего деда, Петра Ивановича Ененко, звали Евгения. Девичья фамилия – Ковалева. Она родилась на Хмельнитчине, в маленьком селе Скаржинцы. Со слов моей бабушки, Евгении Петровны, я помню про её отца – а моего, соответственно прадеда, что Пётр воевал на фронтах Первой мировой, как тогда говорили – империалистической войны, был ранен. Остался инвалидом. Маму Евгении Ковалевой звали Степанидой. А вот ее фамилии девичей я не знаю. Степанида была неграмотной. Примерно в 1933 году Ковалевы на своей подводе приехали в нынешнюю Свердловку, а тогда Шарапкино. Село они покинули из-за голода, который там был. И дома своего в Свердловске у них вначале не было. Жили сначала при школе, где её отец работал конюхом, а потом жили в бараке. Позже моя бабушка училась в этой школе. В семье Ковалевых кроме Жени были еще две дочки: старшая, Анастасия, от брака Степаниды с первым мужем, и младшая, младше моей бабушки, Елена (умерла в возрасте 18 лет).

Свердловка 1930 – 40-х – это я знаю уже со слов Марии Георгиевны Витер, она была учительница, поэтесса, и соседка моей бабушки Евгении – была тогда городком очень простым. Вот что она рассказывала мне, а я записала: «Отец мой был шахтером, и жили мы в Свердловске в т. н. «черной казарме». Мария

Георгиевна на секунду останавливает рассказ, что-то припоминает и улыбается, а я, пользуясь моментом, спрашиваю:

– Почему же казарма называлась «черной»?

Оказывается, у этой казармы крыша была черного цвета. Отсюда и пошло прозвище. Жили в ней совершенно разные люди. Жили, конечно, в тесноте, как в общежитии: дружили, ссорились, вместе отмечали праздники, пели, пили, танцевали, влюблялись, женились... В общем, жили.

Разбалованная удобствами XXI века, спрашиваю ровесницу революции о том, как же они решали бытовые проблемы: стирали белье, мыли волосы, купались? «Воду и уголь подвозили, причем бесплатно, – отвечает моя собеседница. – Так что особенных неудобств не испытывали».

Конечно, люди тогда жили гораздо беднее, чем теперь. Одежду девушки шили, в основном, из сатина. Но разве могло это затмить юношеский оптимизм?

Тогда многие женщины умели шить. И сами шили себе платья. А позже и мужьям рубашки, а детям, девочкам – платьица, а мальчикам – брюки. Так продолжалось и в 1960-е и в 1970-е. Выкройки в те годы брали уже из журналов, например, «Журнал мод». Он издавался в Москве. Шили и на т.н. подольских швейных машинах.

Моя бабушка Женя и дедушка Петя познакомились и поженились именно в этой казарме-бараке. Они почти сразу стали строить свой дом. И какой дом удался, на славу! Красивый, уютный, прочный, любимый.

Когда поженились Евгения и Пётр, невесте было 22, жениху – всего 18. Свадебного фото не было. Сохранилось свадебное платье. И серебряное колечко бабушки.

В конце 1950-го года у них родилась первая дочь, а потом, спустя 4 года, моя мама Люда. Итак, они жили в Свердловске, в своём доме и ходили в школу № 1. И у них были хорошие учителя. Такие, что мама моя по окончании школы, дерзнула поехать в Москву поступать в МГУ! Но ей не хватило всего 1-го балла. Она поступила в вуз в Новочеркаске.

Я возвращаюсь мыслями в 1940-е. Моей бабушке Жене повезло – когда Свердловку оккупировали немцы (лето 1942-го), в Германию её не угнали. Когда ей было 16 лет, тогда уже Свердловку освободили войска Красной Армии, и она пошла работать на железную дорогу. Очень уставала. Потом их приравняли к

участникам боевых действий, потому что ж/д всегда имела стратегическое значение. Потом бабушка пошла на курсы телефонисток, причём почти случайно про них узнала. И уже всю жизнь проработала на коммутаторе, на шахте. За это ей, по выходу на пенсию, был положен уголь для растопки печи, что очень выручало в голодные 90-е годы.

Дом у нее был чудесный: большой палисадник перед домом, цветники, деревья ... Огород большой, много деревьев плодовых – абрикосы, вишни, яблоня, груша, алыча, а ещё малина и клубника, черешня, шелковица и качели! Настоящая Аркадия для детей. У меня было много-много друзей, когда я приезжала на каникулы!

Бабушка очень любила цветы. У нее росли белые и тигровые лилии, розы, маки, дельфиниум, кустарник бульденеж и многие другие, названия которых я не знала или позабыла. И ещё. У бабушки Жени ведь была сестра, родная по матери, Анастасия. Её звали Тася. Она была замужем за Павлом Блинским. И для него, и для нее это был второй брак.

Раз уж речь зашла о деде Паше, то скажу и о нем, хороший был человек. Павел был казак, настоящий, донской. Он воевал, ветеран Великой Отечественной. Женат был два раза. Первая жена родила ему сына, а вторым браком – на Анастасии как раз. Жили они в небольшом домике, в переулочке, как сейчас он у меня перед мысленным взором. И вот этот переулочек вел в дома, построенные на две семьи, так тогда строили в Донбассе в шахтёрских городках, чуть ли не в 1930-е годы. Барачного типа жильё. Потолки невысокие, но уютно было необычайно. И при каждой квартирке – огород с садом. Летом там выращивали клубнику, росли груши, яблоки, картошка обязательно.

Да, так вот, я начала вспоминать про деда Пашу. Он был, всё-таки хороший человек, только очень одинокий. После смерти жены прожил долго. И жил при Украине долго. И я даже не знаю, когда он умер, не помню. Давно. А на могилке надпись уже и стёрлась от времени, дата смерти не видна. Время к нам безжалостно.

Был невысокого роста и очень худ. Видел плохо уже, ходил в очках, а это всё – последствия ранений на войне, и носил слуховой аппарат. Он писал письма своей сестре в Севастополь. И нам писал. И они даже хранились у нас. Школы он тол-

ком не закончил, и почерк у него был, хоть и разборчивым, но видно было, что писать он не привык. Руку не набил, это сразу было видно. И подписывал конверты так: «горат Кишинев».

Я как-то показала папе, смеялась, было мне лет 14, а папа говорит:

– Так он воевал, некогда ему учиться было! И смеяться над этим нельзя.

Когда мы приезжали к бабушке в гости, и он, возвращаясь с рынка, проходил мимо нашего дома, то заходил в гости и приносил груши. А когда мы уезжали в конце лета в Кишинев (на автобусе Свердловск – Ростов до Ростова, а потом на самолете), то почти всегда провожал на автовокзале и обязательно – с цветами: он их сам выращивал и красивые, особенно запомнились мне георгины, бордовые с белыми краями.

У нас в семье долго хранилась шкатулочка бабушки Таси, её вышивки, а ещё – фото деда Паши на отдыхе, у моря. Такой вот был человек. А фамилия у него действительно была редкая – Блинский.

Вместо послесловия

Я сегодня много думала о монетах, и когда мыла посуду, вдруг вспомнила 2 факта. По рассказам моего отца, Михаила, у его брата Виктора была старинная серебряная монета, и он бросил её в колодец своего дома, чтоб вода была вкусная. Папа это иногда вспоминал, дом продали ещё в 80-е, потом он стал заброшен, а монета та так, видно, и лежит на дне колодца, в иле.

И ещё. Бабушкина родная по матери сестра, Анастасия, Тася, любила украшения... И у Таси тоже была царская серебряная монетка. Наверное, досталась дедушке Паше, а потом – его сыну. Но и сын, наверное, давно уж умер. У кого же монетка? Это я написала к тому, что в те времена к монетам относились без пиетета. Не как к редкости или антиквариату. Удивительно.

Знаю, что мой рассказ получился не всегда логическим, кое-где я, быть может, повторялась. Но история развивается по спирали. Так же и мой рассказ; я продолжу исследования и собирание материалов о семье, если у меня получится.

Трудность моего исследования состояла не только в том, что, как и почти каждая семья, мы пережили за последние

25 лет несколько переездов с неизменной потерей некоторых документов. Трудность моего пути состояла еще и в том, что наши бабушки и дедушки не всегда хранили документы, их касающиеся.

И если с фотографиями дело обстояло еще более-менее (правда, в моей семье вообще не сохранилось фотографий «старше» 1941 года, хотя я знаю много людей, у которых дома как минимум две-три фотографии или даже два-три десятка фото дореволюционного периода), то с документами был почти швах. Их пришлось восстанавливать по крупицам. Именно этот момент я ставлю себе «в плюс» – обнаружение некоторых копий документов (тем, кто оказался в подобной ситуации, могу посоветовать обращаться к учетным картам, которые могут храниться на предприятиях, где работали ваши предки).

На это уходит много времени, и чего скрывать – денег и сил! Да, следует помнить, что занятие генеалогией – это хобби, которое требует и времени, и средств! А так же просто необходимо и техническое обеспечение, например, компьютер, фотоаппараты, сканеры, а потом и шкафы, где хранить все накопленное.

Как и каждый род, наш род пережил все радости и трудности бурного 20 века: войны, репрессии, переезды из одного конца огромной страны Советов в другой конец. И, конечно, это не могло не сказаться на количестве хранимых документов, фотографий, вещей... Их было крайне мало. Дореволюционный период в семье вообще практически отсутствовал. Потому акцент в этом очерке сделан именно на периоде существования СССР.

У людей, которых я описывала в данной книге, в настоящее время не менее 118 потомков. Конечно, не для всех из них История является профессией или хобби, и не всем интересно знать о своих предках. И это тоже нормально.

В процессе написания своего очерка передо мной стояла сложная задача – связать имеющиеся ниточки воедино. Написать историю семьи необходимо было внятно, чтобы было интересно и понятно каждому человеку, который до сего дня и знать не знал о Ененко и Маркевичках.

Порой трудно было соблюдать баланс между фактами и эмоциями. Порой публицист-историк «во мне» брал верх над эмоциональным человеком, порой человек брал верх над ис-

следователем. Тогда я позволяла себе лишь нечто вроде этнографических наблюдений и выводов. Иногда это делалось не «моими устами», тогда звучала прямая речь тех, кто знал наших общих предков.

В этом и состояла еще одна трудность. Как написать о тех событиях, которых ты не видел и не был их участником? Признаемся прямо: и не понимаешь их, эти события? Ведь я писала о реальных людях. Для меня жизненно важно было рассказать о них ПРАВДИВО. По этой же причине, увы, часть семейных преданий не вошла в эту книгу, слишком они были личными или дерзкими и смелыми.

Иногда я заходила в исследовательский тупик, и тогда на помощь приходил Друг – новый друг; это мог быть тоже наш родственник или товарищ и единомышленник.

Я надеюсь, что я не исказила информацию, и не сохла неволью, ни в одном слове и ни в одной букве. Но разве так бывает? На этом риторическом вопросе я пока завершаю свой труд.

Радмила Кушнир-Кисилева

Краевед. Родилась в 1980 году в Антраците. Окончила Луганский государственный университет им. В. Даля в 2002 году. Более двадцати лет проработала в музеях Луганска и Антрацита. Директор Антрацитовского исторического музея. Живёт в Антраците.

КАЖДОДНЕВНЫЙ БЕЗЫМЯННЫЙ ВОИНСКИЙ ПОДВИГ

На основе реальных событий

Поселок Боково-Платово 1930-е годы. Владимир Степанович вместе с женой Прасковьей Мартыновной ещё в тридцатом году вступили в сельхозартель, после продолжили работать в колхозе. Свой дом, дети, планы на будущее, но всё оборвала война.

На фронт Контарев уходил, когда ему было под сорок. Простился с женой, пятью детьми. С матерью прощался как в последний раз, ведь ей уже было за восемьдесят.

Был сначала пехотинцем, был пулеметчиком, повоевал и сапёром. А потом попал в 3-ю армию П. С. Рыбалко, в 55-ю гвардейскую танковую бригаду. В первом же бою под Рубленным Колодцем показал на что способен. Он вышел победителем в рукопашной против двух немцев. На отдыхе, вручая солдату медаль «За отвагу», командир танковой бригады гвардии полковник Драгунский отметил:

– Мал золотник, да дорог!

Был Владимир Степанович невысокого роста, сухощав, не было в его внешности ничего от киногероя, но именно ему командир чаще доверял наиболее важные поручения. Так было и возле города Збараж, только что занятого нашими войсками. Связь еще не была налажена.

Рядовому Контареву приказано было взять пакет, запомнить пароль и в условленном месте передать генералу, а потом с попутным танком ехать в сторону Шепетовки догонять свою часть.

Приказ был выполнен, но танк уже ушел. Надвигалась ночь. Около одного дома ему подали попить молодая хозяйка. Предложила солдату переночевать у её матери, покормила. Выпить он отказался. Неясное чувство тревоги не давало покоя.

На ночь определили в верхней просторной комнате. Хоть и хотелось сильно спать, но какой-то звук все отгонял сон. Владимир прислушался – громко тикали часы и как будто из-под кровати. Встал, заглянул под кровать и в ужасе отпрянул – там лежал мертвый человек. Это был старший лейтенант и по признакам он был убит недавно.

– Это бандеры! – осенило Контарева.

Нужно было что-то делать. И самому остаться живому, и доложить командованию об этом случае.

Тогда Владимир Степанович положил на свое место убитого и накрыл одеялом.

– Прости, друг, выручай живого, чтоб больше не гибли от этих гадов.

Когда на лестнице послышались шаги, встал за дверь. Солдат сразу смекнул, что дверь его прикроет.

Вошла молодка с мужчиной. О чем-то коротко перебросились. Мужчина подошел к кровати и со всей силой опустил топор.

Когда хозяева ушли, осторожно закрылся на внутреннюю задвижку. Неизвестно было, как поступить дальше, как подать сигнал своим. Вновь послышались шаги. Женские голоса говорили об уборке трупов. И тут для бандеровцев стала неожиданностью запертая дверь.

...Они выбивали дверь, стреляли через неё. Тогда Контарев, выбив оконную раму, прыгнул в окно. Когда прибежали патрули, он уже готовился к рукопашной.

Бандеровцы были арестованы. В этом доме был их штаб, а в подвале нашли трупы советских солдат и офицеров. А если бы не было вскрыто это логово, так и полетели бы по советским домам извещения: «Пропал без вести».

Утром Владимир Степанович вернулся в часть. Командир был уже в курсе ночного происшествя своего рядового.

– Я доложу о тебе, Контарев, ты герой!

Но в этот же день в тяжелом бою командир был убит. А Владимир Степанович о себе больше не напоминал. На войне всякое бывает.

Было немало и других подвигов на счету рядового Контарева, но главный будет впереди...

Сто пятьдесят шесть дней без солнца

За Вислой шли тяжелые бои. Чтобы не допустить прорыва советских войск к восточным границам Германии гитлеровское командование построило до самого Одера глубокоэшелонированную оборонительную линию и бросило в бой огромные силы: 4-ю танковую армию, 17-ю армию группы армий «А», в которую входило две танковых, одна моторизованная и девятнадцать пехотных дивизий, не считая приданных частей.

Бригада, в которой служил Контарев, получила важное задание: прорвать оборону противника, выйти в тыл и перерезать важную коммуникационную линию врага Сандомир – Островец.

Это было в августе 1944 года. Танки скрытно переправились через Вислу, смяли оборону противника на узком участке и вышли в тыл. На штабном танке ехал рядовой Контарев – боец взвода управления, которому было доверено оберегать секретные документы бригады.

Не первый раз танкистам приходилось прорываться в глубокий вражеский тыл. Но на этот раз немцы, сумев стянуть резервы, оказали ожесточенное сопротивление. Танкисты заняли круговую оборону. Штабной танк оказался подбит. Командир лейтенант Комаров приказал Контареву взять ящик с документами и сохранить, укрывшись в лесу. По пути он встретил знакомого штабного старшину и ординарца полковника Драгунского молодого бойца Семена Березина. У самой опушки к ним присоединился четвертый – капитан Обозный.

Группу красноармейцев заметили немцы. Началась облава. Тогда бойцы приняли решение тяжелый ящик закопать в овраге, а небольшой сундучок с особо секретными бумагами, за который Контарев нес личную ответственность, спастись любой ценой.

В первом попавшемся польском селении попробовали укрыться, но хозяин одного дома буквально выгнал их. Совсем

рядом слышались выстрелы, потому что в местечко уже заходили немцы. Пробираясь огородами, солдаты наткнулись на пожилого поляка.

– Пан, спрячьте нас до вечера.

– Я не пан, я – товарищ, – ответил мужчина и дал знак следовать за ним.

В небольшом дворе стояла женщина. Быстро переговорив между собой, они указали на картофельную яму под навесом сарая, заваленную хворостом.

Трое спустились в яму, а четвертый – штабной старшина, пулей метнулся по улице, уводя за собой немцев.

Не найдя советских солдат, фашисты согнали всех жителей села Воля Груецка на площадь, на которой после тяжелых пыток был повешен старшина.

Жителям было поставлено условие: если через двадцать минут не будут выданы советские танкисты, то все мужчины и юноши будут отправлены в концлагерь. На второй день мужское население села отправили в Германию. Среди них был старик Францишек Цимбал.

Все эти дни бойцам выбраться из ямы не удавалось. Тем более, что дом Казимеры Яновны Цимбал облюбовал военный врач вместе с командой фельдшеров, санитаров, часовых и большой собакой. Эта собака сразу начала проявлять интерес к яме, рыла землю, рычала.

Тогда Казимира приготовила во дворе веревку, а новым хозяевам сказала, что уходит ночевать к родственникам. Ночью подманила собаку и, посадив в мешок, тайными тропами через лес потащила ее к реке...

Время от времени Казимера подходила к яме за хворостом и незаметно передавала людям еду и воду.

Однажды она не могла подойти к яме три дня. На четвертый день, зайдя в подвал, который находился в пяти метрах от ямы, она услышала шепот:

– Пани, воды.

Прорыть подземный ход к погребу решили, когда стало ясно, что Казимере нет доступа к яме. Рыть начал Контарев.

– Давай, Донбасс! Ты у нас самый маленький.

Контарев ножом ковырял землю, Семен Березин собирал грунт в пилотку, относил в сторону и вдвоем с Обозным утрамбовывал. В очень узкой норе Владимиру не хватало воздуха,

задышался. Настоящим испытанием на пути оказались толстые дубовые доски. Чтобы прорезать в них отверстие понадобилось очень много сил, которых, казалось, уже не было у человека, находящегося столько дней без пищи и воды. Рыть приходилось только днем, потому что в первую ночь часовой, услышав шорох, стал присматриваться.

Теперь Казимере стало легче общаться с ними.

В первые же дни невольного заточения красноармейцев, Казимера Яновна связалась со своим зятем, который воевал в партизанском отряде. Командовал этим отрядом советский офицер Трофим Илларионович Чернявский. Вот как он вспоминал впоследствии:

– На следующую ночь мы послали к Цимбалам своих связанных, чтобы забрать попавших в беду танкистов в безопасное место. Но было поздно: фашисты уже заняли Волю Груецку и расквартировались в доме Цимбалов целый взвод эсэсовцев.

Старшая дочь Цимбалов Мария жила на другом конце села одна с двумя детьми. Иногда ее муж пробирался в село и тогда Мария отсылала детей к бабушке. Под стелькой детского сандалика лежало письмо от партизан для советских солдат.

Узники вели счет дням – уже давно переваило за сто. Наступали холода. В сырой яме легкое обмундирование солдат почти истлело и грело плохо. Белье распарывали по частям и просовывали в отверстие. Казимера тайком стирала его и незаметно возвращала тем же путем, приложив нитки и иголку. Там, в яме, танкисты снова сшивали.

Однажды бойцы услышали грохот канонады. Это было наступление советских войск на Сандомирском плацдарме. Немцы также знали о приближении советской армии. В один из дней они покинули дом, а ночью в местечко вошли партизаны и, по-пластунски передвигаясь, увели узников в лес. Это было 12 января 1945 года.

Сто пятьдесят шесть дней скрывались советские танкисты. Сто пятьдесят шесть дней мужественная Казимера Яновна Цимбал оберегала их жизни. Черные, заросшие люди первое время не могли смотреть на солнце. Им пришлось заново учиться смотреть, ходить. Ведь сто пятьдесят шесть дней они провели в полулежащем состоянии.

18 января все трое были уже в Островце, у коменданта города Попова, которому по акту Контарев сдал сбереженные

документы – и все трое, Семен Емельянович Березин, Кирилл Георгиевич Обозный, Владимир Степанович Контарев, отправились на фронт.

В марте Контарев был тяжело ранен и День Победы встретил в тыловом госпитале.

Францишек Цимбал после освобождения узников концлагеря вернулся домой.

Снова вместе

После войны капитан в отставке Кирилл Георгиевич Обозный много лет искал свою спасительницу. Тогда он обратился к Герою Советского Союза, военному журналисту полковнику Петру Евсеевичу Брайко.

9 сентября 1967 года в газете «Красная звезда» была опубликована статья Брайко «Где вы, четыре танкиста?», в которой он сообщал о необыкновенном подвиге советских солдат, спасших секретные документы 55-й гвардейской танковой бригады на территории Польши. Благодаря этой статье Обозному удалось связаться с Казимерой Цимбал. Завязалась переписка.

Несколько позже Комитет ветеранов войны пригласил всех участников тех удивительных событий в Москву – Казимера Цимбал приехала вместе с дочерью Альфредой, С. О. Березин, В. С. Контарев, К. Г. Обозный. Были там и Герой Советского Союза П. Е. Брайко, и бывший начальник разведки Чернявский Т. И. Только через 25 лет, наконец, встретились солдаты со своей спасительницей и смогли выразить все слова благодарности этой мужественной женщине.

Владимир Степанович Контарев после войны вернулся в родной поселок Боково-Платово. Жил с семьей на улице Переверзева. Дождался внуков – аж десятерых. Работал в колхозе, да так, что его имя не сходило с Доски почета. Прожил достойную и полную на события жизнь. Умер в 2000 году. Похоронен на родной земле, которую отстоял у жестокого врага в Великой Отечественной войну.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Нина Ищенко

Культуролог, литературный критик. Родилась в 1978 г. Кандидат философских наук. Член Союза писателей АНР, Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020), «Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны»» (2021), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска – «На грани мира и войны» (2015), «Четверть века с философией» (2016), «Донбасс в огне» (2018), «Кольшется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019), «Монтень в Луганске» (2020), «Донбасс: философия фронта» (2021), «Философ на войне» (2022). Живёт и работает в Луганске.

РОКЕР-ПРОМЕТЕЙ ПРОТИВ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЗЛА В «ПЕСНЕ ПРО СОВЕТСКУЮ МИЛИЦИЮ» ВЕНИ Д'РКИНА

Процесс включения культуры Донбасса в русское культурное и литературное пространство, активно идущий с 2014 года, делает особенно актуальным внимание к литературе Донбасса, выражающей общую с Россией культурную идентичность. Одним из поэтов Луганщины, известным далеко за пределами АНР, на всем постсоветском пространстве, где поют на русском языке, является Александр Литвинов (известный под псевдонимами Дрантя и Вени Д'ркин). Одной из его популярных песен является «Песня про советскую милицию», актуализирующая поэтику русской народной сказки в культурно-исторической ситуации общественных транс-

формаций конца XX века. Символический капитал русской культуры, запущенный Дрантей в обращение с помощью этой песни, остается интересным и в наше время больших перемен.

Веня Д'ркин (1970–1999) – поэт, музыкант, бард, рокер, руководитель рок-групп. Родился в поселке Должанский (ныне на территории АНР), похоронен в Свердловске (АНР). Веня жил в разных городах СССР и Донбасса, последние годы его жизни прошли в Луганске. Стиль творчества Вени определяется как бард-рок или пост-бард. В его работах соединяются различные музыкальные направления, характерные для конца 1980 – 1990-х гг. Подавляющее большинство записей, кроме «Крышкин дом», «Всё будет хорошо» и нескольких бутлеггов, вышли после смерти Д'ркина на лейбле «ДрДом».

Песня «Про советскую милицию» написана в 1995 году, в период творческого расцвета поэта, и популярна до сих пор. Популярность этой песни, на наш взгляд, объясняется тем, что она является пародийным произведением, создающим пространство диалога для нескольких пластов русской культуры.

В «Песне про советскую милицию» присутствуют пять прототекстов, которые поэт вовлекает в межкультурный диалог с рок-андеграундом: фольклорная песня, советская песня, народная сказка, библейский текст, античный миф о Прометее. Само произведение построено как русская народная колыбельная песня. Начало песни прямо отсылает к темам советской культуры, к прославлению человека труда. Кроме того, в тексте задействованы образы русского фольклора, персонажи народных сказок – Кощей Бессмертный, Баба Яга, Змей Горыныч, Иванушка. В песне также упоминается Адам, причем в контексте рождения главного героя, что делает его появление структурно и семантически значимым. И, наконец, все эти парадигмы объединены и обработаны с использованием тем современного автору рок-андеграундного движения: столкновения с милицией, запрещенная музыка, передача друг другу запрещенных записей, подпольные рок-фестивали. Рассмотрим ближе динамику этих прототекстов.

«Песня про советскую милицию» по форме – колыбельная. Она поется на мотив колыбельной и использует традиционный припев «баиньки, баиньки». Однако уже на этом уровне можно заметить пародийную постмодернистскую игру с тек-

стом: в припеве после «баиньки, баиньки» идет резкий выкрик «Дурак! Не спи, мой маленький!». Традиционная форма колыбельной взламывается новым содержанием. Объяснение того, почему нельзя спать, раскрывается в каждом куплете песни. Смысл конфликта заключается в том, что адресат песни, которого она должна убаюкать, существует в пространстве противоборства рок-андеграунда, дающего музыкальную и исполнительскую форму песне, и советской милиции, которой и посвящена песня.

Песня начинается как произведение советской музыкальной культуры:

Много песен о шахтерах было сложено,
Много песен о монтажниках-высотниках.
А про нашу про советскую милицию
Кроме этой песни верной ни одной...

Важное место в советской культуре занимало прославление человека труда, в этой парадигме написаны такие песни, как «Спят курганы темные» о шахтерах, «Не кочегары мы, не плотники» о монтажниках-высотниках, к которым отсылает зачин песни Вени. Характерно, что обе песни относятся к раннему периоду развития советской культуры, к эпохе так называемого сталинского ампира, когда новая монументальность строилась на создании образа человека труда – наследника титанов и Прометея, несущего огонь творчество в созидательном труде на благо человечества. К концу советского периода эти образы были давно дискредитированы и безнадежно устарели, хотя и входили в обязательную часть официальной советской культуры. Песня, которая по логике создания образа человека труда, должна возвеличить еще одного представителя трудового народа – милиционера, оказывается резкой сатирой, деконструирующей свой объект. Таким образом автор показывает внутреннюю пустоту поздней советской культуры, идейную систему, в которую не верят даже те, кто ее насаждает с помощью героя – советского милиционера.

Главный герой изображается средствами народной сказки. Время сказки – дрящущее, несовершенное прошедшее время. Это сказочное время резко отделено от настоящего

времени, в нем происходят события, в образной форме описывающие создание космоса и смысл бытия, а не просто ряд происшествий, в которых может принять участие читатель. Время песни также является временем мифопоэтическим, автор приводит нас к началу времен, к той сакральной точке, из которой начинается разворачиваться любая частная человеческая история. Мы попадаем в точку начала любой сказки, сказки как таковой, что подчеркивается отсылкой к сказочным персонажам. В русских народных сказках Змей Горыныч, Царь Кощей, Баба Яга – это ужасные монстры, силы зла, представители мира мертвых, с которым должен сражаться главный герой. Но в песне Д'ркина эти же персонажи предстают малыши детьми:

Когда Баба-Яга была девочкой,
Чудо-Юдо еще было маленьким,
Змей-Горыныч был птенчиком немощным,
Царь Кащей был мальчиком-паинькой...

Автор создает образ такого давнего времени, которое не зафиксировано и в сказках, это точка подлинного начала. В этой точке присутствует топографическая локация, где и появляется на свет главный герой. Текстовая парадигма народной песни и русской народной сказки настраивает читателя на восприятие добра молодца в контексте русской сказки, как богатыря и героя, побеждающего чудовищ, однако в этой точке сюжет резко ломается, фольклорный сюжет сменяется сатирой:

На болоте что у озера Тихого,
Народился на заре добрый молодец,
У Адама и инспектора Тихона,
И прозвали его Васька-омоновец.

Здесь в полной мере реализован эффект обманутых читательских ожиданий: вместо героя – борца со злом, в начале времен появляется какое-то чудовищное противоестественное порождение. Упоминание в этом контексте Адама отсылает нас к библейской истории, образ первого человека Адама подчеркивает, что перед нами мифологическая история,

рассказывающая о начале не только времени, но и человека как такового, и вот в этом начале стоит Васька-омоновец.

Пародия сказочного прототекста продолжается, набирая силу, вовлекая всё новые элементы в страшный сюжет:

Он лишил Ягу невинности девичьей,
Он Горынычу срубил буйны головы,
Он Иванушку повесил на фенечках,
И смотрел, как его кушают вороны.
А Кащею он яичко иголками
Истыкал, а после вовсе кастрировал.
А потом яйцо засовывал в уточку,
А ее потом засовывал в зайчика.

Если герой сказок, чудесно родившийся богатырь борется со злом, то герой «Песни про советскую милицию» наполняет этот сюжет совершенно противоположным содержанием. Он тоже борется с Бабой Ягой, Змеем Горынычем и Кащеем Бессмертным, но его действия приводят не к восстановлению природной гармонии, которую в сказках нарушают персонажи-чудовища из другого мира, а к нарушению существующего нормального порядка вещей. Герой не побеждает зло, он насилует, кастрирует, срубает головы. Финалом этой античеловеческой деятельности становится история с Кощеевым яйцом – известная с детства сказка о Кащеевой смерти (игла в яйцо, яйцо в ларце, ларец в утке, утка в зайце) становится историей об извращенном издевательствах над человеком, природой и сутью вещей.

В этом куплете встречается единственная в песне отсылка к античной мифологии – к истории Прометея. Прометей, титан, похитивший огонь для людей, является знаковым персонажем как в европейской истории Нового времени, так и в советской культуре. Первым автором, истолковавшим миф о Прометее в духе утверждения человека полиса, свободного гражданина, был Эсхил.

В классической античности и эпоху буржуазных революций этос гражданина, связанный с образом Прометея, мотивировал активность рядовых граждан в реальной политической жизни. Начиная с Ренессанса образ Прометея все более связывался с идеей человеческого прогресса. Классицизм,

Просвещение и Романтизм привнесли в этот образ богоборческие и антирелигиозные мотивы, темы борьбы с тиранией религиозных и светских властей. Прометей стал символом мятежного духа, вмещающего целый спектр чувств от гнева и ненависти к тиранам до любви к свободе, правде, справедливости, равенству, братству. У романтиков (Шиллера, Байрона, Гете, А.В. Шлегеля, В. Мюллера) этот образ стал олицетворением духа революционной борьбы с тиранией, наполнился смысловым многообразием и разной идеологической окраской – от либеральной до социалистической. Последнюю воплотил П. Шелли в лирической драме «Освобожденный Прометей», где под освобождением Прометея подразумевалось будущее раскрепощение человечества.

В этом контексте образ Прометея был воспринят и советской культурой. Прометей становится символом нового советского человека, нового состояния человечества, которое возникнет как результат осмысленного творческого труда каждого члена общества. Творческий труд шахтера и монтажника, а не только представителя творческой профессии, музыканта и поэта – это отблеск огня Прометея, как он трактовался советской культурой.

В «Песне про советскую милицию» главный герой народных сказок – Иванушка – становится протагонистом мифа о Прометее. История Прометея заканчивается тем, что непокорного титана Зевс велит приковать к скале, и наблюдает, как орел каждый день клюет его печень. В «Песне...» роль Зевса, неправого тирана, властителя бесчеловечного анти-космоса, играет советский милиционер Васька-омоновец, который «Иванушку повесил на фенечках, и смотрел, как его кушают вороны», принимая классическую позу Зевса, наблюдающего за мучениями своего врага. В этом контексте особо звучание приобретает греческое имя героя Василий, означающее «царь».

В этом конфликте Иванушки-Прометея и Васьки-Зевса воспроизводится в новой социокультурной ситуации позднего советского времени парадигматический для советской культуры сюжет о Прометее-тираноборце. Сюжет инвертирован: в роли борца за творческую свободу выступает рокер, представитель андеграундной культуры, на идентичность которого указывает фенечка, атрибут рокеров того времени.

В роли же тирана выступает советский милиционер, человек, который в согласии с официальной культурой, должен защищать и поддерживать прометеевские порывы в стране победившего социализма, но на деле является их гонителем. Реалии времени отразились в этом сюжете, революционная форма официальной риторики включает противное творчеству и борьбе содержание, выдвигая милицию как репрессивный аппарат, уничтожающий Прометеев современности.

Рассмотренные прототексты вовлекаются в диалог культур с современным рок-андеграундом. В припевах даются реалии настоящего, с которым мифическое время сказки связано фигурой главного героя-антигероя. Противостояние в начале времен продолжается и сейчас, наследуя мифический первообразец. Иванушка-Прометей – это современные рокеры, которые противостоят пустой внутри официальной культурой, защищаемой антигероем, советским милиционером, перевернувшим мировой порядок и уничтожившим не только сказочных героев, но и современных поэтов и музыкантов.

В «Песне...» не дается разрешения конфликта. Финал песни закольцован с ее началом и является его смысловым отрицанием:

Много песен о шахтерах было сложено,
Много песен о монтажниках-высотниках,
А про нашу, про советскую милицию,
Песен нет, да и не надо их совсем.

Таким образом, в «Песне про советскую милицию» донбасского поэта Вени Д'ркина на основе парадигмальности пародийного текста эпохи постмодерна создается пространство диалога нескольких культур: русской народной, включающей песни и сказки, ранней советской, с отсылками к библейскому сюжету о первом человеке и к античному мифу о Прометее. Все эти прототексты соединяются и осмысливаются на основе андеграундной рок-культуры поздней советской эпохи. Смысловое пространство пародии, созданной поэтом, позволяет показать пустоту официальной культуры того времени, содержащей идеологемы о людях труда, в которые уже никто не верит. Столкновение этой пустой формы с живым творче-

ством андеграунда в версии Вени повторяет архетипический сюжет появления насилия в самом сердце сказочного мира и установление порядка, основанного на праве сильного, извращающего порядок космоса, разрушающего жизнь и творчество новых Прометеев.

В произведении Вени конфликт неразрешим, поэт отказывается от изображения своего героя – советского милиционера. Пространство реальной жизни дает больше возможностей решить этот конфликт. Так, постсоветский рок постепенно интегрировался в истеблишмент, и современная полиция охраняет порядок на рок-концертах, а не подвешивает рокеров на фенечках. В то же время постоянно возникают новые формы и конфигурации взаимодействия разных сторон базового конфликта отжившей формы и нового содержания. Поиск новых форм взаимоотношений творческого человека и навязанных идеологем – важная задача, которую ежедневно решают творческие люди и осмысляющие процесс философы.

Алла Новикова-Строганова

Историк литературы, литературовед. Родилась в 1960 году. Доктор филологических наук, профессор. Автор литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

ПРАВДА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

(о «Записках охотника» Ивана Сергеевича Тургенева)

Цикл рассказов «**Записки охотника**» (1852) Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883) – одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражены духовные стороны личности простого русского человека, «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст – вас так и обдаст накопившимся тёплым запахом ночи; воздух весь напоён свежей горечью полыни, мёдом гречихи и “кашки”; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («**Лес и степь**»)[1].

В рассказе «**Певцы**» Тургенев пишет о своём герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворённо-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно И.А. Гончаров (1812–1891), прочитав «**Записки охотника**» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая – за тысячи вёрст от России – ощутил её дух, её живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели берёзовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море,

где я – всё забыл. Орёл, Курск, Жиздра, Бежин луг – так и ходят около». Гончаров также отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда»[2].

В год кончины Тургенева его друг и земляк, поэт Я.П. Полонский (1819–1898) говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так всё это выразить мог только великий писатель».

Ф.И. Тютчев (1803–1873) проницательно уловил в **«Записках охотника»** тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»[3].

Известно, какое глубокое впечатление произвели **«Записки охотника»** на земляка Тургенева – Н.С. Лескова (1831–1895), заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей»[4]. Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав цикл тургеневских рассказов: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством»[5].

М.Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889) справедливо считал, что **«Записки охотника»** значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции»[6].

Рассказы тургеневского цикла, по признанию А.Н. Толстого (1828–1910), открыли ему ещё в юности, что русского мужика «можно и должно описывать не гаумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом»[7].

В.Г. Короленко (1853–1921) вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с **«Записками охотника»**, впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те „простые“ слова, которые дают настоящую, неприкрашенную „правду“ и всё-таки сразу подымают над серенькой жизнью, открывая её шири и дали, <...> озарённые особенным светом»[8].

М. Горький (1868–1936) называл **«Записки охотника»** в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив её от шелухи» [9].

Сходное впечатление испытывает и современный вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла **«Хорь и Калиныч»** (1847) минуло более 175 лет и 170 лет – со времени первого отдельного издания **«Записок охотника»** (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остаётся» [10], – говорил Б.К. Зайцев (1881–1972) о восприятии тургеневского творчества в статье **«Непреходящее»** (1961).

Доминантой приведённого выше отзыва Лескова о **«Записках охотника»** является слово «правда» во всей его полисемантической объёмности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворённый романтической традицией; и главное – правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, возвестившего: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Герои **«Записок охотника»** – русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не повреждённого чувства национального достоинства – народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции – «хрестьяне», то есть «христиане» – верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье всепристствие. Христос – в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!» (3, 37); «ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «прости, Господи, моё прегрешенье!» (3, 137), – то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман (**«Малиновая вода»**), Калиныч (**«Хорь и Калиныч»**), мужик Анпадист (**«Бурмистр»**), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа **«Бежин луг»** ограждают себя крестом, именем Божьим. Все герои **«Записок охотника»** молятся, осеняют себя крестным знамением, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т.д.

Всё это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «*Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин. 1: 1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба – теплятся лампадки перед святыми образами: «перед тяжёлым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («**Хорь и Калиныч**» – 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («**Уездный лекарь**» – 3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любую кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома – Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошёл в фельдшерovu комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («**Смерть**» – 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные уголья – с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «заказанных» (с образами обойдённых) пустырях» («**Смерть**» – 3, 198). «А с Богом-то всегда лучше» (3, 352), – так выражает убеждение всякого православного человека Филофей – герой рассказа «**Стучит!**».

На Руси в каждом селе – в таком, например, как Шумихино, «с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («**Малиновая вода**» – 3, 31) – была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Храмы являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешественников. Так, рассказчик-охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («**Льгов**» – 3, 77), и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («**Контора**» – 3, 139).

Все крестьяне в «**Записках охотника**» – люди Божьи. Каждый наделён своими талантами и дарованиями. Особо одарённые натуры: Яков Турок («**Певцы**»), Павлуша

(«**Бежин луг**»), Матрёна («**Пётр Петрович Каратаев**»), Акулина («**Свидание**»), Лукерья («**Живые мощи**»); главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие – выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем незрчными, как бы невидимыми, живут что называется «святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради» (3, 31), как и другой герой рассказа «**Малиновая вода**» – Стёпушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и всё же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Всё больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «**Записок охотника**», где «изображены преимущественно люди из “простого народа”, немало хороших людей. Из всех выделяется истиннопреподобная Лукерья (“Живые мощи”)[11].

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех её ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах – всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу моё изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков главный герой рассказа «**Касьян с Красивой Мечи**» – образ странный и удивительный. В нём ярко выражены христианские черты, и в то же время – много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный приём в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясён встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми чёрными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Всё тело его было чрезы-

чайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <...> Звук его голоса также изумил меня. В нём не только не слышалось ничего дряхлого, – он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковиной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землёй, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном, – хранитель леса и его обитателей.

Гибель вековых деревьев ради корыстных коммерческих интересов, проплешины в лесу после вырубки (на орловском диалекте – «ссёчки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищническому уничтожению леса, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили, – Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, погибающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно клакаясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...» (3, 114).

Касьян живёт в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на её языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с дерева на дерево и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок* полетел, чиликая, у него из-под ног – он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, – Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки – Божии» (3, 118). Вместе с живительными «чистыми», «Божьими» травками Касьяну ведомы и другие растения – загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Ещё с молитвой разве...» (3, 118).

*молодой перепел. – Примечание Тургенева. – А.Н.-С.

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстаёт как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и всё поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделён открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <...> – а чтобы, то есть, промышлять – нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом Апостолам, – о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: *«Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте»* (Мф. 10: 8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека – всё в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это всё от Бога. <...> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует – спасётся, – прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя – сокровенная убеждённость в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа, *«если вы будете иметь веру с горчичное зерно»*, *«ничего не будет невозможно для вас»* (Мф. 17: 20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: *«Не бойся, только веруй, и спасена будет»* (Лк. 8: 50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделён чертами праведника. С другой стороны – сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней – «сродственница»,

скрывая её происхождение, хотя их кровная связь, внешнее сходство для всех очевидны. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, её пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «не убий»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «Отче наш»: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 9: 11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, ддя чего ты пташку убил? – начал он, глядя мне прямо в лицо.

– Как ддя чего?.. Коростель – это дичь: его есть можно.

– Не ддя того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его ддя потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка охотников, данная Лукерьей – героиней рассказа «**Живые мощи**»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занято! Одна влетит, к гнёздышку припадёт, деток накормит – и вон. Глядишь – уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесётся, а детки тотчас – ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «много её, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой – и грех её убивать, и пускай она живёт на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб – Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: *«хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и даёт жизнь миру»* (Ин. 6: 33). Так хлеб – одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: *«Аз есмь хлеб жизни»* (Ин. 6: 35), *«ядущий его не умрет»* (Ин. 6: 50). *«Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий»* (Ин. 6: 27), – заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделён поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: *«И ныне, Господи, <...> дай рабам Твоим со всюю смелостью говорить слово Твое», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением»* (Деян. 4: 29, 31).

Одухотворённо-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: *«Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза. <...> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика»* (3, 116). Так удивлялись словам Апостолов *«начальники народа и старейшины»* в Новом Завете, *«видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <...> между тем узнавали их, что они были с Иисусом»* (Деян. 4: 13).

Касьян говорит, как древний пророк, как прорицатель: *«Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолудины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного»* (3, 116–117). Слова мужика по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъёмом выражены представления о святости и грехе: *«Кровь, – продолжал он, помолчав, – святое дело крови! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!»* (3, 116).

Герой старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: *«кровь есть душа»* (Второзаконие. 12: 23); *«душа тела в крови», «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его»* (Лев. 17: 11, 14). Бог заповедал Ною: *«только плоти с душою её, с кровью её, не ешьте»* (Быт. 9: 5). В Новом Завете Апостолы проповедают язычникам *«воздерживаться от идоложертвенного и крови»* (Деян. 15: 29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасённого человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что *«придут времена отрады от лица Господа»* (Деян. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции несправедному устройению социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощённости свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали простонародные странники, но и – прежде всего – духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определялась в русском фольклоре, народнопоэтическом сознании.

Касьян – один из таких странников – получил в народе ещё одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыги, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище – отсылка к паразитарному насекомому – снижает образ: *«Недаром его прозвали Блохой. Его чёрная, ничем не прикрытая головка <...> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно всё подпрыгивал на ходу»* (3, 113).

«Человек я бессемейный, непосед» (3, 119), – говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: *«И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...»* (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике **«Записок охотника»** становится сквозным, находит своё разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине **«Живые мощи»** явственно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана – как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня всё странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси... <...> Мало что переменялось, хоть сменялись, шли века»[12], – в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова (1966–2006) **«Русский крест»** (1996). Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной»[13]. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, её грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

*«Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молюсь...
Если все попросим Бога
За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд –
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? –
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда – никто не знал...»[14].*

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, – вот оно что...» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдёшь, как пойдёшь, – подхватил он, возвысив голос, – и полегчит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъём, духовное раскрепощение соединяются с патриотическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель – деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворённая красота родной земли, любясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена её городам и рекам – всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Синбирск – славный град, и в самую Москву – золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с Красивой Мечи. Места, где протекает эта река – *Красивая Меча* (или *Мечь*) – приток Дона, – считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестаёт удивляться дивному чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поётся-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растёт; ну, заметишь – сорвёшь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напёшься – заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакie степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <...> Эко солнышко! – промолвил он вполголоса, – эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119–120).

Любование героев «**Записок охотника**» своей Родиной, русской землёй сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе цикла художественные картины природы, «прозрачные, будто сотканные из воздуха образы»[15]. Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. Эти живые образы словно сливаются с дыханием, с биением сердца русского человека. Картины природы настолько одухотворены, что в них отчётливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое

вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трёхмерном пространстве, а с выходом в некое четвёртое – духовное – измерение, становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла рассказов, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, Богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул – и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенётся, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон берёзовый лесок на горе» («Лес и степь» – 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <...> Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи», и, «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг» – 3, 90; 86).

В народнопоэтическом сознании живёт неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесютом царстве» – мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду.

Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых тёплых морей, где живёт птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живёт всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошёл...» (3, 119).

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грёзы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина дуга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «тёплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

«– Это кулички летят, посвистывают.

- Куда ж они летят?
- А туда, где, говорят, зимы не бывает.
- А разве есть такая земля?
- Есть.
- Далеко?
- Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Простонародные русские скитальцы в чаянии «довольства и справедливости» ищут те заветные места, где, Христос *«низложил сильных с престолов и вознёс смиренных; алчущих исполнил благ, а богатающихся отпустил ни с чем»* (Лк. 1: 52–53). Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица – Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте сказочное «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором *«отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасённые народы будут ходить во свете Его»* (Отк. 21: 4, 24, 25).

«Юродивец» – третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с мальства» (3, 117). Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признаётся: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнёс скороговоркой, почти невнятно; потом он ещё что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название “юродивца”» (3, 119).

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлён более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек:

«Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своём участии в церковных Богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» – особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать эгоистический, корыстолюбивый интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: *«не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?»* (Иак. 2: 5)

В душе герой ведёт напряжённую внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это всё под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек – вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» – «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герою дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья – героиня рассказа **«Живые мощи»**.

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочёл „Лукерью“ три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ **«Живые мощи»** позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514).

Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный **«Касьяном с Красивой Мечи»**, Жорж Санд так отозвалась об авторе

«**Записок охотника**»: «Вы – реалист, умеющий всё видеть, поэт, чтобы всё украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и всё понять». После прочтения рассказа «**Живые мощи**» знаменитая французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель, – все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев её, охотник буквально «остолбенел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини – в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: *«Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. <...> Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен»* (2 Кор.12: 9–10).

С героиней рассказа – жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой – незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины – без малого семь лет (семь – священное число духовного порядка) – обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетёном сарайчике на пчелиной пасеке. Медоносная пчела, когда завершает своё благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает. Так и Лукерья настолько внешне иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи».

Охотник, знавший девушку раньше, ошеломлён жутким зрелищем, контрастирующим с его прежними впечатлениями: «Возможно ли? Эта мумия – Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которую ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам тайне вздыхал, я – шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрающаяся радостью и весельем физическая жизнь отлегла, сквалася неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время девушка думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328– 29). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жертву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям – время разгула нечисти, её особой активности) Лукерье-невесте, замороженной ночными соловьиными трелями, почудился зов жениха: «зовёт меня кто-то Васиным голосом, тихо так: “Луша!..”. Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да ó землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому – скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – в утробе – порвалось... <...> – С самого того случая, – продолжала Лукерья, – стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже – и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: всё хуже да хуже» (3, 329).

М.М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастливая случайность», но и «слабый намёк, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство»[16]. Из приведённого рассказа Лукерья не «слабо», а вполне явно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечёт её в губительную бездну («так прямо <...> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены – в рассказе «**Бежин луг**», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели – зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: “Павлуша, а Павлуша!”. Я слушаю; а тот опять зовёт: “Павлуша, подь сюда”» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при

помощи крестного знамения отразить вредоносные нападения нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! – проговорили мальчики, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живёт убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «**Бежин луг**»: «Эка! – проговорил Федя после недолгого молчания, – да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное мирозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для неё источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини – также совершенно бестелесный – вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327).

По определению В.И. Даля, «мощи – нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», ещё при жизни становится «истиннопреподобной» угодницей Божией.

Охотника также крайне изумило, что мученица не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «от неё никакого не видать беспокойства; ни ропота от неё не слышать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив – за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338), – рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Героиня принимает Божью волю со смирением, с благодарением и молитвой: «– А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чём я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно» (3, 332). Страдалица-крестьянка, едва ли это сознавая, в точности следует заповеди Господа о немногословной молитве: «*молясь,*

не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6: 7–8).

Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест – значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) – по слову Христа: «кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».

Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «мир Божий, который превыше всякого ума» (Фил. 4: 7): «Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим – да и опять полёживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332).

В народе поговаривают, что испытание тяжёлой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <...> – стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать её – нет, мы её не осуждаем. Пушай её!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская – в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию – во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты ещё грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание русского народа вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4: 1, 2). В этом суть православного аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо её душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошёл. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: “Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?” Но я ему ответила: “А мысленный грех, батюшка?” – “Ну, – говорит, а сам смеётся, – это грех не великий”. – Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна» (3, 330–331).

Более того – она своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение – я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители – батюшка да матушка – и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились – и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335–336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б.К. Зайцев, назвав её заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных»[17].

Плоть героини умерщвлена, но дух её возрастает. «*Посему мы не унываем, – учит Апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется*» (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа – просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия»[18], – справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).

Героине почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. В своём уединении она вступает в область сверхрационального познания, религиозного откровения: «Вы вот не поверите – а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осе-

нит... Возьмёт меня размышление – даже удивительно. <...> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запредельным миром на пороге инобытия. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки – намёк на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием – как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, всё поле кругом осветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: *«Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света»* (Ин. 12: 36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь – по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорёхонько – только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, – таким Его не пишут, – а только Он!» (3, 335).

Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хороводы водить будешь и песни играть райские. <...> тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, – и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка – болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», – комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)[19].

В своём отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворённо-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своём личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, – с величайшим усилием, но *умилённо* <курсив мой. – А.Н.-С.> произнесла она. – Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить – крестьяне здешние бедные – хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно – всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и обездвиженная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свой внутренний мир. Наоборот, её душа вся светится добром, участвивым отношением к людям. В её положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому ещё труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу – сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась – ничего; иным ещё хуже бывает. <...> у иного и пристанища нет! А иной – слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветёт или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? – многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий её в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «Претерпевший же до конца спасётся» (Мф. 24: 13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», – так определил суть тургеневского рассказа архиепископ

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в её последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий»[20].

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе **«Смерть»**. То, как умеет умирать православный человек, – также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, всё перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» (3, 199).

Для православных день земной кончины – день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая её не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные поработители народа – изощрённый изувер помещик Пеночкин и его подручный – бурмистр Софрон (**«Бурмистр»**), Хвальинский и Стегунов (**«Два помещика»**), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью (**«Ермолай и мельничиха»**); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны – матери Тургенева (**«Живые мощи»**). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных – до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» (**«Смерть»** – 3, 201–202).

Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишённых по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка (**«Ермолай и мельничиха»**), Татьяна и Павел (**«Контора»**), Матрёна (**«Пётр Петрович Каратаев»**) и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Диккенса (1812–1870) – английского писателя-христианина, наиболее родственного по духу русской классической литературе, – высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о **«Записках охотника»**, усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <...>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опозтезировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашёл таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409).

Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадёжного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право – рабство внешнее – не убило в русском

народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведёт к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей – по слову Апостола Павла: *«не делайтесь рабами человеков»* (1 Кор. 7: 23). Людинерабы, а дети Божьи: *«Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Гал. 4: 7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, её духовную независимость. Человек рождён свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплён даром истинной свободы – в Боге и от Бога: *«Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»* (Гал. 5: 1).

Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы – носители зла. Вот почему Апостол Павел призывает: *«братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облечитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6: 10–12).

По апостольскому слову, Христос, *«отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою»* (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа *«Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу»* (1 Кор. 15: 24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстаёт в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного – всего того, что составляет живую русскую душу **«Записок охотника»**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1978–1982. – Сочинения: В 12 т. – Т. 3. – С. 355. В дальнейшем сочинения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Гончаров И. А. Собр. соч. – М., 1955. – Т. VIII. – С. 262; 108–109.
3. Тютчев Ф.И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма. – Тула, 1984. – С. 186.
4. J. von Guenter. Leskov. – Russlands Christlichster Dichter. – Jahrgang 1. – 1926. – S. 87.
5. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 11. – С. 12.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 9. – С. 459.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т. 66. – С. 409.
8. Короленко В.Г. Собр. соч. – М., 1954. – Т. V. – С. 265–266.
9. Горький М. Полн. собр. соч. – М.: Наука, 1972. – Т. 15. – С. 373.
10. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В XI т. – М.: Русская книга, 1999 – 2001. – Т. IX. – С. 375.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня. – М.: Отчий дом, 2010. – С. 166, 172.
12. Мельников Н.А. Русский крест. – М.: Отчий дом, 2011. – С. 33.
13. Там же. – С. 4.
14. Там же. – С. 36.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. – Т. XVIII. – М.: Гослитиздат, 1939. – С. 144.
16. Дунаев М.М. Православие и русская литература. – М., 1997. – Ч. III. – С. 37.
17. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В XI т. – М.: Русская книга, 1999 – 2001. – Т. IX. – С. 436.
18. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом. – М.: Ладья, 1998.
19. Там же.
20. Там же.

ПОЭЗИЯ

Алла Папцова (Бельчевичена)

Поэт, философ, культуролог. Родилась в Гагаузии. Кандидат философских наук. Публиковалась в литературной периодике Молдовы, в альманахах «Покров» и «Бесарабски гердан», в сборнике «Голос души». Живёт и работает в Гагаузии (Молдова) и Москве.

БУДЖАК

Нить степных дорог,
Караван холмов,
Солнца, ветра впрок,
Ожерелье слов,
Где твой друг? Где враг?
Судеб перезвон.
Ты бредешь, Буджак,
По тропе времён.
В шрамах из границ,
В хоре языков,
В сотнях тысяч лиц –
Диалог веков.
Но всегда с тобой
Неба синева,
Ветер, пыль и зной,
И польнь-трава.

О ЧАДЫР-ЛУНГЕ

Холмы и небо. Как повсюду.
И все же – небо Буджака
Холмы... – не семь? – считать не буду!
Холмы и небо. И Река.

А что река – одно название.
Так, ручеёчек, не река.
И это в Центре Мироздания?
Кто так решил и кто решил что так?

Мой Город – точка средокрестья
И перекресток всех дорог,
Когда я здесь, когда не здесь я
Он мой родимый уголок.

Но если кто в гостях как дома,
То я и дома как в гостях.
И всё ж черты, что так знакомы,
На всех дорогах узнаю, на всех путях.

2010

* * *

Оставь свой рог, Роланд, бери мобильник!
Калашников сменил Эскалибур.
Свет фар в ночи сильнее, чем светильник.
Где Одиссей? Он взял билет на тур.

Но час пробьет и в День Великой битвы
Нас выступить обяжут налегке –
Мечты, воспоминанья и молитвы
Поместятся в дорожном рюкзаке.

Доспехов вместо – верность и отвага,
А в ножнах – сила правды и добра.
И до Исхода нам всего три шага –
Сегодня, завтра и уже вчера.

* * *

Мой бедный голос –
Тебя не слышно!
Сильнее ветер
Траву колышет.

И песен робкий
И нежный звук –
Всего лишь камень
В стене разлук.

1996

* * *

И кончится день,
И будет лишь тень
И будет лишь свет,
Которого нет.

И памятью ветер
Куда-то сорвётся
И кончится всё.
Или только начнётся...

1991

* * *

Ты – сон, разорванный рассветом,
Ты снег, сгоревший по весне,
Вопрос, не ищущий ответа,
Ты – вечно «Да» и вечно «Нет».

Ты – сотни лиц и тысячи обличий,
Всегда – из ниоткуда в никуда.
Но ты – один и вот твоё отличие –
Ты – вечно «Нет» и вечно «Да».

1997

* * *

Это было не вчера,
Да и вряд ли это было:
Белой кошкою Луна
Раньше по небу бродила.
Расплескала молоко
По Большой дороге Неба,
Испугалась и ушла.
Долго вечер светлым не был...
Только ночью, а не днём
Кошка на небо выходит,
И, не помня ни о чём,
Бродит, бродит, бродит, бродит...

* * *

Расколовшееся небо
Осыпается дождём.
Что же ты так долго не был,
Мой весенний первый гром!
Спотыкаясь на ходулях
Узких тоненьких дождинок,
Он нашел меня – седую,
В сетке вздохов и морщин.
Возвращая свет и тени,
Разгоняя тучи грёз,
Даровал он мне прозреньё,
Но спасенья не принёс.

Люция Звёздная

Поэт. Родилась в Забайкалье. По образованию – режиссёр, культуролог. Член Международного союза писателей им. Святых Кирилла и Мефодия. Лауреат, дипломант международных, всероссийских, муниципальных конкурсов России, Болгарии, Украины. Живёт в г. Североморске Мурманской области.

ГОРЧИТ ПОЛЫНЬ-ТРАВА

(анациклический стих)

Горчит трава полынь,
Молчат твои уста...
Свечи огонь, «Аминь» —
Печаль моя чиста.

Погас костёр любви,
Очаг любви истлел.
Воздаст Господь... Живи!
Скучать — не твой удел.

Судьбу свою встречай,
Шепчи другой слова.
Забудь меня! Бывай...
Горчит полынь-трава.

ДЕЖАВЮ

Дежавю: я по лужам бегу босиком,
Хочочу! К счастью, плакать не вижу причины!
Капли с неба игриво ловлю языком,
Не боясь заболеть ненавистой ангиной!

Летний дождь... Я промокла до нитки почти,
И зовёт спешно мама под зонтик в горошек...
Я кричу: «Дождик, лей! Я хочу подрасти!
Ну, пожалуйста, лей! Лей сильнее и подольше!»

Невдомёк мне, что капельки — слёзы небес,
Что таят злые грозы свинцовые тучи...
Вспышка молнии вдруг озарила окрест –
Боже, это не я, а... проказница-внучка!

В небе радуга выгнулась яркой дугой,
Словно арка, что в сказочный мир приглашает...
Не прошу я у Господа жизни другой,
Лишь для внучки счастливее доли желаю!

Мария Жаринова

Поэт. Вошла в шорт-лист конкурса «Поэтический дебют» журнала «Аврора» (Санкт-Петербург). Живёт в Москве.

БЕЛЫМ СТИХОМ О РОДИНЕ

Смотришь на мосты крайнего севера, вешних испуганных вод
Поток льётся по желобу временному. Россия стоит матерью
У заливного окского луга, у соляных степных холмов. Солнце
Заливает щедрым теплом серые, белые, охристые дома и дороги
Расходятся, сходятся, дразнят, исчезая за полоской, очерченной
Только взглядом — у души граница одна — семья. Смотришь –
И удивляешься, как спокойно и гордо принимает тебя город
За городом, пролетаешь его, или же пришёл в гости к таким же
Как ты. Кого же ты ищешь? Дверь открыта, даже если замок
На старой заброшенной даче не сдвинуть с места за давностью лет.
Кто-то однажды, повторяясь в тебе, принесёт тебе первый цветок.
Это Бог, хранивший каждого в смутное, выдуманное напрочь время
В нас всё ещё верит с улыбкой ребенка и не разводит мосты.

* * *

Мама, мама, ты растила меня для Донбасса.
Где, казалось бы, – что может поэт!
Но за плачем родных, волчьим воем фугаса
Слово снова в строю,
Слово держит удар
И ответ.

Мама, мама, ты учила, что нужно быть сильной.
Пусть тревожно — так близко к черте, –
Я за строчками беглыми новую вижу Россию.
Да о том ли мы пишем?
Да для них ли мы пишем?
Прочитают ли — те?

Светлана Доту

Поэт и прозаик. Публиковалась в коллективных сборниках поэзии и прозы, литературных журналах и периодике. Автор детских книг «Потеряевские каникулы», серии про kota Чупа-Чупса, «Считалочки» и др. Член Творческого объединения «Автограф» (Новошахтинск). Живёт в городе Новошахтинске Ростовской области.

ГРИН

Пусто в комнате. Гладь да тишь.
Сон вкушает ещё родня.
Я не книжная больше мышь.
Берег моря, начало дня.

Там осталось среди руин
точных знаний моё «гнездо»,
и остался «затёртый» Грин,
перечитанный от и до.

Я касаюсь парной воды.
Солнце всходит. Прозрачен мир.
Море спрячет мои следы.
Солнце сочное, как инжир.

Тихо крабы ползут по дну.
Я стою, скоро мой черёд.
Ветер гонит уже волну,
ту, с которой бежать вперед.

Не бежать, а стремглав лететь,
лишь касаясь воды ногой.
Буду верить, любить и сметь,
управляя своей судьбой!

И уже на закате дня,
разгоняя акулый сброд,
от восторга вопя: «Земля!» –
я увижу, как он встаёт,

поднимается вверх мечтой
из далёких седых глубин,
безымянный и только мой –
синий остров. Спасибо, Грин!

Константин Еланцев

Поэт и прозаик. Родился в 1960 году в посёлке Базарный Сызган Ульяновской области. Печатался в литературных сборниках и журналах «Атланты», «Российская литература», «Автограф», «Чувства без границ», «Симбирскъ», «Серебряный дождь», «Восхождение». Номинант премии «Поэт года – 2016». По мотивам рассказа «Заслон» в 2017 году снят короткометражный фильм «Мы здесь» (Ульяновск). Победитель международного открытого конкурса короткого рассказа «Мой дом» (Гомель). Победитель Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» 2018 года. Номинант общенациональной литературной премии «Неформат» 2022 года. Автор поэтических сборников «Моя малая Русь» (2016) и «Тобой живу» (2018). Живёт в Ульяновской области.

ФОНАРИ

Снова злится зима, снова злится и хмурится,
Поднимая метель, кружит вальс на ветру,
Лишь горят фонари на заснеженных улицах,
Одинок горят, чтоб погаснуть к утру.

Можжевеловый куст под сугробами горбится,
Мирно спят снегири, схоронясь от беды,
А позёмка опять всё куда-то торопится,
Заметая асфальт, заметая следы.

Тишина и покой за витринами блёклыми,
Разомлели дома от тепла батарей,
Только тихая грусть, притаившись за окнами,
Через стёкла глядит на огни фонарей.

Запуржила зима, и деревья сутуляются,
Во дворах никого, хоть кричи не кричи,
И не гаснут огни на заснеженных улицах,
Всё горят и горят для кого-то в ночи.

ГОЛУБЫЕ РАССВЕТЫ

На окраине тишь, этой ранней порой
Пахнет хлебом и чёрной смородиной,
И встают над поросшей лесами горой
Голубые рассветы над родиной.

Где-то стукнет засов, где-то крикнет петух,
И мычаньем округа наполнится,
Хлопнет длинным кнутом недовольный пастух,
Всю команду ведя за околицу.

Разнотравьем лугов всколыхнётся рассвет,
Крикнет коршун за дальней поскотиной,
И поймёшь: для тебя ничего лучше нет,
Чем вот эти рассветы над родиной.

Где в оврагах речушка течёт не спеша,
И заря в её водах купается.
Наша родина там, где хранится душа,
Где она по утрам просыпается.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Через сотни преград, как на карту пунктиром ложатся
Вехи жизни моей, где смешались и вера, и труд.
Я куда-то спешу, забывая порой отдышаться,
По дороге в которой ещё не отмечен маршрут.

Мне казалось всегда, что достигну такие высоты,
Где мечта и любовь вспыхнут заревом яркой звезды,
И дополнят стихи неприметные прежде красоты,
Каждой строчкой своей, как журчанием чистой воды.

Не боясь штурмовал без сомнений крутые отроги,
Не грустя принимал своей жизни любой оборот,
Я хотел всё успеть, выбирая навскидку дороги,
И сумел повернуть, слава богу, на свой поворот.

Бесконечности нет, всё когда-то должно завершаться,
Веет грустью покой, если сердцу привычна борьба.
Через сотни преград, как на карту пунктиром ложатся
Вехи жизни моей, что давно начертила судьба.

А У ПЕЧАЛИ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Я уходил и возвращался вновь,
Не назначал свиданий у фонтанов,
Я думал, что безумная любовь
Бывает за обложками романов.

А у печали женское лицо,
А у печали тоненькие руки,
Накинутое наспех пальтецо,
И боль души в предчувствии разлуки.

Я уходил, захлопывая дверь,
И жизнь моя неслась по перекатам,
Ну почему я думаю теперь
О тех глазах, отвергнутых когда-то.

Судьба моя по жизни всё плывёт,
И каждый долгий одинокий вечер
Я понимаю, что любовь её
Ещё живёт надеждой скорой встречи.

А у печали женское лицо,
А у печали тоненькие руки,
Накинутое наспех пальтецо,
И боль души в предчувствии разлуки.

ПРОЗА

Макс Шапиро

Переводчик, прозаик. Родился в 1966 году в Петербурге. Образование высшее техническое. Инженер. Сейчас проживает в США.

СУМЕРКИ ЛЕЙПЦИГА

ПРОЛОГ

- Фауст: За службу много ли берёшь?
- Мефисто: Возьму я сущие гроши —
Часть лишнюю твоей души.
- Фауст: Есть части у души?
- Мефисто: Есть та, что хочет понемногу
В тебе свободу задушить,
Чтобы усерднее служить
Давно исчезнувшему Богу.
- Фауст: Творца и тварь не разлучить,
Напрасно будешь ты стараться.
- Мефисто: Ну это как за дело взяться!
Да можно ли не рассмеяться:
Из глины Фауста слепили
И жизни дух в него вложили.
Итогом всех научных прений —
Ты сам, Творец, и Бог, и Гений!
- Фауст: В науках, вижу, ты осведомлен.
- Мефисто: Я не всеведущ — только искушен.

Фауст:

Как много льстивых предложений,
Да слишком длинным будет счет.

Мефисто:

Сочтёмся позже, время ждёт!
Тебе миры без промедленья
Свои сокровища раскроют.
Нежнейшей страсти наслажденья
Твой лик лобзаннями покроют.
Глубины смыслов бытия
Своею мыслью ты постигнешь
И на земле Эдем воздвигнешь!
Решайся, Фауст!

Фауст (к себе):

Боже, пощади! Что я творю?!

Фауст (к Мефисто):

Согласен!

Мефисто:

Кровью подпишись.

* * *

Николай Александрович Логинов преподавал аксиоматику в Петербургском университете. Ректорат уговаривал его прочитать цикл лекций в Лейпциге. «Программа по обмену профессорским составом есть, — говорили ему, — а математиков вашего уровня с хорошим немецким нет. Выручили бы вы «Alma Mater». Логинов отказывался. Его жена, Людмила, болела раком, развитие болезни удалось приостановить, но уезжать надолго Николай опасался. Его не покидало тяжелое предчувствие, поэтому он исправно ходил с супругой по врачам и внимательно следил за медицинской периодикой.

Особенно его интересовал трексалин — препарат новый, судя по публикациям, эффективный, но в России недоступный: клинические исследования велись преимущественно в США. Наладить связи за рубежом Логинову не удалось, и он всерьез задумался о поездке в Лейпциг. Наверняка в Германии удастся выяснить ситуацию с трексалином. Людмила его планы всецело поддержала. Онколог тревожных сигналов не подавал: «Я развития болезни не вижу. Но гарантий, как вы

понимаете, дать не могу». Эта фраза Логинова не насторожила, он слышал ее не раз. Ректорат настаивал... Николай решил рискнуть.

Лейпциг принял русского профессора великолепно. Его поселили в квартире рядом с университетом, возили по достопримечательностям, приглашали в гости. Ему даже предложили редкую возможность отшлифовать немецкий. «Прослушайте курс литературы профессора Таубе, — посоветовал декан. — Я вас познакомлю. К концу семестра будете знать язык лучше канцлера». Логинов, конечно, согласился.

Вильгельм Зигфрид Фон Таубе был старейшим профессором университета. На его лекции собиралась, плотно заполняя аудиторию, толпа студентов.

Со звонком входил высокий, грузный мужчина в толстых очках. Тяжело опираясь на трость, он медленно добирался до кафедры, с трудом преодолевая несколько ступенек, отдышавшись, брал в руки микрофон, — и трагическая судьба Германии, ее великая литература вдруг оживали, повинувшись его тихому голосу.

Когда Таубе болел, его замещал господин Штейнмахер, декан богословского факультета. О, это был совсем другой лектор! Ироничный, меткий, любящий поспорить с аудиторией, которая награждала его неожиданные, граничившие с цинизмом ответы бурными овациями. И если Таубе одевался в один и тот же мятый костюм, то господин Штейнмахер был идеалом изящества. Острая бородка, узенькие брючки, лакированные туфельки, просторный балахон из черного атласа и белый сплошной воротничок, выдающий принадлежность хозяина к касте священнослужителей.

Логинов искренне наслаждался лекциями. Немецкий мир распахивался перед ним — таким ярким и необычным выдвинулось литературно-историческое полотно, создаваемое на его глазах этими удивительными людьми.

В середине семестра Логинову изменили расписание, и походы на лекции Таубе пришлось прекратить. К тому времени коллеги потеряли интерес к его персоне, поэтому по вечерам, после лекций, Николай гулял по пасмурному Лейпцигу один.

Ах, до чего же ярок и привлекателен ночной Лейпциг! Столько искусственного света на его узких улицах, что и в сумерках город сверкает как днем. В центре современные отели,

музеи, высотные здания со стеклами в три этажа, гигантские торговые ряды, под ними бесконечные парковки, уходящие вглубь до центра Земли. Но стоит свернуть с главной улицы, и попадешь в Лейпциг уютных кафе и ресторанов, маленьких полутемных книжных лавок, заполненных фолиантами в кожаных переплетах, таинственных антикварных магазинчиков, где прошлое продолжает свою загадочную жизнь.

Всё, чего только может возжелать душа, чудесно умещается вдоль мостовых Лейпцига. Кажется, жизни не хватит заглянуть за каждую дверь. Нет на свете диковинки, которая не светилась бы в его витринах. Всё самое элегантное, самое удобное, точное и надежное манит к себе из глубины каждого окна.

Но Логинов был человеком непритязательным, утонченное изобилие Лейпцига его не интересовало. Он с тревогой думал о жене и мифическом трексалине, столь же недостижимом в Германии, сколь и в России. Часто слушал Баха в церкви святого Фомы, а вернувшись домой, звонил Людмиле в Петербург.

На концертах Николай нередко встречал Таубе. Они неизменно улыбались друг другу, приветливо кивали и — молча расходились. Каково же было удивление Логинова, когда однажды, выйдя из церковных ворот после концерта, он услышал приветствие Таубе.

— Дорогой профессор Логинов, рад вас видеть!

— Взаимно, господин Таубе, — поклонился Логинов.

— Вы, я заметил, здесь частый гость. Баха вы, очевидно, любите, а вот мои лекции перестали посещать, — в шутку упрекнул Таубе.

— К сожалению, мою пару перенесли на ваше время, а лекции завораживающе интересны.

— Чем же они вас так очаровали?

— Ваш курс... — Логинов на миг задумался, — показался мне не столько о литературе, сколько о судьбе Германии. История и речь продолжают друг друга. Литература одновременно и пророчество, и летопись. Неординарный подход... Позвольте задать вам вопрос по материалу, который я, возможно, пропустил.

Таубе, внимательно слушавший Николая, благожелательно кивнул.

— Меня удивляет развитие сюжета о Фаусте. Каждое поколение пишет о нём свои книги. Но чем современнее произведение, тем трагичнее судьба героя: с какого-то момента Мефистофель начинает везде выигрывать, хотя контракты всегда одинаковые. Бог будто забывает о Фаусте.

Таубе удивленно взглянул на Логинова и спросил:

— Не проводите ли вы меня? Здесь близко. И давайте попросту — называйте меня Зигфрид, а вы будете Нико. Не возражаете?

— Спасибо, Зигфрид. С удовольствием.

Они зашагали в обход университета. Профессор грузно опирался на трость и шёл медленно. Николаю приходилось притормаживать, чтобы не обгонять старика. Долго шли молча.

— Разумеется, литература не исчерпывается одним Фаустом, — начал Таубе. — Но отношения человека, Бога и дьявола — тема важная. Согласилась душа с вселенским злом — и контракт подписан. Мефистофель всего лишь свидетель. Однако в истории культуры мы наблюдаем, как постепенно исчезает главный арбитр, а с ним и возможность апелляции. Уже у Гёте Бог весьма декоративен. Ницше и вовсе похоронил Его полтора века назад. А сейчас от Бога только изображения остались.

— Позвольте, — удивился Логинов. — Тогда получается, что черт есть, а Бога нет. Странно! Это как если бы дня не было, а только ночь.

— Именно. Как вы сказали, так и есть. И ночь без дня не должна вас удивлять. В аду, как уверяют знатоки, всегда темно и очень жарко.

— Зигфрид, я в Бога верю! Мой Бог жив!

— Согласитесь, Нико, что декларация веры не предполагает наличия Бога. Допустим, Мефистофель предложит вам сделку, как вы поступите?

— Перекрещусь.

— Ах, какой легкий способ! — иронично заметил Таубе. — Но учтите, он ведь не с рогами и копытами явится. Встретите изящного такого господина, и он пообещает вам нечто крайне важное. Об оплате и не заикнется, дружеская услуга, не больше.

Николай не был готов к подобной дискуссии. О методах Мефистофеля он имел весьма поверхностное представление. Его озадачивали неожиданные утверждения Таубе, который разбирался в предмете на удивление глубоко.

— Но ведь я могу и не согласиться? — дипломатично возразил Логинов.

— Не уступите сегодня, постучится завтра, — в голосе Таубе звучала горечь. — Зло назойливо. Знает, что пообещать: библейской Еве стать богиней, Фаусту избавиться от тоски, жителям Лейпцига обрести вечное благополучие. Найдет подарок и для вас.

— Допустим, я приму предложение, может, и контракт подпишу. Но ведь когда-нибудь я узнаю, что этот изящный господин — Мефистофель?

— Безусловно, — сухо подтвердил Таубе.

— Как узнаю, дойду до церкви и покажусь.

— Удобная стратегия. Надеюсь, вам не придется её использовать.

Профессор заметно устал: трость уже не так уверенно стучала об асфальт, появилась одышка. Он с трудом дошел до ближайшего кафе и рухнул в первое попавшееся кресло.

— Что с вами, Зигфрид?

— Плохо мне, Нико. Тело отказывает. Глаза не видят. Порой и жить не хочется, и умереть страшно. Вызовите мне такси.

Николай вызвал такси и довёл профессора до машины. Таубе с трудом открыл дверь, медленно опустился на сидение.

— Чем вам помочь? — спросил Николай.

Ответить Таубе не смог, хрипя, покачал головой и захлопнул дверь. Такси уехало. Сильно встревоженный, Николай дошел до дома, позвонил Таубе.

— Профессор Таубе, — прошелестел в трубке тихий голос.

— Зигфрид, это Нико. Извините за звонок. Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше. Неожиданный приступ, а лекарство я забыл дома. Вы волновались?

— Очень.

— Спасибо, милый Нико. Весьма тронут. До завтра.

Николай успокоился, подошел к окну. Перед ним сиял огнями ночной Лейпциг — оживленный, беззаботный и на

удивление чужой. «Поразительный человек этот Таубе, — подумал Логинов. — Кажется, всю немецкую культуру впитал, а Бога потерял». Николай вскипятил чайник, набрал телефон жены.

* * *

После лекции Логинов собрался было в кафе, но неожиданно позвонил Таубе и попросил зайти. Голос в трубке звучал возбужденно. Встревоженный Логинов поспешил на литературный факультет, нашел кабинет Таубе, постучался.

Таубе закрыла за Николаем дверь, усадил его в широкое кожаное кресло, сам сел за рабочий стол напротив и заявил академическим тоном, с изрядной долей иронии:

— Даже если Бог есть, хотя это очень шаткое утверждение, не могу представить, что он вдруг простит Фаусту сам факт заключения контракта, тем более подписанного кровью. Учитывая многолетнюю связь с дьяволом, это видится и вовсе невозможным.

— Грядущего ко мне не изгоню вон, — не раздумывая, произнес Логинов. — Спаситель дверь всем открыл. Контракт с чертом образ Божий в человеке не стирает.

— И как же такие контракты ваш Бог аннулирует? — саркастически спросил Таубе.

— Приходит человек в церковь, кается, и нет контракта.

— И вы полагаете, что Фауст может это сделать? Он с духами говорил, рай на земле строил. Фауст — это сгусток гегелевского духа познания, титан Просвещения. Высшее проявление немецкой мысли. И он обратится к давно истлевшей социальной институции, которую вы называете церковью, и станет каяться? Смешно.

Николая начал раздражать этот неожиданный и неприятный религиозный диспут, более похожий на допрос.

— Да прекрасно покается ваш Фауст, если захочет, — резко ответил он. — Найдет любого священника и, как перед Богом, расскажет, что от скуки с бесами развлекался. Совратил Гретен, отравил ее мать, зарезал брата и отправился на ведьминский шабаш, когда якобы любимая женщина сошла с ума от горя и утопила его дочь. Кому ваш Фауст стакан воды подал

за свою титаническую жизнь? А все его великие проекты делались Мефистофелем, поэтому и слились в канаву лемууров.

Таубе молчал, его широкое лицо покрылось краской. Видно было, что он с трудом сдерживает гнев. Глаза из-за толстых линз смотрели на Николая сухо и зло. Наконец, с силой опершись на трость, он рывком поднялся.

— Профессор Логинов, вы здесь человек новый. Культуры нашей не знаете, души немецкой не понимаете. Ваши слова не просто невежливы, — они чудовищны, отвратительны! Я глубоко сожалею, что начал с вами этот разговор. Извините, у меня лекция.

С этими словами Таубе вышел, оставив ошарашенного Николая в своем кабинете.

* * *

«Господи, чем же я так обидел старика?» — думал Николай, с нетерпением ожидая вечера, чтобы отправиться в церковь святого Фомы.

Вечером в соборе звучали «Страсти по Матфею». Николай надеялся встретить Таубе и объясниться. Когда он вошел в зал, женщина в черном пела «Erbarme dich»: «Сжался, мой Бог. Призри на слезы...» Народу было немного. Он сразу увидел Таубе в первом ряду. Положив очки на кресло, профессор опустил седую тяжелую голову на ладони и, казалось, пребывал в полусне.

Концерт закончился. Церковь опустела, но Таубе оставался в той же позе. Николай подошел. «Зигфрид...». Профессор очнулся, но глаза не открыл.

— Нико?

— Простите меня за неосторожные слова. Я не...

— Бога ради, не оправдывайтесь, — перебил Таубе. — Вы все правильно сказали. Вызовите, пожалуйста, такси. Поедем ко мне и договорим.

В старинном доме Таубе отсутствовал лифт. С трудом преодолев два лестничных пролета, профессор открыл незапертую дверь.

— Нико, — сказал он задыхаясь, — мне нужно отдохнуть. Квартира в вашем распоряжении. Не церемоньтесь.

Таубе сбросил обувь и, как был в пальто, скрылся в кабинете.

В огромной квартире только кухня, столовая и кабинет были относительно пригодны для жизни. Гостиная и четыре спальни оказались плотно заставлены книжными шкапами высотой до потолка. Ничего, кроме книг о Фаусте, Николай в них не обнаружил. Издания, публикации, переводы, диссертации, музыкальные либретто — огромная библиотека, посвященная Фаусту.

Таубе вернулся через сорок минут и пригласил гостя в столовую. Открыл вино, наполнил бокал Логинова, плеснул в свой.

— Я хоть и циник, и в Бога слабо верю, но когда слышу «Страсти», будто тонкий детский голос меня зовет: «Зигфрид! Зигфрид!» Давно должен бы утихнуть, а он все теплится... Расскажите мне, Нико, о покаянии. Я забыл, что это такое.

Логинов растерялся — нехитрая, казалось бы, наука, и младенец поймет, но примет ли её искушенная премудрость Зигфрида? Таубе терпеливо ждал ответа.

— Глубинное очень чувство. Тоска сыновства, что ли... — задумчиво произнес Николай. — Вскрывается в душе нарыв, и человек видит себя не титаном Просвещения, а злым уродом. Вся его мелкая, лукавая жизнь перед ним встаёт. От образа Божия одни осколки остались. Тогда он кричит Богу: «Прости меня! Прими меня!» А Бог отвечает: «Сыне, дай мне сердце твое». Человек соглашается и преображается, как бы соединяется с Отцом. Какой контракт, какой ад? Да пусть даже и ад, с Ним не страшно.

Николай спохватился и прикусил язык: не сболтнул ли лишнего. Таубе продолжал молчать. Его лицо покрывала тень глубочайшей печали, в глазах стояла такая боль, что Логинов не выдержал и отвернулся.

— Интересное у вас богословие, — нарушил молчание Таубе.

— Думаю, профессор Штейнмахер лучше объяснит.

— Подальше держитесь от господина Штейнмахера, — неожиданно зло отрезал Таубе.

— Позвольте, он же ведущий протестантский богослов, ученый, декан?!

— При всех достоинствах господина Штейнмахера, у этого... — Таубе долго подбирал слова, — профессора... нет сердца. Не имейте с ним дела, Нико, ни при каких обстоятельствах... У вас есть дети?

— Были.

— Были?!

— Дочь родилась с врожденным пороком сердца. Умерла в пять лет. Следующая беременность не... короче, ребенок умер, не родившись.

Таубе тяжело встал, отправился на кухню. Вернулся с бутылкой шнапса и двумя рюмками. Разлил. Они выпили.

— Простите меня за утренний срыв, — извинился профессор. — Я же фаустовед. Ваши слова, несмотря на их справедливость, меня больно укололи.

— Это вы меня простите. Кто я такой, чтобы Фауста судить?

— Вы — ученый варвар. Человек чуждый моей цивилизации. Поэтому и решение ваше так оригинально... но, к сожалению, невыполнимо.

— А что же в нем невыполнимого, Зигфрид? — воскликнул Логинов. — Час назад мы слышали, как разбойник с креста прорит: «Помяни меня во царствии твоём». А Христос ему отвечает: «Днесь будешь со мной в раю». Церкви еще нет, даже воскресения нет, а прощение уже есть. Один шажок, маленькая просьба — и спасение. Не был разбойник безгрешнее Фауста, а первым в рай вошел.

— Один шажок и в рай?! Я этой легенде не верю. Приговор по нашим распискам выносится за порогом смерти, и суда Божьего мы ни над кем знать не можем, — Таубе задумался. — Да и не сделает Фауст такой шаг. Контракт впитался в него, как деготь в кожу, уже не вытравишь. Слишком поздно. Сумерки души, сумерки любви. Закат культуры. Надвигается ночь, и она поглотит всех Фаустов.

Профессор произнес последнюю фразу на удивление спокойно, словно был бы рад увидеть, как оборвется, наконец, череда трагических реинкарнаций его любимого героя.

Николай вскочил:

— В жизни ли, в смерти ли, мы всегда Его дети. Не могут наши контракты сломить Его любовь. Надежда не умирает!

Таубе вздохнул, снял очки, положил на стол. Перед Логиновым сидел уставший, почти незрячий, отчаявшийся человек.

— Не в контракте дело, Нико. Просто за каждую услугу Мефистофель откусывает частичку души. Душа сжимается, черствеет, и пуповина, соединявшая ее с Творцом, высыхает и рвется. Фаусту нечем каяться, даже если бы он захотел.

Логинов обреченно смолк. Таубе продолжал говорить с омерзением, словно выдавливая гной.

— Все услуги Мефистофеля — ложь, и ведут, как вы заметили, в канаву лемуров. Все его обещания — миражи в тумане. Снаружи привлекательны, даже желанны, а внутри обрыв в ад. Годами ловишь призраки, а как рассеется туман перед смертью — ни веры, ни надежды... Бога нет, только расписки кровью остались.

Таубе на ощупь нашел и надел очки, снова разлил шнапс.

— А вы, Зигфрид, были женаты? — Логинов осторожно сменил тему.

— У меня был брак, но невенчаный. Дочь утонула в младенчестве... Несчастный случай. Жена от горя сошла с ума, за ней некому было следить. Она простудилась... и умерла от пневмонии.

— Чудовищно!

— Меня не было рядом, когда она умирала, но я успел застать ее живой — только в одну последнюю ночь. Она металась в бреду. Хватала меня за руки. Звала дочь. Утром ее не стало. Я всю жизнь ее любил, и я оставил ее умирать одну. В страхе, в отчаянии, в полном одиночестве.

Профессор опустил голову на грудь и глухо проговорил:

У смерти есть особый диалект

Нам объяснить основы мироздания.

Что наша жизнь — короткое свидание

С любимыми, которых больше нет.

Их хрупких черт тревожное мерцание

Погаснет с нами, как лампы свет.

И голосов их тихое прощание

Уже в душе не породит ответ.

— Вы не старый человек, Нико, у вас еще будут дети.

— Наверяд ли, Зигфрид. У жены рак желудка.

Таубе выпрямился. Брови его сдвинулись. Глаза сузились.

— На какой стадии?

— Третья. Но рак не агрессивный. Ее прооперировали, потом прописали химиотерапию. Онколог пока развития болезни не видит, надеемся на ремиссию.

— Хорошо если так, — выражение крайнего напряжения ушло с лица Таубе.

— Я в периодике обнаружил американское лекарство, — решил Логинов. — Называется трексалин, сильный ингибитор для такого типа рака, но не знаю, где его найти.

— Позвоните-ка жене. Попросите выслать результаты последних анализов. Декан медицинского факультета мой приятель, пусть посмотрит. Не вижу, как это может навредить. Заодно и про трексалин узнаем.

* * *

Николай вернулся домой, когда в Петербурге был час ночи, и сразу позвонил жене.

— Не разбудил? — возбужденно спросил он.

— Я не спала, ждала звонка.

— Пошли мне результаты последних анализов. Здесь есть человек — Таубе, который знает декана медицинского факультета. Он может в клинику тебя устроить, трексалин может найти.

— Коля, ну кому нужны эти хлопоты? — устало сказала жена. — Как Бог решит, так и будет. Оставим как есть. До твоего возвращения со мной ничего не случится.

— Ты не права. Если есть возможность, надо пользоваться. Сделаем, что можем, а потом пусть Бог решает.

— Хорошо, — неохотно согласилась Люда. — Я соберу.

Николай повесил трубку и почувствовал, что его покинуло подспудное ожидание беды, тлевшее в душе последние два года. Появилась уверенность, что Таубе все устроит и Люда выздоровеет.

Три дня прошло в ожидании письма. Николай нервничал, торопил жену, ежечасно проверял почту. Вера в благополучный исход сменилась недобрый предчувствием. Как только письмо пришло, Николай отправил его Таубе и тут же получил ответ: «Нико, дайте мне время. Не волнуйтесь. Ждите».

Таубе позвонил через день и попросил Логинова зайти к нему на факультет. Он снова усадил Николая в кожаное кресло, но не сел напротив, а приволок стул и опустился рядом.

— Нико, у вашей жены тяжелая стадия. Пошли метастазы.

Мир откатился далеко от Николая. Разреженный воздух не пропускал звуки.

— Вы слышите меня, Нико? — донёлся издали голос Таубе. Логинов кивнул.

— Трексалин может помочь, но это экспериментальный препарат, доступный лишь в некоторых госпиталях Америки и только для пациентов контрольной группы. Я звонил в Стэнфорд. У них очередь на год.

— Вы можете записать туда нас?

Таубе сочувственно посмотрел на Николая.

— У вас нет года, Нико.

— Неужели нельзя купить?! — воскликнул Логинов.

— Невозможно.

— Дать взятку?!

— Очень сложно, — с большим сомнением произнес Таубе.

— Никто не будет рисковать лицензией, разве что за космические деньги.

— Сколько?!

— Сотни тысяч.

— Что же делать? — пробормотал Николай, обращаясь скорее к себе.

— Вам надо возвращаться.

— Как, Зигфрид?! Выездной профессор сбегает в середине семестра. Скандал!

— Нико, рак желудка — это мучительная, голодная смерть, — мягко, но внятно объяснил Таубе. — Не повторите моей ошибки. Вы обязаны пройти этот путь вместе с ней. А скандал я улажу.

— Спасибо вам, Зигфрид.

— Не благодарите! Я успел вас полюбить. Но такова проклятая моя жизнь, что дорогим людям я никогда не успеваю помочь... Заказывайте билет.

Николай вышел из университета, сгорбившись от боли. Боль спустилась в пах и мешала идти. Суетливый Лейпциг равнодушно глазел на него сквозь витрины магазинов и окна кафе. Логинов полуослеп и двигался на ощупь: только бы добраться до квартиры в университетском доме на третьем этаже. И он упорно шёл через скверы, перекрестки и тротуары Лейпцига, опустив голову, чтобы не встретиться ни с чьим чужим взглядом.

Вечером он решил позвонить в Петербург.

— У тебя ухудшение, Люда, — сказал он, стараясь звучать спокойно, — похоже, начались метастазы.

— Я знаю.

- Почему не сказала?
- Зачем? Ты сорвешься сейчас, прилетишь. Неприятности в университете. Кому нужна эта суета. Умру, когда позовут, а без тебя не позовут.
- Я покупаю билет! — раздраженно бросил Николай.
- Зря, Коленька, — продолжала Люда. — Осталось всего два месяца. Ну что со мной может случиться?
- Я покупаю билет! — закричал он в трубку, даже не пытаясь остановить слезы, благо их никто не видел.
- Хорошо, родной, — успокоил его любимый голос. — Я жду.

* * *

Таубе так все уладил, что Николаю заплатили за полный семестр и выдали премию. Из Петербурга пришло письмо лично от ректора: «Дорогой Николай Александрович. Понижаем. Сочувствуем. За свою ставку не беспокойтесь». Билет был взят. Оставалось только попрощаться с Таубе. Николай собрался было набрать номер, но тот его опередил: «Нико, у вас сегодня последняя пара в шесть. Ждите меня в аудитории после лекции».

Аудитория опустела. Таубе опаздывал. За окнами густели сумерки, в них угасал холодный Лейпциг. Николай никуда не спешил. Через сутки он будет в Петербурге. Начнется предсмертный марафон. Потом Люда умрет. Он ее похоронит, а дальше Логинов не планировал.

Наконец пришёл Таубе. Тяжелой, шаркающей походкой он добрался до стула. У него опять началась одышка.

- Завтра улетаєте?
- Да.
- Как она?
- Боли боится, смерти — нет.
- Она верующая?
- Не была до болезни. Сейчас изменилась. Говорит: «Позовут — пойду. Позволят — задержусь». Готова к встрече.
- Как же вы будете жить без неё? — в голосе Таубе сквозила боль.
- Как получится, — устало ответил Логинов. — Похороню рядом с дочерью. Панихиду в церкви закажу. Она не сразу исчезнет. Запах ее останется, одежда, картины, книги. Память нашей жизни, нашей любви. Мы не навечно разлучаемся.

— Завидую вам, Нико. В вас всегда живет странная надежда. Ничем ее не погасишь.

— А вы, Зигфрид, неужели уже не надеетесь, не верите ничему?

— Нет, — безучастно откликнулся профессор. — Длинная бессмысленная жизнь. Пустая ученость... И ее холодеющее тело у меня на руках. Вижу ее каждый день так же ясно, как вас сейчас. Я уже и ада не боюсь. Все выжжено.

— Я вам не верю, Зигфрид. Вы умеете любить. Вы умеете помнить. Бог — великий собиратель. Каждую нашу боль, слезу каждую... Он хранит.

— Поздно. Время мое истекло, круг жизни замкнулся. Память о них, вечно любимых, умрет со мной.

Николай внутренне собрался. Должно быть... есть слово, способное взломать стены склепа, где бьется, тонет в призрачной тоске душа Зигфрида.

— Не умрет, Зигфрид! Не замкнулся! Не мёртвых он Бог, но живых.

Я верю, что за мукой расставания

В нас воссияет негасимый свет.

Любимых ликов вспыхнут очертания,

Проявятся через завесу лет.

И горечь терпкая прошедшего страдания

*В душе утихнет, не оставив след.**

Таубе смотрел на Логинова. Долго, мучительно.

— Где живет твой Бог?

— 51 Филип-Розенталь Штрассе.

— Русская церковь?

Логинов кивнул.

— Пойдём к нему, Нико. Пойдём к нему немедленно!

— Это невозможно! Туда идти больше часа. Позвольте я хоть такси вызову.

— Я не поеду к Богу на такси. Мы сейчас идем!

Таубе отбросил трость и, шатаясь, двинулся к выходу, опираясь на парты. Внезапно ноги его подкосились, он рухнул на стул. Он задышался, тело обмякло, губы с трудом двигались на белом лице.

*Иоганн Готфрид Зейме, Избранное (Kluge Herman, Auswahl Deutscher Gedichte, Altenburg, 1905)

— Зигфрид! — Логинов бросился к профессору. — Где ваше лекарство?!

Таубе что-то шептал. Склонившись над Таубе и напрягая слух, Николай различил обрывки фраз: «... болит душа... пути». Таубе попытался встать... но потерял сознание. «Боже, что делать?» — в ужасе подумал Логинов.

Неожиданно дверь отворилась и в зал вошел господин Штейнмахер.

— Мистер Логинов. Какая удача. Где я вас только не искал.

— Вызовите скорую. Зигфриду плохо! — закричал Николай.

Штейнмахер быстро подошёл к Таубе, проверил пульс.

— Ничего страшного. Это всего лишь диабетический шок. Профессор, как всегда, забыл свое лекарство.

Он опустил руку в карман, достал ампулу, шприц и сделал неподвижному Таубе укол.

— Не волнуйтесь, дорогой профессор Логинов. Ему сейчас станет легче. Я знаю профессора Таубе много лет и всегда ношу его лекарства с собой. Специально для таких случаев, которые, увы, нередки.

Острая тревога схлынула. Николай устало опустился рядом с Таубе.

— Вы считаете, ему не нужен врач?

— Ничуть. Скорая, госпиталь... Зачем? Это только утомит бедного Зигфрида. Через десять минут ему станет лучше, и я отвезу профессора на литературный факультет. У нас, знаете ли, полусеместровые экзамены. Без него мы не можем начать.

— Вы шутите, господин Штейнмахер. Экзамены в таком состоянии?

— Поверьте, никакой опасности нет, — успокоил Штейнмахер. — Профессору Таубе нужно лишь появиться на несколько минут, потом я отвезу его домой. Уверяю вас, при малейшем обострении лучшие эндокринологи Лейпцига немедленно им займутся. Вы и сами убедитесь, что профессор придет в себя, если подождете несколько минут.

Логинов недоверчиво кивнул.

— А к вам, дорогой Нико, у меня важное дело, — господин Штейнмахер поставил на стол большой бумажный пакет. — Здесь полный курс трексалина.

— Что здесь?!

— Полный курс трексалина для вашей супруги.

Бумажный пакет с трексалином лежал за пределами возможного. Это было чудо.

— Как вы узнали? Вы всеведущи?!

— Лишь осведомлен, — улыбнулся господин Штейнмахер.

— У меня нет таких денег! — простонал Логинов.

— Сочтёмся позже, время ждет.

— Я не могу это взять!

— Нико, у вас будет возможность оказать мне ответную услугу, — сказал Штейнмахер тоном глубочайшего участия. — Не думайте сейчас о цене. В этом пакете жизнь женщины, которую вы любите. Спасите ее.

Меж тем Таубе задышал ровнее, открыл глаза. С лица сошла мертвенная бледность. Распластанное тело постепенно оживало.

— Вот видите, Зигфриду лучше, — господин Штейнмахер снова мило улыбнулся. — А вы так волновались. Вам следует больше мне доверять.

Он подобрал трость, подал ее Таубе.

— Пойдемте, Зигфрид. Нас ждут.

Таубе оперся на трость, с трудом встал. Штейнмахер подхватил его под руку, и они медленно покинули аудиторию.

Николай смотрел на пакет с чувством человека, которого должны были казнить, но помиловали и выпустили на свободу. Завтра он привезёт лекарство в Петербург. В понедельник начнется терапия. Через год Люда выздоровеет. Как, однако, всё хорошо складывается...

Николай очнулся. Экзамен в девять вечера? Нет и никогда не было полусеместровых экзаменов в университете Лейпцига! Что за наваждение? Куда увел Таубе этот странный человек?

— Зигфрид, вернитесь!

Николай вскочил, бросился за дверь. Он бежал, задыхаясь, по гулким коридорам университета и звал Таубе. Наконец он вырвался наружу.

Перед Логиновым лежала мокрая безлюдная площадь. С востока наполнил мрак, в нем тонули последние сумерки. Плотное черное небо опускалось на обнаженный город и плакало редким дождем, холодным, как слезы без надежды. Веселый шумный Лейпциг стоял пустынный и немой. Серые дома с темными, ослепшими окнами медленно погружались

в глубокую ночь. Уличные фонари почти не давали света. Николай до рези в глазах всматривался в темноту, пытаясь где-нибудь различить два силуэта. Ни души.

— Зигфрид! — закричал Логинов в мертвую тишину улиц.
— Зигфрид!

Лейпциг молчал.

ЭПИЛОГ

Фауст:

Исчезни, злобный дух,
Не преграждай дорогу.
Душа моя скорбит
И рвется к Богу.

Мефисто:

Помилуй, чтобы я?! Дорогу!?
Тебе когда-то преграждал?!
Ты получил, что сторговал!
Свою божественную тогу
Давно ты в клочья изорвал.
А без нее, как понимаешь,
На царский пир не попадаешь.

Фауст (обращаясь к себе):

Лукавый, наконец, не лжёт!
Душа моя в глубины ада
Сегодня до зари сойдет
И память преданной любви
Со мною навсегда умрет

Фауст к Мефисто:

Достал ли ты лекарство, бес?

Мефисто:

Достал.

Фауст:

Итак, больная будет жить?!

Мефисто:

Об этом не берусь судить,
Бесам пределы бытия
Творец не пожелал раскрыть.
Однако, все твои желанья
Исполнил я без опозданья.

Пора тебе бы заплатить.
Фауст:
Меня не надо торопить,
Свою добычу ты получишь.
Связавшись с дьяволом от скуки,
Я поделом приемлю муки.
И страх смертельный отчужденья,

И поздний голос сожаленья,
И осужденье без суда,
И жерло ада...
Но есть и у меня отрада,
Что жизнь чужую я спасти
Успел через свое паденье,
И Богу выкрикнуть «прости»
В своё последнее мгновенье.
Души моей предназначенье
Я забывал, увы, не раз,
Но огонь любви в ней не погас!

Пауза... Начинается заря. Фауст смотрит поверх
Мефистофеля на первые лучи солнца.

Фауст:
Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

Мефисто:
Свершилось! Более не властна
Над ним Божественная длань!
Мой труд не пропадет напрасно,
Богатую пожну я дань!

Мефистофель пристально изучает лицо Фауста.

Фауст:
Что медлишь, Бес?!
Что смотришь на меня?
Закон небесный и земной
Диктует, что теперь я твой.
Идем же, я готов.

Мефисто:

Как страшный лик его суров!
Вот шрам от гордости,
А вот от сладострастья.
Вот жажда власти
Обвила его запястья.
Вот след уныния,
А здесь от суеты,
Я каждой страсти
Вижу в нем черты.
Сработано на совесть, Монсеньор!
И все же...

Быть не может!...

Что за вздор!

Сквозь эти эти древние морщины,
Сквозь эти тусклые глаза,
Сквозь эти редкие седины
И складки горькие у рта,
Вдруг проступает и светится
Мне ненавистный лик Христа...
Проклятье!

Фауст:

Идем же, демон, нет пути назад.

Мефисто (отступая):

Идем?.. Куда?!... С тобою в ад?!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Эдвард Лира

Английский художник и поэт, один из основоположников «поэзии бессмыслицы» (англ. nonsensical poetry), автор многочисленных абсурдистских лимериков. Родился в 1812 году в предместье Лондона. Работал книжным иллюстратором. В 1846 году выпустил «Книгу нонсенса» (A Book of Nonsense), включавшую забавные лимерики. Позднее этот жанр приобрёл значительную популярность не только в Англии, но и за её пределами. Стиль и сюжеты нонсенса Э. Лира оказали влияние на творчество его современника – Льюиса Кэрролла, на французских сюрреалистов, русских обэриутов (поклонником Лира был Даниил Хармс). Э. Лир умер в 1888 году.

ИЗ «КНИГИ НОНСЕНСА»

Перевод с английского Натальи Чекер

2. THERE WAS A YOUNG LADY OF RYDE...

В дождь и слякоть по улочкам Трира
Под зонтиком дама бродила;
Пять пятнистых собачек и калоши в придачу
Для этого дама купила.

8. THERE WAS AN OLD MAN WITH A GONG...

Старичок колотил в барабан
Целый день напролёт: «Трам-бам-бам!».
«Это немзыкально, скучно и тривиально!» –
Разнесли в пух и прах старика.

15. THERE WAS AN OLD MAN IN A BOAT...

Один старый чудака в челноке
Прокричал: «Я плыву по реке!».
«Ваш челнок не отчалил», – чудаку отвечали.
Стал печален чудака в челноке.

22. THERE WAS A YOUNG PERSON OF CRETE...

Был наряд дамы с острова Крит
Не совсем по фигуре пошит:
Не наряд, а мешок без отверстий для ног!
Он придал ей загадочный вид.

30. THERE WAS A YOUNG LADY WHOSE EYES...

У очей мадмуазель Бернадет
Уникальным размер был и цвет;
Все немедля бросались – лишь очами встречались –
Наутёк от очей Бернадет.

34. THERE WAS AN OLD PERSON OF DOVER...

Преподобнейший клирик из Ревеля
Проползал через заросли клевера;
Но огромными осами за коленки и нос он был
Искусан и изгнан из клевера.

73. THERE WAS A YOUNG LADY OF HULL...

Злобный буйвол за девою мчался,
Но ей под руку заступ попался;
Завладев инструментом, дева крикнула: «Смерть вам!»,
Отчего бедный зверь растерялся.

82. THERE WAS AN OLD MAN OF KAMCHATKA...

Тучный пёс был у мэра с Камчатки,
С ним гулял он вразвалку-враспашку;
Этот способ движения вызывал уважение,
Став примером для всех псов Камчатки.

108. THERE WAS AN OLD PERSON OF EWELL...

На диете сидел мистер Рэй:
Ел овсянку он несколько дней;
А чтоб жизнь была краше, он примешивал к каше
На овсянке взращённых мышей.

О переводчике: Наталья Валерьевна Чекер – поэт, переводчик, прозаик. Родилась 30 декабря 1973 г. в г. Антраците Луганской области УССР (ныне ЛНР). Кандидат философских наук. Член Союза писателей ЛНР и Интернационального союза писателей. Автор нескольких поэтических сборников, сказки в стихах «Приключение с зонтиком» (2022). Печаталась в альманахе «Крылья», журналах «Российский колокол» и «С чего начинается Родина», а также в коллективных сборниках «Наш Пушкин», «Волшебный город», «Приключения ли-сёнка Ёши» и др. Живёт в Луганске.

ПРОЗА

Михаил Сиванков

Прозаик. Родился в 1969 году в городе Якутске. Автор литературно-патриотического проекта «Вечный огонь» экспедиции школьников г. Ленска по местам боевой славы г. Старый Оскол, посвященной памяти Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Выпускник Якутского командного речного училища. Является автором художественного романа «По ту сторону», мистического рассказа о шаманах «Долган», повести «Степной ковыль». Публиковался в российских и республиканских журналах «Российский колокол» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирь» (Иркутск), «Полярная звезда» (Якутск), «Родная Кубань» (Краснодар), «Подъём» (Воронеж), «Байанай» (Якутск). Член Союза писателей России. Член Русского Географического общества. Живет в г. Ленске Республика Саха (Якутия).

КОГДА ВСКРОЮТСЯ РЕКИ

Нестерпимое чувство жажды окончательно лишило сна. Игнат с трудом приоткрыл отёкшие веки и пришёл в замешательство, когда взгляд его упёрся в бетонную стену с облупившимся слоем тёмно-зеленой краски. Он не понимал, где находится, и совершенно не помнил, как оказался в этом странном месте. Недоброе предчувствие охватило Игната Семёновича. Он откинул старую куртку, небрежно брошенную на него сверху, и, присев на железные полаты, огляделся. Мрачное небольшое помещение без окон, пропитанное душливым кислым запахом и табачным угаром, освещалось блёклой от никотиновой копоти лампочкой. Её жёлто-серый свет едва пробивался из узкой ниши над железной дверью, рассеиваясь по стенам и каменному полу. Сверху монолитной плитой зловеще нависал потолок.

Опустив взгляд, Игнат заметил большие красно-коричневые пятна на своих светлых брюках. Мужчина оторопел. Он ощущал лицо, но ни отёков, ни запёкшейся крови, ни сса-

дин не обнаружил. Данилов принялся осматривать одежду, в спешке стягивал её и трясущимися руками подносил к свету. Его бросило в жар, когда такие же пятна он увидел на рубашке и футболке. Разум Игната прояснился, теперь стало понятно, где он находится.

От хмеля не осталось и следа. Безудержная паника охватила Игната, он подорвался и, позабыв про дикую жажду, заметался от одной стены к другой, судорожно перебирая в памяти события, произошедшие накануне. Мысли путались, лезли одна на другую, но всякий раз обрывались на воспоминании о весёлом застолье.

В замке провернулся ключ, стальные двери распахнулись, свежий воздух спасительным сквозняком ворвался в камеру.

– Данилов, на выход! ... – сухо бросил молодой милиционер.

Игнат Семёнович вышел в коридор и, щурясь от яркого света, сделал попытку заговорить с сотрудником:

– Здравствуйте! А который час?

– Лицом к стене, руки за спину, – стальным голосом потребовал сержант, застегнул за спиной Данилова наручники и взял его за локоть.

– Вперёд.

Они прошли по узкому коридору с полукруглым сводом, затем – вверх по крутым ступеням. Через закрытый решётками двор поднялись на второй этаж. Данилов шёл молча, стараясь не смотреть по сторонам. Ему всё ещё хотелось надеяться, что он здесь по воле какой-то нелепой случайности, которая сейчас разрешится, и он отправится домой.

Однако его надежды разбились, когда у двери с табличкой «Старший следователь Топорков А.С.» он увидел опухшее от слёз лицо жены и заплаканную дочь.

– Папа, папочка, роденький! – сквозь рыдания повторяла она. – Что же ты наделал, папа?!

Данилова опять бросило в жар. Он осознал, что произошло что-то страшное, непоправимое.

– Мы с тобой, Игнат! – вдруг тихо произнесла супруга. – Что бы ни случилось... мы всегда с тобой!

В кабинете с Данилова сняли наручники. Молодой человек приятной внешности учтиво предложил сесть на стул и подал стакан воды.

– Здравствуйте, – начал он вежливо, изучающе заглядывая в глаза задержанного. – Я веду ваше дело, фамилия моя Топорков, зовут Александр Степанович. Как вы себя чувствуете, Игнат Семёнович? Мы можем начать допрос? Если вы не совсем здоровы или вам необходимо защитника, то...

– Нет, нет... – заверил следователя Данилов, хотя его потряхивало от похмелья, – Давайте начнем. Делайте, что там у вас положено...

– Ну что же, как скажете! – ответил Топорков и открыл папку с надписью «Уголовное Дело №...».

– Начнем, Игнат Семёнович. Вам знаком некто Алексеев Василий Васильевич?

– Да, конечно, это же мой сосед – Васка.

– И как давно вы знакомы с ним?

– С самой армии...

– Какие отношения у вас с Алексеевым?

– Дружили мы шибко, помогали друг дружке, на охоту, на рыбаку – так это всегда вместе, жёны наши – подружки, а дети с ранних лет приятели...

– Понятно, – не поднимая глаз, щёлкал тонкими пальцами по клавишам старой «Ятрани» следователь. – Можете рассказать, что произошло вчера, 23 февраля, примерно между шестью и десятью часами вечера?

– Постараюсь! – изо всех сил напрягся Данилов. – Около трёх он – Васка, значит, друг мой, ко мне зашел. Мы каждый год с ним собираемся на двадцать третьё! Ну, выпьем малость, поговорим по душам, армию вспомним, сослуживцев...

После короткой паузы Игнат Семёнович опустил голову.

– Потом ничего не помню, как отрубил! А что случилось? Скажите, не томите!

Следователь, будто не расслышав вопроса, извлек из ящика в столе прозрачный пакет с вещдоком и положил на стол перед Даниловым.

– Вам знаком этот нож, Игнат Семенович?

– Да это мне Васка в день пятидесятилетия подарил...

– Хорошо подумайте. Посмотрите внимательно: может, просто похож?

– Не-ет! – утвердительно протянул Данилов. – Этот нож Васка ковал для меня, я его среди сотни узнаю! Мой нож! Точно мой!

– Так и запишем, – выдохнул следователь, продолжая щёлкать клавишами. – Нож обвиняемый признал...

– Простите, – не сдержался Данилов. – В чём меня обвиняют? Расскажите, пожалуйста, что всё-таки произошло?

Следователь вынул листок из каретки печатной машинки и с недоверием взглянул на Игната Семёновича.

– А вы и вправду ничего не помните?

Данилов помотал головой и стыдливо опустил взгляд.

– Ничего!

Топорков достал из своей папки листок и монотонно зачитал:

– 23 февраля 1995 года после совместного распития спиртных напитков между гр. Даниловым И.С. и Алексеевым В.В. возникли разногласия, в результате которых гр. Данилов И.С. нанес гостю Алексееву В.В. удар якутским ножом в бедренную артерию...

Данилов почувствовал, как кровь хлынула в голову, и, едва прозвучало «от полученных ранений гр. Алексеев В.В. скончался в поселковой больнице», потерял сознание.

Резкий запах нашатыря привел Данилова в чувство, он осипшим голосом попросил воды и, жадно осушив почти весь графин, что стоял у следователя, вытянул вперёд руки:

– Я преступник, отведите меня в тюрьму прямо сейчас! Пожааууйста, я вас прошу, гражданин следователь!

– Присядьте, Игнат Семёнович! – поспешил успокоить обвиняемого следователь и положил на край стола несколько бумаг. – Распишитесь в протоколе допроса и ...

– И? – переспросил следователя Данилов. – В тюрьму?

– Пока – в камеру! – с уверенностью ответил следователь.
– До утра посидите, подумаете, успокоитесь, а завтра утром продолжим.

В коридоре к Данилову бросилась супруга Вера:

– Игнатушка, как же так! Как ты, как сердце? Следователь разрешил тебе таблетки передать!

– Не надо, ничего не надо, – как отрезал мужчина и отвёл взгляд. – Простите меня, простите, родные, пожалуйста!

В камере, тщетно пытаясь заснуть, Данилов то вдруг вскакивал, как сумасшедший, и метался от стены к стене, то забивался в угол и, не моргая, задумчиво смотрел в потолок. Когда чувство полной безысходности овладевало его воспаленным сознанием, и жизнь теряла всякий смысл, безумный взгляд Игната останавливался на стальной решетке над дверью. Однако эти мимолетные приступы душевной агонии внезапно озарялись светлым образом жены с дочерью, и тогда ему становилось невыносимо больно и стыдно за свои суицидные мысли. Он сжимал руками голову и, чтобы не завить в голос, до скрежета стискивал зубы.

Спутались утро, день, ночь. Казалось, этот кошмар не закончится никогда, и внезапный окрик милиционера «На выход!» уже не встревожил, а, напротив, стал для Данилова спасением от его сводящего с ума одиночества. И опять – узкие коридоры КПЗ, решётки, наручники и кабинет следователя, который на сей раз Данилову удалось рассмотреть, пока Топорков с озабоченным видом корпел над какими-то бумагами. Посередине кабинета стоял массивный стол, оставшийся, вероятно, в наследство ещё от дознавателей НКВД, на нём – старинный графин, печатная машинка, настольная лампа, литровая банка с кипятильником и мятая пачка индийского чая. Рядом – вышарканное кожаное кресло, литой из стали сейф у стены, а над ним – портрет, с которого строго взирал Феликс Дзержинский.

Завершив свои дела, Топорков разложил перед задержанным документы.

– Игнат Семёнович, у следствия нет вопросов по этому делу. Ни вы, ни свидетели не отрицаете вашей вины. К тому же, правление совхоза и сельского совета предоставило на вас положительную характеристику как на добросовестного работника, честного и порядочного гражданина, а также хатайство. Учитывая то, что вы не представляете общественной опасности, а также имеете хронические заболевания, до суда я отпускаю вас под подписку о невыезде! Подпишитесь – и свободны.

– Нет, так нельзя! – возмутился Игнат Семёнович. – Я не могу это подписать, это неправильно! Пожалуйста, отведите меня в камеру...

– Здесь, здесь и здесь! – с настойчивой категоричностью потребовал следователь. – Подписывайтесь, Игнат Семёнович, не отнимайте ни моё время, ни своё! Вина ваша полностью доказана, я свою работу сделал!

Данилов перевёл дыхание и трясущейся рукой вывел свою фамилию под печатным текстом. Отложив ручку, он поднялся и смиренно убрал руки за спину.

– Всё, теперь меня можно в камеру?

– Игнат Семёнович! Ещё раз объясняю! – закрывая в сейфе папку с документами, повторил следователь. – В отношении вас избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде! Советую вам находиться дома и за пределы района до окончания следствия не выезжать, а пока – вы свободны!

– А дальше? Как же.... – сбивчиво пытался уточнить Данилов.

– А дальше – как суд решит! – желая прекратить этот бессмысленный для себя разговор, с усталой небрежностью проговорил Топорков и кивнул на выход. – Более я вас не задерживаю. До свидания!

Игнат Семёнович вышел из дверей ПОМа совершенно потерянным. Он опустился на заснеженное крыльцо и, бесцельно всматриваясь куда-то, погрузился в раздумья.

– Игнат! – окликнула Данилова супруга. – Поехали домой, председатель машину дал, чтобы тебя забрать.

Пряча глаза, Данилов кивнул водителю и сел на заднее сиденье совхозного УАЗа. Вера села рядом, обняла, шептала что-то и нежно гладила по седой шевелюре. Но Игнат ничего не слышал, безучастным взглядом смотрел он на мелькающие улицы сквозь небольшой просвет затянутого морозом окошка и понимал, что жизнь его уже никогда не будет прежней.

По приезде Игнат первым делом истопил баню. Он с упорством натирал себя жесткой вехоткой, стегал берёзовым веником, плескал на раскалённую каменку, лишь бы избавиться от ощущения грязи, которое, подобно кислоте, разъедало плоть.

Укутавшись простынёй, Игнат вышел в предбанник, толкнул ногой дверь и уселся на порожек. Взор его упал на невысокий забор, за которым виднелся добротный дом Алексева. Данилову стало дурно, он облокотился на дверной блок и, взявшись за грудь, стал по-рыбьи хватать воздух ртом. Боль хоть и не сразу, но отступила, и Игнат, несмотря на запрет врачей, закурил. Дом товарищу и эту изгородь они ставили вместе, ещё накануне рождения сына Василия. Да, хорошие были времена! И жизнь была какая-то полная, насыщенная. Если оглянуться, так ни дня даром не проходило: охота, рыбака, вечерние посиделки семьями, колхозные будни и праздники! А ведь их – Игната и Васькины – дети вот прямо тут голопузыми по двору носились, в школу пошли, потом старшего в армию проводили, дочку Игнатову замуж выдали, и всё это – вместе с Василием! Нет, не товарищем он был Игнату, а братом, самым что ни на есть настоящим братом!

Данилов вспомнил, как в юности с распределительно-го пункта в Якутске его направили в Хабаровский учебный центр сержантского состава.

– Пацаны! Есть кто с Якутии? – доставал Игнат бесконечными расспросами новобранцев, но среди его роты не оказалось ни одного земляка. Игнат было уже отчаялся, но как-то после марш-броска к нему подсел запыхавшийся паренёк и, отложив автомат, протянул руку.

– Здорова! Я Василий. Это ты искал земляков с Якутии?

– Ну, я, – вглядываясь в восточное лицо сослуживца и ожидая подвоха, нарочно растягивал слова Данилов. – А что?

– Ты якут?

– Ну, якут, а ты? Бурят, киргиз или казах?

– Не-е, я тоже якут!

– Земляк, значит! – пытаюсь придать встрече некую значимость, прищурился Игнат, но, не сдержав эмоций, расплылся в улыбке. – Сахалы белянда бырыат? По-якутски говоришь, брат?

– Нет, по-якутски не понимаю, – смущённо улыбнулся Василий и в оправдание добавил. – Родители с Якутска меня ещё совсем маленьким увезли, я среди русских рос, да и предки на своём не общались...

– А хочешь, научу?

– А точно научишь?

– У меня по якутскому языку всегда отлично было, даже учителя хвалили!

– А как моё имя по-нашему будет?

– Васка! Я тебя так и буду звать, ты не возражаешь?

– Называй! – воодушевленно откликнулся Васька. – Васка, значит!

Родной якутский давался Василию на редкость легко, и уже через пару месяцев он свободно общался на нём, чем был несказанно доволен. Так между земляками завязалась крепкая мужская дружба. Но полгода строевой подготовки на плацу и часовая муштра перед присягой пролетели как один день, до распределения по воинским частям оставалось не больше недели, а там – кто его знает, в какую тьму тараканью призовет Родина: Советский Союз – огромный! Горькое чувство скорого расставания с другом сильно расстраивало Игната, он привязался к скромному пареньку и не хотел терять такого товарища. Помнилось, отец часто рассказывал про своего друга, с которым служил на сторожевом корабле «Бесстрашный». Столько лет минуло, а он не мог забыть, как крепко они дружили, как после службы много лет переписывались, а потом... потерялись, раскидала жизнь и семейные заботы. Вспоминал это отец с огромным сожалением, и в комнате на столе его стояла фотография, где они в бескозырках у оружейной башни. Рассказ отца был для Игната уроком, он долго обдумывал, как вернее будет завести разговор, и решил наконец-то сделать это на перекуре:

– Слушай, Васка! Давай адресами обменяемся, если что – через родоков спишемся! И ещё, слушай, ты никогда не думал на родину переехать, в Якутию? Всё ж земля предков! Неужели не тянет? Не ёкает вот тут? – Данилов приложил к сердцу ладонь.

– На родину, Якутию? – улыбнулся Василий, и глаза его заискрились по-особенному. – Если честно, тянет, я всегда мечтал вернуться, только у меня там родных не осталось! Ехать не к кому.

– А я? Я что, не в счёт!?

– Ты?

– Да, я! – вскинулся Игнат. – Твой друг, Данилов, – якутский якут! А тебе кого ещё нужно? Поедем ко мне, председа-

тель совхоза у нас мужик – во! – Игнат поднял вверх большой палец. – Если в совхоз работать пойдём, то и участок выделит, и дом построить поможет! Поселок наш на берегу Лены стоит. Ты и не представляешь, какая это богатая река! И самое главное: когда вскроются реки и пойдёт лёд, мы с отцом выбираемся на охоту в протоки, а там – утка, гусь!!! Да ты такой охоты с роду не видал!!

– Когда вскроются реки! – загорелся Василий и тут же расхохотался. – Эй, якутский якут! Сам-то не передумаешь?

– За меня не беспокойся! Я кремень, главное – ты не спасуй!

День распределения свалился как снег на голову, ранним осенним утром командир поднял роту по тревоге и объявил общее построение у штаба воинской части. Спустя час началось распределение:

– Город Уссурийск, воинская часть №..., – прозвучало из громкоговорителя. – Рядовые...

В конце длинного списка фамилий прозвучало: Данилов И.С., Алексеев В.В...

* * *

– Игнатушка! – выхватил из воспоминаний звонкий голос супруги. – Председатель пришёл, поговорить с тобой хочет...

Данилов наспех влез в трико, набросил на плечи шубейку и прошёл в дом. Председатель в распахнутой дорогой дублёнке угощался домашними оладьями, запивая их чаем с молоком.

– Ты, Игнат Семёныч, – по-деловому обратился он к Данилову, – впустую себя изводишь. Что случилось, то случилось, человека не вернёшь, а жизнь – она дальше идёт! И поверь мне, старому бобылю: раны душевные только семья и работа лечат! Сам знаешь, не мне тебе рассказывать, народу в совхозе не хватает, молодежь в город бежит за легкой деньгой, мужики пиваются, работать на земле стало некому! Выходи на ферму, там сейчас полный завал! Коровы в навозе, доярки не справляются, грозятся заявлением подать на увольнение!

Игнат, потупив взгляд, уставился в пол. Прав был во всём председатель: и Ваську не вернуть, и не дело ему, крепкому мужику, на бабьей шее сидеть. Понимал умом всё это Данилов, а вот сердцем не принимал; силился изо всех сил, но не мог.

– Прости, Фёдор Капитонович! – проговорил он дрожащим голосом, поднял на председателя глаза, полные слёз, и с досадой ударил себя кулаком в грудь. – Душит меня воздух, понимаешь, Капитоньч, душит! Задыхаюсь я, людям в глаза смотреть совестно, как жить дальше – не знаю, Капитоньч...

– Ладно, понял я тебя! – собирался уже уходить председатель, но у двери неожиданно задержался. – Слушай, а если в ночь, на коровник? Скотником! Уходить можешь раньше, как справишься!

– В ночь? В ночь, пожалуй, пойду! – уцепился за предложение Данилов.

– Вот и договорились! Вот это правильно, ты, давай, отходи понемногу, а с понедельника на работу....

Супруга налила Игнату чай с молоком и придвинула к оладьям блюдо со сметаной.

– Ты поешь, поешь немного! Осунулся, почернел весь, нельзя так, Игнат! Прав председатель, дело говорит!

Данилов взглянул на жену и со стыдом отметил, что прежде не обращал внимания, как за эти несколько дней она осунулась, как сошёл с её прекрасного лица здоровый румянец, каким утомлённым стал её взгляд. У самой, небось, на душе кошки скребут, а она виду не подаёт! Наверняка у себя в телятнике, оставшись одна, повоет по-бабьи, а потом отдышится, приведёт себя в порядок и спешит домой, мужа утешить. И каково Верке сейчас – даже не представить, её-то утешать некому! Женщины – народ терпеливый, где-то характером покрепче мужика будут, и боль свою напоказ не выставляют. Как ни крути, а выходит, что Верка эту ношу в одиночку тянет!

* * *

Суд по делу Данилова назначили на середину апреля. Измученный душевными терзаниями, он ждал этого суда с болезненным нетерпением. По утрам первым делом отрывал листок календаря, затем перебирал и старательно укладывал в большую китайскую сумку свои вещи, которые намеревался взять с собой в колонию.

В день судебного заседания Данилов сходил в баню, надел чистое бельё и собрался было в дом, но у крыльца вдруг остановился и поднял вверх голову. Бездонное синее небо дышало весенней свежестью. Игнат Семёнович смотрел в него долго, не отрываясь, будто видит в последний раз.

В суд приехали за полчаса до начала заседания. Игнат всё время был задумчив и спокоен, даже когда высокий милиционер велел ему пройти в зал и закрыл в клетку. Всё изменилось с момента, когда в дверях появилась семья Василия. Сахаяна, что скрывала лицо за чёрным платком, даже не взглянула в сторону Игната, а её младшая дочь, не удержавшись, бросила взгляд, полный глубокого душевного презрения и жалости. Данилова охватило внезапное смятение, он не вникал в суть речей, что произносили выступавшие, а когда ему задавали вопросы, растерянно смотрел на судью, потом быстро понимался, кивал и частил невпопад: я согласен, согласен, не отрицаю, признаю вину. Адвокат то и дело поправлял подзащитного, а иногда и вовсе отвечал за него. Судья был раздражён и недоволен, сурово поглядывал то на защитника, то на поручителей, а те, сконфуженно переглядываясь, пожимали плечами. Лишь когда после короткого перерыва судья вернулся в зал и для вынесения приговора громыхнул молотком по столу, Игнат Семёнович вздрогнул и поднялся с места. Он напрягся, нахлынувшее волнение мешало сосредоточиться. Разобрав среди нагромождения юридических терминов и статей УК слова «признать виновным», Игнат с облегчением выдохнул и с благодарностью посмотрел на председательствующего. Люди оживились, шумно покидая зал заседания. Высокий милиционер, что весь процесс стоял, вытянувшись, у решетки с подсудимым, отворил дверцу. Пожилой мужчина решительно шагнул ему навстречу и протянул запястья, ожидая, что тот немедленно застегнёт наручники. Но сержант в некотором недоумении учтиво отошел в сторону. Сбитый с толку Игнат так и стоял, вытянув руки, не понимая, что происходит.

– Дорогой! – негромко проговорила супруга Данилова. – Пошли, дорогой! Домой, домой, Игнат!

– Домой? – в исступлении повторил Игнат и взглянул на супругу. – А как же «признать виновным», «лишение свободы»? Я же сам слышал!

– Условно! – пыталась донести до мужа Вера, но вместо радости в его глазах выразилось глубочайшее разочарование.

– А где мои вещи, сумка? – словно одержимый, повторил он несколько раз в полной уверенности, что милиционер сейчас отведёт его на задний двор, где томится в ожидании строгий конвой. Но сержант словно прочитал мысли Данилова и, не желая более смущать своим присутствием странного осужденного, покинул помещение.

– Как же это, почему так несправедливо?! – полный протестующего негодования шептал Игнат. – Как это возможно – условно за убийство?!

– Непредумышленное! – тихо, но доходчиво говорила Вера, – Ты не специально это сделал, это вышло....

– По пьянке! – не дал закончить Игнат и тут словно прозрел. Вид его сделался бледен, губы приняли синеватый оттенок и стали судорожно подёргиваться.

– Игнатушка! – вскрикнула Вера и полезла в сумочку. – Сейчас, дорогой, потерпи, – дрожащим голосом говорила она, спешно шаря по кармашкам, – сейчас, сейчас... А, вот, наша! – с облегчением воскликнула она и вложила в рот мужа таблетку. – Сейчас отпустит, сердце у тебя совсем ни к чёрту стало!

Минут через двадцать боль отлегла. Цепляясь за супругу, Игнат вышел на улицу, но здесь его поджидало новое, более страшное испытание. На крыльце стояла Сахаяна. Игнат приготовился смиренно выслушать и стерпеть всё, что угодно, но дело приняло совершенно неожиданный оборот. Женщина подошла почти вплотную к нему и какое-то время стояла в нерешительности, потом, собравшись духом, заглянула прямо в глаза Игнату. В её взгляде не читалось ненависти, злобы или угрозы, напротив – он был открытым и ясным.

– Игнат! – сдержанно начала Сахаяна. – Мне трудно сейчас это говорить, но ты должен знать, – в её голосе почувствовалась дрожь волнения, – Василий простил тебя! Он сказал это там, в больнице.

Данилов опустился на колени и зарыдал. Он искренне желал повиниться, но слёзы душили его, слова вязли на языке, вместо них вырывались лишь обрывки бессвязных исковерканных фраз.

После суда Данилов сильно изменился: стал хмур, неразговорчив и замкнут. Тайком ходил на кладбище и часами просиживал у могилы Василия.

Теперь это был глубоко несчастный человек, полный разочарования, обративший свою жизнь в жалкое существование затворника. Он силился забыть всё и начать сначала, но вновь и вновь упирался в стену, которую сам и выстроил.

В тот вечер Игнат Семёнович задержался дома. По обыкновению в такое время он уже спешил на коровник, а тут позвонил председатель, чтобы посоветоваться по важному делу. Так и проболтали около получаса. Игнат уже выходил и в дверях столкнулся с младшей дочерью Алексеевых – Маришкой. Та при виде соседа обмерла, захлопала ресницами, будто увидела привидение, и, едва не вскрикнув, бросилась вон. Данилов шарахнулся в сторону и, рухнув на колени, схватился за голову.

– Айкы-ы-ы, как дальше-то жить! – глухо и протяжно завывал он в прихожей. Он готов был согнуться, провалиться на месте, только бы всё вернулось назад, но, увы, ни молитвы, ни его раскаяние не в силах были это сотворить. Оставалось привыкнуться с клеймом убийцы, носить его, как кандалы, при лязге которых каждый прохожий будет тыкать в тебя пальцем. Игнат Семёнович ощутил, как сдавило сердце, стал задыхаться, завалился на пол и захрипел.

Очнулся Игнат в постели, рядом сидела старшая дочь Варя, точнее, Варвара Игнатовна, терапевт местной больницы. Женщина легонько гладила Данилова по плечу.

– Папа, папочка, тебе обязательно надо в больницу! – говорила она успокаивающе тихим голосом.

– Варя! – взял дочь за руку Данилов. – Скажи мне, только честно, что случилось в тот день? Я хочу знать, понимаешь, мне очень надо знать! Всю правду хочу, до крупницы! А больница подождет, обещаю, как река пройдёт, лягу!

Варвара на минуту замолчала, обдумывая просьбу отца, и, всё ещё сомневаясь, заметила:

– Папа, раньше ты и слышать об этом не хотел...

– Верно, – согласился Игнат, – раньше не хотел – боялся!

– Может, отложим этот разговор? Тем более, на суде....

– Нет, Варенька, не отложим! – перебил её отец. – А на суде я ничего не слышал! Всё было как в тумане!

– Хорошо, – сдалась, наконец, Варя, – только обещаю, что ляжешь в больницу, как лёд с реки сойдет!

Данилов кивнул в ответ, лицо его стало задумчиво серьёзным, он поднял глаза к потолку и тихо произнёс:

– Когда вскроются реки!

– Дядя Вася пришел около трёх, – неторопливо завела Варя, – как всегда весёлый, шутил, смеялся, меня с двадцать третьим поздравил, с тобой за стол уселся и бутылочку рядом со строганиной поставил. Мама ещё на ферме была, а меня в тот день отпустили пораньше. Уж и не знаю, где дядя Вася эту поллитровку прикупил, но точно не в магазине. Скорее, у тётки Зухи – в пьяной ограде она этой палёной дрянью изпод полы торгует! Говорили вы громко, спорили, потом Маришка пришла, в кухне присела, хоть я и звала её к себе, чтоб девчонка ваших пьяных разговоров не слышала, а она всё возле отца! Сам же знаешь – папина доча! Потом слышу крик! Маришка кричит и ревет, как благая. Я на кухню! Гляжу, дядя Вася лежит на полу, кровь вокруг, а ты... на стуле – ни жив, ни мертв! Маришка ручонками за папу хватается, кровью испачкалась, оттого, видать, ей ещё страшнее стало. Плачет взахлёб, а дядя Вася гладит её, успокаивает. Я к нему, смотрю – кровь хлещет из артерии, перетягиваю, а сама ору: скорую вызывайте! Да кому кричу? Девчонка в полной истерике, ты глазами хлопаешь, а в них полная пустота! Уж как увезли его, в подробностях объяснить не стану. Маришку на силу успокоила да тебя в соседней комнате уложила, понять ничего не могу, что случилось, как произошло! Девочка одна всему свидетелем была, она и рассказала: сначала сидели, про службу толковали, после очередной стопки заспорили, какие войска сильнее, а там и до борьбы дошло, приёмы показывать начали! Дядя Вася хвастал, что все приёмы знает, тут ты... – Варя взяла паузу, – из бочки со льдом выхватила

нож, тот, которым лёд колем, мол, ну-ка покажи, как отобьёшь! Ты снизу ударил... Василий пропустил... Так ты ему артерию и...

Варя не договорила и отвернулась.

– Мариша и следователю так рассказала, когда опергруппа приехала!

– А Сахаяна? Что Сахаяна? – упавшим голосом спросил Игнат. Варя помолчала какое-то время, но всё же ответила:

– Тётя Сахаяна, как узнала, на молоковозе в больницу тотчас сорвалась, председатель отпустил. Дядя Вася, говорят, ещё жив был, в себя приходил раз или два на несколько секунд. Так и отошёл.

– Ты иди, Варенька, иди, мне теперь одному побыть надо, – моляще проговорил Данилов и повернул голову к стене. – За меня не беспокойся, ступай.

Варя хотела было возразить, но осеклась. Снисходительно улыбнувшись, она поднялась и покинула комнату, оставив Игната наедине со своими мыслями.

* * *

В конце мая с севера внезапно потянуло холодом, налетел порывистый ветер, и снег накрыл русло и берега реки. Игнат долго ждал дня, когда могучая, неукротимая Лена понесёт льды к северу, в холодное солёное море. Он заторопился, наспех собрал рюкзак, нырнул незаметно на задний двор, а оттуда – напрямиком к протокам. Многочисленные протоки с островками, поросшими высоким тальником, были излюбленным местом перелётной птицы, но во время ледохода они превращались в смертельную западню, и даже видавшие виды охотники обходили их стороной.

Колкий снег хлестал в лицо и забивался за ворот. Игнат поднял воротник летной куртки и, невзирая на опасность, направился к реке по узкой полоске длинного изогнутого перешейка между протоками к небольшому острову.

Данилов присел на край пологого берега, достал из рюкзака фляжку, две стопки, наполнил до краёв и поднял.

– Ну, с новой водой тебя, брат Васка! Первый ледоход за сорок лет без тебя встречаю!

Игнат, щурясь, обратился к небу.

– Ты как там, брат? Ты, это, прости меня, брат, если сможешь! Я ведь не в тебя, Васка, а в себя тот нож воткнул, так что скоро встретимся! Какая мне без тебя охота?

Мужчина залпом осушил стопку, вторую плеснул в воду и, прислушиваясь к мелодии, которую наигрывал ветер на струнах тальника, впервые за долгие месяцы улыбнулся. Ему вспомнились часть в Уссурийске, куда их перекинули после учебки, придирчивый и наглый до беспредела старослужащий сержант Гусейнов – Гусь и ночь, когда им крепко перепало от подвыпивших дембелей из его компании. Как, утирая разбитый нос, Алексеев задумался, искоса глянул на Игната, и на лице его блеснула злобная ухмылка.

– Значит, говоришь, охота у вас на гуся знатная?

– Так и есть! – сплюнув сгусток крови, подтвердил Игнат.

– Когда вскроются реки! – расплылся в улыбке Василий, кивая на две совковые лопаты, что стояли у входа в каптерку.

– Самое время для гуся! – повеселел Данилов и, сообразив, что задумал однополчанин, утвердительно кивнул в ответ. – Когда вскроются реки!

* * *

У входа в протоку река выстроила огромную плотину из ледяных глыб, она гудела под натиском стихии, крепилась, но вскоре сдалась, рухнула, и чёрная вода бурным пенящимся потоком хлынула в пойму. Сметая тальник, течение потащило льды. Гонимые ветром, они, будто корабли, устремились к изогнутому перешейку и, прорезав его, соединились с соседней протокой.

Ленск. Декабрь 2020 г.

Дмитрий Игнатов

Писатель-фантаст родился в 1986 г. в Ярославле. Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. Работает дизайнером и веб-разработчиком, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Исполняет обязанности редактора рубрики «Физика и лирика» в журнале «Парус», веб-редактора и дизайнера в журнале «Северо-Муйские огни». Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Машины и механизмы», «Инвожо», «Южная звезда», «Истоки», «Крылья», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Эмигрантская лира», «Причал», альманахах «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (Хабаровск) и др. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Живёт в Воронеже.

ЭФФЕКТ ТАНГЕЙЗЕРА

Виктор закрыл дверь за последним грузчиком и с довольным видом огляделся по сторонам. Квартира была хаотично заставлена мебелью, обмотанной упаковочной бумагой, скотчем и пупырчатой плёнкой. Пространство небольшой квадратной прихожей оказалось буквально забаррикадировано картонными коробками, а угол у двери заняли три вертикально поставленные свёрнутые в рулоны ковра.

Парень ещё раз оценил масштаб предстоящей деятельности, чуть поерошил длинными тонкими пальцами свои волосы, по-детски улыбнувшись, посмотрел на Наталью и взялся распаковывать тёмно-коричневый шкаф на круглых чёрных ножках.

Девушка, заложив руки в карманы своей олимпийки, медленно прошла по узким проходам, напоминающим лабиринт, посреди всего этого мебельного нагромождения, прикидывая, с чего бы начать. Потом сняла с запястья цветную фенечку, оказавшуюся одновременно резинкой для во-

лос, собрала рыжие суховатые пряди в хвостик и принялась стягивать плёнку с небольшого дивана с деревянными подлокотниками.

— Осторожно, там зеркала и стёкла от серванта,— предупредил её Виктор.

— Хорошо,— кивнула Наталья, снимая хрупкий груз с сиденья и отставляя для безопасности подальше к стене.

Тем временем Виктор уже разобрался со шкафом и примерялся, как лучше придвинуть его к стене.

— Поможешь мне? Надо его чуть приподнять, с обеих сторон, чтобы не обломать ножки.

— По полной решил меня припахать, эксплуататор? — улыбнулась девушка и взялась руками за нижний край шкафа, который, впрочем, оказался удивительно лёгким и быстро занял своё место.

Довольная собой Наталья посмотрелась в тёмную полированную поверхность, как в зеркало. Виктор тем временем уже задвинул в нишу небольшую кровать-полуторку, с грохотом обрушил на неё тяжёлый пружинный матрас и занялся разворачиванием ковра.

— Когда расставим всю мебель, станет намного проще,— проговорил парень, наконец, справившись со скотчем, которым был многократно обвит шерстяной рулон и, заметив грустное выражение на лице девушки,— Всё в порядке?

— Да. Просто...— проговорила Наталья, не в силах оторваться от своего отражения в тёмной полировке, словно её саму начинало засасывать в какую-то чёрную дыру,— когда ты говорил, что хочешь обставить квартиру памятными вещами, я не предполагала...

— Что?

— Что их будет так много. Ну, знаешь, памятные вещи это обычно какие-то милые винтажные вещицы. Статуэтки... Настольная лампа...

— Для меня все эти вещи памятные.

— А ты уверен, что всё влезет?

— Ну, конечно. Раньше же влезало. Смотри-ка... Все дырочки на месте,— Виктор улыбнулся и как-то ласково провёл рукой по ряду дюбелей, небольшими бугорками выпирающими из-под обоев,— дай мне отвёртку и шурупы из сумки. Повесим ковёр и сразу станет уютно...

— Погоди... — путаясь в вещах и мыслях и всё ещё не до конца понимая, Наталья протянула парню отвёртку и полиэтиленовый кулёк с шурупами,— так ты не случайно настаивал, чтобы мы купили именно эту квартиру? Она похожа на ту, где ты жил в детстве?

— Нет... Крестовую отвёртку. Спасибо,— дождавшись нужного инструмента, парень принялся вкручивать шурупы в стену,— нет, это та самая квартира, в которой я жил до пяти лет. Номер 9, третий этаж, слева от лестницы.

Закончив с крепежом и развернув на стене ворсистый цветной ковёр с замысловатым геометрическим узором, Виктор распластался на кровати в задумчивости, заложив обе руки за голову.

— Здесь ещё должен висеть ночник в виде такого прямоугольного уличного фонарика и круглая чеканка с профилем Тутанхамона. Вот и место под шуруп...

— Я видела их, кажется, в той коробке.

— Погоди. Давай сначала закончим с мебелью. Предлагаю сервант, чтобы задвинуть его в угол, поставить стёкла и уже не трясись из-за них.

Наталья согласно кивнула и начала, надрезая скотч, освобождать от упаковочной бумаги блестящий оранжеватый сервант под малазийское дерево.

— Значит, это твоя квартира и все твои старые вещи?

— Да,— кивнул Виктор,— разворачивая светло-бежевую прямоугольную двусторчатую тумбочку хрущёвской поры и с трудом водружая на неё чёрно-белый телевизор «Горизонт» с зеленоватым выпуклым экраном и внушительной круглой ручкой переключения каналов, — это была моя старая мечта. Восстановить обстановку моего детства. Воссоздать свои воспоминания.

— Работает?— поинтересовалась Наталья, скептически глядя на громоздкий аппарат.

— Нет,— тяжело выдохнул парень,— там вакуумная лампа сгорела. Я заказал копию на китайском сайте. Должны приехать через пару недель. Представляешь! С тех пор как были популярны такие телеки, прошло почти 50 лет, а китайцы до сих пор запчасти делают.

Вместе с Натальей, задвинув сервант на единственно верное положенное место и закрепив внутри зеркала и

стёкла, Виктор довольно осмотрел вырисовывающуюся в комнате картину и, наконец, предложил:

— Может, перекурим и выпьем чайку?

* * *

Маленькая кухня, не больше 8 квадратных метров из-за обилия не распакованных коробок казалась ещё меньше, но всё-таки на ней умещались старая эмалированная мойка, холодильник, небольшая двухконфорочная газовая плита и квадратный белый стол из покрытой пластиком деревоплиты.

— У тебя и правда очень много интересных вещей, — заметила Наталья, профессиональным взглядом фотографа рассматривая чашки с золотистым орнаментом из цветов и листиков, пока на столе шумел электрический самовар, — непременно все их перефоткаю. Будет клёвый рарный сет. Как тебе удалось всё это сохранить?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор, — что-то было свалено в гараже, что-то было на даче, а какие-то вещи, если подумать, всегда были рядом со мной. Может, это просто психологическое свойство старьёвщика, а может я подсознательно держался за все эти предметы. Вещи переживают своих владельцев... Не зря же считается, что они хранят память о них.

— Не рано ли ты решил создавать музей имени себя? — ехидно улыбнулась девушка, заметив, что парень как-то погрустнел.

— Пока есть время... Пока я ещё не всё забыл, — серьёзно ответил он и задумчиво посмотрел в окно, откуда на маленькую кухню светило мягкое августовское солнце.

— А я вот не держусь за старые вещи. И за воспоминания тоже, — Наталья налила из самовара две кружки кипятка и поболтала в обеих одним пакетиком чая, — может потому что они в основном хреновые... Помню, что в школе ко мне относились отвратительно. Да и в универе было не сильно лучше. А раньше... Не помню, чего-то особенного из детства. Помню, что играла в куклы. Любила смотреть мультики... А ты?

Виктор всё ещё смотрел в освещённое солнцем окно, на зелёную листву, которая шелестела за небольшими деревянными рамами, покрытыми белой потрескавшейся краской и, казалось, совершенно не слушал девушку, но сразу ответил:

— А я помню почти всё. Помню этот стол на этой кухне и как я завтракал за ним. И что у меня была детская вилочка с тремя тонкими длинными зубчиками. Не такая, как делают сейчас для детей с нелепыми цветными ручками из пластика, а как взрослая, из настоящего набора столовых приборов, только маленькая. Помню, что такой летний солнечный день у меня почему-то ассоциируется с запахом жареной картошки с жареным луком, которую готовила бабушка. Только... Я почему-то не могу вспомнить, какие шторы были на окне. Конечно, они не сохранились... Но я даже не могу вспомнить, какими они были.

— Разве это важно? Такая мелочь.

— Всё большое состоит из мелочей. Все они цепляются друг за дружку, словно маленькие крючки, — Виктор вдруг поднялся с места и чуть повернул кухонную дверь, в распластном положении прикрывающую часть стены с выключателем, — смотри! Видишь эту дырку в стене? Когда-то здесь был серебристый дюралевый крючок, на который за дверь вешали всякие авоськи и пакеты. Однажды, мне тогда было года три, я решил, что уже довольно самостоятельный. Я пошёл зачем-то на кухню, когда было уже темно. Взял эту табуретку, подставил к стенке и полез к выключателю, чтобы включить свет, но пошатнулся, упал и, распоров бок, повис на этом крючке. Никакой серьёзной травмы не было, просто длинная и глубокая царапина, крючок просто зацепился за пижамную рубашку и порвал ткань, но все очень сильно испугались. И я тоже. Плакал больше от испуга, чем от боли. Хотя не сознался в этом. Сказал, что жалко пижаму.

— Ты уже тогда был милым обманщиком и всё придумывал, — улыбнулась Наталья.

Парень молча приподнял футболку, и на его правом боку девушка вдруг увидела еле заметный давно замывшийся шрам.

— Я помню даже рисунок той пижамы: узор из повторяющихся Винни-Пухов и горшочков мёда. Мама и бабушка сказали, чтобы я не плакал, что они её непременно зашьют и постирают. И я сразу упокоился. А ещё была вторая пижама — с пятачком и зелёным шариком.

* * *

За окном начинало темнеть. Тем временем, квартира постепенно снова приобретала вид, знакомый одному лишь её прежнему хозяину. Вдоль стен выстроились старенький диван под вторым узорчатым ковром, полки для книг, чёрное пианино, круглый раздвижной обеденный стол. Под ноги лёг однотонный зелёный палас, а под потолком вместо одинокой стандартной лампочки повисла люстра с шестью заострёнными электрическими «свечками».

— Знаешь, а ты буржуй... — проговорила Наталья, осторожно вынимая посуду из коробок с надписью «стекло» и расставляя в серванте, — если бы в моём детстве у меня были такие козырные наборы бокалов и тарелок, я бы тоже это запомнила. Я уж не говорю про хрусталь. Предлагаю в Новый год достать их и устроить ретро-вечеринку.

— Так и сделаем, — кивнул Виктор, соединяя проводами радиолу с проигрывателем грамм-пластинок и парой вытянутых колонок с деревянным корпусом.

— М-м-м, — игриво протянула девушка, — теперь у нас и музыка будет?

— Сейчас проверим, — парень поставил первую попавшуюся пластинку, аккуратно опустил иглу и со звонким металлическим щелчком вдавил кнопку включения. На радиоле загорелась жёлтая шкала с диапазонами радиостанций, пластинка закружилась и из динамиков через тихий мягкий треск полилась музыка.

— Это Вагнер? — догадалась Наталья.

— Да. Опера «Тангейзер». Ты же говорила, что не разбираешься в классике.

— А я и не разбираюсь. Просто, если это что-то такое — тырым-пырым — весёленькое, то это Моцарт. Если более нежное и романтическое, то Вивальди. Если пафосное и величественное, то Бах. А пафосное и занудное, значит, Вагнер.

— И сейчас они все — тырым-пырым — перевернулись в своих гробах, — рассмеялся Виктор, — Это как раз-таки романтическая история про поэта, который потерялся в горах и долгие годы жил в пещере вместе с богиней Венерой. Вовсе не занудная...

— А это точно была богиня, а не какая-нибудь матерящаяся гномиха из твоего фэнтези? — прищурилась Наталья.

— Это же древне-германское предание...

— Ну, тогда всё ясно. Только занудные немцы смогли бы посадить богиню в пещеру, а занудный Вагнер написать об этом занудную оперу, — звонко рассмеялась девушка, — Уверена, что и сам герой с богиней занимались в пещере чем-то занудным... Играли в лото, например.

— Хорошо, хорошо! Я понял. Давай сменим пластинку? — предложил Виктор, еле сдерживая смех и выключая проигрыватель.

— Ты это мне сейчас сказал?

— Что?

— Ну, ты намекнул.

— Вовсе нет.

— Это было сказано так... Словно вы язвите, Витя.

— Я старался, — расхохотался парень.

— Ах, ты... Ну ладно... Теперь я хотя бы знаю, какие язвы вырастают из зануд, которые в детстве слушают Вагнера.

— На самом деле в детстве я в основном слушал сказки. Такие записанные на пластинки. Тут среди других записей они есть... И примерно тогда же начал сочинять свои. Придумывал всякие продолжения, добавлял новых персонажей... Там всегда были какие-то удивительные приключения и обязательно хороший конец. Помню, что взрослые сожалели, что у нас не было магнитофона, а только этот проигрыватель... — Виктор задумался, уставившись в пустоту.

— А потом?

— Потом магнитофон купили, но я к тому времени уже перестал сочинять сказки.

— Ну, ты чего? — Наталья, снова почувствовав тоску в голосе парня, мягко обняла его сзади своими тонкими руками, — ты же в итоге всё-таки стал писателем. И неплохим писателем...

— Да... Только разучился делать счастливые финалы, — всё так же глядя в никуда, проговорил Виктор, — и записывать меня больше никто не хочет. Приходится самому.

* * *

За окнами совсем стемнело. Желтоватый фонарь красиво подсвечивал в ночи листву старой разросшейся липы. Квартира наконец-то приобрела обжитой вид, стала уютной и теперь вся была залита светом винтажной шестилампочной люстры. Сложенные «на время» коробки заняли своё вечное место за шкафом в прихожей. Обрывки бумаги, скотча и пупырчатой плёнки утрамбовались в раздувшийся пакет у входной двери в ожидании отправки на помойку.

Наталя сидела на полу, по-турецки подогнув под себя ноги, и разбирала книги. В основном это были ровные однообразные томики собраний сочинений, которые она нежно обмахивала чуть влажной тряпочкой и складывала в стопки, которые Виктор расставлял по полкам в одном ему ведомом порядке.

— А это очень интересно... — нарушила тишину девушка, — и это такое личное. Нечто доверительное.

— Что именно? — спросил Виктор, принимая из рук Натали очередную порцию книг.

— Находиться здесь. Прикасаться ко всем этим вещам. Сидеть на этом ковре, том самом, на котором ты играл в детстве.

— Наверное... Только ковёр не тот самый. Он был натуральный шерстяной с довольно длинным ворсом, а это просто напоминающая его синтетика. К сожалению, всё сохранить невозможно, — писатель поставил ещё одну порцию книг на полку и сел на пол напротив девушки, — а вообще ты права. Я сидел вот здесь, в этой самой комнате. Вон там недалеко от окна стояла моя кровать, коричневая на маленьких колёсиках. Её давно продали... А играл я на полу, на ковре. Часами выстраивал какие-то города из кубиков, а потом разыгрывал в них приключения разных героев. Игра могла затянуться до поздна и её сюжет не был закончен. И тогда меня укладывали спать, но не убирали кубики и игрушки. Всё оставляли на своих местах, чтобы на следующий день я мог продолжить. Ходили осторожно вокруг, боялись разрушить.

— Тебя очень любили...

— Да. И я был так счастлив. И думал, что так будет каждый день. Но только потом всё равно всё разрушилось, — Виктор замолчал.

— Просто детство прошло. Ты уже не ребёнок. Ты вырос. Так всегда бывает... — ласково проговорила Наталья, но писатель перебил её.

— Детство? Детство создавали мне родные люди. И оно не прошло... Оно ушло. Вместе с ними. Сначала дед. Так и не успел обсудить с ним всего, что хотел. Через полгода бабушка, которая любила меня, как никто больше. Дальше родители... Двоюродная родня... Каждый раз это воспринимаешь всё проще. Но потом понимаешь, что каким бы ты не считал себя молодым, но следующая очередь — твоя. А тот ребёнок, — голос Виктора вдруг задрожал, — он же до сих пор там, внутри меня. А весь этот «Я», который снаружи, со всеми своими делами, устремлениями, достижениями. Он только оболочка. Защищает маленького мальчика, у которого больше никого не осталось...

Наталья вдруг увидела, что на глазах писателя заблестели слёзы и, подсев ближе, снова молча обняла его, но, кажется от этого Виктору стало только хуже, потому что он почти заплакался.

— Я понимаю, тяжело терять близких...

— Вовсе нет... Я давно смирился с этим. Теперь я понимаю, что жалко мне вовсе не умерших. Страдают не те, кто умирают, а те, кто остаются. Мне жалко... Себя. Того маленького мальчика, который сидит в этой залитой солнцем комнате и с интересом играет в игрушки на зелёном ковре. Он так увлечён. И он счастлив. Но когда игра закончилась, он вдруг оглянулся и понял, что остался совершенно один...

— Я с тобой. С тобой, — пробормотала Наталья, неловко прижимая к себе и поглаживая голову Виктора, уже не зная, как успокоить писателя, который окончательно разрыдался.

— Я ведь был там счастлив. По-настоящему счастлив. В том солнечном дне. Когда всё было просто хорошо. Когда все были живы. Когда казалось, что завтра всё повторится и ничего не закончится. Если бы только был шанс... Один шанс... Наверное, я бы отдал всё. Всю свою оставшуюся жизнь. Только за то, чтобы снова оказаться там.

* * *

В тёплой тишине, которая была наполнена запахом протёртой полиролью мебели, свежепостиранного постельного белья и старых книг, Наташе почему-то чудилось что-то знакомое. Откуда-то с кухни раздавалось тикание маленького кварцевого будильника. А вот обычного посвистывающего храпа писателя совершенно не было слышно.

— Вить, ты не спишь? — наконец тихонько спросила девушка, боясь, что Виктор всё-таки спит.

— Нет, — ответил он, всё так же неподвижно глядя в стену с узорчатым ковром.

— А что?

— Думаю.

— О прошлом?

— В каком-то роде... Смотрю на ковёр и сочиняю. Раньше я делаю так, придумывая, что могут значить все эти рисунки, — писатель повернулся на спину и уставился в потолок, — Я вдруг понял, если смотреть на время, как на четвёртое измерение, где прошлое, настоящее и будущее существуют параллельно... То ничего не прошло. И никто не умер. И ничего никуда не девалось. Все остались где-то там, на оси времени, в пространственно-временном континууме. Просто я уже убежал чуть дальше.

— Тебя это успокаивает?

— Отчасти, — Виктор вздохнул, — может, поэтому я и люблю писать фантастику? Заново придумываю, как мог бы быть устроен наш мир. Фантазирую о возможностях...

— Да, это определённо твоё, — незаметно улыбнувшись, заметила Наташа, — вроде покупки этого бракованного китайского будильника, который идёт в неправильную сторону.

— Он просто идёт назад. И он не бракованный. Я сам его переделал, — ответил писатель, — там внутри есть маленькая прямоугольная магнитная пластинка. Если перевернуть её, то механизм начинает двигаться в противоположную сторону.

— Но зачем? Какой смысл в таких часах?

— Ну, во-первых, два раза в сутки они всё-таки показывают правильное время. А во-вторых, — голос Виктора снова еле заметно дрогнул, — они напоминают мне о том, что возможно всё.

Наталья чуть приподнялась на подушке и посмотрела на писателя, чуть погладив его рукой поверх одеяла.

— Мне кажется, зря ты затеял всё это со своими воспоминаниями. Делаешь себе больнее. Нельзя же всё время жить прошлым...

— А как надо жить?

— Одним днём.

— Хм... А что же делать, если этот один день прошёл? Уже очень давно...

— Забыть о нём. И смотреть только вперёд. В новый день. В который не всякий может взглянуть...

— Нет. Это моё. Только моё. Часть меня, — твёрдо ответил парень, не заметив шутки, — это делает меня тем, кто я есть.

— Да, конечно... Просто...

— Тебе не нравится всё это? Всё, что я тут устроил, — Виктор пристально посмотрел из полумрака в глаза девушки, — думаешь, это глупость? Надо жить настоящим?

— Какая уже разница, что думаю я? — мягко ответила девушка вопросом на вопрос и, тихонько вздохнув, прижалась к плечу писателя.

— И всё же?

— Ты же знаешь, я очень нетребовательна к обстановке. Мне нужен-то только матрас, чтобы спать, и угол, куда кинуть фотоаппарат и сумку с вещами. И если тебе для своего писательского творчества важно создать музей своих воспоминаний, я готова жить среди твоих воспоминаний. Главное, чтобы для меня там нашлось место.

— Ну, ты же здесь...

— Да.

* * *

Утро принесло с собой какую-то необычную яркость и свежесть. Виктор проснулся от звуков, словно врывающихся в квартиру со всех сторон. Он приоткрыл глаза и увидел, что оба окна в комнате были распахнуты настежь. С кухни доносился шум закипающего чайника и шлепки босых ног по линолеуму. Писатель сладко зевнул, потянулся и прошёл на кухню.

— Проснулся, наконец, соня! — весело прощепетала Наталья, чмокнув Виктора в щёку, — прости, что не сильно разговаривалась. Вот. Чай, бутеры. Садись. И скоро пойдём.

— Куда? — поинтересовался писатель, медленно усаживаясь за стол и откусывая бутерброд.

— Меня вызывают в редакцию. Им срочно понадобились мои снимки. А отправить их по мылу я не могу, потому что в твоём музее пропало электричество и интернет, — затараторила девушка, мелкими глотками отпивая свой чай, — я и самовар-то этот не смогла включить. Хорошо, что есть газ и спички.

— Ну... Я-то никуда не тороплюсь,— довольно улыбаясь, ответил писатель, специально растягивая каждое слово и продолжая со вкусом поглощать бутерброд.

— Ошибаешься, — ухмыльнулась Наталья, — твоя задача разобраться, что не так с электричеством и, вероятно, сходить в хозяйственный за какими-нибудь запчастями и инструментами. Говорят, некоторые писатели разбираются в этом немного...

— Некоторые даже достаточно разбираются...

— Чтобы запустить время вспять? Так и знала, что ты у меня мастер на все руки.

Пока Наталья надевала свои кроссовки, Виктор пощёлкал предохранителем-автоматом в электрощитке и, сообразив, что дело не в нём, вышел из квартиры вместе с девушкой. Молодые люди спустились вниз по узкой лестнице и, ещё раз поцеловавшись у подъезда, разошлись в разные стороны заросшего зеленью старого двора.

* * *

Писатель вернулся через полтора часа или чуть больше. Он подошёл к двери квартиры с цифрой 9 на прикрученном парой шурупов металлическом ромбике, вставил ключ в замочную скважину, но успел повернуть его только на один оборот. Кто-то повернул замок ещё раз с внутренней стороны. Дверь открыла старая седовласая женщина в домашнем платье и наброшенной на плечи кружевной шали.

— А вот и вы! Признаться, я представляла вас иначе, — сказала она так непринуждённо, словно это Виктор пришёл

к ней в гости, а не она неизвестно откуда появилась в его квартире, — в любом случае вы пришли вовремя. Проходите.

Не понимая, что происходит, Виктор зашёл домой и небрежно бросил пакет со своими электротехническими покупками в угол, где до этого были засунуты за шкаф картонные коробки. Странно, но теперь он их там не увидел. В квартире было тихо и пахло жареным луком.

— Удивительное дело. Я совершенно точно знала, что вы должны прийти в это время, но всё равно не успела закончить со своей стряпнёй, — продолжала, как ни в чём не бывало незнакомка, — проходите на кухню... А то у меня сейчас всё подгорит.

— Простите, но вы кто? — спросил Виктор, следуя за ней.

— О, это совершенно не важно, — ответила женщина, торопливо размешивая в сковородке жареную картошку с луком, — намного важнее, что мы, наконец, встретились.

— Не могу сказать, что я рад встрече. Что вы делаете в моей квартире?

— В вашей квартире? — незнакомка улыбнулась, — ничего. Ведь это моя квартира.

— Ясно, — не рассчитывая уже добиться каких-то вразумительных объяснений, сказал писатель, и полез в карман за мобильным телефоном, — я вызываю полицию.

— Не торопитесь, молодой человек, — сказала женщина, наблюдая за тщетными попытками Виктора набрать номер, — ваша радиосвязь тут не работает. Вы напоминаете мне моего покойного мужа. Он вечно торопился... Как вы. Лишь бы сделать поспешные выводы и нажать кнопку... Вместо того, чтобы просто подождать. В большинстве случаев достаточно просто подождать... Когда всё станет ясно... Само собой.

— Хорошо, я подожду, — согласился писатель, садясь за стол, — скоро сюда вернётся моя невеста и мы вместе разберёмся, кто вы: мошенница или сумасшедшая.

— Скорее сюда придёт мой муж, — рассмеялась незнакомка, накладывая картошку в тарелку, — будете?

— Нет, — твёрдо отрезал Виктор, зло сверкнув на женщину глазами.

— Будете, — мягко повторила она и поставила тарелку перед писателем.

— Буду, — неожиданно для себя всё с той же недовольной интонацией повторил он.

— Ну, вот и хорошо. Держите вашу вилочку.

Виктор покрутил в руках небольшой столовый прибор, который положила на стол женщина. Чуть тяжёлая и холодная на ощупь, изготовленная целиком из нержавеющей стали с тремя тонкими зубчиками и массивной ручкой.

— Откуда она у вас? Она ведь...

— Потерялась при переезде?

— Да.

— Нет. Ничего не теряется, — женщина чуть улыбнулась и покачала головой, а потом, словно спохватившись, посмотрела на часы, — вы меня простите, молодой человек, но пока я тут с вами болтаю, у меня уже 19 минут как идёт фильм.

Незнакомка поправила свою шаль и гордо прошла в комнату, откуда через минуту послышался щелчок телевизионный кнопки и молодой Боярский запел о том, что «всё пройдёт». Какое-то время, вслушиваясь в музыку, писатель задумчиво повертел на вилке румяный жаристый картофельный кубик, но, так и не решившись его попробовать, отложил назад и прошёл следом за незнакомкой. Она сидела на диване перед телевизором и с выражением полнейшей безмятежности наблюдала за происходящим на выпуклом экране.

— Он что же? Всё-таки работает? — задал Виктор вопрос и сразу же получил очевидный ответ.

— Как видите. Вообще я считаю, что техника должна работать. Иначе её существование становится бессмысленным. В отличие от людей.

Не сильно вникая в пространные размышления старой женщины, писатель оглядел комнату, мысленно прикидывая, не пропало ли что-то из квартиры. Его взгляд остановился на стоящем на фортепиано фото в рамке, с которого улыбалась молодая симпатичная блондинка. Его определённо принесла с собой незваная визитёрша, очевидно решив так обозначить свою территорию.

— А это вы в молодости? — поборов возмущение спросил парень.

— Нет. Это моя дочь, — мельком взглянув на портрет, ответила женщина, и сразу же добавила, — она давно умерла.

— Простите, — смутился писатель, понимая, что женщина, вероятно, просто не в себе после смерти своего ребёнка, и постарался сразу перевести тему, — а что за фильм вы смотрите? Я знаю только песню...

— «Куда он денется!» — неожиданно раздался за спиной писателя звонкий молодой голос.

Виктор обернулся и вдруг увидел симпатичную блондинку с фотографии. Высокая и стройная с длинными волосами, завязанными в конский хвост, она стояла в дверном проёме между комнатой и прихожей, опершись спиной о косяк, и улыбалась.

— Музыкальная комедия. Такая себе... Проходная. Но маман любит всякое ретро, — девушка оценивающе прошла глазами по писателю и, выдержав паузу, продолжила, с лёгкой иронией в голосе, — так-так. Стоит мне задержаться в универе, как маман уже навела себе мужиков. Молодых и симпатичных. Вечером всё отцу расскажу. Спорим, его будет бомбить?

— Ну, оставь ты свои шуточки, Катерина, — строго отозвалась седовласая женщина, — молодой человек — писатель. Зашёл поболтать о литературе и философии, а ты его смущаешь.

— У-у-у, гуманитарий... Ну, не буду нарушать ваш интим, — чуть расстроено отозвалась девушка и скрылась на кухне, — м-м-м, оставили мне картошечку! Спасибо, мам! Я быстро перекушу и сваливаю.

— Поешь нормально! Не глотай кусками, — громко сказала седовласая незнакомка.

— Ну ма-а-ам! — чуть капризно протянула с кухни Катерина.

Писатель снова взглянул на фортепиано, где только что стояла фотография в рамке, но она пропала. Делая последнюю попытку выяснить, что же происходит, он почти вбежал на кухню, откуда пару минут назад слышался звон вилки о тарелку. Однако ни бойкой девушки, ни тарелки с картошкой, ни даже его детской вилочки, там тоже уже не было. Только белый пустой квадрат покрытого пластиком стола, освещённый желтоватым уличным фонарём через окно, за которым резко стемнело.

— Золотисто-бежевые, — пробормотал писатель, глядя на полузадёрнутые кухонные шторы, — они были золотисто-бежевыми.

Виктор вернулся в комнату, где горел тёплый свет от люстры с шестью лампочками в виде заострённых свечек. По телевизору играла заставка передачи «Спокойной ночи, малыши!», а на зелёном ковре рядом с детской кроваткой играла в куклы маленькая девочка лет трёх. Парень перевёл взгляд на диван, где сидела пожилая женщина, но увидел там эффектную блондинку средних лет, неторопливо листающую томик Толстого.

— Что, чёрт возьми, происходит?! — не выдержал писатель.

— Вы всё ещё не поняли? — блондинка отложила книгу и пристально посмотрела на Виктора, — ну, хорошо... Давайте только я сначала уложу ребёнка, а вы пока поставьте нам чайку, — женщина встала и подошла к девочке, — Катенька, пора спать. Давай переодеваться, хорошая моя...

Писатель, пошатываясь, прошёл по знакомой прихожей на знакомую кухню, включил свет и зажгёт газ под знакомым пузатым чайником. А потом сел за стол и уставился на его холодную белую поверхность в надежде, что вот-вот проснётся.

* * *

— Вы задумывались когда-нибудь, что такое утрата близких? — послышался из темноты тихий голос незнакомки.

Виктор поднял на неё глаза и увидел перед собой молодую женщину в домашнем халате в синий цветочек с заметно округлившимся животом. Она открыла белый кухонный шкаф, образующий вместе со столом своеобразный гарнитур в минималистическом советском стиле, достала пару чашек с золотистыми цветочками и налила чай.

— Как вы думаете? Почему именно смерть вызывает в нас столько сильных переживаний? — спросила женщина, усаживаясь напротив писателя, и, не дожидаясь ответа, продолжила свою мысль, — ведь в конечном итоге умирают все. В этом нет ничего особенного или уникального. За многие десятки тысяч лет люди должны были к этому привыкнуть. Обычное явление.

— Из-за расставания, — предположил писатель.

— Нет, — чуть подумав, возразила блондинка, — дело и не в расставании. Не в том, что родного человека нет рядом. Все расстаются. Уходят на работу, оставляя своих детей. От-

правляют стариков в больницы и дома престарелых. Разъезжаются по разным квартирам. По разным городам. Дело не в расставании. А в осознании того факта, что это насовсем. В понимании принципиальной невозможности возвращения. Это главная трагедия человека. Невозможность вернуться.

— Вы правы, — с бессильной тоской в голосе согласился парень.

— Конечно, права, — довольно улыбнулась женщина, умиrotворённо погладив себя по животу, — иначе бы я не посвятила остаток своей жизни решению этой проблемы. Вы ведь помните, что тут рядом идёт трамвайная ветка?

— Предлагаете мне броситься под трамвай?

— Упаси, боже... За кого вы меня принимаете? Я же не какой-нибудь Воланд. И даже не Маргарита, — рассмеялась блондинка, — просто небольшая иллюстрация. Мысленный эксперимент. Представьте себе старый трамвай, который едет по рельсам. Сначала в одну сторону, а потом в другую. Очевидно, он меняет направление своего движения. Но вот пассажиры каждый раз представляют, что трамвай едет только вперёд. Туда, куда и нужно. Лишь потому, что им просто по пути.

Незнакомка замолчала, полезла в карман халата и протянула Виктору карамельку. Он покрутил в руках промокший в потёкшем сахарном сиропе фантик и на этот раз без опаски положил конфету в рот.

— Барбариски...

— Ваши любимые.

— Да. Помню, бабушка часто приберегала их для меня в кармане халата, чтобы при случае угостить... Чёрт! Как это возможно?!

— Возможно всё, — женщина снова залезла в карман и вдруг поставила перед парнем небольшой китайский будильник, стрелки которого, чуть подергиваясь, как и положено шли вперёд, — да вы и сами прекрасно знаете, что все направления условны. И направления во времени — тоже. И то, что многие по привычке живут, двигаясь из прошлого в будущее, вовсе не означает, что это подходит абсолютно всем. Кому-то нужно двигаться назад. Кому-то перпендикулярно. А кому-то, как вам, просто хочется остановиться. И я помогу вам в этом.

— Но почему сейчас? И почему всё вокруг так... совпадает?

— Это интересный вопрос, — блондинка встала и подошла к окну, — почему вы живёте на 3-м этаже в 9-ой квартире дома номер 81? Почему это последовательность квадратов чисел? Почему сумма цифр номера дома равна номеру квартиры? Почему восьмёрка похожа на повёрнутый символ бесконечности? Почему у вас куплена именно такая мебель и почему она может быть расставлена в этой квартире единственным оптимальным способом? Почему мы встретились именно здесь и сегодня? Может, потому что вам это было необходимо? А, может, просто потому, что трамвай всегда едет по рельсам?

— Возможно...

— Подойдите-ка сюда... Взгляните.

Виктор подошёл к блондинке и посмотрел в окно. Там уже начался новый день. Солнце играло своими золотыми зайчиками в свежей зелёной листве, чуть шелестящей от дуновений лёгкого летнего ветерка. Во двор вышел уже полностью седой, но бодрый, дедушка с внуком. Маленький мальчик весело подбежал к песочнице и начал увлечённо катать в ней игрушечную машинку.

— Это же... Я, — прошептал писатель.

— Знаете, что это означает?

— Да, — парень на минуту обнял блондинку, крепко прижав к себе, и прошептал, — это моя остановка.

— Тогда идите. В лучший день своей жизни. Идите! Трамвай не будет ждать вас слишком долго.

Витя вошёл в залитую солнцем комнату, где перед детской кроваткой на зелёном ковре со вчерашнего дня его ждали машинки, человечки и построенный из кубиков город. Мальчик поудобней устроился на мягком ворсе и продолжил играть в свою игру. Его ждало ещё множество выдуманных историй, полных загадок и приключений, но обязательно со счастливым концом.

* * *

Наталя с фото-сумкой через плечо вошла в подъезд, поднялась на этаж и внезапно столкнулась с эффектной блондинкой, выходящей из дверей её с Виктором квартиры. Незнакомка собиралась было запереть дверь снаружи, но чуть замешкалась, а Наталя уже крепко схватила её за локоть.

— Ты что тут делаешь? Ты кто такая вообще?

— Это не важно,— торопливым полушёпотом проговорила блондинка, всё ещё стараясь повернуть и вытащить ключ, — хоть Венера... богиня любви... безрукая.

— Чего?! Я спрашиваю, что ты делала у меня в квартире?!

— Вам лучше просто уйти и забыть об этом месте, — незнакомка неожиданно пристально и серьёзно посмотрела на девушку, — забыть всё. Вы всё равно забудете...

— Что ты говоришь? Это моя квартира! Там мои вещи!

— Это не ваша квартира... И там нет ваших вещей, — невозмутимо ответила блондинка, всё-таки пропуская напористую соперницу внутрь.

Наталя вбежала в небольшую однокомнатную хрущёвку и замерла посреди голых белых стен. Помещение было совершенно пустым: ни старомодной мебели, ни ковров, ни забавных вещей и практически антикварной посуды. Казалось, они с Виктором вовсе не заезжали сюда вчера и не восставляли целый день старую обстановку.

Первая мысль о том, что их, возможно, обокрали, вдруг наткнула на удивительный факт, которому Наталя сразу не поверила. Она даже специально поближе подошла к стене и несколько раз провела рукой по ней в том месте, где должны были находиться дырочки от старого ковра.

— Убедились? — нетерпеливо и даже раздражённо спросила незнакомка растерянную Наталью, и буквально выволокла её за руку из квартиры.

— Но... Как же? А где Витя?

— Его здесь нет.

— Но он ведь жил здесь... — неуверенно проговорила девушка.

— Он и живёт... Там, где и жил раньше, — сухо ответила блондинка, но, видя недоумевающий взгляд Натальи, чуть смягчилась, — не волнуйтесь вы, девушка. С ним всё хорошо. Он там, где хотел быть. И он счастлив.

— Он что уехал? Не предупредив?

— Да. На ночном трамвае, — буркнула блондинка и, накопец, справилась с замком, приперев дверь коленом.

— Но мы же... Виделись утром...

Полностью обескураженная и подавленная, Наталя опустилась на подгибающихся ногах и села на ступеньки. Блон-

динка торопливо взглянула на часы и, обойдя девушку, быстро сбежала по лестнице. Спустившись на полпролёта вниз, она всё-таки оглянулась.

— Он не мог вас предупредить. Ведь его здесь не было. И всего этого места тоже. Вы, не понимаете... Но, главное, не волнуйтесь. Не зацикливайтесь на прошлом. Скоро всё изменится. Всё вокруг. И вы забудете. Просто настанет новый день.

ЛИТРАЗДУМЬЯ

Наталья Буйновская

Поэт, очеркист. Родилась в 1981 году. Член Республиканского союза писателей ЛНР (Луганск), участник ЛитО «Горизонты» (г. Антрацит). Автор сборников рассказов для детей и их родителей «Доброе детство Машуни» (3-е место в Международном литературном конкурсе «Свете Тихий-детям»), «Дружба как чудо». Публиковалась в сборниках «Ночь рождения» (Горловка), «Алиса-2019», «Перископ-2019», «Земля героев и творцов» (Волгоград), альманахе «Крылья» (Луганск). Живёт в г. Антраците (ЛНР).

О ЧЕМ МОЛЧАТ КОВЫЛИ

Извечные могучие ветры кружатся над бескрайней луганской степью: проносятся они, то завывая, словно раненый зверь, то со свистом пролетают над молчаливыми курганами. А порой их дуновенье легко, словно боятся они осыпать лепестки задумчивых степных цветов.

Спрячт ветры между собой и по очереди вращают колесо истории, заставляя события, казалось бы, давно минувших дней, вновь яркими красками и образами врваться в устоявшуюся нашу жизнь. Такие события меняют и ломают привычный уклад целых поколений, не дают расслабиться, насладиться покоем и гармонией. А может это и не покой вовсе был, а безразличие и пустота души?

И тяжелым откровением становится тогда мысль, что для размягчения своенравных, черствых сердец и обретения способности видеть всю нравственную красоту рядом живущих людей, необходимо целому народу пройти через огонь войны. И неужели, чтобы каждой клеточкой своего тела почувствовать тепло и запах родной земли, нужно пережить паническое бегство от разрывающихся снарядов и, в страхе, оставив свое уютное жилище, пожить-поскитаться на чужбине, пусть даже и радушной?

...Вот ты был человеком, обычным с точки зрения статистики и психологии: родился, учился, работал, обзавелся семьей и

детьми. Что еще нужно? Оставалось только усиленно накапливать материальные блага, ну, чтоб совсем все было, как у всех: слетать в Турцию в свой летний отпуск (чтоб вдоволь наесться изобильной отельной пищи), взять очередной кредит в банке (для покупки машины не хуже, чем у соседа), «напичкать» свою квартиру новомодной цифровой техникой (чтобы вовсе не вставать с дивана и не утруждаться) и прочая, и прочая.

Когда ты был «обычным нормальным человеком», еще должен был проявлять периодически, за компанию с толпой, таких же «нормальных и обычных», и свою гражданскую позицию, а как же иначе?

А позиция была проста: всё плохо!

Дороги отвратительные; развлечений, достойных твоего цивилизованного мировоззрения, например «Окtober-фестов» немецких, нет; все окружающие люди – «свины»; во власти сплошные коррупционеры; даже о душе своей позаботиться у тебя не получалось – в храмах-то православных батюшки все сплошь на джипах, да бабки вредные без платка и юбки не пускают!

Получался самый логичный вывод: ну как можно жить «нормальному человеку» в таких условиях?

А если еще посмотреть модные телепередачи о счастливой и красивой Европе да прибавить сюда вчерашний рассказ соседа Петра о его «шикарной» поездке на заработки в Польшу (мол, чистота там, цветочки да брусчатка везде) – всё, на родной город уже смотреть тошно, все в нем раздражает. Чувство острого негодования, что твоя родина не такая современная и «европейская», не такая яркая, какими показывают по телевизору европейские города, накрепко поселяются в слабенькой душе и в мятущемся сердце.

Правда, хоть немного порадоваться можно было, приучив себя использовать в разговорной речи новомодные европейские словечки вроде «хэнд-мэйд», «коучинг», «лайфхаки», «хэштег», «кэшбэк» да еще приставочку «фэст» обязательно к мероприятиям прикладывать. Ну, и чем ты не европеец?

Только, вот где-то мы все это уже читали и проходили, где-то уже видели, чем оборачивалась эта тяга «европейская» для русских людей, сознательно или не раздумывая, стыдящихся своей родины, своей родной речи, и как-то промежду прочим становящихся просто «Ивановым Иваном», потому что отчество свое называть – это так не по-европейски.

Всё меняется в одночасье: когда видишь своими воспаленными глазами свежие следы от гусеничных танков там, где еще совсем недавно ты сам бегал и ловил бабочек, а потом и ножки твоих детей утопали в мягких желтых одуванчиках, когда привычное голубое небо, исполосованное следами от пассажирских самолетов, вдруг становится пустым, и, глядя в его высоту, всё также отчетливо слышишь гул истребителя. Тогда особенно остро ощущаешь любовь и нежность к тому месту, где ты родился и вырос, случились самые важные события твоей жизни.

И, быть может, самое главное случилось с тобой именно сейчас, когда пройдя сквозь пламя войны, ты действительно стал нормальным человеком, осознавшим, что прежние ценности и мечты были сродни предательству по отношению к родной земле и людям, живущим по соседству.

И пусть никто не заметил твоего преобразования, главное, что ты сам теперь твёрдо знаешь, чему будешь учить своих детей, какие слова будешь использовать в своей речи и, даже если не останется на земле в живых ни одного ветерана или участника Великой Отечественной войны, ты всю жизнь будешь вспоминать о них и молить Бога об их упокоении, потому что они спасли тебя дважды: тогда, в далёком 1945-м, и в бесконечном 2014-м.

Как часто в моменты артиллерийских обстрелов или прячась в паническом страхе от вездесущего истребителя, а может, увозя своих детей от бомбежек в неизвестность, ты вспоминал истории судеб своих родных, познавших ад той далекой войны.

А ведь они всё это уже проходили: дедушка совсем молодым ушел на фронт простым рядовым стрелком и сразу же попал в «мясорубку» войны где-то под Смоленском. И уже больше никто о нем ничего не слышал. Ничего.

А твоя молодая бабушка осталась с шестью детьми, и никогда больше она так ничего и не рассказала, не выплакала, не пожалела себя – как же она выжила? В переполненной «теплушке» вместе с детьми она была отправлена в эвакуацию в далёкий и суровый край, где вместо степи раздольной – тайга дремучая, где хрустальная зима царствует большую часть года. Сибирь.

Но это была её надежда, ведь она с детьми, они её опора! Да, видимо, ещё суждено было испытать женскому сердцу горя, и в Сибирь она приехала только с одной дочерью: эпидемия тифа, вспыхнувшая в «теплушке», разлучила мать со своими детьми на долгие-долгие годы. Лишь спустя 30 лет, после победного 1945-го, смогла она отыскать всех рассеянных по огромной стране взрослых своих детей.

И разве можешь ты теперь позволить себе поступить не так, не выдержать, сдаться?

Ах, ковыли, степные ковыли! Что же вы качаете седыми локонами, словно испокон веков знаете, что произойдет с нами? Молчите? А может, вы, словно перо летописца, скользящее по листу незримого фолианта, пишете историю земли луганской на склонах и вершинах крутых холмов? Нам тогда не мешало бы научиться читать ваши послания, дабы не натворить новых ошибок, а стремиться изучать тайны молчаливых курганов и каменных пещер, и целовать каждый клочок родной земли, в пример своим детям.

Будьте спокойны, ковыли, мы теперь до скончания времён не забудем о скорбях наших предков, а подвиги русских людей Донбасса, «положивших души за други своя», вдохновят новые поколения на созидание и труд во имя благоденствия и процветания родной земли, ибо нет цели в жизни более богоугодной!

Татьяна Лестева

Поэт, публицист. Главный редактор журнала «На русских просторах». Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

КОНКУРС! ЕЛЬЦИН! РОССИЯ!

Просматривая однажды интернетовскую рассылку «Все конкурсы», неожиданно вижу анонс президентского центра Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге о проводимом конкурсе. Участникам предлагалось написать работу о том, что сделал великого Ельцин для России, как хорошо стало жить в ней после «демократических» реформ Е.Б.Н. и т.п. В числе номинаций была заявлена не только проза. Принимались стихи!

В 2007 году, 23 апреля, когда пришло известие о его смерти, я тут же написала экспромт «На смерть Иуды» и выставила его в интернете на сайте «Литературной газеты». Вот его-то я и отправила на конкурс в Екатеринбург, раз учредителям захотелось узнать мнение россиян о первом президенте России.

На смерть Иуды

Одним иудой стало меньше.
Он предал всех: мужчин и женщин,
И не родившихся детей,
Позволил грабить он, злодей.

Адепты чести и морали,
Они при нём не процветали.
Бандиты, воры разной масти
Стояли кормчими у власти.

Всем остальным – лапша на уши:
Свобода... лицемеров слушать.
Оплёвано всё самое святое.
И в церкви, со свечою стоя,

Он вспоминал, быть может, что-то?
Осину? И Искарюта?
Неужто в трауре народ?
«Есть грозный судия!» Он ждёт!

Но не только. Оргкомитет желал знать мнение людей и о жизни в постельщинской России. Нет проблем! Пожалуйста. (Aux parenthèses: о пользе конкурсов. Как-то я написала небольшое стихотворение для конкурса Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Вот его я и отправила на суд высокочтимого оргкомитета под председательством Наины Ельциной.)

Как заблудившийся трамвай,
Россия в двадцать первом веке.
Над нею – олигархов грай,
А люди – нищие калеки.
«Куда Россия, держишь путь?–
Вагон тоскливо громыхает. –
Мне на кольцо пора свернуть.
И снова по кольцу... Без края».
Опять кольцо, а не спираль!
Не вырваться... По рельсам ржавым
Едва-едва ползёт трамвай...
Россия вновь с орлом двуглавым
Бредёт, как нищенка с сумой...
Восстанет ли народ немой?!

Электронный адрес конкурса. Отправила. Приходит автоматическое подтверждение, что материалы и заявка получены. Жду итогов конкурса. Нет и нет, уже отчаялась получить хоть какой-нибудь отклик. И вдруг... письмо от Оргкомитета! А в нём? Нет, в число призёров я не вошла, увы! Но в прикрепленном файле вижу Диплом участника конкурса. Скачиваю, распечатываю. Оргкомитет благодарит Татьяну Лестеву за участие в конкурсе. Подпись самой Наины Иосифовны Ельциной! Факсимиле, конечно. Однако...

«Вот она, истинная свобода слова в России!» – мысленно говорю я себе, саркастически ухмыльнувшись.

ПОЭЗИЯ

Инвар Шеуджен

Российский и адыгский поэт. Родился в 1970 г. в Краснодаре. Член Межрегионального Союза писателей и Союза писателей Сербии (СКОР), действительный член Европейской академии литературы. Автор сборников стихов «Звезда упала на ладонь» (2018), и «Откровение..» (2021). Широко публиковался в литературной периодике. Стихи переведены на 12 языков мира. Живёт в Краснодаре.

ВЫЙДУ В ПОЛЕ, ВРЕМЯ ЗАКАТНОЕ...

Выйду в поле, время закатное
Ветер кудри рассыплет линиялые.
Всё, закончилась жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает польнью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрошенный,
В уголки забредая бедовые.
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
На пригорке поодаль, стыдливая,
Как невеста, береза-красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены.
Но не мною, простите, не хаживал,
Поклониться бы в пояс, покаяться.
Постоять пред могилою каждого,
И поплакать, душа коли мается.
Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
Воля вольная, степь перекатная
Я вернулся на родину малую...

ТЫ СЛЫШИШЬ ЛИ МЕНЯ, СОЛДАТ...

Как в сорок первом, смерть стократ
Грозна, и небеса горят!

В аду, средь боли и огня
Солдат, ты слышишь ли меня?

Ты посмотри, с тобой в строю
Ребята, пали что в бою.

Чуваш, татарин и бурят,
Все те, кто был тебе как брат...

С тобою, помни Ленинград!

И обожённый Сталинград.

И дед, что в поле под Москвой,
Остался вечно молодой...

С тобой шагает мать-страна

Пожаром войн опалена.

Не зачерствев, и не предав,

И голову склонить не дав.

А ночь от взрывов горяча,

Застыла, над письмом свеча.

И надо пережить рассвет,

Мальчишка, сколько тебе лет?

И поднимая в цепь ребят,

Ты знай, любимые не спят.

И ждут, а матери в мольбе,

Седеют, в думах о тебе.

И чей-то сын, и чей-то брат,

«Огонь»- кричит, хрипя комбат.

Над полем в копоти луна,

Опять кресты, опять война.

Пусть смерть грозит в прицел стократ,

Но правда за тобой, солдат.

Чеченец, русский и бурят,

И каждый мне навеки брат...

Желько Кнежевич

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1956 году в Шибенике (Хорватия). Инженер-геолог, магистр в области технических наук. Владеет несколькими иностранными языками, основной – русский, говорит и пишет на английском и немецком языках, в своей деятельности использует итальянский и французский. Член Союза писателей Сербии (УКС), член швейцарского Союза «Форум СХ авторов» (СХ), союза «Поэзия Таг Вереин» (БС). Автор нескольких сборников стихов и прозы, изданных в Сербии и др. европейских странах. Участник литературных фестивалей в Сербии, Италии, Швейцарии, Франции, Германии и др. Стихи переведены на итальянский, французский, немецкий, шведский, английский, русский языки. Живёт в Швейцарии.

ТЫ ЕСТЬ

Знаю, что ты есть,
ты прекрасна, как истина.
Лгут, что ты мысль,
говорят, что ты мечта,
говорят, что ты смысл,
и что я тебя выдумал,
чтоб одному не быть.

Когда ты есть,
мне поёт зима,
от огня, от дыма,
трепещет рифма.
Когда ты появляешься,
явление празднуешь,
одинокство это мой собеседник...

Включи свет во тьме,
пусть тьма заревёт!
Пой в тишине,
молчание это звук,
моего сердца стук!

Знаю, что ты есть,
ты прекрасна как день,
как же тебя нет,
когда опьяняешь как сон,
я тебя не придумал,
и больше я не одинок.

ПРИБЫТИЕ

Пришла с севера,
как птица робкая,
звёзды созрели
на небе южном,
и краски тьмы пели.

Превращённая в сильную бабочку,
которая по следу
поцелуя
торит себе путь
по заливу моего сердца.

Холодный лунный свет
пролился серебряной линией
млечного пути,
из её ракушки правого уха.

Пахло счастьем,
пока муравьи траву завивали,
сужая горизонт в глазах,
белизна показывала зубы,
пели клыки.

ДВА ДНЯ

(И. Андричу)

Сказала, что хочет
прийти на два дня,
чтобы не быть одинокой.
Сразу приготовил подарки,
чтоб её встретить,
чтоб её оковать,
чтоб ими обрадовать.

Сказала что нет,
нет рейсов, и нет
повода, и я
окна открыл,
сквозь которые не видно,
тоски из-за расставанья.
Не приходи.

Сказала: только два дня,
а я знаю, что хочу,
могу жить
годами,
когда однажды уйдёт.
Если когда-то уйдёт!
Считаю запахи,
вяжу их в снопы.
Если когда-то уйдёт...

Пришла поздно в первый
день и ушла
очень рано на другой
день после полудня. Обедала
на скорую руку, так как
рейсы не ждут.
(так записано в авиабилете:
Иф ю аре лате, не донт лайт).
Ушёл и я.
Присоединился к остальным.
Повесил трубку.

Три дня назад повёл её
на мост и показал
реку. Мелкие волны
охватили небольшой
залив без белых лебедей.
Потеря была неизмерима.
Больше я был не один.

КРЕСТОЛОМ НА ЮГЕ

(Соборная церковь Святого Георгия в Призрене)

Вчера с церкви сбросили Крест,
он летел, как птичье крыло,
сквозь южный ветер,
Проклятье.
Я тоже упал вместе с ним.

Святые глаза смотрят со стен,
с пылью в глазах,
зеницы запорошены пылью
в золоте желтка.
Истерзанный взгляд молча ищет,
монахиню Параскеву,
как на север идёт она.
Навсегда.

В древнем пространстве храма,
глаза святых кривым ножом выколоты.
видение всё ещё парит,
Средневековья раннего.
Пусть.

Моим глазам
нравится.
мрамор холодный.
Они ещё в слезах,
всё ещё плачут.

Пусть их просто вырвали,
и тем больше старая пыль
освещает путь.
Судьба.

КРУГ

На краю света
корень дерева
копит силу
в холоде
матери Земли.

Прочно
растает,
связывает
в вертикали
Солнца.

Крона,
перепёлок полна,
как первая ступенька
вышнего Неба.

Рука граната,
залив лесной,
гребёт:
ветром.

Запах цветов,
каждым летом,
день обрамляет:
всё как во сне бывает.

Зелёный лист,
весь изъеден
бабочки пылью,
бездыханно,
упал:
к чёрной земле
припал...

Перевод с сербского Владимира Бабошина

О переводчике: Владимир Бабошин – поэт, переводчик. Президент литературного творческого объединения «Свежий взгляд» (Санкт-Петербург). Академик Сербской Королевской академии наук и искусств.

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Дарья Куликова

Родилась в 1988 году в г. Кировограде в семье врачей. Позже семья переехала в Луганск. Жена ветерана донбасского ополчения Александра Унгера. Живёт в Луганске.

ЗАЙЧАТА

Принесли Сашуле заек
Сине-бежевого цвета
Ушки, носик, лапки, хвостик.
Он всю жизнь мечтал об этом.

Разноцветные зайчата
Жили у него в шкафу
Саша их тягал за лапу,
И игрался на полу.

Он поил зверюшек чаем,
Одевал их, обувал.
А когда ложились спать все,
Нежно ночью обнимал.

Но однажды синий зайка
Ухо где-то потерял.
Саша мучился вопросом:
Где же он? Не ел, не спал.

Не играет теперь зайка.
Он грустит, повесил нос.
Как прожить ему без уха?
Нет ответа на вопрос.

Утром в среду того хуже:
Зайки наши-то пропали.
Нет на полках, нет в игрушках.
Где же зайцев потеряли?

Саша маму очень просит:
Сделай, что-нибудь скорей.
Мне без заек очень плохо,
Помоги вернуть друзей.

Через две недели Саша
Шел из садика в надежде.
А на стульчике у окон
Зайки чай пьют, как и прежде.

Как увидел заек Саша.
Стал плясать, в ладоши хлопать.
Просто мама бедных заек
Отдала в ремонт заштопать.

ПРО МАШИНКИ

Мне на день рождения крестный
Три машинки подарил:
Красный мерседес гламурный,
Белый форд и черный джип.

Я в моделях всех машинок
Прямо с детства знаю толк.
У меня по всей квартире
Разместился целый полк.

Вот на пульте управления,
С батарейками внутри.
Их родители меняют
В день, наверно, раза три.

Как возьму во двор машину,
Все ребята тут как тут.
И мальчишки, и девчонки
С нетерпением встречи ждут.

В понедельник как обычно
В семь пошел во двор гулять.
Вновь беру я джип на пульте
Буду ракурс подбирать.

Прямо, влево, назад, вправо,
Управляю как хочу.
Нажимаю кнопки пульта
и колесами верчу.

По дороге ровной гладкой
Едет транспорт без проблем.
А у камня и на плитах,
Нету ладу с ним совсем.

Интересно, как он ездит
На площадке по земле.
Тормозят во всю колеса
И буксируют в песке.

Подошли ко мне мальчишки
И кричат: дай поиграть!
Я же щедрый дружный парень
Дал машинку покатать.

Запускали транспорт с горки,
Пролетал вниз как стрела.
Джип катали на качелях
Веселилась детвора.

В общем, мы эксперименты
Проводили, как могли.
Проверяли джип на прочность
Под давлением воды.

Напоследок мы решили,
Под мопедом марш-бросок.
Отвалился задний бампер,
Отлетело колесо.

Я сегодня на площадке
Самый модный из детей,
У меня в руках машинка
Без стекла и без дверей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Закрывай глаза, мой ангел,
День за окнами исчез,
Пусть приснится тебе сладкий
Яркий мир страны чудес.

Пусть в нем будут сны о лете,
Перьевые облака.
Лучик солнца на рассвете,
Разноцветные дуга.

Высыпайся, мой комочек
И не думай ни о чем,
Высыпайся, мой цветочек.
Спи, родной, волшебным сном.

Папа с мамой будут рядом
Сон твой бережно хранить,
Защищая тебя взглядом,
Облик твой боготворить.

Будем гладить твои ножки,
Ручки нежно целовать,
Перышком водить по щечкам.
Пальчики твои считать.

Наблюдать как с каждым годом
Ты становишься взрослей,
как уверенно считаешь
и становишься умней.

Как идешь сначала в садик,
А потом и в первый класс.
Как понравилась девчонка
и подрался в первый раз.

В жизни много приключений,
Поскорее засыпай.
Отвлекись от увлечений,
Спи, мой ангел, баю бай.

Александр Ралот, Марина Воробьёва, Николай Дик

Александр Ралот – прозаик, публицист и краевед. Автор нескольких книг прозы и стихов. Публиковался в периодических изданиях: «Смена», «Берега», «Невский альманах», «Огни Кубани», «Южная звезда», «Золотая лестница», «Земляки», «Новая литература», «Дарьял», «Метаморфозы», «Вторник», «Созвучие» (Беларусь), «Крылья» (Луганск), «Независимое искусство», «Петруска Настамба» (Сербия), «45-я Параллель» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Краснодаре.

Марина Воробьёва – переводчик.

Николай Дик – публицист, прозаик и поэт. Родился в 1954 году в Казахстане, с 1974 года проживает в г. Азове Ростовской области. Член Союза журналистов России, Союза писателей России, Союза литераторов Европы и Межрегионального союза писателей.

МЫШИНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Глава 1. Пиренейский полуостров

*Где нас только не видели!
Мы известные персоны.
Даже в маленьком подвале
знаменитой Барселоны.*

* * *

На нашей огромной планете между морем и океаном находится удивительная земля.

Люди называли её полуостров Пиренейский в честь величественных гор, отделяющих его от плодородных долин Франции. Он такой большой, что вместил в себя две страны и одну странную территорию. (О ней будет отдельный разговор.) А пока давайте перенесёмся в огромный город с красивым названием Барселона на улицу Рамбла, где в подвале дома

номер 17 живёт моя многочисленная семья. Ой, простите, забыл представиться, меня зовут Ратонтито.

О моей семье я расскажу позже, потому что я и моя сестра Ринита должны бежать на урок. Профессор Гастон уже три раза стучал своим хвостом по доске.

* * *

Murine journeys

Chapter 1. The Iberian Peninsula

There is an amazing land on our huge planet between the sea and the ocean.

People named it the Iberian Peninsula in honor of the majestic mountains which separate it from the fertile valleys of France. It is so big that it contains two countries and quite a bizzare territory. (I am going to tell you about it later.) In the meantime let's hurry to a huge city with a beautiful name Barcelona , where at 17 Rambla Street my large family lives in the basement . Oh, I'm sorry, I forgot to introduce myself, my name is Ratontito.

I will tell you about my family a bit later because my sister Rinita and I have to run to class. Professor Gaston has already tapped his tail on the blackboard three times.

Глава 2. В мышинной школе

Каждый день через дорогу
мы идём к мышинной школе.
В ней профессор учит строго
безопасно жить на воле.
Поумнели мы немножко
и доложим по секрету,
что зверей страшнее кошки
не отыщется на свете.

* * *

Профессор Гастон взял в лапу кусочек мела, понюхал его, фыркнул и нарисовал на доске страшное чудовище с четырьмя лапами, усами и длинным хвостом. Затем резко отскочил в сторону и велел нам записать:

– Это «КОШКА». Страшнее КОШКИ зверя нет. Запомните на всю жизнь.

– А почему? – пропищала со своего места Ринита.

– Потому что она питается нами, мышами, ну ещё и птичками разными, но это не столь важно.

– Ой! – пискнула Ринита, закрыв лапками глаза.

– А люди разве нас не едят? Они же гораздо сильнее котов, – поинтересовался я.

– Запомните, мышата, – профессор поднял хвост вверх. – Люди никогда мышей не едят, но иногда используют их для лабораторных опытов. Но только белых, так что вам, серым, бояться нечего.

– Выходит, люди – наши друзья? – Ринита округлила глаза-бусинки.

– И да, и нет, – профессор почесал лапой затылок.

– Мы не поняли, это как? – хором запищали мышата.

– Очень просто. Учитель встал на задние лапы и прошёлся вдоль доски. – Во-первых, люди построили дом, в нём мы живём. Во-вторых, они выращивают зерно, его мы едим, а также изготавливают вкуснейший сыр, который мы у них воруем.

Я поднял лапку, чтобы задать ещё один вопрос, но профессор не обратил на меня внимания и продолжил:

– И они же приручили этих страшных усатых зверей, – учитель с силой стукнул мелом по рисунку кошки. – Чего тебе непонятно, Ратонтито? Спрашивай!

– Профессор, так мы домашние животные или нет? Мы ведь в доме живём?

Теперь наш преподаватель почесал свой затылок двумя лапами. Помолчал минуты две, а затем процедил сквозь зубы:

– Если живём в доме, значит, домашние. Но люди нас не приручали, мы сами к ним пришли, без спроса!

* * *

Chapter 2. At the mouse school

Professor Gaston took a piece of chalk in his paw, sniffed it, snorted and drew a terrible monster with four paws, whiskers and a long tail on the blackboard. Then he abruptly jumped aside and told us to write down:

'It's a 'CAT'. There is no animal scarier than a cat. Remember it for ever and ever.

– But why? Rinita squeaked from her seat.

– Because she feeds on us, mice, well... also different birds, but it does not matter.'

– Oh! – Rinita squealed closing her eyes with her paws.

– Don't people eat us? They're much stronger than cats,' I asked.

– Remember, little mice, – the professor raised his tail up. – People never eat mice, but sometimes they use them in laboratory experiments. But don't worry – only white ones, so you grey mice have nothing to fear.

– So people are our friends? – Rinita was staring in round-eyed wonder.

– Yes and no, – the professor scratched his head with his paw.

– We didn't catch on, how come ? – the mice squeaked all together.

– It's all very simple.– Professor Gaston stood up on his hind legs and walked along the board. – Firstly, people have built the house, we live in it. Secondly, they grow grain, we eat it, and also make delicious cheese which we steal from them.'

I raised my paw to ask another question, but the professor ignored me and continued:

'And they also tamed these terrible mustachioed animals, – the teacher forcibly tapped the drawing of the cat with chalk. 'What don't you understand, Ratontito? Ask away!

– Professor, are we pets or not? We live in the house, don't we?'

Now professor Gaston scratched his head with two paws. He remained silent for two minutes, and then he said through his teeth:

– If we live in the house, it means that we are pets. But people didn't tame us, we came to them ourselves without asking!

Глава 3. Чемодан

Класс мышинной мини-школы
за подкладкой чемодана.
Кот узнал, и поневоле
мы спасались от тирана.
Зубы, лапы, хвост и грива...
Сердце биться перестало...
А хозяйка вдруг игриво
увела кота с подвала.

* * *

Страшно, страшно, страшно! За вами когда-нибудь гналась кошка? А вот сейчас она за мной гонится! В моих ушах раздаётся грохот от когтей, царапающих пол, а от пронзительного «Мяуу» леденеет кровь. Ещё секунда и оборвётся жизнь мышонка Ратонтито, который ничего интересного ещё и не видел!

Огромная когтистая лапа подхватила меня, подбросила высоко вверх. Я сделал кульбит в воздухе и полетел куда-то... в темноту.

– Только не вздумай пищать! – раздался знакомый голос. – Сиди тихо, как мышь.

– Так я и есть мышь, – с трудом вымолвил я радостно, узнав голос учителя, и тут же, получив от него хвостом по спине, замолк.

Грозное «Мяу» всё ещё бродило вокруг нашего укрытия. Но минут через пять из кухни послышалось спасительное «Кис-кис-кис», и полосатое чудовище умчалось туда.

– Где мы? – пропищал я, прислушиваясь к «грохоту» своего сердца.

– На дне большого и необычного чемодана. Человек собирается уезжать, и на наше мышинное счастье оставил его открытым. Посидим ещё немного, а потом побежим в норку.

– А почему необычного? – поинтересовался я, – что в нём такого?

– Это реквизит, – недовольно буркнул профессор Гастон.

– Не понял? Чего визит?

– Ну, как тебе объяснить? У людей есть такая профессия – фокусник. Веселят таких же, как они. Для этого и придумали чемодан с двойным дном. В нём мы сейчас и сидим, – наставник хотел ещё что-то добавить, но наше убежище вдруг лязгнуло металлическим замком, поднялось в воздух и куда-то поплыло.

* * *

Chapter 3. The suitcase

It is dead scary! Have you ever been chased by a cat? And at this very moment he's chasing me! There is a roar in my ears from the claws scratching the floor, and a piercing "Meow" freezes the blood. Another second and the life of Ratontito, the little mouse, who has not seen anything interesting yet, will end up!

A huge clawed paw seized me, threw me high up. I did a somersault in the air and flew somewhere... into the darkness.

'Just don't try to squeak! – some familiar voice rang out nearby. – Stay as quiet as a mouse.'

'So I am the mouse,' –

I said joyfully having difficulty in recognizing the teacher's voice, and immediately, having received a slap on the back from him, I fell silent.

The menacing "Meow" was still roaming around our hiding place. But a few minutes later, the saving 'Kitty-kitty-kitty' was heard from the kitchen, and the striped monster rushed off.

'Where are we? I squeaked, listening for the 'rumble' of my heart.

– At the bottom of a large and unusual suitcase. The man is going to travel and to our mouse happiness he has left it open. We will sit here for some more time and then we will run to the hole.

– And why is it unusual? I asked, what's wrong with it?

– It's the props. – Professor Gaston muttered with displeasure.

– Don't you understand? What is the props for?

– Well, Let me explain it to you. You see, there is a profession – a magician. Magicians amuse people. That is why they invented a suitcase with a double bottom. We are hiding in it now.' The professor was going to add something else, but suddenly the

metal lock of our shelter clanged, the suitcase rose into the air and floated somewhere.

Глава 4. В порту

Нас с учителем с порога,
передав приветы маме,
в порт отправила дорога
в заповедном чемодане.
А в порту ждала подруга,
наша родственница – крыса.
Корабельная прислуга,
но с повадками актрисы.

* * *

Скажу честно: у нас, мышей, есть родственники. Они больше, и ещё у них некрасивые, облезлые хвосты. Люди называют их крысами. Лично я их побаиваюсь. Они всегда живут отдельно от нас, и при встрече ведут себя заносчиво и высокомерно.

– Тук-тук, – это мой учитель предлагает мне вылезти из убежища-чемодана, а его слово закон. Чуть что не так, можно и по шкурке получить.

Выглядываю наружу и вижу огромный-преогромный металлческий город, с большущими трубами на самом верху.

– Это корабль, и мы поплывём на нём, – почему-то шёпотом произнёс профессор.

– Только если я вам это позволю, – проскрипел голос над моим ухом.

Я оглянулся и увидел нашу родственницу, крысу.

– Мы тут командуем! Кого пускать на корабль, а кого нет.

– Да вы сами с него иногда убегаете, – топнул лапой учитель, – а люди смотрят и говорят: «Если крысы бегут с корабля, быть беде!».

– Это ты верно подметил. Мы шестым чувством узнаём, что будет сильный шторм, и корабль может затонуть. Но не сегодня. Посмотрите на эту верёвку – она называется трал. С её помощью люди удерживают железную махину у причала. Вы видите на нём хоть одну мою родственницу?

– Нет! – хором ответили мы.

– То-то же. Море спокойное, шторм отменяется, и мои братья и сёстры уже расположились в трюме. Кстати, и мне пора, а то трал отцепят и поднимут якорь. Как я тогда попаду на корабль? На, малыш, держи печеньку. Ты, наверное, проголодался.

Крыса вручила мне вкусный квадратик и вскочила на трап корабля.

Похвалилась, и по трапу
влезла на борт великана.
Следом нас, сидящих в шляпе,
на корабль подняли краном.

* * *

Минуту спустя наше убежище вместе с другими ящиками, коробками, чемоданами, клетками с животными и разными причудливыми предметами подняла огромная металлическая рука. Люди называют её кран. Она играючи переместила всё это хозяйство на дымящую трубами металлическую гору.

* * *

Chapter 4. At the port

To be honest, we , mice have relatives. They are bigger and they also have ugly, bare tails. People call them rats. Personally, I am afraid of them. They always live apart from us, and when we meet them they always behave arrogantly .

– Knock-knock, – this is my teacher offering me to get out of the shelter-suitcase, and his word is the law to me. When we, kids act wrong, we cannot get away with it.

I looked out and saw an enormous city, with huge pipes at the very top.

– This is a ship and we will sail on it, – for some reason the professor said it in a whisper.

"If only I let you do it," a voice rasped in my ear.

I looked around and saw our relative, a rat.

'We're in charge of everything here. We decide who should be allowed on the ship and who should not.

– Yes, but sometimes you, rats run away from it yourselves, – the teacher stamped his paw, – and people look at you and say: 'When rats leave the ship, there will be trouble!'

'I grant you that. We just have a gut feeling that there will be a strong storm, and the ship may sink. But not today. Look at this rope – it's called a trawl. With its help people hold the iron machine at the pier. Can you see at least one of my relatives on it?

– No! – we answered all together.

– Well, you see, the sea is calm, the storm is cancelled, and my brothers and sisters have already settled in the hold. By the way, it's time I was there too, otherwise the trawl will be unhooked and the anchor will be weighed. How will I be able to get on the ship then?

Hey, baby, you must be hungry. Here is a cookie for you.'

The rat handed me a delicious piece of cookie and jumped onto the ship ladder.

She climbed up the board the giant vessel.

A minute later, our shelter, along with other boxes, suitcases, cages with animals and various bizarre objects, was lifted by a huge metal hand. People call it a crane. It playfully moved all these loads to a metal mountain with smoking pipes.

Глава 5. Дорога в цирк

От поездок в чемодане
по дорогам и траншеям
появятся могут раны
и царапины на шее.

– Заживут, как на собаке, –
говорит Гастон. – Мы звери.
Синяки от буерака
не большая, брат, потеря.

* * *

Вы когда-нибудь путешествовали в карете, которая раскачивается из стороны в сторону? Скажу я вам, это неприятное времяпрепровождение! То взлетаешь к потолку, то шлёпаешься на пол. Наша с профессором Гастоном карета – походный чемодан, который человек несёт уже битый час, и мы не можем определить, куда.

От голода живот прилип к позвоночнику, но я не могу даже смотреть на кусочек печенья, который мне подарила корабельная крыса, так как жевать что-то из-за такой тряски совершенно невозможно. Но всему в этом мире есть начало и конец. Вдруг наша карета-чемодан застыла на месте.

А минуту спустя мы полетели на стол, увлекаемые ворохом человеческой одежды и обуви. Я больно ушиб свой нос и тёр его обеими лапками. Учитель, глядя на это, успокоил меня и сказал, что на нас, мышах, всё заживает быстро, как на собаках.

– И откуда вы всё это знаете? – поинтересовался я, всё ещё держа лапками распухший нос.

– Я давно живу на этом свете и точно знаю, что наш человек работает в цирке укротителем и фокусником. Дрессирует собак и ещё показывает фокусы, доставая из чемодана с двойным дном различные предметы. В этом втором дне мы и путешествуем.

Я хотел его ещё что-то спросить, но тут ворох зашевелился, и яркое солнце ослепило нас. Учитель сцапал меня за ухо и потащил в норку, видневшуюся в углу комнаты, приговаривая на ходу: «Мы, мышши, звери ночные, и днём нам лучше прятаться».

* * *

Chapter 5. On the way to the circus

Have you ever travelled in a carriage that swings to and fro? I assure you, it's an unpleasant pastime! You fly up to the ceiling, then you flop on the floor. Our carriage is a travelling suitcase that the man has been carrying for an hour, and we cannot determine where to.

My stomach has stuck to my spine from hunger, but I can't even look at the cookie that the ship rat gave me, because it's absolutely impossible to chew something because of the jolting. But everything in this world has a beginning and an end. Suddenly our carriage-suitcase stopped floating.

A minute later, we flew down on the table, carried away by a pile of human clothes and shoes. I hurt my nose and rubbed it with my both paws. The teacher noticed it and calmed me down. He said that we get well quickly, like dogs.

– And how do you know all this? I asked, still holding my swollen nose with my paws.

– I have been living in this world for a long time and I know for sure that our man works in the circus as a tamer and magician. He trains dogs and also shows tricks, taking out various objects from a suitcase with a double bottom. We are travelling at this second bottom.

I was going to ask him another question, but the pile moved, and the bright sun blinded us. The teacher grabbed me by the ear and dragged me into a hole that was in the corner of the room, saying as he walked: 'We mice are nocturnal animals and it's better for us to hide during the day.'

Глава 6. Слон-циркач

Наконец-то цирк, арена,
слон огромный, хобот, уши,
очень сладкий запах сена
и желание покушать.

* * *

Просидев в новом убежище довольно долго, мы оба почувствовали, что голод стал просто невыносимым. Настало время проститься с нашим гостеприимным убежищем.

Большинство грызунов, к которым относимся и мы, имеют хорошее зрение, а их маленькие носики прекрасно чувствуют запах пищи за много метров.

Вы знаете, как пахнет гора еды? Я теперь знаю!

Как только мы оказались снаружи, облако, аппетитно пахнущее бананами, окутало нас. Впереди маячила огромная

куча спелых плодов. Их хватило бы, чтобы прокормить целую мышиную армию. Но этот пищевой рай охраняло какое-то странное животное, размером в сто тысяч кошек, поставленных друг на друга.

Оно трубило в толстый шланг, который был прикреплен к его лбу.

От всего этого увиденного я присел на задние лапы и закрыл глаза.

– Не бойся, – зашептал в ухо учитель, – это всего лишь слон. Несмотря на то, что он такой огромный, он нас, мышей, боится. Я успокоился, но если честно, хвостик всё ещё дрожал.

– Как такое может быть? Ведь он только одной своей ножицей может сразу раздавить пару десятков мышей.

Профессор улыбнулся: – Всё верно. Но на наше счастье эти гиганты ужасно боятся щекотки. И когда наши сородичи бегают по их носу-хоботу или ногам, они громко трубят и пускаются наутёк. А сейчас не обращай на слонов никакого внимания и наедайся впрок. Завтра нам предстоит длительная поездка.

– Учитель, откуда вы знаете?

– Понимаешь, дружок, передвижной цирк никогда не остаётся долго на одном месте. Дал пару представлений и вперёд, в новые города и страны. И раз нам выпало такое счастье путешествовать вместе с ним, почему бы этим не воспользоваться?

* * *

Chapter 6. The Circus Elephant

After sitting in the new shelter for quite a long time, we both felt that hunger had become simply unbearable. It's time to say goodbye to the hospitable hole.

Most rodents, (we also belong to them), have good eyesight, and their small noses perfectly smell food from many meters away.

Do you know what a mountain of food smells of? Now I know it!

As soon as we got outside, a cloud smelling appetizingly of bananas, enveloped us. A huge pile of ripe fruits loomed ahead. This quantity of fruit is enough to cram up an army of mice.

But this food paradise was guarded by some strange animal, the size of a hundred thousand cats, placed on top of each other.

It was tooting a thick hose that was attached to his forehead.

When I saw all this I was taken aback, sat down on my hind legs and closed my eyes.

– Have no fear! – the teacher whispered in my ear, – it's just an elephant. Despite the fact that he is so huge, he is afraid of us, mice. I calmed down, but to be honest, my tail was still shaking.

– How can that be? After all, he can crush a couple of dozen mice at once with only one of his legs.

The professor smiled: 'That's right. But fortunately for us, these giants are terribly afraid of tickle. And when our relatives run along their nose-trunk or legs, they loudly cry and run away. And now don't pay any attention to the elephants and fill up your stomach. We are going to have a long trip tomorrow.

– Teacher, how do you know?

– You know, my friend. A travelling circus never stays in one place for a long time, it gives a couple of performances and goes farther to new cities and countries. And since we have a chance of travelling with it, why not to take advantage of it?

Глава 7. Встреча со сторожевым псом

Захотелось прогуляться

нам с учителем, и что же?

Повстречали домочадца.

Пёс был сторожем, похоже.

Не пустил нас к древесине:

– Грызунам здесь нет дороги!

Возражать не стоит псине –

уноси скорее ноги!

* * *

Вечером следующего дня, пока шло представление в цирке, мы с учителем решили познакомиться с местными достопримечательностями города. Прошли пару кварталов и нос

к носу столкнулись с большой старой собакой, лежащей за красивыми узорчатыми воротами.

– Гав! – пробасил пёс и ткнул лапой в круглый знак с перечёркнутой красной полосой мышью.

– Извините, пожалуйста, – вежливо поинтересовался я, косясь на огромные клыки, торчащие из пасти собаки, – не будете ли так любезны объяснить значение этого знака.

– Чего тут непонятного? – рявкнул грозный сторож. – Вам, мышам, вход сюда строго воспрещён!

– Это ещё почему? – возмутился профессор. – Мы звери вольные, – куда хотим, туда и направляемся! И остановить нас могут только кошки и мышеловки. Вы, уважаемый пёс, ни на то, ни на другое не похожи. Насколько мне известно, собаки мышами не питаются.

– Это верно, зато вы, острозубые, любите кору этих удивительных деревьев! Охранять их нам и поручили много веков тому назад. Прадед мой охранял, и дед, и отец... – пёс зевнул и задремал похрапывая.

– Перестаньте спать. Как вам не стыдно. Ведь вы же на работе! – повысив голос, возмутился профессор Гастон. – Поймите же, глубокоуважаемый пёс, не имею чести знать ваше имя, ибо вы не представились, мы не употребляем в пищу кору деревьев, а только грызём её. Все мыши на свете просто обязаны что-нибудь грызть, потому что зубы у нас всё время растут. И если мы не будем их стачивать, то они могут вырасти такими большими, что уже не смогут помещаться во рту.

– Меня это не касается, – зевая буркнул пёс, – я здесь на службе и охраняю пробковые деревья. Кора у них очень ценная, так как из неё изготавливают пробки для бутылок. А в них мой хозяин наливает всякие благородные напитки, – при этих словах он разинул пасть и хотел громко гавкнуть, но профессор всё понял и потащил меня в сторону, приговаривая на ходу:

– Хочешь, я расскажу тебе, дружок, историю о том, как мы, мыши, стали причиной одного изобретения?

– Конечно! – пискнул я, подпрыгнув от радости.

И учитель продолжил, ускоряя шаг:

– То, что сказал этот старый пёс, сущая правда. Вся наша порода с большим удовольствием грызёт винные пробки,

и чтобы уберечь их от многочисленного мышиного семейства, люди стали надевать на горлышко некоторых больших бутылок специальную проволоку и вдобавок заворачивать их в совершенно невкусную и несъедобную металлическую фольгу.

* * *

Chapter 7. Meeting with the Watchdog

In the evening of the next day, while the circus performance was in full swing the teacher and I decided to get acquainted with the local sights of the city. When we walked two blocks we found ourselves face to face with a big old dog lying behind a beautiful patterned gate.

"Woof!" the dog barked and pointed his paw to a round sign with a drawing of a mouse which was crossed out with a red stripe.

"Excuse me, please, – I asked politely squinting at the huge fangs sticking out of the dog's mouth, – would you be so kind to explain the meaning of this sign.

– What don't you understand? the formidable watchdog barked. – You, mice are strictly forbidden to enter here!

– Why is that? – the professor was indignant. – We are free animals: we go wherever we want! And only cats and mousetraps can stop us. You, honourable Dog, don't look like either. As far as I know, dogs don't eat mice.

– That's right, but you sharp-toothed ones love the bark of these amazing trees! We were assigned to protect them many centuries ago. My great-grandfather guarded them, and grandfather, and father... – the dog yawned and dozed off snoring.

– Stop sleeping. Shame on you. After all, you're at work! The teacher resented, raising his voice. – You see, dear Dog, I do not have the honor to know your name, because you did not introduce yourself, we do not eat the bark of trees, but only gnaw it. All the mice in the world just have to chew something, because our teeth are growing all the time. And if we don't grind them, they can grow so big that they will not be able to fit in our mouths.

'It's none of my business,' – the dog muttered, yawning. – I'm on duty here and I'm guarding cork trees. Their bark is very valuable, as it is used to make corks which top bottles with noble drinks. At these words he opened his mouth and was about to bark loudly, but the professor understood everything and dragged me aside, saying:

– Do you want me to tell you, my friend, the story of how we, mice became the cause of one invention?

– Sure! I squeaked, leaping with joy'.

The teacher continued, accelerating his pace:

'Everything that the old dog said is absolutely true. Our whole breed chews wine corks with great pleasure, and in order to protect them from the numerous mouse family, people began to put a special wire on the neck of some large bottles and, in addition, wrap them in completely tasteless and inedible metal foil.

Глава 8. Удивительное открытие

Путь мышинный экзотичен.
Узнаём, что, как ни странно,
но с Испанией граничат
островные даже страны.
Не возможно? И не спорю.
Но известно по науке,
что и Англия по морю
ей протягивает руки.

* * *

Помните, в начале нашей истории я, мышонок Ратонтито, обещал вам поведать об удивительном месте – географическом казусе? Пришло время сдержать слово. Вы можете не поверить мне, но Испания, находящаяся на Пиренейском полуострове, граничит с Великобританией!

– Такого не может быть! – возразит любая образованная мышь, не раз пробежавшая по большой карте Европы или катавшаяся на глобусе. – Англия – вон где, а Испания – здесь. Между ними многие тысячи километров. Но, тем не менее, это факт.

Мы приближаемся к Гибралтарскому проливу – морской полоске между Африкой и Европой. Много лет тому назад англичане захватили это место и никак не хотят отдавать его Испании. Вот и получается, что Испания, помимо Португалии и Франции, граничит с далёкой Англией.

И это доказано профессором Гастоном и цирком, с которым мы путешествуем.

В старом городе цирк пробыл пару дней. Мне особенно в нём запомнились узкие улочки, старый порт и сторожевой сердитый пёс. На третий день мы вместе с цирком на корабле в своём чемодане отправились дальше.

* * *

Chapter 8. An amazing discovery

Do you remember that at the beginning of our story, I promised to tell you about an amazing place – a geographical puzzle? It's time to keep my promise. Believe it or not, but Spain located on the Iberian Peninsula, borders on Great Britain.

That is impossible! Any educated mouse who repeatedly runs across a large map of Europe or rides on a globe will object: 'England is over there, and Spain is over here.' Thousands of kilometers separate them from each other. Nevertheless, it is a fact.

We are approaching the Strait of Gibraltar, a strip of sea between Africa and Europe. Many years ago the British took over this place and won't give it back to Spain. So it turns out that Spain, in addition to Portugal and France, borders on far-away England. This fact has been proved by Professor Gaston and the circus we are travelling with.

The circus stayed in the old town for a couple of days. I remember very well its narrow streets, the old port and the angry watchdog. On the third day of our journey, the circus and we in our suitcase kept travelling on board the ship.

Глава 9. Из Гибралтара в Барселону

Наконец и Гибралтары:
пляжи, скалы и маготы –
обезьяничьи отары.
С ними встретиться охота.
Но полдня на это чудо.
Нас давно заждались дома,
и лежит маршрут отсюда
прямо к берегу родному.

* * *

Прошло несколько дней, и мы добрались до удивительного места с гулким названием – Гибралтар. Если приглядеться, это всего лишь скала, да ещё песчаный перешеек, соединяющий её с Пиренейским полуостровом. Но на самом деле это и страна, и город, и пролив, и полуостров, и заморская территория Великобритании. Но Испания постоянно оспаривает это утверждение. Вот такое это удивительное место на карте.

А ещё там обитают дикие обезьяны – маготы. Поэтому если кто-то вам скажет, что в Европе обезьяны на воле не живут, не верьте и приезжайте сюда. Убедитесь сами. Их колония в этих местах процветает, ибо никаких хищников в окрестных местах не водится. Да, чуть не забыл, здесь живут удивительные люди – можно часами бегать по мостовой и никто на тебя не обратит никакого внимания!

Ну, всё, пока! Мне некогда. Пойду напоследок поиграю с маготами, ведь они такие забавные!

Совсем скоро цирк возвращается в родную Барселону, а мы с профессором уже привыкли к нашему дому-чемодану с двойным дном.

Но всё равно тянет домой. Ведь нас там ждут. Да и мама с сестрёнкой Ринитой, наверное, очень волнуются. Я так давно их не видел! Если честно, скажу по секрету, даже кошку домашнюю иногда вспоминаю. А как же иначе? Ведь без приключений жить совсем скучно. Согласны?

Ах, какое это счастье
видеть каменные склоны...
Но пора нам возвращаться
в дом родимой Барселоны.
Всё кончается когда-то.
За бортом прощальный вечер...
До свидания, ребята!
К новой книге и до встречи.

* * *

Chapter 9. From Gibraltar to Barcelona

A few days passed, and we got to an wonderful place with a resounding name Gibraltar. If you look closely, it's just a rock, and even a sandy isthmus connecting it with the Iberian Peninsula. But in fact , it is a country, a city, a strait, a peninsula and an overseas territory of Great Britain. But Spain constantly disputes this claim. This is such an amazing place on the map.

Wild monkeys – magots live there. Therefore, if someone tells you that monkeys do not live in the wild in Europe, do not believe it and come here. See for yourself. Their colony thrives in these places, because there are no predators in the surrounding areas. Oh, I have clean forgotten! Peculiar people live here – you can run for hours along the pavement and no one will pay any attention to you!

Well, that's all for now, bye! I don't have time to talk to you. I'm going to play with the magots for the last time, they are so funny! The circus will soon return to Barcelona, but as for us, we have got used to our suitcase-home with a double bottom.

Anyway, we started feeling homesick. After all, they are waiting for us in our home town... My mom and sister Rinita are probably very worried. I haven't seen them so long! To tell the truth, I will reveal you a secret: sometimes I even recall our home cat. How could I not? Anyway, it's really boring to live without adventures. Do you agree with me?

Перевод на английский – Марина Воробьёва

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДОНБАССА

Людмила Ельшова

Литературовед. Заведующая квартирой-музеем писателя
В.А. Титова. Живёт в Луганске.

ПОСТАНОВКИ ПО ПОВЕСТИ В.А. ТИТОВА «ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО...» НА СЦЕНАХ МОСКВЫ

Два из семи самых старых и прославленных театральных коллективов Москвы и России – Московский академический театр имени Владимира Маяковского и Государственный академический театр им. Моссовета – друг за другом отметили свой столетний юбилей. Так случилось, что оба они связаны со сценической историей постановок по повести В.А. Титова «Всеми смертям назло...». Об этом и хотелось бы напомнить как заядлым театралам, так и всем патриотам нашего края.

В 1886 году в Москве, на Никитской улице, появилось театральное здание, предназначенное специально для именитых гастролеров из-за рубежа. Революция меняет судьбу театра. С 1920 года в здании расположился Театр Революционной сатиры (Теревсат), а с 1922 года он преобразуется в театр Революции.

29 октября 1922 года театр ознаменовал свое открытие спектаклем по пьесе Марселя Мартине «Ночь». Постановкой спектакля «Доходное место» Всеволода Мейерхольда, который с 1922 по 1924 год параллельно с работой в Театре актера и Театре ГИТИСа руководил театром Революции, коллектив громко заявил о себе как о новой творческой единице. И свою современную историю ведет с 1922 года. Мейерхольд поставил здесь и спектакль «Озеро «Люль» А. Файко. В 1923-24 г. ввиду занятости Мейерхольда фактически театр воз-

главлял В.М. Бебутов. В 1924 году Мейерхольт переключился на собственное театральное дело, и главным режиссером становится А.А. Гринич.

С 1931 по 1942 г. руководил театром выдающийся деятель советской культуры А.Д. Попов. Им были поставлены: «Поэма о топоре», «Мой друг», «Ромео и Джульетта», «Гибель эскадры». «Собака на сене», «Таня», «Бесприданница», «Мария Стюарт» и другие спектакли.

С 1941 по 1954 коллектив известен как Московский театр драмы, в 1954 году получил имя Владимира Маяковского. Менялся и профиль спектаклей – политика и агитация уступила место драматургии.

В разные годы возглавляли театр яркие личности, под руководством которых ставились выдающиеся спектакли. Новое звучание получили спектакли театра, когда в 1943 году А. Попова сменил Н. П. Охлопков. Время его руководства, продлившееся до 1967 года, принесло театру такие спектакли, как «Молодая гвардия». «Мать», «Зыковы», «Гроза», «Гамлет», «Клоп», «Аристократы», «Иркутская история», «Матушка Кураж», «Трамвай «Желание», «Человек из Ламанчи», «Банкрот», «Беседы с Сократом», «Бег», «Чайка», «Леди Макбет Мценского уезда», «Жизнь Клима Самгина», «Плоды просвещения», «Закат», «Наполеон Первый», «Жертва Века», «Кукольный дом».

Целая эпоха в жизни театра связана именем Александра Гончарова. С 1968 по 2001 он посвятил себя этому театру. Труппа при нем пополнилась новыми яркими именами: Михаил Филипов, Игорь Костолевский, Наталья Гундарева, Армен Джигарханян, Эммануил Виторган, Алла Балтер, Александр Лазарев, Евгения Симонова. Еще ярче заблистала Светлана Немоляева. Ученики Гончарова – режиссеры Эймунтас Некрошюс, Петр Фоменко, Евгений Каменькович, Константин Богомолов.

На новые вызовы времени отзывался театр в наступившем XXI столетии. В январе 2002 года художественным руководителем назначается С.Н. Арцыбашев, до этого 10 лет работавший в созданном им «Театре на Покровке». Среди главных постановок этого режиссера можно назвать «Женитьбу», «Мертвые души», «Как поссорились...», «Карамазовы по Достоевскому».

В январе 2011 года Департамент Москвы принял решение о назначении нового руководства театра. Художественным руководителем стал режиссер Миндаугас Карбаускис, обладатель высших театральных премий России.

В мае 2022 года в должность художественного руководителя вступил режиссер Егор Перегудов, лауреат премии Международного фонда К.С. Станиславского и других престижных наград, занимавший ранее должность главного режиссера Российского академического молодежного театра.

Эти два режиссера определили лицо современного театра.

Во все времена театр им. Вл. Маяковского славился своими актерами. На сцене театра блистали Мария Бабанова и Михаил Астангов, Фаина Раневская и Лидия Сухаревская, Армен Джигарханян и Ольга Яковлева, Наталья Гундарева и Александр Лазарев-старший, Максим Штраух и Лев Свердлин. Гордостью театра являются также такие замечательные мастера, как Светлана Немоляева, Игорь Костоловский, Михаил Филиппов, Евгения Симонова, Галина Анисимова, Ольга Прокофьева, Данил Спиваковский, Анатолий Лобецкий, Анна Ардова, Татьяна Орлова, Дарья Повереннова, Любовь Руденко, Юлия Силаева. Театральные полюбили и молодежь: Макара Запорожцева, Полину Лазареву, Алексея Дякина, Владимира Гуськова и др.

Сегодня это динамично развивающийся театр, который стремится бережно соединить традиции русского психологического театра с тенденциями мирового искусства, новыми формами и текстами. Труппа работает в самых различных направлениях от постановок классических авторов до документального театра, от европейского интеллектуализма до «новой драмы», от больших форм до студенческих работ.

Дорожит театр и своим зданием. В 1886 году оно построено по проекту архитекторов К.В. Терского и Ф.О. Шехтеля и получило имя «Парадиз». Здесь выступали всемирно известные артисты, такие, как французская актриса Сара Бернар, итальянская актриса Элеонора Дузе, французский актер и теоретик театра Бенуа-Констан Коклен-старший и Коклен-младший, Эрнст Поссарт, Муне-Сюли и другие знаменитости. На рубеже XIX-XX веков театр называли «интернациональным» в силу всевропейского состава выступавших здесь артистов.

Свою страницу в гастрольную историю этой сцены вписал Ворошиловградский государственный драматический театр. Приглашение на открытие гастролей в помещении Московского академического театра имени Владимира Маяковского, которое хранится в Квартире-музее В. А. Титова – документальное тому подтверждение.

Открывались гастроли 2 июля 1971 года.

Июльская гастрольная афиша Москвы, помимо Белорусского театра оперы и балета, представляла спектакли драматических трупп Ворошиловграда, Горького, Ленинградского театра имени В.Ф. Комиссаржевской. Театральный критик Г. Дубасов, подводя итоги московских гастролей этих театральных коллективов в газете «Правда», выделил прежде всего афишу Ворошиловградского театра. За десять дней театр показал четыре спектакля, которые, как предположил критик, считал для себя программными: «Всем смертям назло» по одноименной повести В. Титова, «Мещане» М. Горького, «Каменный властелин» Леси Украинки, «Наследство» А. Софронова.

В сценарии театрального представления в честь 70-летия театра «Театральная история. Пьеса в 4-х актах с прологом и эпилогом» есть фрагмент, который говорит о том, что выбрать Ворошиловградскому театру было из чего:

«Дело, которому ты служишь» Ю. Германа. Лучший спектакль на республиканском смотре. Не повезем.»

«Живая цепь» Т. Рыбаса. Это о луганских событиях 1919 года. Тоже не повезем... «Грозовой год» А. Каплера, «Больше не уходи» В. Тура, «Учитель танцев» Лопе де Вега, «Чудесная башмачница» Гарсия Лорки – не-по-ве-зем.

Что повезли, нам уже известно».

В московских театрах в том сезоне спектаклей по этим пьесам, за исключением, «Каменного властелина», показанного Малым театром в конце сезона, не ставили, что само по себе мотивировало зрителей побывать на спектаклях гостей города. Используя возможность продемонстрировать большому кругу собственные достижения, ворошиловградцы оказались в выигрыше.

Наибольшее впечатление произвел на Г. Дубасова спектакль «Всем смертям назло». Он не мог не отметить недостатки пьесы, такие, как излишняя повествовательность,

композиционную рыхлость, более разговорный, чем действительный характер. Но при всем том в спектакле, на что обращает внимание критик, содержатся та напряженная энергия мысли и идейная страстность, которые свойственны героической драме.

Воздал должное он и молодому актеру Д. Витченко, сыгравшему роль Сергея Петрова. На сцене он проживает драматическую судьбу героя – горного мастера, ценой своих рук предотвратившего аварию на шахте, его путь к жизни, к обретению себя и своего нового места в обществе. Как с этой непростой задачей справился актер, рассказывает нам в своем критическом разборе Г. Дубасов. Приведем этот фрагмент статьи полностью:

– Д. Витченко последовательно и подробно исследует каждое движение души героя. Сергей Петров, по его собственным словам, «не герой», но обыкновенный, простой рабочий парень, и преодоление трудностей его теперешней жизни дается ему очень непросто. Конечно, он не один – жена, отец, товарищи по шахте, врачи, даже незнакомые люди спешат ему на помощь. Но, обрисованные несколько однозначно и бегло, они не кажутся достаточно сильной опорой Сергею. Герой Д. Витченко не афиширует ни своих страданий, ни своих побед: он сосредоточенно ищет выхода из создавшегося положения, глубоко осмысливая каждый свой шаг к людям. «Жизнь стоит того, чтобы за нее бороться до конца», – убеждает он себя, а вместе с тем и зрителя.

Спектакль «Всем смертям назло» показал способного актера, от которого можно ждать много интересных работ.

Пьеса «Всем смертям назло» написана В. Титовым и К. Миленко – режиссером Липецкого областного драматического театра и инициатором драматургической версии одноименной повести. Премьера спектакля состоялась 16 декабря 1967 года. Успех постановки в Липецке стал поводом для приглашения режиссеру поставить спектакль в Ворошиловграде. Уже 14 февраля 1968 года состоялась премьера спектакля, что стало большим событием в культурной жизни края.

Роль Сергея Петрова сыграл В. Хруничев. Ему удалось создать яркий, запоминающийся образ героя. Критики отмечали одаренность актера, высокий драматический накал, пластическую выразительность, его человеческую наблюда-

тельность, психологичную глубину, богатую палитру красок в передаче чувств Сергея Петрова – боли, отчаяния, разочарования, гордости, жажды борьбы, душевной силы.

В спектакле был занят и Д. Витченко. Он вернулся в театр после длительного отсутствия. Работа над постановкой уже шла к завершению. Но ему предложили сыграть роль донора-комсомольца Петренко. В своих воспоминаниях «Без Титова мы осиротели» актер рассказывал: «Эпизод был небольшой, но яркий, эмоциональный, и я ввелся с одной репетиции... Но... с произведением В.А. Титова я был знаком раньше и мне казалось, что я смог бы «потянуть» и большее, то есть сыграть прообраз самого автора. Эта мысль не давала мне покоя на каждой репетиции».

После третьей репетиции, по просьбе актера, К. Миленко познакомил его с писателем. При встрече присутствовала и жена автора пьесы. Увидев горячее желание молодого актера играть роль главного героя, она на сомнение режиссера ответила просто: «Пусть попробует». Благодаря доброму участию Риты Петровны, вопрос был решен. Артист стал готовить желанную роль. Текст учил ночами, днями сидел на репетициях и 23 февраля вышел на дневном спектакле на сцену уже в роли Сергея Петрова.

О том, что на этом спектакле присутствовал автор, актер узнал после того, как писатель в антракте прибежал за кулисы, взволнованный тем, что тот, со связанными руками пытаясь взять книгу с полки, упал со стула, у которого неожиданно подломились ножки. Осветители отреагировали мгновенно, дали полную вырубку света, и зрители восприняли эту сцену как режиссерское решение.

Однако Владислав знал, что это не запланированное падение и испугался, не получил ли исполнитель ушиб или травму.

«В конце мы вместе с Владиславом много раз выходили на поклон, и говорили, что мы даже внешне были похожи, – делился Д. Витченко. – В общем, с этого дня мы с Виктором играли эту роль поочередно. И я был счастлив».

Вскоре В. Хруничев перешел в Донецкий государственный музыкально-драматический театр им. Артема, где успешно играл в спектакле «Все м смертям назло», поставленном режиссером П. И. Ветровым, с которым связана целая эпоха и в истории Ворошиловградского театра.

Дмитрий Иванович продолжал играть в главной роли в спектакле. С Титовым у них завязалась крепкая дружба. Дмитрий со своей женой Светланой – актрисой Ворошиловградского театра – решили назвать новорожденного сына Сергеем в честь героя спектакля, а крестным отцом его стал Владислав. Сергей пойдет по стопам родителей,

*Д. Витченко и Н. Степанова
в спектакле «Все м смертям назло»*

будет служить в театре в Ростове-на-Дону. К сожалению, талантливый актер рано ушел из жизни.

Тесное общение с Владиславом Титовым помогло актеру глубже вникнуть в суть героя пьесы. И уже через год с небольшим Д. Витченко вместе с исполнительницей роли Тани – Нелли Степановой – был удостоен областной премии имени «Молодой гвардии», а чуть позже как исполнитель мужской роли получил вторую премию на Всесоюзном смотре.

В 1968 году в Ворошиловградский театр пришел народный артист УССР Валентин Петрович Тимошин, успевший поработать в Одессе и Крыму. Он заставил спектакль «Все м смертям назло» жить новой, очень успешной жизнью. Диплом второй степени Всесоюзного театрального фестиваля, посвященного 50-летию ВЛКСМ – весомое тому подтверждение. Награждали за силу актерских работ, за режиссерское воплощение.

Спектакль успели показать в Ростове, Ровно, на Житомирщине, в Надзбручье. И вот заслуженный успех в Москве. Критик Н. Балашова в журнале «Огонек» так же, как Г. Дубасов в «Правде» останавливает свое внимание на двух спектаклях Ворошиловградского театра. К спектаклю «Каменный властелин» у Г. Дубасова был ряд замечаний. А вот Н. Балашова отметила замечательную игру Г. Тимошиной, П. Кленова, О. Баглюкова в этой работе. Подкупило ее то,

что философская драма Леси Украинки прочитана театром интересно и глубоко – как своеобразная история испанской леди Макбет, а вовсе не как еще одна версия о знаменитом севильском обольстителе доне Жуане-Тенорио.

Но первое место в критическом разборе отдано спектаклю «Всем смертям назло». Взволновали подлинность, безыскусственность повествования и та необыкновенная чистота человеческих душ и человеческих отношений, которая раскрывается в ходе спектакля. «Зрительный зал чутко улавливает этот настрой театра, то взрываясь громом взволнованных аплодисментов, то замирая в напряженной тишине ожидания, а в финале долго не отпускает артистов, стремясь передать свое восхищение и удивление», – так передает критик реакцию зрителя на происходящее на сцене.

Из актерских работ она выделяет исполнителей главных ролей, акцентируя внимание на сплоченность их тандема: «Так неотделимы героини друг от друга в поступках, помыслах, чувствах, что и говорить об этих актерских работах хочется, как о едином целом». Отметив, что Д. Витченко играет роль Сергея Петрова горячо, темпераментно, увлеченно, автор критической статьи заостряет внимание на роль героини этого спектакля, чей незаметный подвиг жены все же сопоставим с подвигом ее мужа – героя, заслонившего собой сотни других жизней.

Самой сильной, кульминационной сценой спектакля называется в рецензии сцена у полотна железной дороги, где Таня нашла мужа после его малодушного бегства из дома. Взрыв гнева и возмущения, которое обрушивает она на Сергея, усомнившегося в силе ее любви, становится для обоих новым открытием друг друга. От осознания силы ее чувства наступает духовный перелом героя, возвращается желание бороться, идти до конца в поисках своего нового места в жизни, стать нужным людям.

Как и в предыдущей рецензии, обращается внимание на более чем скромное оформление спектакля. Однако, как замечает Н. Балашова, в этой, может быть, нарочитой простоте и скромности есть свой особый смысл. Происходящее на сцене по сути своей столь значительно и прекрасно, что не нуждается в дополнительной акцентировке.

И все же на отдельных элементах художественного и звукового оформления спектакля критик останавливает внимание. Это горящая шахтерская лампа на портале и ее неяркие отсветы, падающие на суперзанавес и разбегающиеся по нему волнами беспокойного, тревожно-алого цвета. И нарастающие звуки концерта Рахманинова, еще более усиливающие ощущение тревоги. Они так и пройдут через весь спектакль – прекрасная взволнованная музыка и всполохи цвета крови и зари. Пройдут как символ, как олицетворение романтической, готовой на подвиг молодости, как биение горячего сердца. «Нет, не погасла твоя шахтерская лампочка, – скажут позже герою спектакля, – долго еще будет гореть она в сердцах людей». Понимая, что горящая шахтерская лампа – это смысловой образ спектакля, его идейного посыла, автор свою статью назвала «Свет шахтёрской лампы».

«Наши гости из Донбасса – театр прославленного края угольщиков – в Москве впервые. И особенно приятно отметить их большой успех у взыскательных московских зрителей, – подводит итоги автор статьи. – Хочется пожелать, чтобы добрый свет надежной шахтерской лампы и впредь освещал их путь».

«После московских гастролей стало понятно, что театр окончательно выработал свою эстетику, свою манеру беседы со зрителем. Он нашел свою тему в искусстве. Логическим продолжением этой темы стала постановка спектакля «Молодая гвардия», – так в день чествования 70-летнего юбилея Луганского драматического театра, получившего в то время звание академического, было охарактеризовано значение этого успеха.

А спектаклю «Всем смертям назло» была уготована долгая жизнь на подмостках театра. Он прошел более 500 раз. Им открывали гастролы в Черкассах, Ужгороде, Черновцах, Харькове, Тамбове и других городах.

Спектакль обретал новые краски, отшлифовывались роли. С уходом из театра Н. Степановой на роль Тани ввелась Г. Тимошина. Менялись актеры – исполнители других ролей. Но спектакль оставался в репертуаре театра.

Заведующий литературной частью Житомирского музыкально-драматического театра В. Фольварочный в рецензии на спектакль, показанный в рамках гастрольного тура Во-

рошиловаградского театра в августе 1973 года, высоко оценил постановку. Отметил в игре заслуженного артиста УССР Д. Витченко талантливое углубление в психологию главного героя, отказ от декларативных штампов, плакатности, предпочтению внутренней убедительности, правдивости, искренности. Даже в самые трагические минуты Сергей Петров в его исполнении – натура сильная, волевая, ему веришь, его уважаешь. В заслугу даровитому актеру автор рецензии ставит то, что он рисует образ героя в развитии: «На наших глазах вырастает человек, который имеет право силою слова вести за собой других».

Под стать герою его жена. «Таня в исполнении заслуженной артистки УССР Г. Тимошиной, – пишет рецензент, – натура цельная, сильная и одновременно по-женски нежная, романтическая... Кристально чистой Тане не понятна философия корыстолюбивой, эгоистичной Алисы Мартыновны, соседки Петровых (арт. Т. Кленова). Про таких, как Таня, можно сказать, что от их присутствия на земле становится уютнее, теплее. Она – образец семейной верности».

Обращает автор статьи и на достойную игру актеров второго плана. Воплощением народной мудрости, доброты, готовности в любую минуту прийти на помощь людям являются образы соседа Сергея по палате Егорыча и хирурга Кузнецова в талантливом исполнении народного артиста УССР П. Кленова и заслуженного артиста УССР Н. Ращупкина. Характеры, ярко выраженные, индивидуальные. Однако несут одну и ту же идейную нагрузку – прославляют гуманизм человека. Становится понятным, почему такие люди, как Сергей Петров, готовы идти на самопожертвование во имя других. Они знают, что в тяжелую минуту придут на помощь и к ним.

«Даже эпизодические роли в спектакле исполнены убедительно, правдиво, – замечает В. Фольварочный. – Яркие характеры шахтеров создали актеры В. Хорохорин, О. Козлов, Н. Заика, В. Крутлик, В. Музыка».

Шестой год спектакль волнует сердца зрителей, подводит итог рецензент. И по тому, как горячо принимался он, видно: настоящее искусство не стареет, спектакль еще долго будет служить делу воспитания молодежи.

В 1974 году новую постановку спектакля осуществил А.П. Коженовский. В этой редакции вновь в роли Сергея Пе-

трома был занят Д. Витченко. В 1976 году писатель В. Титов, заслуженные артисты УССР – режиссер А. Коженовский и исполнитель главной роли Д. Витченко – за этот спектакль удостоены республиканской премии имени Н. Островского.

В общей сложности в репертуарной афише Луганского театра спектакль был представлен около 14 лет. Спектакль был записан и показан неоднократно Центральным телевидением страны, записан и вошел в золотой фонд украинского радио. Шел спектакль и в записи Луганской телевизионной студии.

Когда спектакль уже сошел со сцены, Светлана Сиротюк и Дмитрий Витченко, получившие позже звание народных артистов Украины, продолжали знакомить зрителей и слушателей с творчеством В. Титова, разработав лекцию-концерт.

В сезон 2003-2004 года заслуженный деятель искусств Украины режиссер Б. Головатюк предпринял новую постановку спектакля. Она была ориентирована на новое поколение молодежи, акцент делался на теме любви, что определило и новое название спектакля – «Благословенна будь, моя любовь!». Подзаголовок «Всем смертям назло» все же возвращал зрителя к первоисточнику, что лишь подогревало зрительский интерес. Ассистентом режиссера был назначен Д. Витченко, который к тому же сыграл роль хирурга Кузнецова.

К пьесе «Всем смертям назло» обратился не только Ворошиловградский (впоследствии Луганский) театр. Как выше было сказано, к ней обратился Донецкий театр им. Артема, не лишне будет заметить, после того, как свою постановку показал Донецкий русский драматический театр (г. Жданов – ныне Мариуполь). Пройдут спектакли, поставленные Черемховским государственным драматическим, Борисоглебским драматическим им. Н.Г. Чернышевского, Республиканским драматическим Чувашской АССР театрами, поставленные в Кемерово, Кировограде, Житомире и других городах, в том числе и в самодеятельных театральных коллективах. Как заметила критик М. Борщевская в статье «Повесть Владислава Титова на сцене», опубликованной в журнале «Юность», телевизионные экраны, театральные сцены еще и еще раз по-своему интерпретируют повесть.

Не останется в стороне и Москва. Речь идет о Московском государственном академическом театре имени Моссовета, который называют художественным явлением творческой

жизни страны. По его постановкам можно проследить веки истории русской драматургии, его историю сопоставляют с антологией Отечественного искусства XX века.

День рождения театра – 23 марта 1923 года. Он появился по инициативе профсоюзных активистов, которых вдохновил литератор и театральный антрепренер Сергей Иванович Прокофьев, ставший и его первым режиссером, и получил имя театра Московского губернского совета профсоюзов (МГСПС). Коллектив, состоящий из девяти актеров и режиссеров-любителей, не имел своего здания. Ставили небольшие передвижные недорогие спектакли, предлагая их рабочим клубам. В то послереволюционное время во множестве образовывались передвижные театры, которые на телегах разъезжали со всем своим скарбом и давали недорогие представления для массового зрителя. Спектакли сопровождалась различными дискуссиями и диспутами. Одним из таких театров поначалу и был МГСПС.

Театр начал свою работу со спектакля «Савва» Леонида Андреева. Премьера прошла в Колонном зале Дома Союзов, имел успех у публики и получил высокую оценку критиков. В первый год на различных площадках столицы прошло 350 представлений. Коллектив вырос в несколько раз и объединился с филиалом бывшего театра Корли. В 1924 году театру выделили театральное помещение в летнем саду «Эрмитаж».

Следующей ключевой фигурой в истории театра стал актер и режиссер Евсей Любимов-Ланский. Он начал привлекать молодых драматургов к созданию постановок на злободневные темы. В период его деятельности театр дважды менял свое название. С 1930 по 1938 год он известен как театр имени Московского областного совета профсоюзов (МОСП). С 1938 года за ним закрепилось имя театра Моссовета.

Довоенный период работы театра связан с именами В. Бобутова, Б. Бабочкина, А.Вовси, В. Окуновой, В. Дементьева, С. Кузнецова и еще не менее двадцати известных в то время актеров. Нельзя не вспомнить, что в этом театре начинали свой путь В. Зельдин и В. Васильева.

В годы Великой Отечественной войны труппа эвакуирована в Казахстан. С пятого декабря 1941 г. театр работает в Чимкенте, а с 25 мая 1942 г. – в Алма-Ате. В 1943 году коллектив вернулся в Москву, где ставил не только спектакли,

но и давал концерты на заводах и в госпиталях. Н. Темяков, Н. Княгининская, С. Гудзи, М. Розен-Санин, В. Ванин, С. Цейц – эти артисты определяли лицо театрального коллектива.

С 1940 по 1977 год главным режиссером театра был Ю. Завадский – ученик К. Станиславского и Е. Вахтангова. Он сформировал один из самых интересных творческих коллективов в стране, при нем театр стал одним из ведущих театров Москве. Труппу пополнили ученики Завадского: Ф. Раневская, Л. Орлова, Р. Плятт, Г. Жженов, А. Костомолоцкий. Театральный коллектив сумел создать большое количество спектаклей, которые запомнились своей необычной подачей и потрясающей актерской игрой. Зрители помнят Г. Борнникова, Н. Мордвинова, В. Марецкую, В. Серову, И. Пельтцера, Б. Лаврова, П. Гераги, С. Марголина, В. Сабурова, М. Козакова, А. Ленькова, Н. Княгининскую, Л. Шапошникову, А. Маркова, М. Козакова, С. Годзи, Р. Рудина, М. Аронова и других блестящих мастеров сцены.

В 1949 году театр награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1964 г. за выдающиеся художественные достижения получил звание академического, в 1973 награжден орденом Ленина.

С 1947 г. театр работал в помещении ДК на площади Журавлева – бывшего Введенского народного дома. В ходе ремонта его сделали пригодным для работы театра. Однако зрители не спешили в театр на рабочую окраину Москвы. И в 1954 г. началось строительство театрального здания по проекту архитектора М.С. Жирова. 5 ноября 1959 года театр дал первый спектакль в собственном здании на 1300 мест (ныне 1100) и сценой 894 кв. метра, возведенном в саду «Аквариум».

После Завадского не могли найти режиссера и театром руководил президиум художественного совета.

В семидесятые годы в театр пришел Павел Осипович Хомский, имевший опыт работы с театральными труппами в Ленинграде, Москве, Риге. Известный режиссер и педагог, народный артист России, Лауреат премии «Золотая лилия» в 1985 году назначен главным режиссером. В 2020 г. труппе представлен также известный режиссер и педагог народный артист России, лауреат премии «Золотая лилия» Евгений Марчелли, ныне художественный руководитель театра. Это был новый этап в жизни коллектива. Идут спектакли отече-

ственной и мировой драматургии, а также молодых авторов, осуществляются постановки режиссерами разных творческих школ и направлений – П. Хомским, Б. Щедриным, Л. Хейфецем, Ю. Ереминым, С. Виноградовым, М. Вайлем, В. Саркисовым, А. Кончаловским, Н. Чусовой, В. Шамировым, А.Житинкиным, П. Сафоновым и др.

Театр показывал свои работы на гастролях в странах СНГ, в Польше, Болгарии, Финляндии, США и др. Участвовал в престижных отечественных и зарубежных театральных фестивалях.

Театр отличался мощными актерскими дарованиями, дал отечественному театральному искусству прославленные имена. В разные годы на его сцене, помимо выше названных, блистали О. Абдулов, Ю. Черкасов, Л. Сеченко, И. Квитинская, Н. Дробышева, Н. Ливанов, С. Юрский, В. Гафт, В. Бероев, А. Адоскин, Ю. Черкасов, Б. Иванов, Ю. Кузьменко, Н. Коновалова, Г. Тараторкин, О. Онофриев, И. Савина, И. и В. Верники, М.Терехова, А. Филиппенко.

Сегодня театр Моссовета по-прежнему остается актерским театром. На слуху у театралов О. Остроумова, В. Талызина, А. Домогаров, А. Смирнов, И. Старьгин, А. Голобородько, А. Васильев, С. Бондаренко, В. Сухоруков, Е. Стеблов, А. Ильин, О. Кабо, Г. Куценко, С. Бриман, Е. Крюкова, В. Яременко, А. Яцко, Е. Крыгина, Е. Гусева, Маргарита Шубина, П. Деревянко, Е. Валюшкина, К. Юшкевич, Ю. Высоцкая, Е. Бероева, Е. Вальц, А. Шмаинов, Л. Фомин, Д. Савкин, С. Виноградов и др. Мастера сцены и новое поколение актеров и режиссеров пишут новую историю театра на Большой Садовой улице. Широкий спектр жанров и эстетических направлений интересен зрителям всех возрастов.

Театр называют лабораторией современного театра. Сегодня он работает на двух сценах. – «Основной» и «Под крышей». Вторая сцена и зал на 120 мест открылись в 1990 году премьерой спектакля «Калигула» с Олегом Меньшиковым в главной роли. Сохраняя традиции, театр всегда искал новые художественные пути и формы активного общения со зрителями. Для показа экспериментальных постановок и спектаклей «малой формы» в середине 60-х годов был создан «Театр в фойе», в 1978 – «Малая сцена».

Для этой сцены по предложению и под руководством народного артиста СССР Юрия Завадского была начата работа над сценическим воплощением повести В. Титова «Всем смертям назло...». Спектакль был задуман как драматическое и вместе с тем романтическое повествование о подвиге человека-борца, как утверждение лучших нравственных традиций советской молодежи. Это позволило постановщикам Алексею Студниц-Мельникову и Валерии Пещуровой ввести в художественную ткань спектакля тексты А. Пушкина, Н. Гоголя, У. Шекспира, В. Гете, С. Есенина, А. Твардовского, Н. Островского, П. Когана, М. Джаалия, К. Симонова, Э. Межелайтиса, Р. Рождественского, Л. Щипахиной и писем Л.В. Бетховена и Ф. Дзержинского. В спектакле звучала музыка Вас. Немировича-Данченко.

Сложность работы состояла в том, что была выбрана форма моноспектакля. Анонсировали спектакль как самостоятельную работу лауреата Всероссийского конкурса театров-актеров Галины Дятловской. Она является автором литературной композиции и исполнителем.

Премьерные показы этой актерской работы состоялись в гастрольных поездках театра. Зрители Томска, Барнаула, Еревана приняли спектакль серьезно и взволнованно.

В Москве показ спектакля организовала творческая секция Центрального Дома актера ВТО им. А.А. Яблочкиной. Вечер состоялся 8 апреля 1979 г. в гостинице ЦДА ВТО на ул. Горького, 16. Вступительное слово предоставлено народному артисту СССР Р. Я. Пляту.

22 мая 1979 г. спектакль прошел в Малом зале Центрального Дома работников искусств СССР. В архиве семьи Титовых сохранились публикации об этом событии в журнале «Юность», газете «Вечерняя Москва», «Литературной газете», «Ворошиловградской правде». Опираясь на эти источники, мы можем получить представление об этой премьере, впечатлениях о спектакле и актерской работе исполнительницы. В этот раз актрисе было особенно сложно готовиться к выходу на сцену: на вечер собрались творческие работники театров, литераторы, журналисты, редакторы журнала «Юность». На показ был приглашен и Владислав Титов с женой Ритой Петровной.

В гостиницу «Россия», где они остановились, позвонил Б. Евсеев, корреспондент газеты «Вечерняя Москва», чтобы

взять интервью. «Конечно, волнуясь, – признался в разговоре с ним писатель. – Только что мне сообщили из Звездного: на вечер собираются приехать советские космонавты... Я очень благодарен Галине Дятловской и от всей души желаю ей успеха».

Со вступительным словом на вечере выступил директор театра Моссовета, заслуженный работник культуры РСФСР Л.Ф.Лосев. Как писали в «Литературной газете», Г. Дятловская в тот вечер сыграла десяток ролей – главного героя Сергея, незнакомого токаря Петренко, давшего герою свою кровь; жену Таню, выходящую его; хирурга, сделавшего операцию.

О сути происходящего на сцене И. Тимофеева в «Ворошиловградской правде» пишет так: «Соединяя повествование с игровыми сценами, Галина Дятловская создает в спектакле образ героя, который ведет бой против «всех смертей» не для того, чтобы выжить, существовать, а для того, чтобы жить. Жить полезно и духовно ярко, одухотворяясь большой мечтой».

М. Борщевская в журнале «Юность» обращает внимание на эмоциональное напряжение сцен спектакля, которое передается зрителю:

«– Это случилось 14 апреля 196... – шахтерская каска оглушительно падает на пол...»

И снова мы втягиваемся в трагическую одиссею обыкновенного вроде бы парня Сергея Петрова: шахта, голубая змейка огня, подбирающаяся к трансформатору, импульсивное решение – отключить, предотвратить взрыв, спасти людей... А потом больница, боль, операции, тоска, ампутация рук. Смерть. И опять жизнь, доставшаяся, как самая дорогая победа, любовь, творчество».

Автор рецензии замечает, что повесть В. Титова при всей ее кажущейся бесхитрости и безыскусности неожиданна. Хотя бы потому, что высочайшее мужество человеческого духа показана в ней скромно – в русле одной нелегкой любви, которая и вправду оказалась сильнее смерти.

Представить великое в будничном, не форсируя и не прягая голоса, довольно-таки не просто – рассуждает критик, и выражает надежду, что выразительные средства актрисы станут со временем сдержаннее, а весь спектакль обретет большую цельность.

Намечены и пути дальнейшего совершенствования спектакля: «Сегодня Г. Дятловская с увлечением играет каждо-

го персонажа. Более удачное решение лежит, возможно, в раскрытии личностного начала исполнительницы: в ее раздумьях над человеческой судьбой. Как видно, к этому тяготеет и сама актриса – каждое новое ее представление показывает, что поиск продолжается».

На вечер после спектакля выступил В.А. Титов.

– Я написал эту повесть, – сказал он – во имя людей, которых жизнь нередко ставит перед крутым испытанием на прочность. Я написал ее, чтобы показать, что человек все может, если захочет. Он может быть и сильнее своей судьбы.

«Рядом с Владиславом по-прежнему была Рита – друг, жена, его второе я – погружает нас в атмосферу финала вечера М. Борщевская. – После спектакля они, оба оживленные, стояли в окружении друзей, кто-то стал разливать вино, зазвенели стаканы. И пока длился этот веселый, сумбурный разговор, рука Риты естественно и свободно взлетала к губам мужа – пили они из одного бокала и казались одним, очень красивым человеком...».

Г. Дятловская в спектакле
«Всем смертям назло...»

Спектакль продолжил свою жизнь на сцене тетра Мособсовета, что подтверждает программа спектакля, выпущенная в 1981 году. 16 января 1981 года Правление Центрального Дома литераторов имени А.А. Фадеева на ул. Герцена, 53 организовало вечер в Малом зале с показом моноспектакля Г. Дятловской. Принимали участие в вечере Владислав и Рита Петровна Титова, о чем свидетельствуют приглашение на вечер и программа с записями, сделанными ее рукой (телефоны Г. Дятловской, В. Пешурова и А. Мельникова).

Как сообщала ворошиловградская газета «Молодогвардеец», перед началом спектакля выступил представитель секретариата Союза писателей СССР И. Винокуров, который коротко рассказал о писателе, его жизненном и творческом пути.

Людмила Немова в газете «Литературная Россия» в своем отзыве анализирует работу Г. Дятловской. По ее мнению, задача артиста-чтеца сложна тем, что ему необходимо до самых глубин проникнуть в содержание произведения. Но одновременно остаться самим собой, сохранить творческую индивидуальность. Галине Дятловской вместе с режиссерами-постановщиками удалось решить эту задачу.

Неравнодушное отношение актрисы к своим героям, проникновение в глубину их переживаний, в драматизм борьбы за право жить и быть нужным людям передалось зрителю. «Отчетливо и уверенно раскрыла Г. Дятловская образы героев повести, – пишет она. – Молоденькой Тани, за хрупкостью которой скрывается неиссякаемая сила любви и преданности, мужественного Сергея с его страстным желанием остаться активным участником жизни, его соседа по палате – безнадежно больного Егорыча, прошедшего через круглые повороты судьбы». Долго не умолкавшие аплодисменты автор отзыва считает лучшим доказательством признания успеха актрисы. Вздолванными аплодисментами встретили зрители и тех, чью судьбу только что пережил зал – Владислава и Риту Титовых.

Газета «Молодогвардеец» написала о том, что писатель выказал благодарность присутствующим на вечере за внимание к его творчеству, а артистке – за ее мастерство и душевность.

Повесть В. Титова привлекла внимание мастеров сцены прежде всего жизненной историей ее героя. Паренек из липецкой глубинки обрел свое трудное счастье на земле Донбасса, ставшего ему второй родиной. Рядом с ним в тяжелые дни оказались душевно богатые люди. Своей бедой и своим счастьем он решил поделиться со всем миром в надежде на то, что его опыт станет поддержкой и опорой тем, кто в этом нуждается. Это герой на все времена. Верится, что еще не раз деятели искусств обратятся к этому благодатному материалу. Свет шахтёрской лампы не погаснет.

После долгого перерыва возвращается к нам традиция культурного обмена. Творческие коллективы России стали частыми гостями Донбасса, отправились на гастроли и наши артисты, теперь уже в статусе российских. Мы снова в едином культурном поле, что, безусловно, скажется на дальнейшем развитии творческого потенциала наших деятелей искусства. Пожелаем им успеха!

Елена Хромова

Литературовед. Заведующая Литературным музеем
В.И. Даля. Живёт в Луганске.

СУДЬБА СКУЛЬПТОРА – ЭТО СУДЬБА ЕГО ТВОРЕНИЙ

*Памяти луганского скульптора
Александра Архиповича Редькина*

Александр Архипович Редькин – один из мастеров славной плеяды луганских скульпторов, чье искусство определило культурное лицо нашего города и края. Его работы можно встретить практически в каждом городе нашей Республики – есть они в Краснодоне, Стаханове, Ирмино, Лутугино, Алчевске...

*А.А. Редькин,
сентябрь 2022 года*

Родился Александр Архипович Редькин 13 сентября 1931 года в поселке Успенка Лутугинского района. Здесь прошли его детство и юность – предвоенные, военные и послевоенные годы. Это суровое время закалило и воспитало его характер, определило ценностную ориентацию личности. Его биография связана с жизнью поколения, которое пережило войну в самом юном возрасте. Он узнал цену жизни, не растратив чистого и искреннего отношения к людям. На всю жизнь осталось у него чувство добра и справед-

ливости, повышенное чувство правды в жизни и в искусстве.

После школы поступил в Ворошиловградское художественное училище (1947-1952), которое окончил с отличием. Затем поступил в Харьковский художественный институт (1952-1958). Творческую деятельность начал в 1957 году. Стал членом Союза художников с 1960 года.

Одним из первых произведений Александра Архиповича стала стела «Скорбящая мать», установленная на братской могиле молодогвардейцев в Краснодаре. Здесь безмерное горе отцов и матерей, потерявших своих детей. Мастер часто вспоминал: «И до, и после этого мне не раз приходилось исполнять скульптурные портреты молодогвардейцев. Один из них – Олега Кошевого – даже установлен в Казахстане. В основном работал по фотографиям, стараясь передать характер героев, «оживить» изваяние. Но работа над «Скорбящей матерью» была, пожалуй, самой серьезной и ответственной».

Толчком для создания мемориала стала фотография в американском журнале, где изображался террикон шахты № 5, с подписью – «Земля, политая кровью». Стела была создана Александром Архиповичем в соавторстве с Анатолием Федоровичем Самусем и Петром Ивановичем Кизиевым.

Скорбящая мать

«Идея изображения материнского лика родилась не случайно, - отмечал мастер, - изучая материалы, обратили внимание на то, что во многих записках героини-подпольщицы обращались к своим матерям, оставляли для них весточки на стенах каземата. О них, скорбящих матерях, о Родине-матери были последние мысли идущих на смерть. Отсюда собирательный материнский образ». Сила воздействия этого образа заключается в том, что через пластику мрамора запечатлено ни с чем не сравнимое горе матери, потерявшей свое дитя, и при этом сохранившей величие души.

Открыли гранитную стелу с высеченным на ней скорбным женским ликом в день 20-летия Победы, 9 мая 1965 года.

Памятник Героям Великой Отечественной войны установлен на одноименной площади в центре Луганска. Выполнен он в виде трехгранного обелиска. На лицевой стороне – барельеф. На правой и левой сторонах – мемориальные плиты с именами 363 героев. За героизм и отвагу, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками, Горюшкин

Н.И., Михайличенко И.Х., Молодчий А.И., Ворошилов К.Е., Воробьев И.А. – звание Героя Советского Союза удостоены дважды. В память об их подвигах и в честь ознаменованя 20-летия Победы, в 1965 году, установлен данный памятник. В 2020 году была проведена реконструкция площади и Пилона славы.

Тему Великой Отечественной войны Александр Редькин отразил в памятниках на братских могилах. С немym величием они напоминают нам о бессмертном подвиге воинов, принявших смерть во имя жизни, во имя свободы, независимости и чести страны.

Скульптору принадлежит ряд памятников на месте братских могил: в Луганске, Сватово, Брянке, пос. Метелкино, пос. Меловое, с. Давыдо-Никольском и многих других. Работы Александра Архиповича – это вечный реквием, воплощенный в камне и бронзе.

В Луганске в сквере «9 Мая» вдоль улицы Сорокина стоит памятник на месте братской могилы. Установлен он был в 2005 году. В братской могиле захоронено 452 воина, большинство из которых – солдаты 279-й стрелковой дивизии, погибшие при освобождении Ворошиловграда (Луганска) в 1943 году. Из этого числа фамилии 120 человек неизвестны.

В память о разведчиках, трагически погибших в неравном бою при освобождении Ворошиловграда и похороненных в районе «3-го километра», рядом с кварталом им. Щербакова, Александр Редькин вместе с архитектором Георгием Головченко на собственные средства сделали надгробие-рельеф «Разведчики», с памятной на плите датой – «Февраль 1943». Надгробие выполнено из черного полированного гранита, на нем рельеф – автомат и воинская каска на знамени, венки из дубовых и лавровых листьев и надпись: «Слава павшим героям».

Шахтёрский труд – еще одна важная тема в творчестве Редькина. С особой теплотой вспоминал Александр Архипович работу над памятником Алексею Стаханову – советскому шахтеру, новатору угольной промышленности, основоположнику Стахановского движения. В ночь с 30 на 31 августа 1935 года за смену (5 ч. 45 мин.) вместе с двумя крепильщиками добыл 102 тонны угля при норме на одного забойщика в 7 тонн, в 14 раз превысив эту норму и установив рекорд.

«В начале 80-х годов, перед празднованием 50-летия Стахановского движения, был объявлен конкурс, и наша творче-

ская группа победила, – рассказывал Александр Архипович, – нам представилась возможность осуществить проект памятника. Пласт угля антрацита – это пьедестал. На нем – шагающий Алексей Стаханов. Он призывает жестом левой руки своих коллег повторить его подвиг. Этот момент мы выбрали для шестиметрового памятника из бронзы. Дней десять я делал портрет Стаханова, а мои коллеги лепили фигуру. Потом с готовой фигуры сделали формы, чтобы отлить ее в бронзе. Отливали по частям, а затем их сваривали. Когда все было готово, памятник доставили в Стаханов».

На открытии монумента, в 1985 году, присутствовали сестра Стаханова, его сын со своей дочерью. «Сын – точная копия отца! Такой же высокий, стройный, и лицом очень похожий», – говорил Александр Архипович.

Памятник А. Стаханову

В 2010 году на выставке Луганской областной организации Национального союза художников в Луганске Александр Архипович представил свою работу «Реструктуризация». Скульптура производит сильное впечатление и заставляет задуматься над тем, что все-таки происходит в действительности. Что и говорить, идея – мощна по своей силе, и по своей смелости – удивительна. Довольно откровенно, если не сказать дерзко, поставить знак равенства между шахтерами и Христом, а также между грехом иудеев и действиями властей в процессе реструктуризации донбасских шахт. К подножию креста, на котором распят шахтер, сложены таблички с закрывшимися навечно шахтами: «Тошковская», «Кирова», «Ирмино» и другие.

Вторая работа скульптора, которая была представлена на выставке, имеет название – «Живой вернулся». Скульптура демонстрирует как семья рада видеть мужа и отца, вернувшегося из шахты живым.

А.А. Редькин говорил, комментируя свои работы: «Мне хотелось шахтерам отдать дань. Судьба наших земляков-шах-

теров очень трудная и тяжелая. Я это точно знаю, мой отец был шахтером, шахтеры и все мои братья и племянники».

Луганский край имеет многовековую историю. Он уникален и неповторим. И эта неповторимость заключена в десятках поколений, живших на нашей земле, творивших и боровшихся за лучшую жизнь. Наш город – творение рук наших далеких и близких предков, воплощение идей наших современников.

Начало освоения обширного края началось в конце XVIII века. В 1794 году Карл Карлович (Чарльз) Гаскойн – выдающийся шотландский инженер, реформатор промышленности России, побывал на реке Лугань с целью изучить надежность сырьевой базы и выбрать место для строительства завода. Его предложения послужили основой указа «Об устройстве литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля», подписанного Екатериной II в ноябре 1795 года. Этот год считается датой основания Луганска. Карл Гаскойн считается первым градостроителем и генеральным архитектором города Луганска. Под его руководством в 1796-1803 гг. осуществлялось возведение зданий завода, изготовление орудий и снарядов малого и большого калибров, заложены основы выплавки чугуна.

Памятник первому директору Луганского литейного завода и одному из основателей города воздвигнут в 1995 году у здания краеведческого музея. Бюст Карла Гаскойна установлен на 5-метровой колонне, стиль которой соответствует эпохе классицизма. Александр Архипович с архитектором Георгием Геннадьевичем Головченко создали образ волевого первопроходца, устремившего свой взгляд на ту часть города, с которой началось развитие Луганска.

Стоит обратить внимание и на само здание краеведческого музея. Спроектировано Ю.А. Гаммерштейном, оно является памятником архитектуры. Такой статус здания во многом обусловлен его необычной архитектурой. Особый колорит ему придают скульптурные панно, расположенные на северном и южном фасадах музея, над которыми тщательно трудились Александр Редькин, Петр Кизиев, Анатолий Самусь.

В старой части города, недалеко от гостиницы «Украина», установлен памятник еще одной выдающейся личности – Николаю Петровичу Холодильнику – первому городскому го-

лове Луганска. Бюст был установлен в далёком 1996 году, ранее на этом месте находился небольшой фонтан. Памятник выполнен из меди, установлен на гранитном постаменте. Бюст обрамлен овальной рамкой, украшенной декоративными листьями.

В городе Лутугино при входе в «Нижний парк» в 1971 году установлен памятник Леониду Ивановичу Лутугину – известному русскому геологу, который с молотком, топографической картой, горным компасом и рулеткой обошел вместе со своим помощником, потомственным лисичанским шахтером М.С. Горловым, большую часть Донецкого бассейна – свыше 20 тысяч квадратных километров. Так, впервые был составлен геологический разрез угольной толщи, определена мощность и количество угольных пластов, запасы топлива в бассейне. Александр Архипович изобразил выдающегося геолога на высоком пьедестале, символично опирающегося на глыбу антрацита и с геологическим молотком в руке.

Работая в жанре портрета, А.А. Редькин стремился по-

Бюст А.С. Пушкина

казать не внешность, а суть человека... Ему интересна каждая личность, поэтому портреты такие разные и индивидуальные. Особого внимания заслуживает еще одна работа Александра Архиповича. Это – скульптурный бюст гениального поэта XIX века Александра Сергеевича Пушкина, который считается одной из лучших работ мастера. В данной скульптуре он передал свое представление о великом поэте, подчеркнул его неразрывную связь с народом. Бюст был открыт в 1981 году в Парке 1 Мая. В 2022 году скульптуру отреставрировали и перенесли на новое место – сейчас

бюст выдающегося поэта установлен на улице Пушкина.

Литературный музей В.И. Даля тесно сотрудничал с Александром Архиповичем. Экспозицию музея украшают бюсты Владимира Даля и Александра Пушкина. В 2016 году, в честь 85-летия, в литературной гостиной музея, проходил творческий вечер скульптора, где

Бюст В.И. Даля

студенты Художественного колледжа пообщались с Александром Архиповичем. Мастер рассказывал об истории создания своих самых значимых работ. С большой любовью Александр Редькин отзывался о своей юношеской студии скульптуры, которую вел с 2003 года.

За свою долгую творческую карьеру Александр Архипович Редькин был награжден многими грамотами и медалями, в частности: знаком «За заслуги перед Луганском» (2006), медалями «За заслуги перед Луганщиной»

III степени (2007), II степени (2011). В 2017 году присвоено почетное звание «Народный художник ЛНР». В 2021 году на открытии персональной выставки, посвященной 90-летию скульптору, глава Республики Леонид Пасечник вручил Александру Архиповичу орден «Трудовая слава» I степени.

В 2022 году, в возрасте 91 года, Александр Архипович ушел из жизни. Он обладал удивительной работоспособностью и был искренне предан любимому делу. Один из тех, кто своим трудом одухотворял город и вдохновлял молодых художников и скульпторов. Он шел по жизни с девизом «Делать добро...». Да, он такой человек: душой и делом творил добро, а руками создавал шедевры.

ПАМЯТЬ

Сергей Прасолов

Поэт, прозаик, литературовед, публицист. Широко публиковался в периодике Донбасса и России. Член Союза писателей ЛНР. Член редколлегии альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

ДЕТСКАЯ УЛЫБКА БЫТИЯ

Учителю и другу Ларисе Черниенко

Валерий Брюсов, поклонник новаторства и ломки стереотипов, в стихотворении «Патмос» представил Христа как «одноразовое» чудо, постичь которое не дано человеку, живущему в пузыре своего ограниченного времени:

Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда
Смотрел из мира в вечность он.

Эта версия стала не требующей доказательств аксиомой, достаточно дешевым стереотипом в среде тех «творческих» личностей, кто приходит в этот мир не для того, чтобы судьбой своей вдохновить на подвиг жизни всех, с кем выпало разделить земной век, не для того, чтобы делом своим приоткрыть моменты абсолютного, вечного, бесконечного в проходящем и ограниченном человеческом бытии, а для того, чтобы продемонстрировать свою избранность и указать на несовершенство и ничтожность «нетворческого» большинства. Слепо копошиться в навозной куче своего никчемного бытия? Продолжайте. И восторгайтесь теми, кто, находясь меж вас, смотрит мимо вас в вечность.

Не знаю, надо ли доказывать, что подвиг Христа как раз в том, что он сполна разделил с нами человеческую судьбу и что именно в человеческом самопожертвовании всецело про-

явилась его божественная природа, открывшая нам парадоксальную истину жизни: только смертное сильнее смерти.

Поэтому его пришествие происходит всякий раз, когда земной и смертный человек совершает своей жизнью маленький подвиг: не требует для себя больше, чем есть у остальных, и бескорыстно отдает себя всем, на равных разделяя с ними то, что именуется судьбой. Только такой человек, если ему достаёт духа примыкать к тому, что бесконечно превосходит нас и не заблудиться в замысловатой игре корысти, на самом деле становится голосом вечности и проявляет свою божественную, хотя, собственно говоря, истинно человеческую природу. К этому типу людей принадлежала и Лариса Владимировна Черниенко. Она дала нашему миру значительно больше, чем занимала в нем места.

Ей не надо было проповедовать свою веру, крушить и соиздать или шептать молитвы о ниспослании божественной милости, потому что само ее присутствие среди нас открывало полноценность жизни, когда зыбкое идеальное оказывается реальнее надежного реального. Ей не надо было демонстрировать внезапно открывающиеся истины, которые так любят ловить за хвост истовые фанатики новых веяний, потому что вся ее личность светилась настоящей человечностью. Она проявлялось во всем, что делала или говорила Лариса Владимировна. И даже если она в чем-то или в ком-то ошибалась, ее невозможно было упрекнуть. Такие, как она, кажется, и живут для того, чтобы другие могли различать истинное и ложное.

Они связуют воедино людей и времена не внешней, принудительной, но внутренней, действительной связью – тончайшей нитью человечности. Они вроде бы ничего не изменяют, но их существование чудесным образом заставляет выступать в истинном свете все то, что и образует суть бытия. Их внутренний свет выхватывает из тьмы небытия столько, сколько может, чтобы мы различали реальное и призрачное в почти неразличимой темноте. А само присутствие среди нас подсказывает – все будет правильно, на этом построен мир.

В ее походке была плавная величавость, свойственная только внутренне свободным людям, во взгляде – судьба казачки, знающей цену воле, но добровольно остающейся хранительницей очага. Ее поразительно мягкий, «округлый» характер

исключал какую бы то ни было чрезмерность или крайность. А самым выразительным в ее облике была улыбка – улыбка ребенка, в которой одновременно светились и радость бытия, и его печаль, и легкая ирония ко всему, что несоразмерно своей сути, и доверчивость к жизни, способной обманывать, но все же не являющейся тотальным обманом, – доверчивость самого мира, наделившего человека способностью понимать, чувствовать, выражать его. Эта улыбка покоряла и, казалось, говорила: «Все ваши взрослые хитрости, как ни изощрайтесь, не про меня, потому что я знаю: чудо жизни просветляет всех, кто ей доверяет. Откройте глаза и сами увидите!»

Всей своей жизнью Лариса Владимировна позволяла проявиться лучшему в людях. Но что же досталось ей самой? Думаю, близкий к истине ответ есть в стихотворении Алексея Плещеева «Легенда». Тот, кто раздает все розы из своего сада, свое чело вынужден увенчать шипами.

* * *

В мою память она впечаталась статной красавицей, которая у нас, первокурсников филфака Ворошиловградского пединститута, вела практические занятия по «Введению в литературоведение». Такие впечатления не рассеваются временем.

На лекциях нам скучно насыпал софистику из учебников Григория Абрамовича и Леонида Тимофеева Юрий Александрович Колесник. Он читал «Введение в литературоведение» и на выпускном курсе «Теорию литературы» только потому, что делать это больше было некому. Кафедра русской и зарубежной литературы в 70 – 80-е годы действительно была легендарной, но все историки литературы не испытывали пиетета перед ее теорией. Основная причина, конечно же, была в господствовавших под именем марксистско-ленинского литературоведения карикатурных схемах, подменявших собой теоретическое осмысление исторического развития литературы. Теоретики выражались строго научными понятиями, предварительно изгнав из своих интеллектуальных небоскребов теоретическое мышление. Поэтому наше погружение в «теорию» ограничивалось прагматичным школьным начетничеством: как и зачем тот или иной автор использует формы,

приемы, методы и прочую теоретическую механику, чтобы впечатлить читателя «художественностью» текста.

Надо отдать должное Юрию Александровичу. Он добросовестно пытался рассуждать о том, что все в литературе необходимо анализировать как с одной, так и с другой стороны, и то, что с одной стороны есть содержание, то с другой стороны – форма. Увы, эта игра в умственность мало напоминало живую мысль и уж тем более не приближала к пониманию того, в чем же заключается непреходящая поэзия «искусства слова» и зачем она вообще необходима человеку в эпоху невиданного социального и научно-технического прогресса.

Мы, в свою очередь, старались впихнуть в себя эту софистику, штурмуя учебники. И как же были поражены, когда на практических занятиях литература неожиданно зазвучала поэзией жизни, когда сама собой начала вырисовываться грань между искусством и подделкой, формально соответствующей теоретическим «критериям» искусства.

Настоящим откровением для меня стал анализ стихотворения Пушкина «Я вас любил...». Лариса Владимировна заговорила не о поэтических приемах, использованных поэтом, а о жизненной коллизии истинного и ложного, которая придавала неповторимую силу и прелесть поэтической фабуле. Можно любить себя в человеке и смаковать свои страдания, когда любовь покинула свой приют в замороженных ею душах. А можно любить человека, и тогда – «Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим». Не проклинать другого и не жалеть себя, а пожелать возлюбленному только настоящей любви, какой любимые нами достойны. Пушкин в двух строчках раскрывает поэзию чувства, ведущую нас к истинной человечности, не оставляя себялюбия шансов прокрасться в наши души под видом любви. В историческом формировании человеческого в человеке эти противоположности сходились и расходились, примеров чему в мировой литературе не счесть. Но только у Пушкина «извечная» борьба любви и эгоизма обрела свое идеальное, классическое содержание, выразившееся в афористической форме, извлеченной поэтом из «материи», образованной всем развитием искусства слова.

В фигуре Ларисы Владимировны с нами заговорила Литература, а наши сердца и мысли открылись для восприятия

чего-то истинного в мире, круто замешанном на самообмане. Литература оказалась не инструментом в ловких ручках неких граждан, назначенных общественным мнением или государственной волей классиками, которые из кирпичей слова возводят свои художественные миры и творческие видения, а зеркалом бесконечного в конечном, в родном и близком нам, что и позволяет очищаться от всего узкого, убогого, ограниченного, только кажущегося могущественным, а то и всесильным.

Чем больше я в силу своих интересов пытался вникнуть в литературу, тем очевиднее становилось, что так называемое литературоведение связано не с инструментарием художников. Если оно претендует на научность, то его задача – понять, как историческая реальность обретает в литературном творчестве свое зеркало, свою всеобщую форму, то конкретное своеобразие, в котором мы имеем возможность разглядеть смысл нашего существования. Или хотя бы его очертания.

И путь к пониманию открыла Лариса Владимировна.

Она очень любила цитировать высказывания, принадлежащие людям известным и неизвестным. Цитировала, то радуясь мощи заключенной в них правды, то наслаждаясь изяществом мысли, с какой-то личной гордостью за «сказавших». Конечно же, искала эти высказывания не в сборниках афоризмов, где они указываются в меню или существуют в виде полуфабрикатов, которые можно быстро приготовить на печи актуальности. Живая мысль входила в круг ее общения с миром, независимо от того, был он его книжной или повседневной частью, принадлежала ли мысль гениям или детям. На одной научной конференции она процитировала свою подружку, кажется, пятилетнюю девочку-соседку, на одном из круглых столов цитировала студентку, назвав ее мысль счастливой находкой.

Истинное в жизни принадлежит всем – такова его суть. И извлекать его из может и способен каждый, кто готов нести на своих плечах всю тяжесть понимания. При этом Лариса Владимировна считала, что каждый из нас вправе иметь собственную правду. К ней она относилась все, в чем жизнь посверкивает своим смыслом, лукавым, суровым, потешным, горьким, приближающим человека к полноте жизни. В отличие от подступающей со всех сторон пустоты, многословной, пафосной, беспросветной.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в людях она особенно любила детство – духовное состояние в любом возрасте, когда естественны и чудеса, и поразительные открытия обыкновенного, и искреннее доверие к жизни.

Выписки Лариса Владимировна делала, как правило, на обычных тетрадных листиках. Крупным, свободным почерком. Иногда небольшая цитата занимала целую страничку. Наверное, потому, что настоящая мысль требует простора. Использовать для записей компьютер она так и не смогла. Может быть, считала, что он не дает ощущения простора и свободы.

* * *

Литературу преподают по-разному. Например, как устав караульной и гарнизонной службы или рекламное приложение к идейным экзерсисам преподавателя. Жизнь сталкивала меня и с оловянными буквоедами, и с разнообразными энтузиастами неудержимого новаторства. С одними можно было спорить, с другими это было бессмысленно – всепобеждающая эклектика делала их неуязвимыми. Однажды пришлось услышать такую формулировку: в преподавании литературы важен не предмет, а способ его подачи. Увы, эта версия пропитала практику недопустимо глубоко: что и как почти безвозвратно разбежались по разным, не пересекающимся между собой ведомствам.

На лекциях Ларисы Владимировны литература говорила с будущими учителями на своем языке, силой собственных образов и одновременно в свете ее личности. Насколько мне известно, она была убеждена, что в «искусстве слова» обретает свой наглядный образ процесс освобождения человека от собственной узости, процесс становления его человечности. Поэтому все исторические конфликты прежде всего образуют нравственные коллизии, идущие от человека и к нему в конечном счете возвращающиеся.

Помнится, как-то на кафедре мы поспорили с Симой Борисовной Табенцкой, нашим замечательным специалистом по методике преподавания литературы. Она эмоционально убеждала меня, что «школьные» авторы должны изучаться как творческие индивидуальности с их неповторимым вИ-

дением мира. По ее логике, только так можно избежать казенности, безликости и привить детям любовь к творчеству. Я резко возразил, по молодости лет не желая считаться с горьким опытом советской истории, который подтолкнул ее к этой позиции.

Если следовать такой логике, то методики преподавания литературы как науки не может быть – на все личностные мировоззрения научных понятий не изобрести. А если даже и хватит фантазии, то в таком случае их вряд ли можно считать научными. Эта романтическая легенда о творческих индивидуумах избавляет учителя от необходимости доказывать самим изучением произведений, что литература – не болезненная фантазия слабых людей, ограждающих себя и себе подобных иллюзиями от реальности, в которой идет беспощадная борьба тех, кто наделен волей к власти, а разворачивающаяся перед человеком картина его противоречивого, большей частью трагического очищения от собственной неразвитости. И, наконец, вся эта прокисшая романтика об избранности творцов уже давно превратилась в карикатуру на себя: толпы бездарей самовыражаются, нагло кривляясь перед ошалевшей публикой, и требуют признать свои ужимки и прыжки творчеством. Не скрывая иронии, я спросил Симу Борисовну: как она с ее душевной тонкостью и любовью к литературе может не понимать, что разделяемые ею взгляды направлена против нас – тех, кого держат и всегда хотят держать за публику, которой манипулируют «творцы»? А ведь наша способность посредством искусства видеть в истории моменты самоочищения от грубой первобытности даже в самых модных ее проявлениях открывает возможность жить по законам искусства перед всеми. Если в литературе есть смысл, то он в том, чтобы открывать нам глаза на складывающуюся в действительности фабулу событий в их соотношении с целым, развивать артистизм в очищении от узости корыстных интересов и ограниченности условий, в которых мы обречены существовать.

Сима Борисовна обиделась и тут же ушла на лекцию. Лариса Владимировна, присутствовавшая при «стычке», сначала хорошенько меня отчитала, а потом со свойственной ей раздумчивостью продолжила. Приговор звучал в ее духе. Вы, Сергей Николаевич, не можете себе позволить так разговари-

вать с тем, кто вас учил. Хотя, Сережа, я во многом с тобой согласна...

Уже вернулась с лекции и ушла домой Сима Борисовна, а мы продолжали разговор.

О том, что приобщение к литературе – это приобщение к настоящей свободе, зачастую недоступной в реальной жизни. И это не бегство от реальности, а мучительный поиск реальной полноты жизни, какой она должна быть.

О том, что литература становится в конечном счете спасательным кругом для народов, когда их история приводит к столкновению разных правд, и необходимо прозрение, чтобы увидеть более широкие основания жизни, гораздо менее очевидные, чем те, что своей железной логикой убеждают: смирись перед неодолимым сегодня...

Позднее мы не раз возвращались к этому разговору – в каких-то репликах, намеках, обсуждениях других тем (о паре из них – ниже). Но именно тогда я понял, что Лариса Владимировна – друг, с которым можно расходиться в убеждениях, но которого все равно хочется слушать и слышать, потому что в общении всегда есть радостное, объединяющее чувство понимания. Тогда же, мне кажется, приоткрылось то, что и было светом ее личности в преподавании литературы.

Она переживала нравственные коллизии в литературе как личные, не разделяя в этом моменте искусство и жизнь. И, на мой взгляд, нравственный выбор для нее был не просто выбором между добром и злом, а мучительный, трагический, гамлетовский поиск истины, когда принятое решение не только не дает тебе никаких преимуществ, но требует пройти свой крестный путь до конца без надежды на утешительную развязку. Литература утверждает за человеком право принимать решения, которые оказываются окончательными для него самого, но не являются конечными по своему содержанию, и раскрываются в своей конкретной полноте лишь тогда, когда человечеству удастся пережить моменты подлинного самоочищения. В развертывании этих процессов, не имеющих окончательного решения и вместе с тем указывающих со всей определенностью путь к истинному Лариса Владимировна оказывалась незаменимой и неповторимой.

Литературе советской эпохи казалось, что она нашла ответы на многие из таких проблем, но оказывалось – она их лишь

обозначила, верно или неверно, и мы можем вникнуть в них, избегая готовых ответов, подсовываемых «новой» эпохой.

* * *

Как я уже говорил, упомянутый мной разговор, возникший по случайному стечению обстоятельств, «разрастался». Иногда в том, где продолжение не предполагалось.

Поколения, которые сегодня вошли в силу и перестраивают историю на свой вкус и по своим меркам, уже, наверное, и не слышало о «шестидесятниках», – общественном явлении с литературным оттенком, возникшем в период исторической «оттепели», связанной с правлением Никиты Сергеевича Хрущёва. «Шестидесятники» придерживались либерального убеждения, что их личная свобода от казарменного «социализма», бездушного чиновничьего формализма и прочих эксцессов подавляющей личностью государственности и есть условие свободы всех. Нормой в литературе они пытались сделать нарушение всех формальных канонов и самовыражение.

Ларису Владимировну «шестидесятничество», конечно же, не могло не зацепить.

Под давлением «художественной» реальности она, например, всерьез говорила о сосуществовании в формате социалистического реализма различных методов и стилей – романтизма, сентиментализма и пр. Она цитировала Евгения Евтушенко, сопровождаая комментариями «Я многого не принимаю в Евтушенко, но вот может же сказать человек», иронизировала над Андреем Вознесенским, признавая при этом его архитектурское право на конструирование индивидуальных миров. А когда мутным потоком хлынула «возвращенная» литература, честно стремилась вписать «забытые имена» и их произведения в литературный процесс XX века.

Иногда мы пикировались. Да, говорила Лариса Владимировна, я понимаю, что «шестидесятники» сродни пушкинскому Алеко – «Ты для себя лишь хочешь воли», но это все же разрыв замкнутого круга, это же не Всеволод Кочетов, не серо, не убого, раскованно и порой на самом деле оригинально. Я возражал: ваш любимый Шолохов не имеет никаких дарований этих оригиналов, но он и есть русская литература XX века. Она парировала тем, что моего любимого Андрея

Платонова некоторые исследователи относят к модернистам и у него многое позаимствовали «шестидесятники». Я отвечал, что истиной в искусстве Платонов считал реализм, а созданные им образы, как и у Шолохова, – идеальные формы самой действительности советской эпохи, которая достигла своей трагически-карикатурной формы. Для литературной игры у него позаимствовали «форму», предварительно оторвав ее от содержания...

И все же, мне кажется, Лариса Владимировна понимала: с мичуринской селекцией методом гибридизации вырастить из студентов учителей, способных понять и объяснить противоречия литературного развития нашей эпохи, не получится. И только поэтому, думается, сумела сохранить целостность взгляда, удержать баланс, который подавляющему большинству представителей современного литературоведения, удержать не удалось. Её «на том стою и не могу иначе» особенно ясно проявилось во второй половине восьмидесятых годов, когда самая читающая в мире страна со своей непревзойденной классикой, с пушкинской всемирной отзывчивостью взахлеб принялась поглощать самое дешевое чтиво, а классические критерии истинного и ложного были попросту выброшены за ненадобностью. У нее, похоже, возникли стилистические разногласия с зигзагами истории, выпавшими на нашу долю.

И, насколько мне известно, в последние годы она неоднократно говорила: чтобы литература вернулась в себя, она должна вернуться к народу. Даже несмотря на то, что он слишком долго безмолвствует...

Здесь, пожалуй, следует поставить точку, хотя о многом еще хотелось бы рассказать.

Напоследок. Лариса Владимировна любила в человеке все человеческое, живое, характерное, искреннее. Порой даже больше, чем тот или иной представитель миллионов двуногих тварей заслуживал. И никогда даже не пыталась любить себя в ком-то. Это исключалось по определению. Возможно, поэтому от ее фигуры и исходил, казалось, нездешний свет, который все же здешнее самого здешнего.

Татьяна Дьякова

Литературовед, лингвист. Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского». Член редколлегии литературно-художественного альманаха «Крылья».

ПАМЯТИ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА И ТАЛАНТЛИВОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Преподавание – искусство отдавать
А. Д. Гешель

Никогда не думала, что мне придется говорить в прошедшем времени добрые слова о Ларисе Владимировне Черненко, ПРЕПОДАВАТЕЛЕ, бескорыстно, искренне отдававшем себя студентам. Прошло более 30 лет с того момента, когда я в первый раз пришла на лекцию Ларисы Владимировны, и все эти долгие годы мы регулярно встречались, обменивались какой-то информацией. И казалось, так будет всегда, или хотелось, чтобы так было. Но, к сожалению, время вносит свои, непрощенные нами коррективы.

Лекции, семинары, спецкурс – все учебные дисциплины, которые вела Лариса Владимировна, всегда собирали полную аудиторию, и деканату никогда не было необходимости контролировать посещаемость: студенты стекались к занятиям Л. В. Черниенко, даже если предыдущие пары были честно прогуляны.

Только спустя много лет, уже имея довольно большой преподавательский стаж, понимаю, как же нужно было готовиться к занятиям, чтобы всегда быть на высоте, сколько же времени нужно было потратить на прочтение новых текстов (а замечу, что об интернете мы тогда и не слыхивали, т. е. читать нужно было бумажные журналы, которые были в одном, в лучшем случае – двух экземплярах в институтской библиотеке или Горьковке), чтобы не просто рассказать студентам о современном литературном процессе, а заинтересовать, дать исчерпывающую литературоведческую характеристику произведений – увлечь неразумных начинающих филологов.

Пожалуй, не найдется ни одного выпускника факультета, который с добрыми чувствами не вспомнил бы курс «Детской литературы». Казалось, что там такого интересного может быть, дескать, сказочки да стихи. Но нет. Это увлекательный мир разножанровых произведений, герои, которые учат тем качествам, без которых не обойтись человеку, маленькому или взрослому. Первые наши творческие потуги – написание сказки ли рассказа на занятии – продемонстрировали, как же это нелегко сочинять для детей. Думаю, Лариса Владимировна не даром давала такое задание: произведения детских писателей сразу начинали восприниматься иначе – как серьезный писательский труд.

Но самое главное – даже не это! А главное – отношение Ларисы Владимировны к студентам! Добрый взгляд красивых глаз, грациозный наклон головы и обаятельнейшая улыбка – это черты, которые создавали (вот это горькое прошедшее время) внешний облик. А за ним – море терпения, любви, внимания, понимания, сопереживания, желания помочь! И необыкновенной интеллигентности, которой мы учились, интеллигентности не показной, демонстративной, а настоящей, преподавательской.

Много лет спустя, уже работая в Академии Матусовского, я стала чаще встречаться с Ларисой Владимировной. И уви-

дела, что годы не властны над ее обаянием, умением слушать и сопереживать. Общась, мы выяснили, что обе – потомки донских казаков. И сколько же душевного тепла, добрых слов, трогательных воспоминаний было в рассказах Ларисы Владимировны о родителях, бабушках-дедушках. И это не идеализация по принципу «все, что было раньше, было лучше», это искренняя благодарность старшему поколению за заботу, поддержку. Полагаю, что человечность, самоотдача, фантастическое трудолюбие моего ПРЕПОДАВАТЕЛЯ – от них, тружеников, обладавших лучшими качествами, которыми они и наделили Ларису Владимировну.

Преподавательская деятельность – нелегкая стезя, как и всякая, где ТРУДЯТСЯ. Но преподаватели не просто работают и делятся знаниями и умениями, стараясь научить и воспитать профессионалов, а отдают себя, свою энергию, вкладывая душевное тепло, проявляя необычайное терпение.

Вот и Лариса Владимировна отдавала все свои силы, способности студентам, которых, я думаю, уже тысячи. И если каждый к своей работе будет относиться так же, как она, с душой – это и будет лучшей памятью замечательному человеку, талантливому педагогу и ученому.

Галина Чудинова

Прозаик, литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядец» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (С-Петербург), «Крылья» (Луганск), «Берега» (Калининград). Трижды – с 2015-го года – приезжала в Донбасс. Живёт в Пермском крае.

КАКОЙ ОСТАЛАСЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРНИЕНКО

Первая моя встреча с Ларисой Владимировной состоялась в марте 1988-го года. Я пошла по конкурсу на должность доцента кафедры литературы тогда ещё Ворошиловградского пединститута и на первом же заседании кафедры была представлена моим новым коллегам. Моё внимание привлекла высокая, в меру полная элегантно одетая женщина с овальным лицом, большими карими глазами и ухоженными каштановыми волосами.

– Наша казачка! – шепнула мне одна из коллег, что усилило мой интерес к Ларисе Владимировне. Казачья статья чувствовала в её спокойном достоинстве и внутренней самодостаточности, во всём её облике. Да и читала она студентам курс русской литературы XX века, где любимым её произведением был «Тихий Дон» М.А.Шолохова. Однажды я поспори-

ла с ней по поводу шолоховского авторства гениальной эпопеи, и она с улыбкой ответила, что никто иной не смог бы так глубоко воссоздать мощный пласт казачьего быта.

С осени 1988-го по 1993-й годы она заведовала кафедрой литературы, стремясь выполнять свои обязанности на самом достойном уровне. Я ни разу не слышала, чтобы она повысила голос на студентов или коллег: чувство такта, как и природная доброжелательность были изначально присущи ей. На кафедре постоянно проводились творческие семинары, доклады на которых поочерёдно готовили все преподаватели, и каждый доклад завершался интереснейшей дискуссией. Помню, как коллективно мы отмечали на кафедре все праздники, и эти застолья вливали живую струю в наш быт, помогали нам лучше понять друг друга.

Лариса Владимировна была инициатором нашего участия в работе научных конференций всех уровней, и мне с

её благословения довелось поучаствовать в Гоголевских чтениях в Нежине. Для гостей чтений была организована экскурсия в древний Чернигов с его знаменитыми соборами, а на обратном пути я весь провела в Киеве, любуясь его достопримечательностями. Теперь, после краха СССР и советского социализма, эти былинные горо-

да остались потерянными для нас, русских людей. Вернутся ли они к нам? На то воля Божья и людская вера и воля.

В июне 1995-го года я уехала из Луганска, а вскоре активно включилась в работу кафедры методики гуманитарных дисциплин Пермского – тогда ещё областного – института повышения квалификации работников образования.

Трагические события весны и лета 2014-го года вновь привлекли моё пристальное внимание к Донбассу, героически восставшему против неонацистской власти на Украине, и, конечно, к судьбе коллег по кафедре в Луганске. Трижды съездила я в Донбасс – в 2015-м, 2016-м и 2018-м годах, – по

знакомилась с писателями Луганска и Донецка, встретила с друзьями и коллегами по работе. С горечью в душе узнала, что огненным летом две тысячи четырнадцатого года бои шли на дачном участке Ларисы Владимировны, что позже, после всех семейных испытаний и потрясений, пережила она два инфаркта, но продолжила работу в качестве профессора кафедры мировой литературы и стала главным редактором луганского альманаха «Крылья». С началом войны альманах обрёл подлинный взлёт и мощь, стал по художественной значимости опубликованных в нём материалов в один ряд с лучшими толстыми журналами России.

Последняя моя встреча с Ларисой Владимировной состоялась в апреле 2018-го года. Тогда я приехала в Луганск после посещения Донецка, Енакиево и Ольховатки и сразу с автовокзала устремилась в педуниверситет, на кафедру мировой литературы. Мне повезло! На месте оказались зав. кафедрой Сергей Александрович Ильин, Лариса Владимировна и молодые аспиранты. Нет слов, как обрадовались мы при виде друг друга! В заначке нашлась бутылка красного марочного вина, нашлись и бутерброды, и Сергей Александрович, разлив вино по кружкам, провозгласил тост: «За встречу!» Мне показалось, что я вновь очутилась в родной кафедральной семье, а зав. кафедрой подтвердил, что на доверительных, семейных принципах стремится он выстроить свою работу в эти нелёгкие времена.

Мы долго говорили, делясь новостями, фотографировались на память, и мне не хотелось расставаться с коллегами. Я вглядывалась в лицо Ларисы Владимировны, видела на нём лёгкую сеть морщинок, следы усталости и печали, но её глаза излучали всё ту же теплоту и доброжелательность. Я восхищалась её работоспособностью, и мы расстались с надеждой на новую встречу на луганской земле. Но... человек предполагает, а Бог располагает. Болью в моей душе отозвалась весть о её кончине. И всё же она прожила замечательную, отданную людям, науке и творчеству подвижническую жизнь! Светлая память о ней останется в наших сердцах, и Царствие ей Небесное!

Наталья Бельчикова

Родилась в 1996 году в Трехизбенке, Славяносербский р-н, АНР. Выпускница АГПУ 2019 г. Преподаватель русского языка в ПК ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова». Живёт и работает в Луганске.

О ЛАРИСЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ЧЕРНИЕНКО

Так бывает: когда нужно что-то сказать о хорошем человеке, сразу появляется вроде бы много словесных порывов, а начнешь говорить – и не знаешь, с чего начать. Ведь понимаешь – что бы ни сказал, все будет мало, бледно, недостаточно, чтобы выразить все, что в сердце.

Лариса Владимировна была первым человеком, с которого начался мой путь в науку и литературу. В далеком 2011 году она стала моим научным руководителем в секции литературы МАН. Время, проведенное в секции, останется со мной в памяти навсегда: Лариса Владимировна умела заинтересовать, заставить думать, задавая вопросы так, что поиск ответа получался как ледоскопом – ты поворачиваешь грани возможных ответов, открывая все новые и новые смыслы.

Именно с Ларисы Владимировны началось мое филологическое образование. Все то, что я почерпнула от нее на занятиях, при анализе произведений, да просто в душевной беседе после пар, мне очень пригодилось в жизни. Лариса Владимировна была не просто профессионалом, она действительно была тем самым Человеком с большой буквы, она

была Мастером. Она действительно дарила «крылья» каждому, кто был с ней знаком, «крылья» доброты, тепла, мудрости, профессионализма.

Лариса Владимировна была тем педагогом, о котором принять говорить «настоящий»...Она давала не только знания, она вкладывала в душу студента что-то такое, от чего нельзя было отмахнуться, что-то, что помогало ему понять самого себя и идти с этим знанием по жизни.

Кто знает, не встретить я в свое время Ларису Владимировну, как бы сложилась моя жизнь? Ведь я получила не только образование по любимому делу всей жизни – чтению книг, но и встретила многих замечательных людей, которые впоследствии стали моими друзьями и наставниками, которые остаются со мной долгие годы. За все это я бесконечно благодарна Ларисе Владимировне...

Горечь утраты и неверие до сих пор не оставили.

Дмитрий Котомцев

Литературовед. Родился в 2000 году в Антраците. Учитель русского языка и литературы ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко». Публиковался в альманахе «Крылья». Живет и работает в Луганске.

«ВОСПОМИНАНИЯ, ПРОСВЕЧИВАЮЩИЕ СКВОЗЬ ЖИЗНЬ...»

Приступая к эссе, я вспоминаю слова из романа «Лавр» Евгения Водолазкина, который любила Лариса Владимировна: «Плачь и молись, Арсение. И не бойся смерти, потому что смерть – это не только горечь расставания. Это и радость освобождения».

Но всегда хочется быть там, где «всё так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрёт» (В. Набоков)...

Правда, в «Лавре» есть и такие утешительные слова: «Знаешь, друже, всякая встреча больше ведь, чем расставание. До встречи – пустота, ничто, а после расставания пустоты уже не бывает. Встретившись однажды, полностью расстаться невозможно. Человек остаётся в памяти как её, памяти, часть. Эту часть создал он, и она живёт и иногда входит в соприкосновение со своим создателем. Иначе отчего же мы чувствуем дорогих людей на расстоянии?»

С уходом Ларисы Владимировны закрывается замечательная книга жизни доброго человека, пронизательного литературоведа, мудрого учителя.

Но «воспоминания, просвечивающие сквозь жизнь», остаются.

Знакомство. Зимой 2016 года мне повезло добраться до республиканского этапа олимпиады школьников по литературе. Много лет председателем, как я узнал позже, была Лариса Владимировна Черниенко (умные и добрые глаза, острый взгляд, весёлый голос). Она приветствовала нас, положив перед собой руки на край парты и как бы слегка выдаваясь вперёд: ка-

залось, будто она заполняет собою комнату, охватывает всё взглядом, обращается к каждому – и только к тебе (потом, уже на лекциях, которые она всегда читала стоя, она находилась в такой же позе). Не помню, что она тогда говорила (пожелание успехов? любовь к литературе?), но точно уверен, что она цитировала Уистена Хью Одена и Александра Кушнера. Это вселило в меня уверенность в собственные силы (неслучайные совпадения): я кое-что помнил из Одена и решил этим воспользоваться (хотя во время подготовки к олимпиаде мне неоднократно говорили, что обращаться нужно только к русской литературе). А чуть позже, оказавшись на лекциях Ларисы Владимировны, я понял, что разделение (русская, английская, французская, грузинская, белорусская) литературы условно: настоящий филолог мыслит целостно, отражая в себе жизнь текста, как капля росы отражает солнце.

Забегай вперёд, теперь я вижу причудливый узор ткани – разумный сдвиг судьбы: в ушедшем году мы вместе с Ларисой Владимировной готовили задания к очередному витку олимпиады по литературе. Она, как и всегда, подошла к делу обстоятельно: принесла интересные материалы, внимательно прочитала придуманные задания, дала ценные советы, составила именно те акценты, которые необходимо. И задания получились превосходные.

С кем же мне советоваться теперь?..

Учёба. Лариса Владимировна была многогранным литературоведом – филологом в подлинном смысле, настоящим толкователем – она умела проречь несказанное, найти скрытое, связать нити текста воедино. В фокусе её внимания была детская литература, литература стран ближнего зарубежья (о которой мечтала написать книгу, если бы была, по её словам, «кабинетным учёным»), современная мировая литература. Она ценила новейшую поэзию, которую цитировала наизусть (А. Кушнер, Л. Миллер, И. Кабыш, Ю. Мориц), и надеялась успеть написать книгу о «женской» поэзии (название, разумеется, условно). Постоянно обращалась к драматургии, чьи границы в современном литературном процессе расширились, заняли ведущее место, и даже написала о ней книгу. (Читая её, восторгаешься стилем: так изысканно просто, остроумно, без налёта псевдонаучности и с безостановочной работой мысли и удивительной глубиной постижения.) Сле-

дила за новинками в книжном мире, параллельно включая многое в курсы для магистрантов: романы А. Славовского, Р. Сенчина, Е. Водолазкина... Из последнего, что она хотела обсудить, были романы «Шум времени» Джулиана Барнса (о Шостаковиче) и «Риф» Алексея Поляринова. Сколько замыслов – и все они, я уверен, не исчезнут: они воплотятся в учениках, отразятся во внимательных читателях, во всех тех, кто искренне любит литературу, как любила её Лариса Владимировна.

Как человек и педагог, Лариса Владимировна обладала удивительным даром услышать Другого. Оставаясь собой, занять чужую позицию, понять и принять её. Высказаться, найти нужные, самые лучшие, умные, мудрые слова, поделиться заветными мыслями. Диалог с учителем в лице Ларисы Владимировны всегда был поиском смыслов, общечеловеческой тональности, отличающей подлинное искусство слова от фальши.

Занятия, которые проводила Лариса Владимировна, нельзя было назвать просто «лекциями» или «семинарами»: это всегда был синтез, диалог, открытый для любых (но, естественно, аргументированных, выверенных, прочувствованных и осмысленных) мнений. Она всегда приносила с собой выписки из книг, томики стихотворений, журналы с писательскими интервью, тексты драм. Заранее давала задания, связанные с интереснейшими писателями и текстами (впрочем, каждого она могла представить самым интересным): прочитать, осмыслить, рассказать. Благодаря Ларисе Владимировне открылись имена и произведения (целые миры), которые всегда были на периферии читательского внимания. И никогда не было такого, чтобы слово оставалось без ответа: Лариса Владимировна всегда находила возможность прокомментировать выполненное задание, оценить интерпретацию, внести существенные правки. Понимая тот труднодостижимый уровень знаний и необъятную филологическую эрудицию, видя высокую интеллектуальную планку, не хотелось Ларису Владимировну огорчать – глупостью, плохой подготовкой, незнанием... (Хотя и такое бывало, за что невыносимо стыдно.) Она, как и тоже уже ушедший Виктор Иванович Бахмач, не была человеком полумер: полужнания, полупонимания, получтения. Но,

впрочем, всегда с горьким юмором и усталостью в голосе отмечала интеллектуальную лень человека.

За те шесть лет учёбы у Ларисы Владимировны и полтора года совместной работы на кафедре невозможно суммировать те знания, открытия, мысли, которые появились (остались, закрепились) в процессе общения с ней. С тоской вспоминаю, как почти ежедневно подсаживался к ней за соседний стол, сидел в пол-оборота, слушая её, что-то говоря ей: незначительно-значительное, глупо-умное, весело-грустное. А сколько осталось невысказанного!.. Пытаюсь преодолеть бездну, я выстраиваю мостик – собираю книги, статьи, эссе, интервью Ларисы Владимировны. И благодаря этому у «читателя лёгкие расширяются в объёме». Но оттого и чувство утраты пульсирует сильнее...

Поразителен подвиг Ларисы Владимировны: остаться в городе, к которому приблизилась война; продолжить работать, несмотря на подорванное здоровье; сохранить мастерство и творческие силы, будучи окружённой косностью, тупоумием, моральной слабостью. Впрочем, это легко понять – исток подвига кроется в ней самой. В эссе об «Авиаторе» Водолазкина Лариса Владимировна обратила внимание, что «в каждом из нас есть часы со своим, абсолютным индивидуальным и непостижимым для других ходом, которые определяют собственные взаимоотношения личности со временем и Временем» («Крылья: Взмах шестнадцатый», 2022). Этот ход – мысли, чувства, поступка, – добрый и радостный юмор, бесконечная мудрость, неиссякаемый запас житейско-философских историй, вера в лучшее, которое обязательно прорастёт, как мировое дерево, и охватит корнями каждого человека, – всё это поддерживало Ларису Владимировну. И поддерживало нас.

История Ларисы Владимировны, если воспользоваться словами Водолазкина, «вневременно освобождена», «ощущается поверх истории». Душа бессмертна – «и всё, к ней причастное, – поступки, события, ощущения», – сохранится. Но жизненное время, к сожалению, не обманешь. Поскольку жизнь... жизнь, по словам Ольги Седаковой,

... ведь – небольшая вещица:
вся, бывает, соберётся
на мизинце, на конце ресницы.
А смерть кругом неё, как море.

Марина Поборончук

Литературовед. Родилась в Луганске. Преподаватель кафедры русской и мировой литературы Луганского государственного педагогического университета. Живёт в Луганске.

«ОНА ОТНОСИЛАСЬ С УВАЖЕНИЕМ К КАЖДОМУ ИЗ НАС...»

Добрая и строгая одновременно, с тонким чувством юмора, Лариса Владимировна всегда видела в каждом из нас личность. Она относилась с уважением к каждому из нас, а мы уважали и любили ее. Она позволяла нам спорить, высказывать свои мнения. Мы не боялись быть неслышанными, ловили каждое ее слово. Я ни разу не слышала, чтобы Лариса Владимировна повышала голос. Своей мудростью, тактом она очаровала и покорила нас. А мы в свою очередь старались ее не огорчать. Неугомонная, ответственная, добросовестная, она всегда была с нами, со своими учениками.

И сегодня мне кажется: зайду на родную кафедру и услышу мягкий, звонкий голос любимой Ларисы Владимировны. Она всегда помогала, давала ценные советы, заражала меня оптимизмом. Я буду всегда вспоминать её с большой радостью и теплотой. Увлеченность своей профессией, поэтичность души и вдохновенность натуры Ларисы Владимировны всегда останутся в моей памяти.

Светлана Криволап

Литературовед. Родилась 26 августа 1999 года в городе Брянке (ЛНР), окончила филологический факультет Луганского государственного педагогического университета. Преподаватель кафедры русского языка и литературы Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

*Учитель – профессия дальнего действия,
Главная на Земле!
Р. И. Рождественский*

С приведенным выше эпиграфом трудно не согласиться. Ведь учитель – это тот человек, который наделяет своих учеников не только образовательной, но и житейской мудростью. Он помогает тебе на протяжении всей школьной или университетской поры.

За время моего обучения в педагогическом университете сменилось множество преподавателей по русскому языку и литературе. Поистине великим человеком с добрым сердцем, открытой душой, а самое главное – Учителем с большой буквы, с которым свела судьба, – была Лариса Владимировна Черниенко.

Наша первая встреча произошла на далеком первом курсе, когда в расписании была указана учебная дисциплина – «Детская литература». Изначально я подумала, что ничего интересного быть не может. Но это не так. Я глубоко ошибалась...

И вот наступило время той самой долгожданной пары. До сих пор в моей памяти образ педагога: в аудиторию входит женщина с улыбкой на лице, в руках у Ларисы Владимировны было множество всяких журнальных заметок, вырезок из газет, бережно ею хранимых. Увиденное меня потрясло, естественно, в хорошем смысле этого слова. Ее пары были своеобразной отдушиной для нашей группы. Она никогда не ругала за неправильный ответ, наоборот, старалась привить умение разговаривать и высказывать мнение.

Мне нравилось в проведении пар то, что Лариса Владимировна никогда не читала лекционный материал. Она рассказывала его искренне, стараясь отдать тепло и любовь студентам. В упоении заслушивались рассказами, стихотворениями из тех самых вырезок... Это было действительно мастерски и профессионально. Негатив она оставляла, переступая порог аудитории с улыбкой и добрым мудрым взглядом.

Наши встречи стали чаще, когда на третьем курсе писали курсовую работу по русской литературе. Я точно решила, кто будет моим научным руководителем. Как сейчас помню тему курсовой – «Тема поэта и поэзии в лирике А. Твардовского». Это был мой первый опыт работы с Ларисой Владимировной – учителем, наставником, который вдохновлял на новые открытия. Постепенно курсовая превратилась в дипломную работу, а в скором времени – в успешно защищенную магистерскую. За все эти годы ни разу я не услышала плохого слова от преподавателя. Она всячески помогала мне не только делом, но и словом. Ее любимая фраза: «Света, материала к магистерской очень много, остановись! Мы же не докторскую диссертацию пишем».

Лариса Владимировна прочитала не один лекционный курс по литературе. Для каждой пары у нее удачно был подобран материал с яркими примерами из тех или иных произведений, будь то литература стран ближнего зарубежья или современный литературный процесс.

Лариса Владимировна Черниенко сыграла большую роль в становлении меня как специалиста. Я ей очень благодарна за то, что разглядела ту самую «искорку» – научный потенциал во мне и дала шанс расти и развиваться. С большой гордостью могу заявить: «Очень рада, что судьба дала шанс быть студенткой замечательного преподавателя, у которого многому научилась».

Для всего филологического общества Лариса Владимировна оставила значимый след в науке. Память о ней навсегда останется в сердцах учеников и студентов. Спасибо Вам за безграничный труд, Учитель!

КРИТИКА

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Работал учителем, библиотекарем, журналистом. Публикуется с 2004 года. Автор более 200 публикаций в изданиях Донбасса, России, Украины, Молдовы, Сербии. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермской краевой организации Союза писателей России. С декабря 2014 года – секретарь правления Союза писателей ЛНР. С марта 2023 года – главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

«ЭТИ РУССКИЕ» ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКОЙ: ВНЕВРЕМЕННЫЕ СМЫСЛЫ РОДИНЫ

Книга Елены Заславской «Эти русские» увидела свет в Луганске в 2022 году. Можно, конечно, написать, что в сборнике собраны стихотворения, посвященные войне в Донбассе. Но за этой постылой фразой стирается смысл, что-то истинное. «Посвященные войне» будто делают войну главным действующим лицом книги, поэзии Заславской. Но каждый знает, что это не так. Главная здесь не война, а жизнь, жизнь упрямая, каждым мгновением борющаяся со смертью – войной. Как выжить в войне? Как сохранить в себе человека? Не утратить человеческое естество, не опуститься до животной ненависти? Об этом поэзия Заславской. На все вышепоставленные вопросы она пытается ответить – как поэт, участник событий, женщина, мать. В этом, мне кажется, главное достоинство книги Елены Заславской.

С самого начала скажу, что не хочется писать о поэзии Заславской поверхностно, лишь по очевидным смыслам слов её лирики. За терриконами, огнями, половецкими бабами, снами у Заславской сокрыты куда более важные смыслы, ле-

жащие глубже, уводящие нас из сегодняшнего дня во вневременье. Чтобы понять эти образы, нужно нырнуть вслед за автором в метафору, почувствовать каждой клеткой тела сопричастность переживаемому моменту бытия. Нужно помнить, что сфотографированное движение – это не само движение, это картинка с позой человека. Чтобы понять движение, нужно самому стать движением. Нужно пережить это движение.

Время в поэзии Заславской – особая категория, вовсе не тождественная нашему привычному ощущению времени. Автор связывает особое течение времени с войной:

...Здесь время
Течёт иным путём.

Впрочем, мы вовсе не обязаны верить утверждениям автора. Война добавляет остроты переживаемому моменту существования, но само существование остаётся таким, каким и было. И время мирное ничем не отличается от времени во время войны. Оно также может восприниматься то более быстрым, как бы ускоряясь, то медленным, замедляя бег секунд. Поэтому позволим здесь не поверить лирическому герою Елены Заславской. Тем более, что есть в лирических текстах сборника указания другого рода.

Автор прямо пишет о смещении временных линий, из-за чего время перестаёт восприниматься как нечто линейное:

Здесь сразу за крылечком – вечность...

Лирический герой воспринимает это как данность, как что-то само собой разумеющееся. Это как выйти из-под козырька подъезда под шумящий поток дождя. Это возможность перехода из своего бытия в иное бытие, с иным временем. Для такого перехода не нужно ничего особенного. Это дар виденья – сквозь время и пространство, понимание связи своей экзистенции с прошлым, настоящим, будущим.

Такому взгляду открываются ожившие половецкие каменные изваяния («окаменевшие Джоконды»), эти сфинксы донецких степей, наследие иных времен. Какие вопросы они задают? О чем молчат? Что они знают?

Знают, новые герои родились,
И они полягут в землю эту.

Простая, но вечная истина: борьба рождает героев среди людей. Герои платят высшую цену, проливая на священную землю кровь. Герои «полягут в землю», ценой своей жизни подтверждая её сакральность.

Таким героем извне времени предстаёт ополченец. Он одновременно принадлежит и нашему времени, и времени Великой Отечественной войны, и былинным временам «вечных номад».

И как когда-то поправляя он меч свой,
Калаш поправит на своём плече.

Воин не принадлежит ни одному времени – он одновременно живёт во всех временах. Время – лишь выхватывание мгновений из вечности, а воин принадлежит вечности, той самой, которая здесь сразу «за крылечком». Если время уступает место вечности, то пространство в лирике Заславской вполне конкретно. Оно привязано к «земле», в которой мы легко можем рассмотреть наш священный образ «родной сторонки», «землицы» – архетипический для русской цивилизации. Время проходит, но земля, русская земля – принадлежит вечности. Она неизменна, священна, она – смысл жизни воина.

В стихотворении «Ополченец» Заславская создаёт мифопоэтическое полотно, на котором перед нами предстают контуры этих вечных образов. Вот Родина, уснувшая «в густой траве и ковылях», ей снятся «дурные сны» в «хрустальном саркофаге государства», в этом кошмаре «новый царь» длит сон Родины повелительным тихим шепотом. Но является её возлюбленный – воин, солдат, ополченец. Это у царя век короток, а Родина и воин принадлежат вечности:

Вот он идёт! Неистов! Юн и груб
От крови свежей сладким поцелуем,
Войною, революцией, бунтом,
Касается её горячих губ...

Если в «Ополченце» Заславская создаёт мифопоэтический образ воина-ополченца, то в стихотворении «На Саур-Могиле» тема вневременья предстаёт не столь метафорично. Но и здесь ключевой образ – вечность родной русской земли, высшей ценности народа.

Как в страшном сорок третьем,
Уже в другом столетьи.
Там, где отцы и деды
Сражались за победу,
Он там же пал, он с ними,
Теперь в одной могиле.

Единство русского воинства – на поле боя, на священной земле «русского раздолья». Это служение не царям и правителям, а своей земле и народу. Высшая честь – отстоять свою землю, не страшна и гибель, ведь единство русского воина невозможно расколоть смертью. «Он там же пал, он с ними...» – после смерти воины не оставляют единства, не тонут во мраке небытия. Их служение Родине продолжается во вневременье.

Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.

Но нас не должно отвлекать это «спят»: спят они телом, вернувшись в родную землю. Их души возносятся в необъятное небо (и не просто «небо», а «наше небо») над Родиной:

Запёкшиеся губы шепчут: «Мама».
Отныне дом родной мой – наше небо!

Примечательно, мне кажется, то, что Елена Заславская связывает в своей лирике образ Родины (земли) с женским началом. Это опирается на архетипические основания славянской мифологии, отголоски матриархального уклада наших предков. Так, немецкий антрополог и этнограф Лео Фробениус все культуры условно делил на две первичные – матриархальные и патриархальные. Из европейских народов к матриархальным Фробениус относил русских и немцев. Одна из особенностей культур этого типа – особая связь с

природой, понимания своего единства с просторами окружающей земли.

Впрочем, Е. Заславская пытается ввести и маскулинные символы-образы родной земли. Так в лирике Заславской возникает образ террикона, этого «постиндустриального бога», визуализация промышленной славы Донбасса. Рукотворные горы – не пассивные элементы ландшафта, это смысловые акценты, говорящие нам о преобразующей деятельности многих поколений людей. И своей связью с этой деятельностью они одухотворяются, приобретают черты живых исполинов, густков шахтёрского бытия.

Священная земля Родины – пространство борьбы. Но за что борьба? Только лишь за обладание этой землёй? Елена Заславская пытается дать ответы и на эти вопросы. Родина – не земельный участок, который можно купить или продать. Родина – одухотворенное пространство, земля пращуров, земля их труда и созидания, земля любви и красоты.

...И сердце захлебнётся песней,
О том, что в мире нет чудесней
Родной, измученной земли.

Любовь – главная святыня нашей земли, нашей Родины. Любовь к своей земле, родной природе, родителям, супругам, детям. Любовь – то, что хранит и наполняет одухотворенностью нашу землю. Героиня Заславской восклицает:

Проснись, моя любовь,
Жизнь будет вечно длиться.

И воины оберегают на родной земле эту любовь, хранят жизнь, платят за неё высшую цену. И любовь эта горит как негасимый светоч (также один из символов в лирике Заславской). Это тот самый евангельский свет: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». И чтобы не погас он, не сгинул во тьме, русские воины-солдаты-ополченцы бьются с мраком. Ибо такова у них судьба, у этих русских – во все века, вне времени, на русском святом просторе.

Галина Чудинова

Прозаик, литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Живёт в Пермском крае.

«АНТОЛОГИЯ СТОЯНИЯ ДОНБАССА» – ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Знаковым, выдающимся событием в современной литературной жизни стал выход сборника «Антология стояния Донбасса», автором идеи и составителем которого стала главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко, человек широко известный всей читающей России. Не случайно было выбрано и место для презентации «Антологии...» 24 января сего года – это Семёновский полк на улице Большая Серпуховская, 35. По словам Лидии Владимировны, «долгожданное мероприятие прошло отлично, писатели приехали. Выступали, как могли, все было красиво и душевно. В зале было шестьсот человек воинов».

В «Аннотации» Лидия Владимировна поделилась с читателями своим замыслом: «В сборник вошли произведения членов Союза писателей России и писателей Донбасса, созданные за последние восемь лет, включённые в рубрику «Берега Новороссии» литературного журнала «Берега». «Антология стояния Донбасса» – феномен русской культуры первой четверти XXI века, так как это произведения на кровоточащую тему, раскрывающие правду борьбы за справедливость, энергию русского духа, величие и гармонию русской души».

Раздел «Проза» открыл Николай Иванов, председатель Союза писателей России, былинной нашего времени под названием «Саур-Могила. Песнь». По жанру – это героический эпос, переключка времён и эпох, подвигов времён Великой Отечественной войны и битвы за Донбасс летом 2014-го года. Особый художественный смысл приобрело здесь слово «высота». Это и высота легендарного кургана под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря, и высота подвига пехотинцев, на смерть стоявших на кургане в

1943-м, и духовная высота жителей шахтёрского края, что ни в какие времена «не гнал порожняк». В трагическом 2014-м году казалось, что все четыре пилона на Саур-Могиле, олицетворяющие пехотинцев, танкистов, артиллеристов и лётчиков, вступили в непримиримую схватку с неонацистами, были разрушены, но не сдались врагам, как и воин-освободитель на вершине кургана: «Саур-Могила в руинах, но у остатков пилонов вновь высаживаются тюльпаны... Правда нынешней не объявленной войны на Донбассе – это в том числе и простреленный сапог с обрубком ноги чуть ниже колена – единственное, что осталось от центрального монумента. Хотя нет, из-под рухнувшей стелы виден сжатый бронзовый кулак солдата». И этот сжатый бронзовый кулак – символ грядущей Победы.

В доверительном разговорном общении с читателями создан рассказ Лидии Довыденко «Август 2022-го». Он всецело построен на приёме резкого контраста, антитезы между длинными героями Донбасса и теми внутренними врагами, кто в погоне за наживой готовы лишить ополченцев всего самого необходимого – от оружия и боеприпасов до обмундирования.

В системе образов русскому Рэмбо – Леониду Тимофееву, 59-летнему ветерану войны в Донбассе – противопоставлен его антагонист полковник Суковатый по кличке «Скунс», берущий на войне всё для себя, как и укрофашисты. Конфликт приобрёл особо острый, непримиримый характер, повествование перемещается то в Калининград, то в Луганск, то в места ожесточённых военных действий. В финале внимание читателей приковано к женским образам луганчанок и дончанок и к памяти полковника ДНР Ольги Корса, которой «приходилось решать невыполнимые, казалось бы, задания. В ее дивизионе сто сорок артиллеристов, сотни бойцов она воспитала, научила действовать в боевых условиях... В 2022 году она погибла от рук укров. Награждена Георгиевским крестом II степени и многими другими орденами и медалями ДНР. Вечная, светлая память!».

Философский рассказ Виталия Даренского «Счастливые дни» – это пропущенные сквозь душу и сердце повествователя события войны в Донбассе – от киевского майдана 2014-го года до общенародного голосования в конце сентября 2022-го о вхождении Луганской Народной республики в состав России. Автором обыграно латинское слово *bellum*, означаю-

щее одновременное и войну, и совокупность всех самых лучших качеств – «милое, приятное, прекрасное, веселое, бодрое, здоровое». Перед лицом самого главного – вхождения ЛНР в родную российскую гавань – меркнет всё остальное, а пережитые дни страданий и мучений, риска и неопределённости названы счастливыми.

Проблема выживания и всех тягот, выпавших на долю пожилых людей и стариков Донбасса, нашла своё воплощение в ряде произведений. Герой рассказа Елены Дубровиной «Батюшка из Луганска», потеряв дом и имущество, обрёл себя в новой жизни в России, но постоянно жил воспоминаниями о войне, окормляя, утешая своих прихожан и молясь за них. В моём повествовании «День пенсии» сфокусирован один день из жизни Натальи Павловны, работавшей многие годы мастером по укладке асфальта в Луганске. Казалось бы, день получения более чем скудной пенсии радостен для пожилой женщины вниманием и заботой двух её невесток, но в памяти постоянно всплывают все ужасы лета 2014-го года. Героиня рассказа выживает в надежде на мир и лучшую жизнь.

В дилогии Ирины Горбань «Червивое яблоко» представлено несколько поколений семьи с разными судьбами отцов и детей. Дед Юран, бывший разведчик, учит правде и мужеству внука Кольку. Позже, в разгар боёв 2014-го года, седой дед Николай, воевавший в ополчении, неожиданно встречается в больничной палате с внуком Сергеем, потерявшим обе ноги в битве под Иловайском, но не потерявшим веры в победу. Рассказ основан на притче о червивых яблоках, о червях, поразивших многие плоды в донбасских садах. В притчевой, иносказательной манере дан образ Андрея, брата Сергея, поражённого червоточиной предательства, вступившего в ряды ВСУ: «Всё в жизни повторяется: предательство, фашизм, слёзы, страх, подвиг. И червивые яблоки...».

В ряду произведений о старости рассказ Юрия Хоба «Спаси и сохрани» запоминается необыкновенной художественной выразительностью и трагизмом ситуации. Его герои, старая супружеская чета, бабка Серафима и дед Михай, живя под обстрелами в своём старом доме, продолжают ежедневно трудиться, при этом трогательно заботясь друг о друге. Привлекает языковое мастерство автора и его пристальное вни-

мание к деталям быта. Старик с его постоянной присказкой «тюрики-макарики» забинтовал мешковиной ствол яблоньки, пострадавшей в огороде от вражеской мины, и мастерит бабке эвакуатор: «Для этого приспособил к садовой тачке старое кресло и хорошенько смазал солидолом ручную лебёдку. Остались мелочи, устранение которых позволит забыть о взрыве в гипс бабкиной ноге и собственной грыже». Под стать труженику-мужу и бабка Серафима: забыв про костыли, она чистит картошку да латает одежду деда, думая о спасённой яблоньке, что весной порадует их цветением, а к концу лета – сладкими спелыми плодами.

Финал, очередной прилёт мины, потрясающе лаконичен: внезапная смерть старика предстала во всём ужасе пред глазами его жены, с трудом доковылявшей до выбитой двери: «Какой резон окликать человека, если на крылечке вперемешку с кирпичным крошевом и щепками валяются обрывки полшубка?». Подобная страшная участь настигла многих стариков в Донбассе, ставших жертвами вражеских обстрелов.

Талантливо написан и по-своему примечателен рассказ Ивана Донецкого «Киса», героиней которого стала четырёхцветная кошечка, взятая в двухтысячном году в семью повествователя по горячей просьбе младшей дочери. Образ Кисы, аккуратной и неприхотливой, создан в лучших традициях отечественной анималистики, литературы о животных. В основе повествования чередование драматических эпизодов – постоянных обстрелов Донецка, выматывающих душу ненужных проверок на работе – и лирических, светлых моментов, связанных с заботой о Кисе, ставшей членом семьи. Лечение тяжело заболевшей кошечки – одна из центральных сцен рассказа: «Я хотел дотянуть её до возвращения старшей дочери, каждый звонок которой не обходился без вопроса: «Как Киса?» Она постоянно просила прислать во Францию фото – не мамы, не сестры, не моё, – а Кисы. Нам – соборы Европы, мы – фото донецкой кошки, обычной, беспородной, жёлто-бело-серо-чёрной, без которой Европа для молодой женщины была пуста».

Кошечка спокойно и терпеливо переживала обстрелы 2014-го года и последующих лет, помогала всей семье отвлекаться от невесёлых дум, а дожив – по кошачьим меркам – до глубокой старости, тихо и мужественно умирала: «Заво-

рачиваю Кису в наволочку, выбираю красивый полиэтиленовый кулёк с красными розами и, думая: «Она не говорила мне глупых, обидных слов... не пыталась обмануть ... я многому научился у неё... часть мудрой природы жила со мной шестнадцать лет...».

В разнообразной творческой манере представлена вся проза сборника. Если рассказ Андрея Авраменкова «Оля и снаряд» сугубо реалистичен, то «Новороссия гроз. Новороссия грёз» Елены Заславской подчёркнуто фантастогорична. «Бабушка-Украина» Марины Бережневой – это поэтика воспоминаний о бывшей сельской Украине. О бабушкиных вкуснейших борщах, варениках и прочей домашней снеди, о купаниях в речке да радостях детства. Всё минувшее ныне кануло в струи Леты, но будит в душе героини добрые чувства. «Небратья» Юрия Ковальчука переключаются сюжетно с червивыми яблоками в притче Ирины Горбань.

Обширный раздел «Поэзия» всецело основан на аллегориях, ассоциациях, ярких сравнениях и метафорах, на неразрывной связи времён от античности до современности. На суд читателей представлены стихи о подвигах былинных богатырей, князя Игоря, Александра Невского, героев Великой Отечественной войны и героев нынешней специальной операции на Украине. Характерно, что раздел открывается поэтической подборкой Андрея Шацкого, в которой символично стихотворение «НОЯБРЬ ZZ»:

Такая случилась забота,
Такая случилась беда,
Что снова уходит пехота
В метели, в туман, в никуда...

Поэт, прозаик и публицист Алексей Полубота, неоднократно побывавший в Донбассе, стал организатором ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку восставшего шахтёрского края, посвятил ему циклы стихов «На жгучих полях Новороссии», «Победить беду». Его «Песня ополченца» густо насыщена ёмкими художественными деталями в традициях Андрея Вознесенского: «Эта Горловка – нож у горла мне». «Здесь от грохота стены охали, а на окнах здесь – всё кресты». Горечью и верой в победу над внутренним и внеш-

ним врагом пронизано стихотворение «К шестилетию войны против Русского Донбасса»:

И растёт над Русским миром ропот:
«Царь торгует газом на костях»...
Но однажды, верим мы, — взовьётся
Над Россией Огнеликий стяг,
И в предсмертном вое содрогнётся
Нас терзавший беспощадный враг!

Неотъемлемой частью поэтического раздела стала православная символика, вера в Божью помощь, в знамя с ликом Нерукотворного Спаса, под которым веками побеждали врагов русские воины. Таково стихотворение Елены Заславской «Русский Ренессанс»:

Пусть труден будет этот путь, но торен.
Минувших дней бессмертные герои,
И наших дней бессмертные герои,
Вздымают в высь Нерукотворный Спас!

«Донбассские сказки» Марины Бережневой – это страшные сказки и пронзительные строки о погибших под обстрелами детях. В разделе немало стихотворений в прозе, и каждое из них по-своему впечатляюще, как строки Светланы Леонтьевой. Стих Григория Блехмана «С февраля 2022 года»: «Россия вспряла ото сна, от восьмилетней вялой спячки» перекликается идейно и тематически с пушкинским посланием «К Чаадаеву».

Известного поэта и барда Донецка Владимира Скобцова Юнна Мориц назвала «легендарным Орфеем Донбасса» в предисловии к его книге «Непокорённый». Мужеством, волей и верой в Победу пронизаны все его строки, особенно стихотворение «НЕ ИЗМЕНИ»:

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное – будь, что будет...
Когда страна твоя в огне,
И слёзы горя не остудят,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Талантливы стихи Владимира Макаренкова, посвященные проблеме выбора и совести. В поэзии Елены Александренко образно противопоставлены война и весеннее пробуждение природы. Впечатляют «Стихи о военной Горловке» Александра Савенкова и стих «Не говори со мной о войне» Ивана Черныява. Запоминаются строки Людмилы Гонтаревой «Бог призвал к себе солдата» и Светланы Сеничкиной «В то странное, безумное лето...». Надолго остаётся в памяти «Открытая рана» Елизаветы Хаплановой. Невозможно подробно сказать о всех стихах сборника, но всех их авторов объединила любовь к Донбассу и вера в победу героических его жителей над вторгшимися на их землю врагами.

Не менее интересен и ярок третий раздел сборника «Публицистика и критика», побуждающий вспомнить актуальные слова Владимира Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» и публицистику времён Великой Отечественной войны, особенно Константина Симонова и Ильи Эренбурга. Раздел открывается очерком Светланы Савицкой «Благословение мудрых», где речь идёт о символике буквы Z и о глубинных смыслах многих русских слов: «Ведь мы получили БЛАГОСЛОВЕНИЕ МУДРЫХ еще 7 тысяч лет назад, когда учили клятву – она же наша всеславянская простая детская АзБука! И буква Зело в ней ключевая, поворотная!».

Философский очерк Сергея Прасолова «Мир постправды: технологии разрушения разума» на ряде примеров раскрывает читателям одну из самых злободневных проблем современности – манипуляцию сознания как отдельных людей, так и человеческих масс. При постижении двух полюсов – правды и обмана, лжи – велика роль эмоций и личных убеждений человека: «Проблема только в том, что потерпевший поражение разум сегодня стал в умелых руках изопрённой, претендующей на разумность и даже научность технологией абсолютного разрушения разума и расчеловечивания человека».

Наглядный тому пример – события на Украине, начиная с мая 2014-го года, информационное обольванивание народного сознания.

Особенно приятно видеть среди авторов публицистического раздела имя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, потомственного аристократа, чья душа и сердце, по-прежнему, остаются вместе с Россией. В своём письме к

Лидии Довыденко под названием «Русофобия в разгаре» он поделился мыслями о трагедии Украины: «Украина – страна, которая была самой богатой республикой СССР, но которую украинско-еврейские олигархи разорили до грани банкротства. Ныне это страна, которая продолжает пилить дотации, переводимые в бюджет Украины от США и от Евросоюза». В его письме прозвучала глубокая озабоченность русофобской политикой Украины и Запада и сложностями налаживания их будущих отношений с Россией.

«Хроника боли и надежды» Галины Канецкой – цикл ёмких, лаконичных, талантливых зарисовок о сути происходящего на Украине, о поляризации взглядов и мнений на происходящие на наших глазах события. В зарисовке «Такая же боль» Галина цитирует стихотворение известного барда Александра Розенбаума:

Мне про обстрелы пищут с двух сторон.
Прошу – Не лезьте в душу, Бога ради!
Простёр ко мне из ямы руки мой
Фашистами убитый прадед...
Определиться? Да я давно определён –
Я дома. Я в России. В Ленинграде.

Своего рода энциклопедией стала рукопись Валерия Громака «Украина: НАТО и культ палачей», человека, ставшего «иноземцем» на Украине. Автор объехал её города – Киев, Мариуполь, Львов – с начала противостояния Неньки с Россией, позже побывал в Донецке и Ростове-на-Дону, делясь с читателями живыми впечатлениями. Рукопись – это воспоминания о советском прошлом Украины, о встречах с друзьями и противниками, военнослужащими ВСУ, мнение которых приводит Валерий Громак: «Военный конфликт – прибыль для определённой группы лиц. И деньги немалые». По убеждению автора, наркомания, коррупция, культ палачей и фальсификация истории захлестнули Украину: «Президент Зеленский сейчас сам на стороне тех, против кого воевал его дед. Это предательство, как и запрет на использование символа Великой Победы, говорит о том, что на Украине последовательно проводится фашизация общества».

Девять лет войны в Донбассе, длящейся дольше, чем Великая Отечественная, закономерно вызвали мощный подъём литературы и культуры как противостояние разрушению, как веру в победу над силами зла и тьмы. Очерк луганского культуролога Нины Ищенко «Русский Лавкрафт»: Ледяной поход по зимнему Донбассу» посвящён проблеме культурной памяти, включающей в себя всё пространство не только отечественной, но мировой культуры. Героем очерка стал поэт и переводчик Александр Сигида-сын, ныне воюющий в ДНР. Автор особо отмечает, что «в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне».

Особенно светлым душевным настроем выделяется очерк известного луганского писателя, публициста и литературного критика Андрея Чернова «Бумажный самолёт из огненного Донбасса», посвящённый анализу сборника стихов Елены Заславской. Извечные темы любви и разлуки, женской тревоги за судьбу любимого человека перекликаются с плачем Ярославны из «Слова о полку Игореве», а лейтмотивом сборника становится вдохновляющее на подвиги Слово:

Но на устах остаются и
Не забываются
Вкус поцелуя
И вечное чудо кириллицы...

Привлекательно для читателей резюме литературного критика: «Стихотворения сборника по-настоящему проникнуты светлым оптимизмом, радостью переживаемого счастья. ...А «Бумажный самолёт» Елены Заславской преодолевает границы между параллельными вселенными».

«Антология стояния Донбасса», изданная ИД «Академия Жуковского», Москва, 2022, с фотографиями Лидии Довыденко и Алексея Полуботы, прочно вписалась в недавно учреждённый Культурный фронт России, цель которого – объединить и поддержать деятелей культуры и просвещения, оказывать духовно-нравственную поддержку защитникам Отечества и их семьям, вернуть подлинную культуру в повседневную жизнь общества. Несомненно, что сборник в ближайшее время попадёт в библиотеки Донбасса, станет

учебным пособием по патриотическому воспитанию молодежи. Хочется от души выразить искреннюю благодарность его создателю Лидии Владимировне Довыденко и всем авторам замечательного сборника.

СКРОМНЫЙ ГЕРОИЗМ ВРАЧЕЙ ВРЕМЁН СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

О книге Николая Башмакова «Не дай погаснуть свече!»

Новая книга Николая Борисовича Башмакова не случайно имеет символическое название: горящая свеча – символ врачебной профессии. Известный голландский хирург Николас ван Тюльп образно и ёмко высказался о нелёгком и самоотверженном труде тех, от кого зависят человеческие жизни: «Светя другим, сгораю сам!».

Хочется сказать несколько слов о давно знакомом мне авторе, человеку ярком, увлечённом, с активной жизненной позицией. Николай Башмаков родился в 1949-м году в Свердловской области, получил высшее образование и многие годы прослужил военным инженером. С 1999-го года, после выхода в отставку в звании полковника, всецело посвятил себя литературной деятельности, работая как в жанре фантастики – романы «Дом на плоту» и «Боги вернулись», – так и в русле традиционного реализма. Автор семи отдельно изданных книг и публикаций в российских и белорусских журналах и газетах. В 2017-м году награждён орденом Достоевского второй степени. В настоящее время проживает с женой в деревне Дубовик Пермского края в доме, построенном собственными руками. Увлекается пчеловодством, учась мудрости у этих умнейших, живущих единой семьёй насекомых, и ежегодно к концу лета угощает своих родных и друзей удивительным целебным мёдом, собранным пчёлами на окрестном разнотравье.

Книга состоит из восемнадцати глав с эпилогом и создана в духе советской саги о людях, родившихся и живших при советской власти. Большая часть их жизней пришлась на предвоенное время, лихолетье Великой Отечественной вой-

ны и послевоенные годы, вплоть до окончания трагического двадцатого века.

Удивительны судьбы двух главных героев книги – врача-терапевта Валентины Кречетовой и фельдшера Красной Армии Михаила Алексеева. У обоих есть реальные прототипы – Сычёва Евфалия Георгиевна, которой исполнилось в феврале 2023-го года девяносто восемь лет, и её супруг Михайлов Михаил Калистратович. Многие факты взяты из биографии этих замечательных людей, однако полностью соотносить их жизнь с жизнью героев книги нельзя: имеется личный взгляд автора на все происходившие события. В тщательно продуманной композиции книги чередуются главы, повествующие о нелёгких испытаниях, поочерёдно выпавших на долю Валентины и Михаила, о их первой курьёзной встрече на юге России и второй неожиданной встрече на Урале, связавшей воедино их жизни, посвящённые общему делу.

В предисловии «От автора» чётко говорится о целях и задачах данной книги: «Силы, совершившие в СССР переворот, хотят заставить нас, потомков, поверить в то, что социализм был ошибкой и поколение советских людей прожило жизнь напрасно. Надеюсь, каждый человек, прочитавший эту книгу, глубоко задумается: так ли это на самом деле?»

Примечательно, что Николай Башмаков далёк от идеализации всех событий двадцатого века. Уже в первой главе «Валя» он правдиво воспроизвёл перегиб раскулачивания, данный в восприятии шестилетней девочки: «Она плохо понимала, что значит слово «раскулачить», но на деле увидела, что всё это очень несправедливо и плохо. У них отобрали всё: избу, лошадь, корову, двух овец, три улья. Какие-то пьяные, пропахшие вонючим табаком люди матерились и требовали у мамы отдать им деньги. В конце концов забрали у них всю верхнюю одежду, утварь, продукты и выгнали из родного дома прямо на улицу...».

Да, были в нашей истории трагические моменты, когда к власти на местах временно приходила пьянь и неработь, отбирая всё у тех, кто жил честным трудом. Но многодетная семья сумела подняться после сурового и жестокого урока, обретя новую жизнь на юге России, в Георгиевске.

Второй главный герой Михаил, пойдя по стопам фельдшера-отца и оказавшись на службе в армии, встретил свою первую войну на линии Маннергейма в Финляндии. По словам автора, «На этой войне Красная армия училась воевать по-новому и приобретала боевой опыт», но и здесь не обошлось без тяжёлых потерь. Финские бомбардировщики обстреляли бойцов батальона, шедших на лыжах по льду залива, и «Михаил, оглушённый взрывом, без сознания лежал на льдине и не утонул только чудом». Примечательна реалистическая художественная деталь, когда вытянутый верёвкой из ледяной воды Михаил вынужден был мгновенно переодеться в гимнастёрку, брюки и подшубок земляка, убитого наповал пулемётной очередью, и тут же стал срочно осматривать, перевязывать и эвакуировать контуженных и раненых, хотя сам перемёрз и переохладил ноги.

В повествовании умело чередуются драматические, радостные и поучительные сцены и эпизоды. После лечения в Саки, переброски на Южный фронт, краткого свидания с родителями, Михаила постигло неожиданное фиаско. В придорожной столовой, незадолго до прибытия в свою часть сержанта медицинской службы пригласили за свой столик два бандита, переодетые в мундиры лейтенантов, и предложили выпить за знакомство: «Выпить по второй Михаил не успел. Мир странным образом начал меняться: стены предательски поползли справа налево, после чего внезапно наступила темнота».

Удачным сюжетным ходом порадует читателей книги шестая глава «Незнакомец в трусах», повествующая о первой курьёзной встрече Вали с Михаилом. Пятнадцатилетней девчонке, работавшей летом на сборе винограда под Николаевым, довелось пережить целую гамму чувств – от страха, любопытства и сочувствия – при виде того, как двое мужчин в военной форме выволокли из машины какого-то человека и оставили его в винограднике в одних армейских трусах. Свидетельские показания Вали, помогшей знакомцу добраться до милиции, помогли Михаилу в выяснении личности, и он «обнял девочку, на мгновение прижал её к своей груди и чмокнул в щёку». Их вторая, судьбоносная встреча, произошла уже на Урале, в Свердловской области, куда приехала на работу успешно закончившая мединститут терапевт Валентина Георгиевна.

На приёмах антитезы, контраста построены главы книги о событиях Великой Отечественной войны, о скромном героизме Михаила в составе пятой кавалерийской дивизии. Как водится, повествователь не обошёлся без едких казачьих шуток, когда главный герой книги впервые сел на боевого коня и сидел в седле «мешком». Однако, перенесённые испытания только укрепили волевой характер потомка охотников-вогулов, сержанта медицинской службы: вскоре Михаил сумел отличиться в стрельбе и научился ездить верхом, завоевав уважение казаков.

Центральные события посвящены сражениям под Москвой и подвигам кавалеристов в неравном бою с превосходящими силами врага. Читателям, несомненно, запомнится образ командира корпуса, молодого генерала Павла Белова, человека честного, строгого, но справедливого: «У Белова было качество, необходимое настоящему полководцу: он не терпел шаблона и активно осмысливал всё новое, что приносила практика войны». Драматична десятая глава «Дуэль танкиста с кавалеристом». Получив приказ Жукова задержать на три дня танковую армию Гудериана, Белов принял единственно верное и нестандартное решение – ударить ранним утром по передовой части немцев, сильно оторвавшейся от тылов: «перерезать и нарушить коммуникации врага, уничтожать горячее и боеприпасы, создать у него иллюзию полного окружения и сеять побольше паники». И план Белова сработал: немцы стали в панике отступать: «Все дороги были усеяны трупами убитых и замёрзших немецких солдат и офицеров... У Гудериана после этого поражения случился сердечный приступ», а вскоре разъярённый Гитлер отправил «быстроногого Гейнца» в резерв.

Отличился в этом бою и Михаил, дав несколько очередей из трофейного пулемёта по немцам, выбежавшим навстречу их медицинской повозке. Но главной его работой было оперативное спасение раненых: «Раненых подвозили непрерывно. Михаил в это день потерял счёт бойцам, которым оказывал помощь. У него, как и в бою, счёт шёл на минуты и секунды». Нельзя не отметить мастерство Николая Башмакова в точном воссоздании батальных сцен, динамики боёв. Здесь пригодился его богатый опыт военного человека.

Не менее интересны главы о пребывании Валентины в оккупации, её студенческих годах в Махачкале и неожиданной встрече в сельском райцентре на Урале, где её ждал заве-

дующий райздравотделом: «За столом перед Валею сидел тот паренёк, которого впервые увидела она в винограднике под Вознесенском, только сильно возмужавший и с усами». Множество раз в тайных мыслях героини возникал образ суженого, как две капли воды похожего на того паренька. Да и Михаил помнил всегда девчонку, которая тогда так помогла ему. Узнав друг друга, герои проговорили целый час, а вскоре поняли, что судьба окончательно свела их.

Сельская больница в Знаменке стала первой в их совместной работе и жизни: супруги обустроивали её вдвоём, воспитывая при этом дочь и сына. Чем только ни приходилось заниматься Валентине в должности главного врача? Развитием подсобного хозяйства, без которого было трудно выжить и прокормиться в послевоенные годы, борьбой со знахарями и колдунями, разрешением семейных конфликтов у сельчан, стремлением поднять падающий жизненный тонус у мужа, которому хотелось достичь жениных высот, закончив медицинский институт, вернуться в его родную Красную Слободу и там возглавить новую участковую больницу.

Характерной особенностью книги являются её публицистические размышления о судьбах послевоенной страны: «Алексеевы переехали в Красную Слободу летом пятидесят пятого года, сразу после открытия там новой больницы. Страна Советов, победив в Великой Отечественной войне, расслабилась...Отвоёванный в страшной войне мир казался незыблемым и вечным. Поэтому никто особо не забил тревогу, когда сразу после начала «хрущевской оттепели» скрытые враги тихой сапой полезли во все структуры и руководящие органы партии и государства».

В доказательство писатель приводит конкретный пример из жизни своего героя: «Михаил вернулся из института мрачнее самой тёмной тучи. Вместе с ним вернулись ни с чем остальные четверо фельдшеров...К этому времени все высшие учебные заведения сферы образования и здравоохранения в Свердловске, да и во многих других городах Урала, были уже в руках скрытой антисоветской интеллигенции. Фронтоников завалили на экзаменах целенаправленно! Как чёрт лаdana боялась и вместе с тем презирала прозападная интеллигенция тех, кто прошёл горнило войны».

Тем не менее в семнадцатой главе автор повествует о всех осязаемых и значимых достижениях советского социализма: «Постоянные перемены происходили и в жизни самих людей. Тесные избушки колхозников и специалистов менялись на большие светлые дома. Строились новые больницы, детсады, школы. Прокладывались дороги с твёрдым покрытием... Для простого человека стал доступным отдых в санаториях и домах отдыха».

Развитие действия в заключительной главе книги основано на противостоянии скромного героизма сельских врачей и всех честных тружеников с теми внутренними врагами, что проникли в высшие властные структуры. В конце семидесятых годов Валентине было присвоено звание Заслуженного врача России, а чиновница из облздрава за обедом в ресторане объяснила удивлённой героине смысл высокого звания: «За тридцать лет твоей работы в селе на тебя не было ни одной жалобы! Ни от больных, ни от их родственников, ни от персонала больницы!».

Но уже вскоре, с наступлением горбачевских времён, супруги Алексеевы, как и все их родные и друзья ощутили зловещую кадровую чистку в верхах, замену принципиальных и дельных работников на угодных новому руководству области. Подвергшиеся жёсткой травле сверху, лучшие люди раньше времени ушли из жизни. На кладбище, во время похорон первого секретаря райкома партии Мингалёва, Валентина с изумлением увидела могилу того самого молодого председателя облисполкома, который семь лет назад вручил ей знак «Заслуженный врач РСФСР», услышала гневные слова одного из бывших обкомовцев: «Умертвили его врачи-убийцы раньше времени! И не только его одного! Здесь сплошь похоронены жертвы Ельцина!».

Ёмкими и меткими штрихами обрисован автором образ самодура Ельцина, «в характере которого гордыня и крайне болезненное самолюбие были не на последнем месте». Примечателен его короткий заход в сельский магазин и диалог с продавщицей:

– Это почему вы сразу решили, что перед вами начальник из области?

Ответ продавщицы привёл его в лёгкое замешательство:

– Все другие сначала здороваются!..

Несомненная заслуга книги Николая Башмакова в умении автора предвидеть, осознать и донести до читателей глубинные причины всех разрушительных процессов, поразивших Россию в 1990-е годы, подобно злокачественной раковой опухоли: «Слободо-Туринский район почувствовал негативные перемены сразу. На глазах людей, проживших всю сознательную жизнь при советской власти, было разрушено созидательное, нацеленное в будущее государство нового типа, которое они построили и отстаивали в жесточайших войнах... Не обошла беда стороной и здравоохранение. Больница, которую Михаил и Валентина долгие годы создавали, вкладывали в неё все силы и душу, была закрыта одной из первых».

В «Эпilogе», тем не менее, автор порадовал читателей светлой сценой юбилея совместной жизни двух главных героев, на который явились их дети и внуки, весь их род. Примечателен финальный диалог супругов:

– Так значит надо жить, Валя! Враги России на этом не успокоятся, и, наверное, уже задумали новую гражданскую войну. В ней русские будут воевать с бывшими русскими... Теми, кто предал Русский мир! И нам с тобой ещё предстоит направить внуков на путь истинный, чтоб они в этом хаосе не перекрасились и не перестали быть русскими! Они просто обязаны продолжить наше дело!

– Согласна с тобой, Миша! Для этого стоит жить! Свеча наша ещё не догорела...

Провиденциальный смысл книги Николая Башмакова очевиден: он всецело адресован нынешним и грядущим поколениям, мыслящей и обдумывающей свою жизнь молодёжи. Разителен контраст советского прошлого с нынешним безвременьем, напроочь лишённым созидательной идеологии. Однако хочется вспомнить слова из гоголевского «Тараса Бульбы»: «Есть ещё порох в пороховницах!». Есть силы, способные защитить Русский мир.

И на передовой, и в тылу сотни врачей в ходе СВО самоотверженно трудятся, как делали это их отцы и деды, ибо от вовремя оказанной медицинской помощи напрямую зависит здоровье и жизнь человека.

Книга «Не дай погаснуть свече!» обращена в наше будущее, и, думается, что читатели оценят её должным образом.

Нина Ищенко

Культуролог, литературовед, критик. Кандидат философских наук. Член Союза писателей АНР. Живёт и работает в Луганске.

ПОБЕДА И РАЗРУШЕННЫЙ ХРАМ: ПРОРЫВ ИЗ АДА В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПЕЛЕВИНА «ПОКРОВ-17»

Религиозные идеи в современных обществах XXI века играют всё более заметную роль. В русской культуре традиционно важное место занимает православие, но его место в культурном пространстве меняется. Изменение языка, в том числе языка искусства, с течением времени приводит к тому, что существующие культурные формы, выражающие религиозные идеи (проповеди, гимны, иконопись и так далее), становятся непонятны людям другого времени, воспитания и мировоззрения, не оказывают эстетического воздействия, не вызывают сильных эмоций и не закрепляются в индивидуальной культурной памяти. Для сохранения религиозных идей они должны воссоздаваться новым языком, в новых формах, понятных представителям конкретных субкультур. С этой точки зрения интересно исследовать роман Александра Пелевина «Покров-17», выражающий несколько важных христианских религиозных идей в жанре научной фантастики и рассчитанный на восприятие современного секулярного читателя научно-фантастической литературы.

Роман «Покров-17» вышел в 2020 году и принес Александру Пелевину победу в литературной премии «Национальный бестселлер». В ноябре 2020 года роман вошел в список «Выбор шеф-редактора» на сайте ГодЛитературы.РФ. Литературными достоинствами романа обусловлен интерес к его идейному содержанию. Для исследования сюжетного и образного ряда романа используем концепцию хронотопа Михаила Бахтина.

Система хронотопов романа.

Система хронотопов романа «Покров-17» сложна и проясняется для читателя постепенно. В романе описаны четыре временных среза и три локации, в которых происходит драматическое действие. Хронологические привязки следующие: 1941 год, 1993 год, 2002 год и 2019 год. В трех из четырех точек хронологической оси действие происходит на одной и той же территории в Калужской области, которая стала Покровом-17 в 1981 году. Помимо Покрова-17 в романе описывается Москва 1993 года, где параллельно событиям в Калужской области разворачиваются события штурма Белого дома и захвата власти Борисом Ельциным. Военные события в поселке Недельное в 1941 году описаны писателем Тихоновым, главным героем хронологической точки 1993 года, в романе «На Калужский большак». Четвертая точка, наши дни, 2019 год, локализована в Санкт-Петербурге, откуда также родом герой военной книги Тихонова Василий Селиванов. Таким образом, обрамляющей локацией является Санкт-Петербург, основное действие разворачивается в Недельном/Покрове-17, а параллельно к основному действию выступают события в Москве.

Вход читателя в пространство и время романа начинается в 1993 году в Покрове-17. Покров-17 с момента своего появления в 1981 году охватывает город Недельное и три деревни – Светлое, Железное и Колодец, в которых локализованы аномальные явления. Самым важным из них является Черный Покров, то есть Аномальное поглощение светового потока, в ходе которого на несколько минут или часов всю территорию накрывает абсолютная темнота, любой свет поглощается, зрение к темноте не адаптируется, и психологически человек, попавший в АПСП, ощущает полное исчезновение мира вокруг него. Аномальные явления локализованы только на территории Покрова-17 и не распространяются вовне. Территория оцеплена. Разрушение социальности затронуло и НИИ Аномальных световых явлений, выполняющий административные функции в Покрове-17. НИИ и подвластные ему деревни отлично снабжаются продуктами, поток которых не прерывается несмотря на разруху России девяностых, и этот момент неоднократно подчеркивается в романе. Покинуть

Покров-17 невозможно не только из-за оцепления, но также из-за внутреннего устройства этой локации: само место никого не отпускает, из него невозможно выйти.

Место действия – постхристианский Ад.

Невозможность покинуть место и возможность только попасть туда извне, а также деградация материальных форм и присутствие разного рода демонических существ являются характерными признаками мира мертвых в архаичных культурах. По этим признакам перед нами пространство смерти, территория умерших, где люди доживают в разрухе и бессмысленности, ничего нового не возникает, аномальные явления обычны, но не являются чудесами, а поток товаров и людей идет из мира живых в мир мертвых.

В языческих культурах мир мертвых структурирован, в частности, социальный статус покойника сохраняется и после смерти. На территории Покрова-17 некоторые социальные связи сохраняются по инерции, социальные институты (НИИ, милиция) держатся только на энтузиазме отдельных лидеров при все нарастающем равнодушии большинства жителей. Даже та осмысленность мира мертвых, которая отмечается в архаичных культурах, в Покрове-17 разрушена.

В романном пространстве осью, проходящей через все временные точки, является Храм Покрова Пресвятой Богородицы. В локации 1993 года и в важнейшем в сюжетном смысле бое за поселок Недельное в 1941 году храм стоит разрушенный, служения в нем нет, он давно заброшен. Разрушенный храм означает разрушение связи с Богом, отключение канала коммуникации с трансцендентным. Отсутствие в мире Покрова-17 этой связи выражается в характеристиках самого пространства.

Христианский Ад, как он показан в поэме Данте «Божественная комедия», входит в единую систему мироздания, включающую также и Рай, наполненный Божественным присутствием. Поэтому Ад структурирован, систематизирован, его пространство подчинено принципу греха и наказания, то есть имеет какой-то смысл, направляющий происходящее. Ничего подобного нет в Покрове-17.

Разрушение храма, оторванность от источника всякого смысла превращает Покров-17 в постхристианский ад, лишенный смысла и цели, не встроенный в систему мироздания и просто отключенный от жизни. Однако само существования храма, пусть и полуразрушенного, дает возможность вновь подключить это пространство к системе смыслов, что и происходит в финале романа. В 2002 году и в 2019 году храм отстроен и действует. Он сохраняет память обезбоженного бытия в предыдущих точках временной оси, однако коммуникация с Богом уже налажена, и смысл вернулся как в Покров-17, так и в судьбы героев.

Трикстер – проводник по Аду.

Восприятие Покрова-17 как Ада и посмертия выражено явно такими важными персонажами романа, как Капитан и Старик.

Капитан в системе образов романа выполняет функции трикстера, лаута, вора, шута, меняющего личины и пересекающего границы. Самым известным трикстером является Гермес Психопомп, Водитель Душ, вор и обманщик, проводящий души из мира живых в мир мертвых.

Как и Гермес-Психопомп античной мифологии, Капитан является проводником писателя Тихонова в новом для того мире Покрова-17. Кроме того, Капитан не тот, за кого себя выдает, легко пересекает границы между общностями, оживающими в Покрове-17, меняет маски, находит выход из любой ситуации и уверенно ведет к цели того, кому он покровительствует. Обозначая свою роль при первой встрече, Капитан сразу называет себя Вергилием: «Верьте мне и держитесь рядом, – сказал Капитан. – Я ваш Вергилий в этом аду». Тем самым Капитан отсылает своего слушателя и читателя к поэме Данте «Божественная комедия», где Вергилий ведет автора, Данте, по Аду. Этот образ характеризует не только Капитана, но и писателя Тихонова, что очень важно в Покрове-17.

Подражатель Христу в Аду.

О Покрове-17 как об Аде говорит также Старик. Старик – руководитель группы «Прорыв», планирующей выход из По-

крова-17, вооруженный прорыв сквозь блокпосты. На местной радиоволне Старик каждый день выходит в эфир, призывая людей присоединиться к «Прорыву» и идти на прорыв. В романе приводятся слова Старика:

«Я тут подумал, – сказал вдруг Старик, глядя в пол. – А вдруг Покров-17 – посмертие целой страны? Ад, в который попала наша эпоха. И мы в этом аду. И мы сами ад».

В словах Старика Покров-17 описывается как Ад, причем его локализация не ограничивается Покровом-17, а выходит за границы территории. Эта реплика Старика соединяет идущие фоном новости из Москвы периода борьбы Ельцина с Верховным Советом и происходящее в основной локации романа. Кровавая борьба в столице символизирует хаос и безвременье во всей России. Покров-17, в свою очередь связывается с беспорядками в Москве, и таким образом выступает символом разрухи, аномии и ужаса девяностых в России. Наступившее в девяностые лихолетье оказывается Адом на земле.

Итак, Старик хочет вырваться из Ада и вывести оттуда людей. В этом планируемом действии он собирается повторить одно из деяний Христа – вывод мертвых из Ада, важнейший элемент одной из страстей Христовых, Сошествия во Ад. Сошествие во Ад происходит после смерти Христа и перед Его Воскресением, оно завершается тем, что Христос выводит из Ада мертвых, там заключенных, и в целом Сошествие во Ад считается прообразом всеобщего воскресения мертвых после Страшного Суда.

Постоянные радиоэферы Старика, обращенные ко всем жителям Покрова-17 и призывающие к спасению, по сути представляют собой проповеди, с которыми Христос и его ученики обращались и до сих пор обращаются к миру, желая спасти людей от смерти.

Таким образом, Старик оказывается в романе подражателем Христа. Он подражает Христу в Его любви к людям, поскольку зовет с собой всех, кто его слышит, и подражает Христу в своих попытках победить смерть и выйти из ада. Однако выполнить миссию Христа Старика не удастся, поскольку это дело, превышающее возможности человека.

Творец мира и победа над смертью.

Победить смерть человеческими силами невозможно.

Хотя различные мифологии полны историями о разных героях, которые смогли выйти из Аида, как Геракл и Орфей у греков, разрушить само место смерти и уничтожить смерть до Христа не пытался никто. Для совершения такого подвига нужна сила Бога. Вот как описывает эту ситуацию православный богослов Владимир Лосский:

«Сын воплощается для того, чтобы восстановить возможность соединения человека с Богом, соединения не только расторгнутого злом, но без участия самого человека и не восстановимого. Первое препятствие к этому соединению – разлучение двух природ, человеческой и Божественной – устранено самим фактом воплощения. Остаются два других препятствия, связанных с падшим состоянием человека: грех и смерть. Дело Христа – их победить, изгнать из земного космоса их неизбежность: не безоговорочно их уничтожить – это было бы насилием над породившей их свободой, – но подчинением Самого Бога смерти и аду обезвредить смерть и создать возможность врачевания греха. Так смерть Христова устраняет преграду, воздвигнутую грехом между человеком и Богом, а Его воскресение вырывает у смерти ее «жалю». Бог нисходит в меонические бездны, разверстые в творении грехом Адама, чтобы человек смог восходить к Божеству».

Итак, выход из Ада равносильен победе над смертью и грехом. Кроме того, это должен сделать один из Троицы, сотворившей мир. Эти мотивы присутствуют и в романе Пелевина, хотя и в редуцированном виде.

Победа над грехом для персонажей не является целью, она не упоминается в книге. Есть общее ощущение, что и в Покрове-17, и в Москве, где Ельцин рвется к власти, что-то идет не так, но оно не конкретизируется. Для персонажей романа выход из Покрова-17 обусловлен победой над Болью, Страхом и Смертью. Это взаимосвязанные явления, скрепляющие Покров-17 в его нынешнем ужасающем состоянии.

Боль в книге вынесена во внешнее по отношению к человеку пространство, в Покрове-17 Боль движется в виде живого существа, с которым герои справляются все вместе чисто физическими средствами. Победа над Страхом отда-

на Старику, который ничего не боится. Победу над Смертью должен обеспечить главный герой, рассказчик истории, писатель Тихонов. В романе показано, что он смог это сделать, потому что является творцом и создателем Покрова-17. Таким образом, в сюжете романа сохранены два важных элемента религиозной идеи Воскресения: выход из Ада означает победу над смертью, а победить смерть может только тот, кто создал мир.

В момент встречи с творцом Покрова-17 действия персонажей обретают смысл и завершенность, а аномалии получают свое объяснение: это проявление на материальном уровне таких экзистенциалов человеческого бытия, как боль, страх и смерть. Победа над Болью, Страхом и Смертью уничтожает Покров-17, разрушает Ад и воссоединяет разорванное время.

Выход из Ада в Покрове-17 и в России.

Как уже было показано, Покров-17 через связь с беспорядками в Москве символизирует всю Россию. Надо заметить, что на художественном уровне эта символическая связь скорее задекларирована, чем явно выражена. Никаких связей Ельцина с Покровом-17 в романе нет, разруха девяностых в России также ни логически, ни сюжетно не связана с происходящим в Аду романа. Единственная связь – это московские новости по телевизору, которые идут фоном во время пути писателя Тихонова по локации Покров-17.

Таким же образом, через простое помещение в единое пространство текста, а не логическую и сюжетную обоснованность, показана и роль христианства в судьбе России. Храм, разрушенный в советский период, остается разрушенным и в 1993-м году, делая возможными все те ужасы, с которыми герои сталкиваются в Покрове-17. Мы видим, что храм восстановлен в 2002 и 2019 годах, когда и в России, и в судьбах героев произошли позитивные перемены. Только сам этот факт указывает на роль Христа и христианства в русской истории XX века.

Последний хронотоп, Санкт-Петербург 2019 года, связывает все три предыдущих хронотопа романа. Восстановленный храм в Недельном символизирует прекращение и искупление бедствия, приведшего к разрушению храма

накануне 1941 года. В книге показано, что одного военного подвига в 1941 году недостаточно для нормализации жизни в стране. Эта идея не выражается в драматическом действии, а становится ясна после анализа пространства и времени романа, сложной структуры его хронотопов. Нужно заметить, что для современной фантастической литературы это нетривиальная идея. Идея о роли Церкви и Христа в нормализации земной жизни реализована в романе с помощью приемов литературы постмодерна, что делает ее доступной широкому кругу читателей научно-фантастической литературы.

Победа и христианизация.

Итак, структурный анализ пространств, описанных в романе, а также анализ времени в системе хронотопов произведения позволил сделать вывод, что Покров-17 обладает всеми характеристиками постхристианского Ада, выдернутого из системы мироздания, деградирующего в обесмысленном и обезбоженном бытии. В то же время в книге выход из Ада обеспечивается действиями самих персонажей, среди которых важны три героя, пересекающих границы пространства и времени – писатель Тихонов, трикстер Капитан и подражатель Христа Старик. Для них выход из Ада – это следствие победы над болью, страхом и смертью. Герои не борются с грехом внутри себя, а сражаются с внешними воплощениями душевных состояний. Восстановление смысла, победа над смертью и выход из Ада коррелируют с восстановлением храма в поселке Недельное, который был разрушен еще до Великой Отечественной войны.

Нужно подчеркнуть, что идея о победе над смертью с помощью творца этого мира – центральная в христианской догматике. Выражение этой редкой в современном культурном пространстве идеи художественными средствами научно-фантастической литературы является безусловным успехом автора и небольшим шагом на пути к христианизации интеллектуальной жизни России.

Людмила Брагина

Родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

11 ОКТЯБРЯ

*«Конечно, по ней не скажешь, что она ждет рыцаря.
Да она и не ждала пассивно — искала.
Искала, но все-таки рыцаря, а не хрена с горы».*

Начало рассказа Романа Сенчина «Гоу датч» отбрасывает нас напрямую в затёртую в веках эпоху классического средневековья. Давно что-то современные читатели, и даже читательницы, про рыцарей не вспоминали, пожалуй, с шестого класса, наверное. Не мешало бы освежить, в чем различие «всё-таки рыцаря» от того другого.

Впрочем, до современной формы слова реальные исторические рыцари за несколько столетий претерпели громадную эволюцию, и сравнивать их, как теплое с мягким, нецелесообразно.

Если уж европейские монархи мылись только при рождении и в день свадьбы, то что говорить про военных людей, которые большую часть жизни проводили в походах, находясь в доспехах круглые сутки. Ни в барбершоп, ни к стоматологу не вырвешься, разве иногда в «славный дом», но об этом позже.

Итак, рыцарь: почти беззубый, с лицом, изрытым оспой, как шрапнелью, заросший и бородатый, плюсом блохастый и вшивый, со средним ростом 160 см, смог всё же заинтересовать современную молодую женщину. Чем? Явно не красотой. Готовностью помогать по домашнему хозяйству? Это вряд ли. Остаётся что – знатностью и благородством.

Культ прекрасной дамы восходящий к поклонению Богородице, позже стал чем-то вроде модной мужской игры, имевшей свои правила. Основной закон рыцаря, составленный, между прочим, поэтом Овидием – Кодекс чести предписывал ему выбрать Даму сердца и служить ей. Как правило, знатной, замужней, желательнее за рыцарем выше рангом, а ещё лучше быть женой сеньора. Изредка некоторые рыцари-беспредельщики могли отбить у сюзерена особо понравившуюся даму, но переход её из объекта поклонения в субъект вожделения был не сильно выгоден, так, шило на мыло. Поэтому традиционно рыцари тешили плоть в «славных домах» с блудницами.

«Небесной» и недоступной Даме рыцарь посвящал свои подвиги и победы на турнирах и битвах. А она, в свою очередь, могла на него бросить ласковый взгляд, а то и платок, за особо опасные раздраконенные мельницы.

Однако, сам он тоже мог быть женат. И отнюдь не на своём идеале красоты и непорочности. К жене и остальным особям женского пола рыцари относились как к несовершеннолетним и ничтожным созданиям, земным воплощениям дьявола: «Женщина есть смущение мужчины, ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей. Нужно избегать женщину, во-первых, потому, что она запутывает мужчину, во-вторых, потому, что она оскверняет его, в-третьих, потому, что она лишает его имущества».

Всё. Это минимум, который нам нужно было вспомнить и продолжить чтение.

Так насколько права средневековая мораль и как же выглядит современная главная героиня, находящаяся в обидном статусе «сено к лошади не ходит»?

«Пока еще стройная хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тетка».

«Поиски (рыцаря) не проходили бесследно — родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причем два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях...»

Ну что же вы на меня смотрите, товарищ рыцарь, как солдат на вошь? Обладели от счастья? Да и как не быть сумрачным и бледным бедному рыцарю! Почти тридцать два, это не почти тринадцать, а кому приятно обнаружить на брачном ложе вместо Джульетты её мать?

Но поскольку нынешние люди живут дольше, сделаем поправку на повышение пенсионного возраста, которое автор рассказа провидчески предсказал ещё в 2015 году.

Сюжет простой, как анекдот. Встретились поужинать два разнополых москвича. Предположительно 11 октября.

«Деловая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке», держащая в голове и примеряющая на всех мужчин образ рыцаря, и «высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манерами аристократа Илья». Он хоть несколько лет и прожил за границей, и высокую должность в крупной компании занимает, но ни сном, ни нюхом про это её намерение и сам процесс не подозревает.

А дальше, как в пословице «пили, ели, веселились, посчитали прослезились».

Сакраментальная кульминация: Минуточку! За чей счёт этот банкет? Кто оплачивать будет?

Оба обеспеченны даже по московским меркам. Простодушный читатель из провинции, удалённой от *«относительного центра столицы»* на тысячи и тысячи километров, присвистнет и затылок почешет: что не так-то? Кто заказывал, тот и платит. Любого официанта спросите.

Или всё же наоборот? Кто девушку ужинает, тот её и танцует?

«В первом же переулке Ипполит Матвеевич навалился на Лизу плечом и стал хватать ее руками. Лиза молча отдиралась. – Слушайте! – говорила она. – Слушайте! Слушайте!

– Поедем в номера! – убеждал Воробьянинов».

Обле сосисок и огурцов горячий предводитель дворянства возжелал утех любви, и ему, на минуточку, 52 года и он революцию пережил. А тридцатисемилетний понторез Илья, начав раскрутку с ростбифа с кровью и зрелых сыров, стал заблачивать Анне мозги *«специфичностью русского бизнеса»* и мутить душу Достоевщиной...

Вечер, так и не став томным, заканчивается обменом взглядами и обоюдным пониманием, *«что партнер не про- тив продолжить общение дальше, не здесь...»*

Хай гайс! Хеппи-энд.

Но всё испортил проклятый денежный вопрос.

Анне вдруг, так по-женски, захотелось *«чтоб и любил, и заботился, и был, как скала»*.

Но ведь надо было слушать внимательно! Общие знако- мые, да и сам господин автор предупреждали – *«истинный англосакс»*. Ей тогда почему-то казалось, что они *«отзы- вались о нем очень хорошо»*. Хотя ещё Марк Твен называл англосаксов позором человечества, а действующие россий- ские официальные лица предпочитают использовать сло- во «англосаксы» для обозначения главных врагов «русского мира».

Да и не о любви вся эта история. Больше о дегустации, но не редких напитков, хотя об этом тоже есть. В рестора- не, пригубив немного матово-бордовой жидкости, Анна, как опытный сомелье, сразу определила: *«Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена приро- дой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами»*.

А это значит, что пригласил её Илья не в какой-то заш- кварный кабак, а в правильный ресторан. Под сумочку под- ходит. И вино тут правильное: диоксид серы, ешки всякие разрешённые были, а всей этой амфетаминово-оксибутира- товой мерзости нет, хотя в это время вечера и для такого случая...

Но всё же главное «блюдо» по жизни героини другое: *«Пе- репробованные мужчины в памяти Анны представляли со- бой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слились два сорта представителей противоположного пола: слизи и животные»*.

Тут прямо хоть пиши Томасу Харрису и спрашивай: были ли у Ганнибалы Лектора дети женского пола? Наверняка же передаётся генетически эта гастрономическая «особенность».

В начале 90-х, некоторые издательства ставили перед ав- торами план: по три трупа на страницу. И бывшие филологи, журналисты, а то и вовсе беспартийные, резали, жгли, веша- ли, что твоя святая инквизиция, кровища с книжных при- лавков рекой текла. Но времена меняются, нравы смягча-

ются, «рука бойцов колоть устала и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», подросли новые читатели.

Думается, что смысл, цель и великую миссию этого небольшого рассказа сформулировал Станислав Ежи Лец «Просвещайте своих детей сексуально, чтобы их потом не изгнали из рая». Но вызывает искреннее недоумение почему Роман Сенчин не пишет о том, что ему знакомо, прочувствовано и близко по природе. Женская логика, душа и сексуальность непостижимы в принципе, особенно, когда за это берётся мужчина невнимательный, нечуткий и руководствующийся абстрактными умозаключениями.

«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...»

И на том спасибо, что не съедала. Предпочтения понятны – приятно, но не долго.

А вот здесь уже начинаются сексуальные девиации.

«Животные были предпочтительней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал ее стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали ее, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали».

Понимание сцены из-за скупой недосказанности текста на совести читателя. Но поневоле закрадывается ужасное подозрение, уж не в буквальном ли значении закладывает автор в уста героини слово животные? Фыркают кони, во время приятных событий в их жизни, олени в случае опасности, лоси от страха, ежи вообще не только фыркают, но ещё и чихают, хрюкают, ворчат, храпят и клацают зубами.

Может «крупноватая» героиня в порыве страсти навалилась на бедное животное всем своим центнером красоты, а потом, удовлетворившись, откинула, и оно лежит на спине и громко дышит, как в последний раз?

Только готовность защищать свою крупную жизнь до последнего может вызвать такую реакцию: *«И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты еще не закончила, — он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесет убивающее: «Что?». После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь при этом схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть добраться до пика раньше него или вместе с ним...»*

Строчка из стишка-пирожка вспомнилась: Оксана терпеливо ждёт...

Это ж как широко сеть закидывать в поисках рыцаря нужно и на какие жертвы идти ради своих иллюзий? Может стоило бы автору хоть немного придать человеческий облик этой невдалой героине, чтоб её хотя бы по лицу не били?

А то ведь, если сказать по совести, есть за что. Представителей противоположного пола она делит на «сорты», «слизней и животных», своего – на «особей», «страшненьких Сонечек» и «истеричек Настасий». Налицо психологическая, гендерная и сексуальная стигматизация во всей красе. И чем ниже уровень развития и образованности героини, тем сильнее склонность к навешиванию ярлыков.

О крахе светлых надежд Анны на простое женское счастье стало понятно гораздо раньше и кульминации, и развязки. Всё пошло наперекосяк с того момента как «Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения ее особенно волновали...»

Хочется крикнуть: «Остановись, Илья! Ты ступаешь на скользкую дорожку, по которой ползают слизи! Возьми её стальными руками, зря, что ли ты пиджак снимал и истязал себя в фитнес-залах и на домашних тренажёрах?»

Автора подводит не только логика, но и пунктиром намечающийся склероз. Несколькими абзацами выше чётко же было описано какой секс доставляет ей настоящее удовольствие и к чему тогда эта ваниль?

Почему было высказано предположение о возможной дате встречи? Да потому что 11 октября во всем мире отмечался День каминг-аута.

В финале подробно рисуется образ перепуганного, униженного и раздавленного Ильи, хотя с чего бы из-за малознакомой женщины так потерять лицо и напрочь не владеть своими эмоциями, но этого захотел автор. Почему же Илья так мельтешит?

«Я считал, у нас гоу датч...»

Нет, дорогой соискатель, у вас «coming out of the closet».

Во-первых, потому что слизень. Во-вторых, не мужчина. В-третьих, не рыцарь....

Несколько выбиваются из списка правильных аксессуаров деловой женщины три предыдущих мужа и дача в Малаховке. Мужья из раза в раз попадались неправильные. То ли они мешали ей искать рыцаря, то ли после свадьбы были разжалованы из рыцарей, непонятно. И кто должен понимать эти намёки, почему штампы о расторжении браков злокозненные работники загса ставили на странице, где должны быть дети?

Дачный посёлок Малаховка по содержанию и общему настроению напоминает писательское Переделкино. Видимо у автора рассказа проскользнула ностальгическая московская нотка, отсюда же и пошлая сцена, где герои пережёвывают кровавый ростбиф и рассуждают о Достоевском, «половой истекая истомою», – добавил бы «московский хулиган» Сергей Есенин. Был он однажды в Малаховке, приезжал погостить к другу на улице Тургенева. Однако, принимая во внимание стоимость земельных участков с немудрёными строениями в посёлке Малаховка – от 15 до 200 миллионов рублей, пусть будет у героини до кучи и правильная дача.

В наше время с учётом новых реалий «с таким счастьем и на свободе» уже не говорят, а завистливо-злобно шипят вслед «насосала», что особенно оскорбительно для деловой женщины. Но почему героиня рассказа постоянно не находит читательского понимания и сочувствия, не говоря уже о восхищении?

Почему герой, о котором сообщается информация, подразумевающая обязательное наличие определённых качеств, как минимум, ума, ведёт себя, как даун?

Ведь, казалось бы, так просто заранее спросить у женщины, которую пригласил в ресторан: «Вы не будете против, если я оплачу наш ужин?», тем самым выразить уважение к ней, как к личности и партнёру.

И дело не в том, что он плавает в русской классической литературе:

«— Извини, что? — Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.

— А! — широко и облегченно улыбнулся Илья. — Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

— Ну, второе маловероятно, — пожал плечами Илья. — Как можно специально стать... гм... Свидригайловым. Это, если мне не изменяет память, мерзавец беспорный.

— Да-да, — не совсем уверенно кивнул Илья.

— Кажется, да. Но может быть, это в природе?»

Это не та краткость, которая сестра, а та, что хуже воровства и уместилась в языковом диапазоне между глухонемым дворником Герасимом и Эллочкой-людоедкой. Эти бессмысленные междометия Роман Сенчин пафосно называет анализом героев «Идиота». Общий анализ крови расскажет больше, чем эта якобы литературно-художественная характеристика. Или это последние веяния преподавательской деятельности профессоров литинститута им. М. Горького? Боже, пропал дом.

Все неудачи героев начались ровно с того момента, как в голове у автора дзынькнула идея создать их из ничего, пренебрегая фундаментальным законом природы - законом сохранения энергии.

Давно ведь сказано: восстань, и виждь, и внемли. Многообразие жизни в постоянном движении, изменение света и красок, непрерывное борение в душе человека — вот что должно становится идеей и материалом писателя.

А этот текст – каркас, подстрочник, задел на старость, когда можно сесть и основательно нарастить на него реальные нервы и мышцы, если другой, более значимой темы не найдётся.

Олег Роменко

Поэт и прозаик. Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Публиковался в журналах и альманахах Белгорода, Москвы, Тамбова, Симферополя, Краснодара, Ставрополя, Нижнего Новгорода, Кирова, Красноярска, Луганска. Лауреат региональных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времён» (2020). Живёт в Белгороде.

ГОУ ХОУМ, ИЛЬЯ!

Рассказ Романа Сенчина «Гоу датч» — это анекдот из разряда «Ах хрен нам пионеров в церковный хор?! Тогда хрен вам монашек в финские бани!»

Два молодых деловых человека противоположного пола назначают свидание в ресторане. А потом, то ли от двух бокалов сухого вина у них разум помутился, то ли они были прирождёнными идиотами, но вечер не сложился: «Ах ты мне предлагаешь гоу датч-ч?! Ну тогда хорошо провести ноч-чь!» Всё это смахивает на недоразумение, возникшее при оплате счёта между эскортницей и пригласившим её в ресторан базарным жлобом. Но автор настаивает, что это были именно деловые люди столицы. К этой теме я ещё вернусь.

Роман Сенчин сразу ошарашивает любителей Тургенева и Куприна, Драйзера и Мопассана таким пассажем: *«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, "отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят"».*

Я вспомнил, как нас после присяги построил в казарме старшина роты с «парализатором» в руке и грозно сказал: «Будут залёты, я вам целки поотрываю!» Потом он свободную руку сжал в кулак и резко дёрнул вниз, словно верёвку допотопного сливного бачка, наглядно давая понять, как будет происходить болезненная процедура. Прапорщик не стал выражаться, как привычные нам училка или воспитательша, типа — будете плохо себя вести, я вас накажу. Он вы-

брал такие слова, чтобы сразу впечатлить салаг и завоевать у них беспрекословный авторитет.

Примерно такой авторитет в глазах читателя нарабатывает и Роман Сенчин. Но тут же попадает впросак — «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят». Я попробовал смоделировать, как это будет происходить. Представим, что через какое-то время после секса с деловой женщиной «животное» оказывается «на тюрьме». Заходит в камеру: «Вечер в хату», а ему в ответ: «Слышь, чушок, нам твоя лярва шепнула, что ты на воле отлизывал у неё, так что дырявим кружку и под шконку».

И снова вернёмся к «деловой» стороне человеческой жизни, которая будто неведома автору. Деловые люди, будь то мужчины или женщины — это диагноз. Они не ищут принцев или принцесс, потому что целиком и полностью погружены в свой процесс. Когда-то они сами крутили колёсико бизнеса, а потом оказались в этом колесе, как в кабале. Зачем героине, деловой женщине, рыцарь? «Чтоб и любил, и заботился, и был, как скала...» — поясняет автор.

Но зачем ей такой заботливый, как скала, если она уже давно о себе позаботилась? *«Деловая молодая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке. Всё упаковано».*

Чтобы любил? Помнится, одна наша бывшая знакомая, трескавшая перед сном макароны по-флотски в надежде поправиться, с суровым лицом сказала: «Секс и юмор понятия несовместимые». Так вот секс и деловые люди, конечно, понятия совместимые, а деловые люди и любовь — нет. Наверное, Роману Сенчину не приходилось долго контактировать с такими людьми. Приведу хорошо знакомый лично мне пример. И он далеко не единичный, а типичный для «деловых людей». Муж и жена, предприниматели-рекламщики, есть квартира-трёшка из прошлой жизни, загородный дом миллионов за пятнадцать, машина за пять миллионов. Речь идёт о провинциальных мелких коммерсантах. Каждый день, включая 1 января и 8 марта, они на работе с девяти утра до девяти вечера. Домой приезжают только поспать. У них двое детей, тоже из прошлой жизни.

Мальчик и девочка, получающие второе высшее. После учёбы они приезжают к родителям в офис, обедают, заваривая «борщик» в бомж-пакетах, от запаха которого мухи на лету замертво падают. Папа и мама с глазами кроликов за монитором, занимаются своим любимым бизнесом.

У людей, выросших в СССР, сложился ошибочный стереотип, что проклятые капиталисты, только и делают, что путешествуют да развлекаются, ни в чём себе не отказывая, в то время как их проклятьем заклеимённые сотрудники работают на износ. В действительности, особенно в наше время, деловые люди тратят на работу гораздо больше времени, чем люди, готовые довольствоваться малым и считающие сверхурочную работу в принципе неприемлемой для себя, поскольку у них есть чёткое понимание, что сверхурочную жизнь им никто не предоставит.

Деловые люди много работают, потому что если ты не будешь вникать во все нюансы своего дела, топустишь его по ветру. Всем памятны истории знаменитых русских купцов, когда сын проматывал состояние отца, потому что не хотел заниматься делом, и перепоручал всё чужим людям.

Что касается персонажей Романа Сенчина Ильи и Анны, то они, конечно, не собственники бизнеса, а наёмные менеджеры, но и к ним применимы те же самые требования. Для того, чтобы тебя заметили и стали продвигать по карьерной лестнице, ты должен из кожи вон лезть и постоянно доказывать, что нужен фирме и готов в любое время суток заниматься её проблемами. Словом, тут никакой личной жизни, если сделал выбор стать деловым человеком. А если будешь пытаться совмещать одно с другим, то получится чертовщина, потому что, если водка мешает работе — надо бросить работу.

И в этом отношении биографии героев Романа Сенчина как будто соответствуют типуажу делового человека. При очень скупой и неоднозначной обрисовке персонажей, когда Анну можно принять за эскортницу, а Илью за блатного балбеса, всё же будем следовать генеральной линии автора, и тут, в принципе, понятно, как у них сложилось в жизни. Анна делала карьеру, попутно рожая детей и разводясь с мужьями. Она всего добилась сама, у неё «всё упаковано», а своё ненасытное либидо она удовлетворяла через мужчин, найденных ею на сайтах знакомств, где в большом количе-

стве пасутся разного рода моральные уроды, маниакальные психи да извращенцы с ангельскими анкетами. Их она поддела на «слизней» и «животных».

Сколько раз был женат Илья и был ли женат вообще, мы не знаем, но в момент встречи двух одиночеств можем предположить, что он, по крайней мере, был не обременён штампом в паспорте, потому что, как подчеркнул сам автор, Анна искала свободного рыцаря. Судя по всему, Илья, также как и Анна, делал карьеру, его заметили и отправили на стажировку в Англию, потому что фирме нужен был человек, курирующий вопросы сотрудничества с западными партнёрами, а для этого важно знать их ментальность. Спустя несколько лет Илья возвращается на родину и занимает крупную должность в своей компании.

А теперь снова к авторским ляпам. Чего хочет героиня? Чтобы мужчина был рыцарь, но не хрен с горы, чтобы не лошок, но и не фуфлыжник. Но это всё лирика. Не в этом сокрытый двигатель её. *«Где нормальные мужики?!»* — восклицает Анна. Героине одного из романов Пикуля хотелось «страсти неземной с марафетом и чтобы кавалеры венником опахивали». Примерно этого жаждет и героиня Романа Сенчина. С «животными» и «слизнями» ей по-своему хорошо, но для максимального комфорта нужно, чтобы было «два в одном». Иными словами, «рыцарь» или «нормальный мужик» — это что-то среднее между «животным» и «слизнем». Например, в мире животных, взять тех же собак, у сук большим благоволением пользуется «кавалер» (он же «рыцарь»), который сначала «отлизывает», а уже потом обхватывает партнёршу «стальными лапами».

И к чему здесь нагромождать: чтобы «как скала», чтобы «заботился», чтобы любил по-человечески, словом весь этот отнюдь не скотский джентльменский набор? Ведь сам автор представляет деловую женщину, как сексуально озабоченную маниакальную натуру: *«не мальчик, но и до старческого утомления ещё далеко», «так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение», «отозвалась Анна, глядя на бугорки его мышц под тонкой голубоватой сорочкой».* А вот когда герой тупит с Достоевским, Анну несколько не разочаровывает общество *«неглупого, видимо, Ильи».*

Когда-то на заре перестройки родилась крылатая фраза: «У нас в Союзе секса нет». Схожие мысли возникают, когда читаешь вот такое у Романа Сенчина: «Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали её, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лёжа на спине, громко дышали и фыркали». Хочется спросить: вот эти «животные», они же «мощные парни со стальными руками», они действительно занимались сексом с Анной или же они вместе с ней тащили на себе рояль из Москвы в Малаховку, отдуваясь и фыряя после тяжёлых физических нагрузок? Вот если бы это были старики, взбодрённые конским возбуждением, которых оседлала «пока ещё стройная, хотя и крупноватая» деловая женщина Анна, то они могли бы после такого стресса отдуваться, фыркать и даже хвататься за сердце и просить вызвать скорую. Но речь ведь идёт о «мощных парнях со стальными руками», к тому же ещё и «скорострелами». Им ли отдуваться и фыркать? Такое ощущение, словно это писал не взрослый человек, а школьник, насмотревшийся постановочного порно и только фантазирующий о сексе, примеряя на себя роль полового партнёра.

Ещё одна логическая нестыковка: *«Она ждала, что он схватит её за руку, остановит, прикажет твердым спокойным голосом: "Все, проехали это недоразумение! Успокойся, и — ко мне. Я тебя не отпущу". И тогда бы она наверняка сдалась».* И это после того, как: *«Илья догадался, что что-то не так. Растерялся», «Илья, она чувствовала, униженно посеменил за ней», «Илья рядом неловко, трясуцимися руками натягивал на себя пиджак».* И после всего этого она ещё чего-то от него ждала?

Наверное, Анну, не только как деловую москвичку, но и как женщину, в памяти которой беспорядочные половые партнёры «представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу», вряд ли шокировало бы поведение Ильи. Да и сам Илья не стал бы так унижаться перед первой встречной. Ведь деловых людей, особенно на крупных должностях, всегда отличает умение владеть собой в любой ситуации.

В жизни люди не ведут себя так, как герои Романа Сенчина. Такие «типажи» характерны для российских сериалов, страшно далёких от реальности. Лев Толстой говорил, что

всё можно выдумывать, нельзя только выдумывать человеческой психологии. Об этой заповеди великого писателя я вспомнил в большом книжном магазине, где обратил внимание на то, что редкие посетители почему-то вьются возле стеллажа с книгами по психологии. А всё потому, что очень многие авторы, подобно Роману Сенчину именно тем и занимаются, что выдумывают человеческую психологию и этим отталкивают от литературы взыскательного читателя, ищущего правдивых книг о жизни.

Главный срыв автора здесь в неверном понимании самой природы творчества. Андре Жид полшутя, полусерьёзно призывал бездумно тащить в свои произведения всё что где-то увидишь, услышишь или прочтёшь у других писателей. В этом есть свой резон, но главное, чего не хватает современным литераторам, кующим новую российскую прозу, так это настоящих впечатлений или, что ещё хуже, восприятия. Тех самых впечатлений, являющихся краеугольным камнем любого творчества, о которых говорили русские писатели - эмигранты, дескать, мы на чужбине не засохнем, нам есть о чём писать, мы накопили множество впечатлений на родине.

Современные авторы много времени проводят в интернете, где черпают «идеи» для своих произведений. А судя по шаблонным репликам их персонажей, ещё и сериалов пересмотрели немало, потому и получается в их писаниях сплошь и рядом такая сериальная несуразица. В этом отношении они являются слепком со своего современника, человека «зарезанного цивилизацией». Человека с «ампутированной» душой, зачарованно смотрящего стеклянными глазами в экран смартфона-«телекрана». И тут уже не до секса и не до реальной жизни, а если «пальцы просятся к перу, перо к бумаге», то на выходе получается свидетельство собственного «восторга развоплощенья».

Ярослав Белов

Критик. Родился в 1980 году в Ворошиловграде (ныне Луганск). Окончил ВГУ имени В. Даля. С 2007-го по 2009-й жил и работал в Арабской Республике Египет. В 2010-м вернулся в Луганск. В 2013-м начал сотрудничество с издательствами «Альфа-книга», «Лениздат», «АСТ». С 2015 года живёт и работает в Донецке Ростовской области.

ПРОКЛЯТЫЕ ДУШИ, ИЛИ О РОМАНЕ АРТЁМА МИЧУРИНА «ОШ. СМЕРТНЫЕ ДУШИ»

Едва осознав свою смертность, человек теряет смысл жизни, кто бы там что ни говорил. Здесь же всё иначе. Здесь мы не являемся заложниками смерти, она не довлеет над нами Дамокловым мечом, сопровождая во всех наших начинаниях и свершениях. Мы вольны жить так долго, как позволяют наши способности. В Оше смерть не уравнивает гения с дураком, умелого воина с пастухом, чародея с кухаркой. Если ты достаточно умен, силен и смел, тебе открыты все пути. Ну а глупцы, слабаки и трусы станут твоим кормом.

Разве не это есть справедливость?

Томас Мордекай. Рассуждения о потенциале человека

Тёмное фэнтези редкий гость на книжных полках. Издатели, как правило, предпочитают брать более лёгкие произведения с жизнеутверждающим сюжетом, ведь такие охотнее читают. Тяжёлые, мрачные истории далеко не всем нравятся, а значит, велик шанс, что книга провалится в продажах. По этой причине тёмное фэнтези, принадлежащее перу отечественных авторов, в основном получило распространение в сети, где нашло немало поклонников.

Роман «Ош. Смертные души» стал первым фэнтезийным у Артёма Мичурина. Известность писателю принесли прежде всего произведения в поджанре постапокалиптики, а описанная в них вселенная среди энтузиастов даже соперничала со вселенной из серии «S.T.A.L.K.E.R.» И вот, новый проект.

Буквально с первых строк читателя бросает в негостеприимный мир, называемый Ошем. Во снах Олег Ферт, один из четвёрки антигероев-попаданцев, то и дело оказывается в бескрайней мрачной степи. Дует резкий ветер, несущий гнилостный смрад, небо словно покрыто серо-багряной коростой. Сразу же становится ясно – здесь героев ничего хорошего не ждёт. И это лишь, если можно так выразиться, начальная локация. Другие не менее живописны, есть и вовсе мерзкие, например, топи Газамара, наполненные мертвецами. Гиблые Болота Толкина с укрытыми водой армиями трупов по сравнению с описанными Мичуриным покажутся довольно уютным местечком. В Газамар приходят умирать люди со всего Оша, предчувствующие скорую кончину. За сотни и тысячи лет дно болот устлано телами и костями, зачастую сплавившимися в единую массу. Даже холмы там из трупов! Всё гниёт, выделяя так называемый гной земли – бурлящую пузырящуюся жижу. А сверху топи окутывает зловонный туман.

Пейзажи, вызывающие гнетущее впечатление, только начало. Местность подчёркивает саму сущность Оша. Самое ужасное – так называемая экономическая система, основанная на душах разумных существ. Поглощённая душа способна исцелить почти любую рану, отсрочить старость и естественную смерть, наделить умениями и знаниями её природного хозяина, даже изменить физиологию и внешность. Хочешь стать красивым? Поглоти души десятков молодых красавцев или красавиц. Хочешь стать отменным мечником? Поглоти душу мастера фехтования. Разумеется, перед поглощением необходимо добыть столь желанную «духовную пищу», убив её хозяина. Иначе никак. Казалось бы, в обществе при таком положении вещей должно царить беззаконие, каждый жаждет урвать желанный объект. Однако, это не совсем так. В цивилизованных странах поглощение душ регламентировано законами и религиозными предписаниями. Простолюдинам запрещено убивать под страхом смерти, а вот знать... знать можно убивать всё. К дворянам стекаются души казнённых преступников, а также убитых на поле брани независимо от стороны. Наёмники также имеют право, делегированное знатю, собирать души побеждённых в качестве трофеев. Торговля душами запрещена. Официально...

Самая прибыльная добыча душ, конечно же, на войне. Войны царили в Оше практически постоянно до последнего времени. После опустошительных походов Апостолов Тьмы, истреблявших всех на своём пути, и продолжительной борьбы между бывшими союзниками за обладание душой павшего Апостола смертных значительно поубавилось. Народы были вынуждены заключить мир.

Ош далёк от классических фэнтезийных миров со стандартными наборами рас. Здесь не встретитесь ни орков, ни эльфов, ни гномов, хотя есть похожие на них существа. Берсеркеры, подчиняющиеся дракону Бреннеру, отдалённо напоминают гоблиноидов, однако, могут быть и людьми, изменёнными Тьмой-Хаосом, а низкорослый горбун из Занерека, хозяин таверны, также повстречавшийся нашим попаданцам, в равной степени походит и на гнома, и на человека со специфической внешностью. Из известных читателю фэнтези рас присутствуют крысолюды, перекочевавшие в роман, надо полагать, напрямик из вселенной Боевого Молота, и громадные огры. Сеттинг Оша имеет много общих черт с *Warhammer Fantasy*, только, пожалуй, творение Мичурина всё-таки мрачнее и безрадостнее.

Раньше, до великой войны с Пожирателями, Ош населяло куда больше народов, и все они, согласно одной из теорий здешних учёных мужей, явились извне, из других миров. Ушли в небытие впавшие в соблазн Мастера, возводившие прекраснейшие города, и ставшие их жертвами Багровые Тяжатели, чья земля, удобренная кровью и плотью врагов, давала богатейшие урожаи. И те, и другие внешне во многом подобны людям, и всё же, в них подчёркивается жуткая чужеродность по отношению к человеку. Мастера по культурному развитию превосходят прочих смертных. Их творения поражают воображение, в языке людей нет слов, чтобы описать красоту города Мастеров. Мастера ростом, как правило, выше двух метров, им одинаково удобно передвигаться и на двух ногах, и на четвереньках. В конце концов, они, считавшиеся мудрейшими, возомнили себя выше иных народов и поддались влиянию Тьмы. Прочих смертных, живших на территории государства Мастеров, обратили в рабов и жертв, коих уничтожали с особым наслаждением, устраивая охоты на двуногую дичь прямо в городе.

Интересная деталь. Апостолы Тьмы некогда также были весьма уважаемыми и даже почитаемыми, настоящими героями, подвижниками веры. Это потом они соблазнились дарами Хаоса (Тьма у Мичурина тождественна Хаосу) и превратились в чудовищ, повелевающих ордами демонов.

Ош безжалостен. Практически любой, попадающий в него, становится либо убийцей, либо жертвой. Земляне, переправленные неведомой силой в этот страшный мир, сразу же оказались перед жёстким выбором: погибнуть от истощения или выйти, принеся в жертву одного из своих. И выбрали второе, кое-как лишив жизни такого же как они попаданца.

В произведении нет героев. Есть четыре антигероя (злодеями их не назовёшь), попавших в Ош из нашего мира. Каждый со своим мировоззрением, своими принципами, которые приходится отложить подальше, сталкиваясь с угрозой собственной жизни. Все они защищают друг друга, и вместе с тем, готовы при необходимости убить соратника. В диалогах поднимаются темы гуманности, тирании, справедливости. Общечеловеческие ценности меркнут, растворяются на фоне творящейся вокруг кошмарной реальности. Ош – мир гниющий, разъедаемый заразой Тьмы. И четверо попаданцев, по сути, также гниют изнутри. Для Олега Ферта – главного персонажа произведения, рассуждающего о справедливости, блага для общества, совсем не зазорно убить беспомощного человека ради достижения определённой цели. Причём никаких терзаний по поводу содеянного нет. Чистый, холодный расчёт. Не важно, каких принципов Олег придерживался ранее, на Земле, и что говорит по этому поводу. В Оше он такое же чудовище, как и его условные товарищи. В целом неплохой человек, готовый помочь нуждающемуся, обращается в существо без нравственных рамок.

В ходе развития сюжета, поглощая души, земляне меняются не только духовно, но и внешне, а также физиологически. Ближе к финалу их уже нельзя в полной мере назвать людьми. Они нечто иное.

Наш мир, куда рвутся земляне, показан немногим лучше. Воспоминания Олега о матери, умиравшей от рака головного мозга, выглядят по-настоящему страшно, куда страшнее, нежели Апостолы Тьмы с их свитой, крысолюды, драконы и другие чудовищные твари.

Что примечательно. Каждый из попаданцев перед перемещением погибал насильственной смертью. Ош в таком ракурсе кажется загробным миром, о чём твердил один из землян – Клозен, – называя его адом. Хотя знающие обитатели Оша и говорят, дескать, переносится и тело, исчезая из «родного» мира, подтверждений тому нет, ибо назад никто не возвращался. Если долго не поглощать души, на телах персонажей проявляются трупные пятна. Это свидетельствует о том, что попаданцы, по сути, мертвы. И если правильна теория о пришествии народов извне, выходит, Ош населяют мертвецы. Мертвецы, отмеченные проклятием, вынуждающим поглощать себе подобных. Проклятые души.

«Ош. Смертные души» произведение тяжёлое, по вкусу придётся далеко не всем, хотя и написано, без сомнения, талантливо. Автор умело нагнетает мрачную атмосферу посредством правильно расставленных акцентов в сюжете, изображения местности, образов персонажей. При этом не скатывается в унылую чернуху, вскрывая проблемы не столько Оша, сколько нашего мира, чьим отражением Ош и является. Кому можно порекомендовать данное произведение? Пожалуй, прежде всего любителям тёмного-тёмного фэнтези, в особенности тем, кому нравятся сеттинги Warhammer Fantasy и Dark Souls, откуда Артём Мичурин черпал вдохновение.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЯМ.....	6
------------------	---

ПОЭЗИЯ

Елена Заславская	8
Александр Ильин	13
Нина Жильцова	16
Елена Кашкарова	19
Любовь Бондаренко	21
Дмитрий Бобылев	23
Наталия Джурович	101
Григорий Шувалов	109
Ольга Борисова	114
Татьяна Лестева	118
Алла Папцова	180
Люция Звёздная	184
Мария Жаринова	186
Светлана Дотц	187
Константин Еланцев	189
Инвар Шеуджен	257
Желько Кнежевич	259

ПРОЗА

Глеб Бобров	
ГРУППА ВЕКслЕРА	26
Анна Козырева	
ЖЕРТВА МАТЕРИ.....	87
Макс Шапиро	
СУМЕРКИ ЛЕЙпЦИГА	192

Михаил Сиванков	
КОГДА ВСКРОЮТСЯ РЕКИ.....	215
Дмитрий Игнатов	
ЭФФЕКТ ТАНГЕЙЗЕРА	231

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Анна Шульгина	
СУДЬБА СЕМЬИ – СУДЬБА РОДИНЫ	120
Радмила Кушнир-Кисилева	
КАЖДОДНЕВНЫЙ БЕЗЫМЯННЫЙ ВОИНСКИЙ ПОДВИГ	140

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Нина Ищенко	
РОКЕР-ПРОМЕТЕЙ ПРОТИВ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЗЛА В «ПЕСНЕ ПРО СОВЕТСКУЮ МИЛИЦИЮ» ВЕНИ Д'РКИНА	146
Алла Новикова-Строганова	
ПРАВДА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	154

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Эдвард Лир	212
-------------------------	-----

ЛИТРАЗДУМЬЯ

Наталья Буйновская	
О ЧЕМ МОЛЧАТ КОВЫЛИ	251
Татьяна Лестева	
КОНКУРС! ЕЛЬЦИН! РОССИЯ!.....	255

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Дарья Куликова	265
Александр Ралот, Марина Воробьева, Николай Дик	
МЫШИНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ	270

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДОНБАССА

Людмила Ельшова	
ПОСТАНОВКИ ПО ПОВЕСТИ В.А. ТИТОВА «ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО...» НА СЦЕНАХ МОСКВЫ	289
Елена Хромова	
СУДЬБА СКУЛЬПТОРА – ЭТО СУДЬБА ЕГО ТВОРЕНИЙ.....	307

ПАМЯТЬ

Сергей Прасолов	
ДЕТСКАЯ УЛЫБКА БЫТИЯ.....	314
Татьяна Дьякова	
ПАМЯТИ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА И ТАЛАНТЛИВОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	324
Галина Чудинова	
КАКОЙ ОСТАЛАСЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРНИЕНКО.....	327
Наталия Бельчикова	
О ЛАРИСЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ЧЕРНИЕНКО	330
Дмитрий Котомцев	
«ВОСПОМИНАНИЯ, ПРОСВЕЧИВАЮЩИЕ СКВОЗЬ ЖИЗНЬ...»	332
Марина Поборончук	
«ОНА ОТНОСИЛАСЬ С УВАЖЕНИЕМ К КАЖДОМУ ИЗ НАС...»..	336

Светлана Криволап

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ..... 337

КРИТИКА

Андрей Чернов

«ЭТИ РУССКИЕ» ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ:
ВНЕВРЕМЕННЫЕ СМЫСЛЫ РОДИНЫ..... 339

Галина Чудинова

«АНТОЛОГИЯ СТОЯНИЯ ДОНБАССА» – ФЕНОМЕН
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 344
СКРОМНЫЙ ГЕРОИЗМ ВРАЧЕЙ ВРЕМЁН 353

Нина Ищенко

ПОБЕДА И РАЗРУШЕННЫЙ ХРАМ: ПРОРЫВ ИЗ АДА
В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПЕЛЕВИНА «ПОКРОВ-17» .. 360

Людмила Брагина

11 ОКТЯБРЯ 368

Олег Роменко

ГОУ ХОУМ, ИЛЬЯ! 376

Ярослав Белов

ДУШИ, ИЛИ О РОМАНЕ АРТЁМА МИЧУРИНА
«ОШ. СМЕРТНЫЕ ДУШИ» 382

Крылья: Взмах семнадцатый

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах семнадцатый

Главный редактор – Андрей Чернов
Редактор
Технический редактор
Дизайн обложки
Корректоры: Сергей Прасолов,
Светлана Сеничкина

Подписано в печать 2023.
Формат 60x84/16. Гарнитура Bookman Old Style.
Печать лазерная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,42. Заказ Л2059.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Пресс-экспресс»,
91034, г. Луганск, ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.

9 785907 350922